Е. НИКОЛАЕВ

ОРЕЛ И РЕШКА

ПОВЕСТЬ

МОСКВА

Evgeniy Nikolaev

THE BETRAYAL OF HIPPOCRATES

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1984

Евгений Николаев

ПРЕДАВШИЕ ГИППОКРАТА

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e.V.
TOLSTOI FOUNDATION

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1984

38308 QB 714

Evgeniy Nikolaev: PREDAVSHIE GIPPOKRATA

First published in a German translation
under the title «Gehirnwäsche in Moskau»
(Klaus Schulz Verlag, München 1983)

This first Russian edition is published in 1984
by Overseas Publications Interchange Ltd
8, Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Evgeniy Nikolaev
Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 0 903868 81 4

Cover design by Danuta Niekrasow-Heller

Printed in West Germany by Polyglott-Druck GmbH

«Получая высокое звание врача и приступая к врачебной деятельности, я торжественно клянусь... во всех своих действиях руководствоваться принципами коммунистической морали...»

Из «Присяги врача Советского Союза»

ОТ АВТОРА

Об использовании психиатрии в борьбе с инакомыслием в СССР я знал еще в 60-ые годы из передач западных радиостанций.

Разумеется, что каждый случай помещения психически здорового человека за его убеждения в психиатрическую больницу вызывал у меня возмущение.

Но наряду с возмущением было и другое: я никак не мог понять, как могли психиатры, врачи, представители «самой гуманной профессии», пойти на такое преступление? Это не укладывалось в голове!

И надо сказать, что сейчас, когда у меня у самого за плечами десятилетний опыт общения с советскими психиатрами, ответа на этот вопрос я так и не получил. Очевидно, потому, что однозначного ответа просто нет.

В своих воспоминаниях я тоже не намерен дать хоть какой-то ответ на этот вопрос.

Мои воспоминания – это всего лишь описание моего частного случая, описание того, с чем мне лично пришлось столкнуться в психиатрических больницах и в психоневрологических диспансерах.

Я буду удовлетворен, если эта моя книга послужит делу разоблачения преступной советской психиатрии, делу разоблачения тех советских психиатров, которые используют свою профессию в политических целях.

ЛЕНИН В ТЕБЕ И ВО МНЕ

1 сентября 1969 года я поступил на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт дезинфекции и стерилизации (ВНИИДиС) в лабораторию дератизации младшим научным сотрудником.

Работа была интересной, связанной с научными экспедициями. Моей научной темой была геморрагическая лихорадка – природноочаговое заболевание, в распространении которого принимают участие полёвки из рода Clethrionomys.

В состав научных комплексных экспедиций, которые отправлялись в природные очаги этого заболевания, входили врачи-эпидемиологи, энтомологи и зоологи, в числе которых был и я.

По возвращении из научных командировок я в лаборатории занимался обработкой собранных в поле материалов и проводил испытание ядов на предмет отыскания новых эффективных средств борьбы с грызунами.

Все это, с моей точки зрения, было интересно, и мой научный руководитель был доволен качеством выполняемой мною работы.

Впереди была перспектива: защита диссертации и получение ученого звания кандидата биологических наук.

Но ничего из этого у меня не вышло, а вся жизнь моя пошла по совершенно иному пути. Дело в том, что в СССР НИИ только называются научно-исследовательскими институтами, тогда как на самом деле сотрудников НИИ больше заставляют заниматься политикой в ущерб их научной деятельности и карьере.

Наступил 1970 год, год поистине «исторический», в который, не знаю уж как там все прогрессивное человечество, но партийные бонзы у нас в институте совершенно точно отмечали столетие со дня рождения Ленина.

И отмечали они это радостное для них всех событие не одни, а строго следили за тем, чтобы в этом активное участие принимали все сотрудники института.

Праздничный стол с коньяком и закуской из партраспределителей они приготовить для рядовых сотрудников института по случаю этого «юбилея» забыли, но зато не забыли закупить массу всевозможных плакатов с изображением давно почившего «юбиляра» в самых различных позах.

Эти плакаты развесили по всем коридорам и по всем лабораториям. Куда ни посмотришь – всюду Ленин.

Но это еще не все. Тут на ЦК КПСС нашло творческое вдохновение и они выпустили «тезисы». Эти «тезисы», наверное, во всех газетах были опубликованы, да и тиражом самостоятельным довольно большим вышли: пионерам для сбора макулатуры. Только мало кому была охота их читать, свое время на них тратить.

Вот и решили наши партийные боссы (а может – сверху им такая глупая инструкция была спущена) провести по всему институту «ленинские чтения».

Делалось это так: 1 раз в неделю сотрудников лаборатории собирали и всем эти «тезисы» вслух начинали читать. Так во всех лабораториях института. Сколько лабораторий – столько «коллективов» и участвовало в этих самых злополучных «ленинских» чтениях».

Когда в феврале 1970 года об этих чтениях объявили в нашей лаборатории, то я решил, что участвовать в этом далеко не цирковом представлении *не буду*. Никому ничего не сказав, я ушел в виварий, находившийся в подвале института, и пробыл там все время, пока остальные сотрудники выслушивали унылым голосом звучащие пламенные слова «тезисов». Благо и работы в виварии было у меня предостаточно: надо было подготовиться к экспериментам на следующую неделю.

Нельзя, конечно, сказать, что за годы советской власти никакого прогресса не произошло. Взять, скажем, время гражданской войны. На целый полк большевистской солдатни с трудом можно было найти хотя бы одного грамотея, который был бы способен по слогам прочитать очередную ленинскую директиву.

Другое дело сейчас: бесплатное образование, неграмотных среди взрослых почти не осталось.

Ну, вот, к примеру, наша лаборатория. В ней один профессор, доктор наук, один кандидат наук, аспирантка, три младших научных сотрудника с высшим образованием, несколько лаборантов, окончивших десятилетку (будущие студенты!). Высокий образовательный уровень налицо.

А вот коммунисты в своем умственном развитии застопорились. Им пока еще невдомёк, что люди уже не те пошли, сами читать умеют, да и к тому же способны за себя решить, что интересно, а что нет.

И собирают коммунисты нашу лабораторию с таким высоким образовательным уровнем на свои «ленинские чтения».

Кончились политзанятия: тут я как раз наверх и поднимаюсь из вивария. А навстречу мне – Полежаев, заведующий лабораторией, коммунист, в ВКП(б) еще во времена Сталина вступил.

Полежаев: Вы почему не были на политзанятии?! Я вам выговор объявлю!!

Николаев: А я на политзанятия ходить не собираюсь.

Полежаев: Как это так – не собираетесь?! Вся лаборатория сегодня в «ленинских чтениях» участвовала! Это – обязательное мероприятие!!

Николаев: Ничего подобного. Политзанятия проводятся на добровольных началах. Я даже об этом в «Известиях» читал. И я ходить на политзанятия не буду.

Полежаев: Да вы – самый настоящий анархист!

В таком духе наш спор продолжался очень долго. И в результате этого спора мне удалось временно отстоять свою индивидуальную свободу.

Но тут, как на грех, приблизилось другое важное политическое мероприятие, на котором следовало проявить коммунистическую сознательность и радостный трудовой героизм и энтузиазм: коммунистический субботник, посвященный столетию со дня рождения Ленина.

Оно, конечно, в годы разрухи, которую вызвала Гражданская война, «великий почин», быть может, был и к месту.

Починили девять облезлых паровозиков: они и загудели после этого. Но в наше-то время разве можно субботниками ликвидировать отставание в области промышленности и сельского хозяйства? Нет. Это вам не девять паровозиков отремонтировать. И я решил на субботник не ходить. Никому говорить об этом я не собирался: решил просто поставить всех перед свершившимся фактом. Да и Полежаев, к тому же, приболел, на работе его не было.

Но 10 апреля 1970 года, за день до коммунистического субботника, один из сотрудников нашей лаборатории, коммунист Тощигин, сказал мне тоном, не терпящим возражений:

Тощигин: Вы знаете, что завтра – коммунистический субботник?

Николаев: Да, знаю.

Тощигин: Приходите, как обычно, к началу рабочего дня.

Николаев: А я на субботник не пойду.

Тощигин: К а к ?! Как не пойдете?! Почему?!

Николаев: Потому что не хочу.

Тощигин: Что это значит: «Не хочу»?

Николаев: Очень просто. Субботники – дело добровольное. Хочу – иду, хочу – не иду. Вот я и не пойду.

Тут в разговор вмешался комсомолец Рефад:

Рефад: Да если ты завтра на субботник не придёшь – я тебе всю морду разобью!

Тощигин (Рефаду): Погоди, Рефад, так нельзя. (Снова ко мне.) Вы что, хотите сорвать коммунистический субботник?

Николаев: Почему же сразу «сорвать»? Идите на субботник сами, если вам это так нравится. А я не пойду. Субботник – коммунистический, а я – беспартийный. Мне там быть совершенно не обязательно. Вы имеете право только пригласить меня на субботник, но не более того. Требовать же моего участия в субботнике вы не имеете никакого права. За приглашение спасибо, но я его не принимаю. А вам желаю ударно потрудиться.

В ближайшие дни мне по поводу моего отсутствия на субботнике никто ничего не говорил, но когда Полежаев вышел на работу после болезни, то первое, что он сделал, – вызвал меня на беседу.

Полежаев: Вы почему на субботнике не были?

Николаев: Не хотел.

Полежаев: Как не хотели?!

Николаев: Очень просто: не хотел. Субботник – коммунистический, а я – беспартийный. Кроме того, субботники, как и другие политические мероприятия, следует проводить на добровольных началах.

Полежаев: Вы проявляете политическую незрелость! Вам советская власть образование дала!

Николаев: Мне советская власть образование не дала, а только диплом. А вот вы совершаете беззаконие. Субботники и политзанятия – дело добровольное. А вы предъявляете мне претензии в том, что я на них не ходил. А между прочим, еще 20-ый съезд осудил подобные нарушения.

Полежаев: По поводу нарушений обращайтесь в ЦК, лично к Брежневу.

Николаев: В данном случае нарушение законности совершаете лично вы и Брежнёв здесь ни при чём.

Полежаев (сорвавшись на визг): Не БрежнЁв, а БрежнЕв!!!

И в таком духе весь дальнейший долгий многочасовой разговор.

Под конец Полежаев сказал мне:

– Вас давно пора было посадить в тюрьму лет на 25, как при Сталине, или – расстрелять.

– Вас – тоже, – ответил я ему.

Прошло еще несколько дней. На вторник, 21 апреля 1970 года, было назначено заседание Ученого Совета. Обычно я всегда ходил на эти заседания: каждый раз на них делалось три-четыре научных доклада, что было полезно и нужно послушать.

И поэтому, когда Полежаев сказал мне об э т о м заседании, я, не возражая, пошел туда. Придя в зал заседаний, я узнал, что сегодняшний Ученый Совет посвящен… жизни и деятельности ихнего учителя, ихнего вождя.

Такие, с позволения сказать, «научные заседания», не для меня. «Детские и школьные годы Ильича» я давно уже по наивности прочитал.

Читатель уже, очевидно, догадывается, что меня на э т о м Ученом Совете не было.

Кончился Ученый Совет. И снова Полежаев вызывает меня к себе. Происходит душещипательный разговор на предмет моего отсутствия на заседании Ученого Совета, посвященного столь животрепещущей теме.

После каждого моего ответа Полежаев распаляется пуще прежнего: такое неповиновение для него в диковинку. В конце концов он заключает, что я – «враг народа и недорезанный буржуй».

Не надо думать, что только Полежаев был таким агрессивным. В этот день в коридоре я оказался совершенно случайно свидетелем того, как заведующий другой лабораторией и член партбюро института Кербабаев Кемиль Бердыевич (сыночек того самого туркменского виршеплёта Берды Кербабаева, подгонявшего под рифмы хвалебные дифирамбы в адрес КПСС) накинулся с криком на своего научного сотрудника:

Кербабаев: Вы почему прошлый раз на политзанятии не были?! Почему из-за вас на партбюро я должен нарекания выслушивать?!

Кербабаева в институте не любили и за глаза называли «Кербабашкой».

И вот наступил долгожданный юбилей: 22 апреля 1970 года. Ещё когда я из дома вышел, из всех репродукторов, заранее по улицам развешанных, неслось:

«ЛЕНИН В ТЕБЕ И ВО МНЕ!»

Улицы Москвы все в алом кумаче, словно их кто в кровь измордовал. А из-под каждой подворотни на прохожих смо-

трело в ехидной улыбке лицо вечно живого Кузьмича, то есть, я ошибся, я хотел написать: «Ильича».

Приезжаю в институт, поднимаюсь наверх, а навстречу мне – Полежаев.

Полежаев: Идите в зал заседаний. Это – обязательно.

А в зале – принудительный митинг состояться должен и всех сотрудников туда силком загоняют идеологическим лассо. Я не хотел корчить из себя радостную толпу и на митинг не пошел. Другие сотрудники тоже по-своему пытались протестовать: вместо радостной толпы корчили из себя стадо баранов: так сподручнее.

А может, они и есть бараны, коли безропотно ходят на субботники, да на митинги, да на политзанятия? Грешно так о бывших сослуживцах писать, но против правды идти трудно.

Кончился митинг. Доктора и кандидаты наук, младшие и старшие научные сотрудники, аспиранты и лаборанты отблеяли «уря» положенное число раз и разошлись по своим рабочим местам как оплеванные.

А Полежаев после митинга сразу же на меня наскочил:

Полежаев: Вы почему на митинге не были?!!

Николаев: Не хотел. Я вам уже не первый раз говорю, что в политических мероприятиях я участия принимать не буду. Меня политика не интересует. Митинги должны проводиться на добровольных началах.

Полежаев: Этот митинг был посвящен Ленину!!!

Николаев: Ну и что? Он же мне не родственник.

Тут Полежаев только рот смог судорожно разевать, совсем дара речи лишился. А когда способность говорить к нему вернулась, то он аж зарычал:

Полежаев: Вы – враг советской власти! Для вас нет ничего святого! Вас давно пора в тюрьму!

Николаев: Для меня святое есть – это прежде всего честность и принципиальность. И я своими убеждениями не торгую.

Полежаев: А их у вас никто и не покупает! Ваши гнилые убеждения никому не нужны! Ваша принципиальность тоже никому не нужна! Оставьте её при себе! И ваш героизм тоже никому не нужен!

Николаев: И ваш марксистский бред, ваши митинги и субботники тоже никому не нужны.

Полежаев: Как?! Как?! Как бред?! Вы думаете, что вы говорите?! Да вас и близко нельзя допускать к работе и коллективу! Вы… Вы… Вы… контрреволюционер!

Николаев: Спасибо за комплимент.

Полежаев: Вы позорите коллектив! Весь коллектив был на митинге, кроме вас!

Николаев: Я не для того вышел из комсомола в 1956 году, чтобы таскаться на ваши митинги.

Полежаев: Вы не выходили из комсомола! Вас из комсомола с треском выгнали!

Николаев: Нет, не выгоняли. Я вышел из комсомола сам.

И в таком же духе целый рабочий день. Мое неучастие в митинге окончательно вывело Полежаева из равновесия.

Каждое утро в начале рабочего дня он вызывал меня к себе и начинались одни и те же, давно уже обсужденные вопросы:

– Почему вы не ходили на политзанятия?
– Почему вы не были на коммунистическом субботнике?
– Почему вы не были на заседании Ученого Совета?
– Почему вы не были на митинге?

Я ему опять всё досконально объяснял. Но к утру следующего дня его склеротический мозг всё забывал: и мои ответы, и то, что вчера мы на эти темы уже разговаривали. Он вызывал меня к себе снова и снова и начинались одни и те же стереотипные вопросы с некоторым разнообразием ответов на них.

Одновременно с этим Полежаев стал просто срывать мою научную работу. На май у меня была запланирована командировка в Тульскую область (и сам Полежаев её утвердил).

Когда же подошел срок отъезда, Полежаев вызвал меня к себе:

Полежаев: Вот вам новый препарат. Его надо исследовать до конца недели.

Николаев: А как же Тула?

Полежаев: Исследовать препарат надо срочно. А Тула – отменяется.

Делать нечего, пришлось отказаться от командировки. Уже позже Полежаев сам сознался мне, что он отменил мою командировку из-за моих антисоветских взглядов.

«Вы могли там вести антисоветские разговоры», – объяснил он мне.

С кем? С вирусами геморрагической лихорадки? Оригинально!

Однажды Полежаев сказал мне:

– *Зайдите, пожалуйста, в кабинет к Гвоздевой. Она хочет с вами поговорить.*

Ирина Гвоздева – это исполняющая обязанности партсекре-

таря института. Была в ее кабинете еще одна женщина, член партбюро института. Беседовали они со мной часа два на темы, не имеющие никакого отношения к научно-исследовательскому профилю нашего учреждения, задавая мне вопросы, на которые я уже многократно отвечал Полежаеву.

И опять пришлось мне говорить и о добровольности, и о принципах законности, и о многом другом, что туго ими воспринималось при их откровенных диктаторских коммунистических замашках и марксистско-ленинской «принципиальности» и нетерпимости ко всякому инакомыслию и инакодействию.

– Да, но вы не только сами не были на субботнике, но и других сотрудников агитировали не ходить на субботник, – сказала в ответ на мои разъяснения Гвоздева.

Николаев: Я не агитировал против субботника никого.

Гвоздева: Нет, агитировали. Вы говорили, что участие в субботнике – дело добровольное и что субботники следует проводить на добровольных началах.

Николаев: Совершенно верно. Дело добровольное. А добровольность – это значит не только то, что я могу не идти на субботник, если не хочу, но также значит и то, что любой сотрудник может пойти на субботник, если он того хочет.

Гвоздева: Да, но вы всем своим поведением подаете дурной пример. Что будет, если, глядя на вас, и другие научные сотрудники и лаборанты тоже не будут ходить на политзанятия? Субботники? Митинги?

Николаев: Страшного ничего не будет.

Где-то в конце мая или начале июня меня вызвали в военкомат. Потребовалась характеристика с места работы. Полежаев мне её написал, но на руки не отдал: по его поручению характеристику в военкомат отвез Тощигин.

В военкомате я, как и все другие вызванные туда, прошли тщательную медицинскую комиссию из врачей всех профилей. Под конец каждому, в том числе и мне, было сказано, чтобы мы были готовы к призыву на военные сборы.

Это – очень важный факт. Ведь среди врачей, которые меня обследовали в военкомате, был и психиатр. Значит, никто из врачей, в том числе и п с и х и а т р, не нашли у меня никаких отклонений. И в моем военном билете продолжает стоять запись: «Годен к строевой службе в очках».

Эту врачебную комиссию я прошел примерно за четыре месяца до своей первой госпитализации в психиатрическую больницу.

Приближалось лето, а вместе с ним и пора научных комплексных экспедиций. Почти весь состав нашей лаборатории, включая меня, должен был отправиться в Куйбышевскую область.

Но в самый последний момент Полежаев не утвердил меня как участника экспедиции, хотя мое участие в этой поездке входило в мой научный план и в научный план лаборатории. Я потребовал объяснения.

Полежаев: Вас с вашими взглядами вообще никуда пускать нельзя. И в Куйбышев вы не поедете. По этой же причине, кстати, я не утвердил вашу поездку в Тулу.

Николаев: Но какая связь между взглядами и работой?

Полежаев: Прямая. Вы – представитель московского научного института. Какой же пример вы можете показать там? Столичный специалист – и вдруг – такие взгляды?! Мы не можем позорить наш институт. И потом, вы на субботнике не были, на политзанятия не ходили, на митинг.

*Николаев: А знаете, почему все демонстрируют такое единодушие? Из-за страха. А страх вот откуда взялся: еще Сталин на XVIII съезде ВКП(б) сказал: «В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?»**

Полежаев: Что же по-вашему, у нас за коммунистическую партию из-за расстрелов голосовали?! Не мог товарищ Сталин такую ерунду сказать!

Николаев: Нет, Сталин сказал именно это, а если вы об этом до сих пор не знали, то значит – вы его труды плохо изучали в свое время.

---

* Цитирую по книге И. Сталин «Вопросы ленинизма», издание II, Госполитиздат, 1952, стр. 630. Тогда я эту цитату знал наизусть, выучил специально для Полежаева.

38308 QB714

Разговоры о моих взглядах были у меня и с другим сотрудником нашей лаборатории, коммунистом Тощигиным, однако, намного реже, чем с Полежаевым.

Однажды я спросил у Тощигина:

Николаев: И что это вам сдались мои взгляды? Ведь я не прогуливаю, не пьянствую, порученную мне работу выполняю добросовестно.

Тощигин: Лучше бы вы пили и прогуливали. Это не так страшно, как ваши взгляды.

И вот почти весь коллектив лаборатории уехал в Куйбышев, а в Москве остались только я да Полежаев.

Воспользовавшись отсутствием сотрудников, я стащил со стены одно из соцобязательств, которое дала уехавшая в экспедицию лаборантка. Она в своем индивидуальном соцобязательстве обещала «К столетию со дня рождения В. И. Ленина овладеть методикой индивидуального кормления блох». Работа эта сама по себе с научно-прикладной точки зрения очень важная в целях разработки методов борьбы с переносчиками особо опасных природно-очаговых заболеваний. Но в контексте соцобязательства это выглядело очень забавно и над этим соцобязательством смеялся весь институт:

«Гниет рыба с головы», – сказал один из наших докторов наук по поводу этого соцобязательства. Об этой бумажке с соцобязательством, которое я стащил со стены, разговор ещё пойдет ниже.

Однажды, вопреки желанию Полежаева, мне удалось прочитать ту характеристику, которую он состряпал на меня для военкомата.

Характеризовал он меня с самой отрицательной стороны: и про политзанятия, и про субботник упомянул, и про митинг. Я оказался и аморальным, и аполитичным, и, оказывается, с сотрудниками конфликтовал. Но он всё же отметил: «К порученной работе относится добросовестно».

Я пришел к нему и попросил объяснить мне, чем вызваны такие отзывы. Это выяснение взаимных отношений проходило на довольно высоких тонах и привело к тому, что Полежаев последние две недели перед своим отпуском вообще со мной больше не то что о политике, даже о производственных делах не разговаривал.

Уйдя в отпуск, он умер через неделю у себя на даче.

Затем в отпуск ушел я. А чтобы не утруждать читателей описанием того, как я в отпуске ходил в лес по грибы да по ягоды

и купался в речке, я опишу другую сторону жизни некоторых сотрудников института, диаметрально противоположную той, какую им насильно навязывали коммунисты.

По институту вовсю гулял Самиздат. Среди изданий Самиздата был один из первых номеров «Хроники текущих событий», «Раковый корпус» Солженицына, последнее слово Андрея Амальрика на его судебном процессе, письмо Солженицына в Союз Советских писателей по поводу его исключения из Союза, работа Жореса Медведева о праве на свободный выезд за границу, «Доктор Живаго» Пастернака, «Машина от дурака» Фирсова, «Гадкие лебеди» и «Улитка на склоне» Стругацких (в варианте, который не был опубликован), какая-то из работ Сахарова и многое другое.

Передавалось это втихаря, из рук в руки, завернутое в газету, с глазу на глаз, преимущественно в виварии, где свидетелями были кролики, белые мыши и белые крысы.

И мы не действовали так нагло, как партийные пропагандисты. Мы никого не заставляли читать эту литературу и читок, подобных «ленинским чтениям», не устраивали, соблюдая, со своей стороны, принцип исключительной добровольности.

А тех, кто не читал «Хронику...», не прорабатывали и не обвиняли их во всех смертных грехах.

Когда я вернулся из отпуска, то вскоре поехал во вторую экспедицию в Куйбышевскую область: на этот раз мне никто мою научную работу не срывал.

Но вот я вернулся из экспедиции. Наступил сентябрь. Газеты объявили об очередном марксистском сборище: о созыве в марте 1971 года в Москве XXIV съезда КПСС.

В связи с этой публикацией ко мне подошел коммунист Тощигин и сказал:

Тощигин: Вы должны взять индивидуальное социалистическое обязательство в честь XXIV съезда КПСС. Подумайте, какое соцобязательство вы возьмете.

Николаев: Я вообще никакого обязательства в честь вашей партии брать не буду.

Тощигин (перейдя на крик): Как это не будете?!

Николаев: Так, не буду и всё. Я не собираюсь поддерживать политику вашей партии. Я – беспартийный, и ваша партия мне не указка.

Тощигин: В общем, идите и объясните это всё в партбюро.

Николаев: Я в партбюро не пойду. Мне с ними говорить не о чем.

Через несколько дней, однако, на столе Тощигина я увидел список сотрудников нашей лаборатории, а против каждой фамилии – индивидуальное соцобязательство, которое данный сотрудник взял в честь предстоящего съезда. Была там и моя фамилия, и «мое индивидуальное соцобязательство».

Николаев: Вы почему вписали меня сюда? Ведь я вам сказал, что я не буду брать никаких соцобязательств в честь предстоящего съезда вашей партии. Какое вы имеете право приписывать мне соцобязательство, которое я не принимал?

Тощигин: Обращайтесь в партбюро, а не ко мне.

Николаев: Если вы сейчас же не вычеркнете отсюда мою фамилию, то я напишу письмо в ЦК КПСС о том, что вы подаете в партийные органы ложную информацию.

Тощигин: Я вам уже сказал: обращайтесь в партбюро!

Я вышел в коридор из лаборатории. Там я встретил секретаря профсоюзной организации, коммунистку, и еще одну женщину, члена партбюро института. Я остановил их и сказал:

Николаев: Я отказался взять соцобязательство в честь XXIV съезда КПСС. Однако, несмотря на мой отказ, Тощигин приписал мне какое-то соцобязательство, которое я якобы взял. Когда вы получите эти сведения, то не верьте им. Я никакого соцобязательства брать не собираюсь и не брал.

Секретарь профсоюзной организации: А можно узнать: почему?

Николаев: Потому что я ненавижу вашу партию.

И вот в институте срочно назначается заседание Ученого Совета. На этом заседании несколько младших научных сотрудников (в том числе и я) должны сделать отчет о проделанной научной работе.

Я стал готовиться к своему отчету, а тем временем ко мне несколько раз подходили всякого рода советчики, смысл советов которых сводился к следующему: «Подавайте заявление об уходе по собственному желанию. Вас все равно на Ученом Совете провалят. Партбюро решило вас уволить. Ведь лучше уйти по собственному желанию. А если вас уволят, то больше вы нигде на работу не устроитесь».

Но я не собирался уходить «по собственному желанию». Наступил день заседания Ученого Совета. Проходило выступление каждого младшего научного сотрудника следующим образом: сначала научный сотрудник рассказывал о своей научной работе. Затем ему задавались вопросы по поводу проделан-

ной работы и плюс обязательно вопрос: «Какой кружок политучебы вы посещаете?»

Конечно, все сотрудники посещали какой-нибудь из кружков политучебы. Затем зачитывалась характеристика на научного сотрудника и предоставлялось слово его научному руководителю.

Но со мной было несколько иначе. Сначала, как и все, я сделал отчет по двум своим научным темам. Я отметил, что годовой план изучения новых препаратов я к сентябрю 1970 года выполнил на 260%.

Когда я кончил, то по проделанной мною работе мне не задали ни одного вопроса!

Вопросы, которые мне задавали присутствующие в зале коммунисты, напоминали заранее спланированный ими спектакль, ибо касались исключительно причин того, почему это я не принимал участия в общественной жизни коллектива. Один из коммунистов умудрился даже спросить меня: «А почему вы не платили за ДОСААФ?»

В заключении этого спектакля слово было предоставлено члену партбюро института Павловской.

Она зачитала характеристику, которую составил на меня Полежаев для военкомата. При этом она опустила фразу «К порученной работе относится добросовестно».

Затем слово было предоставлено секретарю партбюро института Волковой.

«От имени партбюро, – заявила Волкова, – я предлагаю уволить Николаева из института. Подумать только! Не явился на коммунистический субботник! Он, видите ли, беспартийный! Для него субботники не обязательны! Не посещал ленинские чтения! Пропускал заседания Ученого Совета! На митинг, посвященный столетию со дня рождения Ленина, не пошел! ЛЕНИНА!!! А сейчас социалистическое обязательство в честь XXIV съезда нашей партии взять отказался! НАОТРЕЗ!!!

Разве может быть научным сотрудником такой человек?! Всем своим поведением он позорит высокое звание советского человека! Советского гражданина! Какой пример он может показать нашим лаборантам, нашим комсомольцам, всему нашему коллективу?! Все его поведение аморально, я бы даже сказала – аполитично! Но аполитичность – это тоже политика!...»

После Волковой слово взял директор института коммунист Вашков: «Я добавлю следующее: Николаев по собственной инициативе вышел из комсомола, а потом ему в связи с его анти-

советскими взглядами было отказано в почетном праве служить в рядах советской армии. Я думаю, что нам нет необходимости заслушивать мнение научного руководителя о проделанной Николаевым работе. На чёрта нам производственная характеристика, когда такая политическая?!»

Вот и не дали моему научному руководителю слова! Всех попросили удалиться из зала, кроме членов Ученого Совета.

Примерно через полчаса я узнал результаты «голосования». Ученый Совет подавляющим большинством принял решение уволить меня из института. За меня при тайном голосовании было подано только *т р и* голоса.

И вот я стою в коридоре. Ко мне подходит руководитель одной из лабораторий, член Ученого Совета, пожимает мне руку и говорит: «Я голосовал за вас. Но вы вели себя неосмотрительно. Разве вы не знали, что вы имеете дело с бандой?» – «Спасибо», – ответил я ему.

Кто были двое других, проголосовавших за меня, я не знаю. Но им я тоже очень благодарен за то, что они не поддались давлению со стороны партбюро и нашли в себе мужество остаться людьми.

Здесь я хочу отметить ещё одного человека. Он, как и все другие, сидел на Ученом Совете, слушал все эти «выступления», видел, как коммунисты топтали меня, и не вступился. Смолчал. Но он сделал для меня другое, о чем я узнал только через несколько лет, когда мне в руки попала книга «Казнимые сумасшествием», изданная в ФРГ в 1970 году. В этой книге, посвященной психиатрическим репрессиям в Совдепии, я совершенно неожиданно для себя обнаружил несколько строк, посвященных мне и тому, как во ВНИИДиС меня уволили с работы, а затем поместили в психиатрическую больницу.

В книге приводится ссылка на №16 «Хроники текущих событий», откуда составители сборника* заимствовали эти сведения.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

После решения Ученого Совета о моем увольнении с работы я в институте появлялся редко и ненадолго. Занят же я был составлением жалоб с опротестованием этого незаконно

---

* «Казнимые сумасшествием», «Посев», 1970, стр. 226.

принятого коммунистами решения. Вчерне я написал письма в «Правду», в «Известия», в «Человек и закон» и куда-то еще. Кроме того я дважды был на приеме в Министерстве здравоохранения СССР, которому подчиняется ВНИИДиС.

Первый раз я был там у юриста. Изложил ему суть вопроса, после чего он мне ответил: «Если вы считаете, что решение о вашем увольнении принято необоснованно, то вы можете обжаловать это решение в месячный срок через суд».

Второй раз я был в Министерстве 24 сентября 1970 года и записался на прием к заместителю министра Бургасову. Он тогда был в отъезде и возможность попасть к нему на прием ожидалась не ранее, чем через три недели.

Вечером этого дня перед сном я залез в ванну, выкупался. Было уже более 22 часов, как раздался звонок. Я открыл дверь. За дверью стояли два милиционера, один из которых мне сказал:

– *Вас вызывает к себе начальник 128 отделения милиции Самарин.*

– *А по какому вопросу?*

– *В связи с дракой.*

– *Да, но я ни в каких драках не участвовал.*

– *В общем, вы ему это и объясните.*

Я собрался и вышел с ними. Внизу стояла милицейская машина. Они посадили меня на заднее сидение, а сами сели по обе стороны от меня.

Вот и отделение милиции. Никакой Самарин там меня не ждал, и разговора о «драке» не было. Дежурный мент отвел меня в отдельную комнату и спросил: «Вы раньше никогда не лечились?»

Я понял сразу, что вопрос касался не кори или гриппа и ответил: «Нет».

Дежурный: А что у вас на работе произошло?

Николаев: Ничего особенного.

Дежурный: Но вас почему-то оттуда уволили?

Николаев: Решение об увольнении принято необоснованно.

Он оставил меня одного под присмотром другого мента. Ясно, что посадят в психбольницу, другого исхода быть не может. Долго пришлось ждать, хотя я и не могу сказать точно, сколько: часы и другие личные вещи у меня отняли.

Наконец приехал какой-то мужчина, из-под пальто которого виднелся белый халат. Начался первый в моей жизни допрос со стороны советского психиатра.

Врач: Как вы себя чувствуете?
Николаев: Хорошо.
Врач: Ни на что не жалуетесь?
Николаев: Нет.
Врач: А раньше в психиатрических больницах лечились?
Николаев: Нет, не лечился.
Врач: А на учете в психоневрологическом диспансере когда-либо состояли?
Николаев: Нет.
Врач: К психиатрам обращались с жалобами?
Николаев: Нет, не обращался.
Врач: А что у вас на работе произошло?
Николаев: На работе ничего не произошло.
Врач: Ну как же? Ведь вас уволили! Почему?
Николаев: Увольнение необоснованное.
Врач: Как же так? Ведь вы конфликтовали с сотрудниками.
Николаев: Я ни с кем не конфликтовал.
Врач: А почему вы отказывались участвовать в общественной жизни коллектива: не ходили на коммунистические субботники? Не посещали политзанятий? Не приняли социалистического обязательства? Почему?
Николаев: Все эти мероприятия должны проводиться на добровольных началах, и никто не имел права заставлять меня принимать в них участие.
Врач: И вы считаете ваше поведение на работе нормальным?
Николаев: Да, считаю нормальным.
Врач: А как у вас обстоят дела дома? В семье?
Николаев: Хорошо.
Врач: Вы не ссоритесь?
Николаев: Нет.
Врач: Вы считаете себя здоровым человеком?
Николаев: Конечно.

Потом он ушел. Я видел, как он возле дежурной стойки что-то писал, а затем вообще исчез.

Этого «врача» я больше никогда не видел и не знаю, как его зовут. Но он был первым из тех дипломированных марксистско-ленинских держиморд в белых халатах, с пламенным большевистским сердцем в груди, которые своими зверствами превзошли даже то, что делали «врачи» с жертвами гитлеровских концлагерей.

Мне же оставалось только ждать. Была уже давно ночь. Я вышел из комнатушки, подошел к дежурной стойке и кинул взгляд на бумагу, оставленную «врачом».

Это была путевка на мою первую госпитализацию в психиатрическую больницу. Я быстро стал читать. После анкетных данных следовало: «За последний год усилились антисоветские настроения. На работе игнорировал общественно-политические мероприятия, насмехался над ними. Конфликтовал с сотрудниками. Уволен с работы».

Тут меня отогнали, а путевку положили подальше от моих глаз. Опять пришлось долго ждать. От бессонной ночи я устал. Наконец приехала санитарная машина. Меня вручили двум санитарам, посадили в машину и повезли. Ехали тоже очень долго. Ночные улицы Москвы были пустынны. Я верил, что я психически здоров. К тому же я знал из передач западных радиостанций о том, в каких целях используется психиатрия в Совдепии.

Но всё же для самого себя требовалась и самопроверка. Глядя в окно, я читал встречающиеся на улицах надписи: «МОЛОКО», «БУЛОЧНАЯ», «ГАЛАНТЕРЕЯ», «ПРОМТОВАРЫ»...

Я все понимал, значит память и рассудок в порядке. Сейчас я понимаю, что эта самопроверка была наивной, но тогда другого мне ничего не оставалось.

И еще я был спокоен: думал, что в больнице я всё объясню врачам, они всё поймут и меня тут же выпустят. Ведь нельзя же держать в больнице психически здорового человека!

Но вот машина свернула к забору. Перед воротами надпись: «МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА № 15».

Мои письма по поводу необоснованного увольнения с работы остались неотправленными.

КАК СО ВЗГЛЯДАМИ?

И вот я в приемном покое. Гляжу на часы. Скоро пять. Врач знакомится с содержанием путевки, после чего обращается ко мне:

Врач: Когда вы заболели?

Николаев: Я не являюсь психически больным и чувствую себя нормально.

Врач: Ну вот и напрасно! Вам нужно отдохнуть, подлечиться. Вы здесь пробудете у нас не более месяца.

Николаев: Вы бы хоть разрешили мне домой позвонить, чтобы сообщить, где я нахожусь.

Врач: Сейчас нельзя. Уже ночь, ваши родные давно спят.

Меня переодели в больничную пижаму и отвели в отделение № 1. В отделении в поднадзорной палате мне отвели койку, забрав предварительно очки.

Я лег. В палате горел тусклый свет, какой-то больной все время повторял про какие-то ключи: как на новичка, обстановка действовала удручающе.

Подошла сестра, попросила меня принять две маленькие желтые таблетки.

Николаев: Это что за лекарство?

Сестра: Трифтазин.

Значит, врач в приемном покое назначил. К сведению читателей: обычно дозировки назначает лечащий врач в отделении, но врач в приемном покое тоже может назначить какое-нибудь лекарство в самом начале, еще до лечащего врача.

Я принял таблетки и лёг. Хотя я и устал, и очень хотел спать, но заснуть мне так и не удалось: мешал свет, мешали крики больных, мешала сама обстановка.

Я думал о том, как жена будет справляться дома с двумя детьми (тяжело ведь!), тем более, что сама она собиралась лечь в больницу на операцию.

Я думал с досадой о том, что не сделал своевременно рефераты для института сельскохозяйственной информации, в котором я работал внештатным референтом.

И не давали покоя мысли о том, как же быть с обжалованием моего увольнения? Госпитализация сорвала сразу много дел, и я думал о них, о своих делах. Я ведь ещё не знал, что этот день повернул всю мою жизнь в другую сторону и о таких сиюминутных мелочах не надо было уже беспокоиться.

Наступило время подъема (я так и не уснул за ночь). Я встал, решил пойти в туалет. Сделал несколько шагов и вдруг почувствовал, что вот-вот потеряю сознание.

Через силу быстро вернулся в кровать и лёг. Ничего, все нормально. Опять встал, на этот раз осторожнее. Снова головокружение, круги перед глазами и ощущение приближающейся потери сознания. Я опять лёг и не вставал уже до завтрака.

Когда объявили завтрак, то до столовой я еле дошел, по стеночке: кружилась голова, были круги перед глазами и какая-то

непривычная сухость во рту. После завтрака я постарался опять быстрее лечь. Но вскоре меня вызвали на беседу с врачом. Врач, Людмила Григорьевна, сначала стала задавать мне анкетные вопросы.

Отвечал я на каждый ее вопрос через силу, с большим трудом, превозмогая скованность языка и челюстей, которые еле двигались.

Николаев: Вы бы хоть начали спрашивать меня до приема таблеток.

А она тем временем продолжала свои вопросы.

Людмила Григорьевна: Почему вас уволили с работы?

Николаев: Это было связано с тем, что я не ходил на коммунистический субботник, не бывал на политзанятиях, не ходил на политические митинги и не взял соцобязательства в честь XXIV съезда КПСС. Увольнение было произведено незаконно, ибо все эти мероприятия должны проводиться на добровольных началах, а не на принудительных.

Людмила Григорьевна: А почему вы отказывались от участия в общественной жизни?

Николаев: Я не придерживаюсь официально принятой точки зрения. Но политические убеждения – не область психиатрии. Я – психически здоровый человек и прошу вас меня выписать.

Людмила Григорьевна: Ну почему же вы – здоровый человек? Посмотрите на себя, как вы выглядите. Вы еле держитесь. Вы по-настоящему больны. Разве в таком состоянии вас можно выписывать?

Николаев: Это от таблеток, которые я принял. До таблеток я чувствовал себя нормально.

Людмила Григорьевна: Наоборот, таблетки вам прописали для того, чтобы снять такое состояние.

Николаев: У меня такого состояния не было.

Людмила Григорьевна: Ну не могли же вас просто так привезти в больницу. Раз вас сюда привезли, значит, что-то было. Вы просто не помните.

Николаев: Я помню, что до этих желтых таблеток я чувствовал себя нормально.

Людмила Григорьевна: А с сотрудниками на работе у вас отношения были нормальные?

Николаев: Да.

Людмила Григорьевна: Вы ни с кем не конфликтовали?

Николаев: Нет.

Людмила Григорьевна: А дома, в семье?

Николаев: Тоже всё нормально.

Людмила Григорьевна: В семье у вас есть психически больные?

Николаев: Нет.

Людмила Григорьевна: А вы сами первый раз попадаете в психиатрическую больницу?

Николаев: Да, первый.

Людмила Григорьевна: На учете у психиатра вы раньше состояли?

Николаев: Нет.

Людмила Григорьевна: Ну что ж, идите в отделение.

Николаев: А может – вы меня выпишете? Ведь я – здоровый человек!

Людмила Григорьевна: В таком состоянии, в каком вы находитесь, я выписать вас не могу.

В этот день я провалялся в кровати до вечера, вставая только дважды: на обед и на ужин. После ужина мне дали принять целую пригоршню лекарств, суммарно таблеток 7-8 сразу.

– *Какие здесь хоть таблетки? – спросил я.*

– *Пей, не разговаривай! – прикрикнула на меня аминазиновая сестра.*

Я выбросил все таблетки в раковину.

– *Ну, что, думал, что я не вижу, что ли?! Пей таблетки, а то скажу врачу, чтоб уколы назначил!*

Она снова набрала для меня таблетки, и мне пришлось их все проглотить. Уже позже я узнал, что мне давали трифтазин, тизерцин, мажептил и циклодол. Циклодола давали за один раз 2 таблетки, а на остальные лекарства приходилось по 5-6 таблеток вместе за один раз. Всего за сутки я принимал более 20 таблеток.

Я вернулся в постель, лег. Заснул, если это можно было назвать сном. Глубокого и хорошего сна, снимающего усталость, не было. Было просто забытье, сквозь которое слышались и шарканье ног, и крики больных, и разговор персонала.

Утром следующего дня за завтраком я вдруг обнаружил, что не могу жевать: челюсти не двигались. Чтобы поесть, пришлось изрядно потрудиться. Ощущение сонливости и сухости во рту не проходило. К тому же я обнаружил, что во время ходьбы мои руки не двигаются в такт с движением ног, а висят неподвижно, словно плети.

После завтрака снова пригоршня лекарств. Я хотел написать письма четырем своим знакомым. Но не смог написать и

одного. Написавши несколько строк, я почувствовал непреодолимую усталость и отложил задуманное в сторону.

17 октября Людмила Григорьевна вызвала меня к себе в кабинет.

Людмила Григорьевна: Я хочу перевести вас на спокойную половину. Но при одном условии: я прошу вас не жаловаться на то, что вас поместили в больницу. Вы мне обещаете это?

Николаев: Хорошо, не буду жаловаться.

Людмила Григорьевна: А то у нас бывают неприятности из-за жалоб, да и вам это ни к чему. Вы же не хотите снова оказаться на беспокойной половине.

Обедал я в этот день уже на спокойной половине. Здесь действительно было спокойнее: не было тяжело больных и все пациенты производили впечатление нормальных людей. Повсюду были цветы, на стенах висели картины, комната отдыха была открыта целый день: на беспокойной половине ее открывали только вечером.

Кроме того, при раздаче лекарств на спокойной половине не проверяли, принимаются ли они фактически или нет. Воспользовавшись этим, я после ужина лекарства выбросил. Не принимал я их и на второй день, и на третий. И вдруг я почувствовал, что состояние мое резко ухудшилось. К уже описанным ранее симптомам (сухость во рту, отсутствие движения рук в такт при ходьбе, трудности при разжевывании пищи) добавилось ощущение неусидчивости. Я не мог найти себе места. Сижу. Хочется встать и ходить. Встал и пошел. Не могу ходить. Хочется сидеть. Сел. Опять не могу. Так продолжалось два дня. Наконец, я, не выдержав этой пытки, возобновил прием лекарств. Состояние неусидчивости тут же прошло.

Тут надо внести объяснение. Действительно, лекарства, которые мне давали (мажептил, трифтазин, тизерцин), вызывают описанные мною симптомы. Так как эти лекарства принадлежат к числу нейролептиков, то вызываемые ими симптомы называются нейролептическим синдромом.

Помимо собственно нейролептиков дают также циклодол. Циклодол – это корректор, снимающий отрицательное побочное действие нейролептиков. Фактически же, конечно, циклодол не ликвидирует полностью нейролептического синдрома, а только слегка его смягчает.

Когда же я перестал принимать лекарства (действие само по себе правильное), то я допустил одну ошибку: я вместе с нейролептиками выбрасывал и циклодол. Однако в организме после

прекращения приема лекарств действие циклодола прекращается раньше, чем действие нейтролептиков. Именно поэтому после прекращения приема лекарств мое состояние сразу ухудшилось.

Мне же надо было выбрасывать только нейролептики, но продолжать принимать циклодол.

Однако тогда рядом со мной не было грамотного человека, который бы смог мне это подсказать.

Режим на спокойной половине отличался от режима на беспокойной. Во-первых, были установлены дежурства. Дежурные занимались уборкой в помещении, ходили в сопровождении персонала на кухню за едой.

Два раза в неделю совершались культпоходы в кинотеатры («Мечта», «Луч», «Ангара»). Список участников культпохода каждый раз утверждался лечащим врачом и включал в себя в каждом конкретном случае человек 10-20. На время культпохода выдавалась своя одежда.

Меня всегда включали в эти культпоходы. С нами в походы ходило всегда 2 человека из персонала. Фильмы в основном были неинтересными, но за неимением лучшего приходилось их смотреть. Всё же какое-то разнообразие. Особенно мне запомнился первый культпоход, когда мы, выйдя за территорию больницы, садились в переполненный автобус. В другой ситуации это могло бы не понравиться, но сейчас было даже приятно помяться в плотной толпе.

В пятницу вечером большую группу пациентов (человек 20-30 каждый раз) отпускали на выходные дни домой. Они должны были вернуться утром в понедельник.

Этот список тоже каждый раз составлялся лечащим врачом. Однако меня на выходные дни домой не отпускали ни разу. На мои просьбы Людмила Григорьевна отвечала каждый раз: «Пока рано».

Познакомился я в больнице с тремя интересными людьми. Один из них – Антон Назаров – племянник Маргариты Назаровой, укротительницы тигров. Антон был студентом Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ) по профилю «Мосты и туннели». Хорошо зная английский язык, он выступил перед студентами-иностранцами с лекцией, разоблачающей реакционную политику Ленина. За это он попал в психбольницу и ко времени нашего знакомства уже отсидел там 8 месяцев. Мы подружились и обычно проводили время вместе.

Другим интересным человеком был Василий Богоста, по специальности актер театра и кино, уроженец Закарпатья, русин. Он приехал в Москву в Президиум Верховного совета Совдепии с просьбой, чтобы ему разрешили эмигрировать из Совдепии. Из приемной Президиума его отправили в психбольницу. К сожалению, разговорились мы с ним только за несколько дней до его выписки.

И третий интересный человек – это Антонио Диас, испанец из тех самых испанских детей, которых вывезли в конце тридцатых годов в Совдепию. Это был очень интеллигентный человек, художник. Но он часто поддавал и поэтому попадал в больницу, где лечился от алкоголизма.

Антонио пытался натаскать меня в испанском языке, тем более, что у меня был какой-то навык в разговорной речи по-испански. Я и сам бы с охотой потренировался, да только быстро уставал из-за лекарств, а поэтому не смог воспользоваться услугами Антонио полностью.

Когда Антон Назаров, Василий Богоста и Антонио Диас выписались, в отделении стало совсем невыносимо: общаться и как-то отвлекаться от окружающей обстановки было не с кем.

Как-то раз я опять решил не принимать лекарств. Снова меня стала мучить неусидчивость, и дня через три-четыре я сдался и возобновил прием лекарств.

Тут надо отметить дополнительно, что, несмотря на решение, принятое Ученым Советом, уволить с работы формально меня не успели. А когда я попал в больницу, то уже и не имели юридического права. Мне хотелось, естественно, узнать свой «диагноз». Но в бюллетене каждый раз писалось «Эндогенное заболевание».

Так прошло 4 месяца. По их истечении, 27 января 1971 года, меня повели на ВТЭК, в главный корпус. Ожидая вызова в кабинет, где находилась комиссия, я просмотрел всё, что висело на стенах. Там был портрет Ленина, соцобязательство коллектива больницы к XXIV съезду КПСС, стенгазета (орган парткома, месткома и комсомольской организации). Передовица, естественно, была посвящена приближающемуся съезду. Все остальные статьи тоже носили откровенно коммунистический характер. Тут же висел список кружков политучебы для врачей и среднего персонала и расписание политзанятий.

Спрашивается, что еще можно ожидать от такого «медицинского коллектива», от «врачей», нашпигованных марксизмом в кружках политучебы?

Но вот вызвали меня.

Врач: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Хорошо.

Врач: Считаете ли вы себя больным?

Николаев: Нет.

Врач: Но разве вам не ясно, как вы выглядите? Вы тяжело больны. Вы должны довериться своим врачам и лечиться.

Николаев: Мне лечиться не нужно, я психически здоров.

Врач: Но у вас нет никакой работоспособности.

Николаев: Я буду работать после выписки.

Врач: Работать вы не сможете. Мы вам дадим II группу инвалидности.

Николаев: Мне группа не нужна.

Однако, несмотря на мой отказ, ВТЭК признал меня нетрудоспособным и дал мне П группу инвалидности.

После ВТЭКа Людмила Григорьевна сказала мне, что она меня выписывает. 30 января 1971 года, в день выписки, Людмила Григорьевна вручила мне лекарства примерно на неделю и сказала:

Людмила Григорьевна: Лекарства принимать обязательно. Диспансер посещать обязательно. И не вздумайте где-либо высказывать свои политические взгляды. Иначе вас снова поместят в психиатрическую больницу. И не жалуйтесь ни на кого и никуда. Я читала вашу жалобу на администрацию института по поводу вашего увольнения с работы. За такие жалобы вас тоже могут поместить в больницу. Я вам также не советую больше заниматься политикой во избежание дальнейших попаданий в больницу.

Николаев: А инвалидность мне дали на всю жизнь или только на время?

Людмила Григорьевна: На один год.

После такого напутствия передо мной открыли двери, я вышел из отделения, а еще через несколько минут был за пределами больницы, на СВОБОДЕ.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

И вот я уже в метро. Даже не верится, что стены уже позади, позади ежедневный вопрос «Как со взглядами?», позади вся эта опостылевшая обстановка. А вот и дом. Трёхлетняя дочурка

Иночка, которую я не видел более четырех месяцев. И – книги, без которых я очень соскучился.

Лекарства я дома выбросил в туалет. Конечно, это опять привело к неусидчивости, трудно преодолимой. Но – лекарства выброшены и путь к отступлению отрезан. И вот совершенно неожиданно, через несколько дней, неусидчивость прошла. Оставалась только скованность в движениях.

Почувствовав себя нормально, я пошел на работу. Там мне официально оформили увольнение по следующей формулировке: «Освобожден от занимаемой должности по состоянию здоровья».

Научные сотрудники встретили меня радушно, с сочувствием, расспрашивали о больнице, режиме.

– Ведь негодяи какие! – сказал один из них. – Мало им было человека с работы уволить! Еще и в психбольницу запихнули!

– Самые настоящие фашисты, – сказал другой сотрудник, – никакой разницы.

– Хуже фашистов, – резюмировал третий.

– А Вашкову не в первый раз подлости совершать, – сказал один из них, – он, мерзавец, в тридцатые годы в раскулачивании участвовал. Сельское хозяйство подрывал.

– Про вас в «Хронике» было. И в «Посеве». Мы тут все читали, – под большим секретом сказал мне один из кандидатов наук, ударник коммунистического труда. А затем добавил: – Вы напишите, что с вами было. Подробнее. Потом на Западе опубликуйте. Знаете, Жорес Медведев тоже в психушку попал, а как вышел – написал работу: «Кто сумасшедший?». Мордасы коммунистические потом рады не были, что с ним связались. Им нельзя давать волю. Каждый случай репрессий надо предавать гласности.

А пока надо было оформлять пенсию по П группе инвалидности, да пойти в институт сельхозинформации, где я работал внештатным референтом. Все же, как-никак, на пенсию жить будет трудновато, а если все силы и время бросить на реферирование, то можно будет продержаться.

В институте сельхозинформации были рады моему приходу: там почти все статьи на «редких» языках отдавали мне. Дали мне на реферирование с десяток статей, с которыми и я вернулся домой.

И вот однажды вечером – звонок. Открываю дверь. Какая-то женщина. Приглашаю войти.

Женщина: Я – патронажная сестра из психдиспансера по вашему участку. Вы ведь недавно выписались из психбольницы, а к нам до сих пор так и не явились на приём.

Николаев: Да, понимаете, времени все не было. Да к тому же я не знаю, где ваш диспансер находится.

Женщина: Улица академика Королева, дом 9. Ваш врач – Шатохина Альбина Константиновна. Сейчас я напишу вам ее расписание. (Пишет: по каким дням – утром, по каким – вечером). Как вы себя чувствуете?

Николаев: Хорошо.

Женщина: А как дома? Не ссоритесь?

Николаев: Нет.

Женщина: А как дела на работе?

Николаев: Меня только что уволили. Начинаю в СОБЕСе оформлять пенсию. Собираю необходимые документы.

Женщина: Вы лекарства принимаете?

Я рта не успел открыть, как моя жена (теперь, к счастью, уже бывшая) выкрикнула:

– *Ой, он не принимает лекарства!*

Женщина: А почему вы не принимаете лекарства?

Николаев: Да они мне ни к чему.

Женщина: Но вы посмотрите, как вы выглядите? Вы же совсем больны. Неужели вы хотите, чтобы ваше состояние ухудшилось?

Николаев: Это состояние вызвано лекарствами.

Женщина: Наоборот, лекарства снимают такое состояние. И их надо принимать обязательно. Иначе вы снова окажетесь в больнице.

Наконец она ушла, получив с меня обещание, что на следующий день я зайду в диспансер.

Как только за ней закрылась дверь, я стал выяснять с женой отношения:

Николаев: Зачем же ты ляпнула, что я не принимаю лекарства?

Жена: Но не могу же я врать!

Вот тебе и «свобода»! Какой-то ещё диспансер посещать, с какой-то Шатохиной беседовать.

Странное дело. В разоблачении преступлений советской психиатрии весь упор делается только на разоблачение использования в репрессивных целях психбольниц. А вот о психдиспансерах и психучете молчат. А если и упоминают психдиспансеры, то вскользь, как нечто совершенно несущественное. А между

тем роль психдиспансеров в психиатрических репрессиях огромна. Их роль в подавлении инакомыслия гораздо более значительна, чем роль психиатрических больниц. Достаточно сказать, что все диссиденты, «освобождающиеся» из психиатрических больниц, ставятся в обязательном порядке на психиатрический учет в психоневрологическом диспансере по месту жительства. И этот учёт не так уж безобиден, как может показаться вначале. Поставленный на психучет в диспансере диссидент находится под постоянной угрозой новых психиатрических расправ. А главное – диспансерный психиатрический учет – это уже н а в с ю ж и з н ь !

Чтобы не быть голословным, я проиллюстрирую это в своей книге на собственном примере. Быть может, это привлечет внимание к проблеме диспансерного учета в целях психиатрических репрессий.

И вот я пришел в психоневрологический диспансер № 7 Дзержинского района. Очереди не было. Захожу на прием в кабинет к Шатохиной Альбине Константиновне*.

Шатохина: Ну, что? Знакомиться будем? Тебя как зовут?

Николаев: Николаев Евгений Борисович.

Шатохина: В какой больнице лежал?

Николаев: В пятнадцатой, в первом отделении.

Шатохина: А чувствуешь себя как?

Николаев: Нормально.

Шатохина: Никакой критики! Больной! Совсем больной! Он таким на всю жизнь останется! Неизлечим! Ты хоть посмотри, как ты выглядишь!

Николаев: Это от лекарств.

Шатохина: Кстати, почему ты перестал принимать лекарства?

Николаев: Они мне не нужны.

Шатохина. Что, снова в больницу захотел? Сейчас отправлю! А число сегодня какое? День недели?

Николаев: Не знаю. (После выписки мне было не до дней недели и дат).

Шатохина: Вот, не ориентируется во времени и в пространстве! А события в последнее время какие произошли?

Николаев: Не знаю, я больше четырех месяцев в больнице был.

---

* Позже Шатохина изменила свою фамилию. Сейчас она – Кленевская.

Шатохина: Ну, хотя бы в области космонавтики?

Николаев: Не знаю, в больнице не было газет.

Шатохина: Луноход запустили!

Николаев: Впервые слышу!

Шатохина: Вот, резко сузился круг интересов! А жену за что избил?

Николаев: Я жену не избивал.

Шатохина: Как же не избивал?! У нее еще сотрясение мозга было, и она два месяца в институте Склифосовского пролежала.

Николаев: Моя жена в институте Склифосовского не лежала.

Шатохина: Что же я, по-твоему, вру?

Николаев: Моя жена в институте Склифосовского не лежала.

Шатохина: Провалы в памяти! А на работе почему конфликтовал с сотрудниками?

Николаев: Я там ни с кем не конфликтовал.

Шатохина: А с Полежаевым?

Николаев: Он сам ко мне приставал.

Шатохина: А почему ты его хотел убить и Вашкова?

Николаев: Я их не хотел убивать.

Шатохина: Как, не хотел?! А для чего ж ты тогда обрез приготовил?

Николаев: У меня нет обреза.

Шатохина: Нет, есть. Где ты его прячешь?

Николаев: У меня обреза нет и никогда не было.

Шатохина: А сейчас каковы у тебя отношения с Полежаевым?

Николаев: Он уже давно умер.

Шатохина: И ты радовался его смерти?

Николаев: Легче стало. А то он каждый день со мной о субботниках и политзанятиях говорил.

Шатохина: Неадекватная реакция! А сейчас чем занимаешься?

Николаев: Реферированием. Я в институте сельхозинформации несколько статей взял, буду над ними работать.

Шатохина: И что это за статьи?

Николаев: Я разные делаю: по генетике,охотничьему хозяйству, экологии, природноочаговым болезням.

Шатохина: И откуда эти статьи?

Николаев: Из иностранных журналов.

Шатохина: А ты что, какой-нибудь язык знаешь?

Николаев: Да.

Шатохина: Какой же?

Николаев: Да я много знаю. Английский, немецкий, латынь, польский, чешский, сербохорватский, болгарский и много других. Но лучше всего я говорю на языке суахили из стран Восточной Африки.

Шатохина: Ты что же, полиглот?

Николаев: Да, полиглот.

Шатохина: И когда же ты успел все эти языки выучить?

Николаев: У меня методика разработана, позволяющая выучить любой язык за два-три месяца.

Шатохина: Мания величия! Ну, а как в отношении прежнего места работы? Что думаешь делать?

Николаев: Да надо добиваться восстановления. Меня ведь незаконно уволили.

Шатохина: Будешь на них жаловаться?

Николаев: Да, пойду на прием к замминистру. Если потребуется, то буду добиваться восстановления через суд.

Шатохина: Вот только попробуй, пожалуйста, живо в психбольнице снова окажешься. Заруби себе на носу, что ты должен сидеть тише воды, ниже травы. Сиди дома и помалкивай в тряпочку.

Николаев; Но ведь меня и с работы незаконно уволили, и в больницу незаконно положили.

Шатохина: Ах, ты ещё и на больницу жаловаться собираешься!? Ну, попробуй, пожалуйста, и снова будешь в больнице! Очень хочешь, да? А в диспансер почему долго не ходил?

Николаев: Я не знал, где диспансер находится.

Шатохина: Ну а теперь знай. В диспансер ходи обязательно, два раза в неделю. Не явишься хоть раз – тут же будешь в больнице. И принимай лекарства. Не будешь принимать – снова будешь в больнице. И не вздумай меня обманывать! Я по твоему виду сразу определю, принимаешь ли ты лекарства или нет. Сейчас я выпишу тебе рецепты. (Выписывает.) Здесь тебе я выписала мажептил, циклодол, трифтазин, тизерцин и элениум. Вот тебе указание, как их принимать: утром, днём и вечером. Смотри, рецепты – бесплатные, а лекарства все – дорогие. Наше государство гуманное, оно очень хорошо к психическим больным относится. Лекарства для них дорогие из-за границы за валюту покупает, а больным всё отдает бесплатно. А ты это государство ненавидишь. Скажи своей жене и матери, чтобы они зашли ко мне. А сам приходи ко мне через два дня.

Я ушел. По дороге домой зашел в аптеку, получил по рецептам лекарства. Принимать я их и не думал, а хотел сначала вообще выбросить. Но передумал. Решил ежедневно выбрасывать в унитаз дневную дозировку, а остальное хранить на случай проверки. Поинтересовался и ценой. Все лекарства вместе взятые стоили более 15 рублей. Дозировку же Шатохина мне назначила большую: примерно по 10 таблеток за один прием, всего около 30 таблеток в день.

Продолжал оформлять пенсию (растянулось это оформление недели на две) и делал рефераты.

А кроме того я обнаружил дома повестку из военкомата, еще осеннюю, когда я находился в больнице. Значит, психиатр из военкомата не сомневался в моем психическом здоровье, коли меня на военные сборы вызывали. А тут мне и письмо пришло из Петербурга от друзей: приглашали к себе передохнуть.

Но вот прошли эти два дня и я снова пришел в диспансер на приём к Шатохиной.

Шатохина: Ну что, не принимаешь опять лекарства?

Николаев: Принимаю.

Шатохина: Что, обмануть меня вздумал? Меня не обманешь! По твоему виду вижу, что не принимаешь.

Николаев: Я принимаю лекарства.

Шатохина: Ну, какие ты лекарства принимаешь?

Николаев: (Отвечаю ей дозировки за утро, день и вечер. Всё это я предварительно выучил назубок, словно знал, что она сможет это спросить.)

Шатохина: Скажи, а почему ты на политзанятия на работе не ходил?

Николаев: Не считал нужным. Политзанятия следует устраивать на добровольных началах.

Шатохина: А на коммунистический субботник почему не пошел?

Николаев: Субботники тоже надо проводить на добровольных началах.

Шатохина: А на митинге почему тебя не было?

Николаев: Митинги тоже надо проводить на добровольных началах.

Шатохина: А почему ты социалистическое обязательство в честь XXIV съезда нашей партии не взял?

Николаев: Я не разделяю политики КПСС и не поддерживаю её.

Шатохина: Интересно, и чего это тебе коммунисты только плохого сделали?

Николаев: С работы уволили, в психбольницу положили.

Шатохина:Так ты ж больной! Посмотри, как ты выглядишь! Я не понимаю, как они тебя еще в таком состоянии выписали? Тебе там пожизненно надо сидеть!

Николаев: Я здоров. Это состояние от лекарств. А то, что психиатрия у нас используется для политических репрессий – уже широко известный факт. Но возмездие придёт. После 1945 года по заслугам получили фашисты, а коммунисты тоже свое получат. И на коммунистов тоже свой Нюрнбергский процесс будет.

Шатохина: А ты не ори, не угрожай! Тебя здесь никто не боится! Ещё что-нибудь подобное скажешь – домой не вернешься. Дети твои вырастут, а ты всё ещё сидеть будешь и никогда больше не выйдешь из больницы. И попробуй еще только займись политикой! Сразу в больнице окажешься! Сейчас четыре месяца отсидел, а второй раз всю жизнь будешь в больнице сидеть. И дети твои тебя забудут!

Николаев: Я политикой никогда не занимался. Наоборот, отказывался заниматься политикой, когда меня на работе заставляли ей заниматься.

Шатохина: Ну вот попробуй еще раз откажись. Сразу попадешь в больницу. Тебя там уже ждут.

Николаев: А я сейчас уже не работаю.

Шатохина: А как же институт сельхозинформации? Там разве нет политзанятий?

Николаев: Я там внештатный сотрудник, появляюсь там только для того, чтобы взять работу на дом и принести готовую работу назад, да еще за деньгами.

Шатохина: А как у тебя с оформлением пенсии?

Николаев: Да всё еще тянется.

Шатохина: Ну, ладно, иди домой. Приходи через 2-3 дня. Не задерживайся, если не хочешь быть снова в больнице.

Дня через три я снова пришел в диспансер.

Сел в коридоре на лавочку. Через некоторое время вышла патронажная сестра и спросила:

Сестра: У вас при себе деньги есть?

Николаев: Да что-то около рубля.

Сестра: А ценные вещи?

Николаев: Часы.

Сестра: Ну, ждите. Нам только что звонили. Профессор скоро обещал прихать.

Я ждал. Вдруг в диспансер вошли два санитара.

«Где больной?» – спросил один из них. Снова вышла патронажная сестра и ко мне:

Сестра: Товарищ Николаев, профессор приехать не смог. Он ждет вас в пятнадцатой больнице. Вам придется проехать вместе с ними.

Ложь раскрылась, но – слишком поздно.

Санитар: Деньги и ценные вещи у него есть?

Сестра: Часы и что-то около рубля.

Санитар: Давай часы!

Николаев: А зачем?

Санитар: Давай, не разговаривай. В больнице отдадим.

И меня повели в чумовоз, как на жаргоне пациентов дурдомов (психиатрических больниц) называют санитарные машины, доставляющие психбольных в психиатрические больницы.

XXIV СЪЕЗДУ КПСС – ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ!

Но вот и приемный покой. Врач берет путевку, просматривает:

Врач: Жену лупцуешь?

Николаев: Я жену не трогал.

Врач: Детям игрушки ломал?

Николаев: Я детям игрушки не ломал.

Врач: А обрез где прячешь?

Николаев: У меня нет обреза.

Врач: Почему на субботник-то не ходил?

Николаев: По идеологическим соображениям, но это не имеет отношения к психиатрии.

После этого короткого разговора меня повели в отделение № 18.

Что будет дальше – я уже знал: сначала поднадзорная палата, затем обычная палата на беспокойной половине, а потом – спокойная половина. Отделение было переполненным, все кровати были заняты, меня поместили на раскладушку в коридоре около окна, забрав предварительно очки и другие личные вещи. Пижам для пациентов из поднадзорной палаты (а я хоть и лежал в коридоре, но числился за поднадзорной палатой) не полагалось: у Минздрава на пижамы средств не было. Одет я был только в нижнее белье, от окна дуло и было очень холодно.

К тому же я страшно проголодался, так как ушел в диспансер утром и не ел целый день.

Утро следующего дня началось с приключений: один больной выбросился из окна на улицу, конечно, насмерть. (Отделение находится на 4-ом этаже.) Глядя на него, другой больной тоже решил выброситься, но его успели вовремя схватить и положить на вязки.

После завтрака меня вызвал к себе на беседу психиатр Амосов Михаил Николаевич.

Амосов: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Хорошо.

Амосов: Почему вы попали в больницу?

Николаев: Не знаю. Я ничего плохого не делал.

Амосов: Вы принимали дома лекарства?

Николаев: Да, принимал.

Амосов: Какие?

Николаев: Трифтазин, мажептил, тизерцин, циклодол и элениум.

Амосов: У вас в семье нормальные отношения?

Николаев: Да, нормальные.

Амосов: А почему вас уволили с работы?

Николаев: С работы меня уволили незаконно.

Амосов: Вы жаловались?

Николаев: Не успел.

Амосов: А чем вы занимались на работе?

Николаев: У меня были две научные темы.

Амосов: Какие?

Николаев: Испытание новых ратицидов и геморрагическая лихорадка.

Амосов: А вы разве врач?

Николаев: Нет, я зоолог.

Амосов: А почему же вы занимались медициной?

Николаев: Я занимался медицинской зоологией. Геморрагическая лихорадка – это природно-очаговое заболевание, в распространении которого принимают участие грызуны. Поэтому к изучению и к борьбе с этими заболеваниями привлечены и зоологи.

*Амосов: А что такое лихорадка Q?**

Николаев: Это тоже природно-очаговое заболевание.

Амосов: Вам нравилась ваша работа?

---

* «Лихорадка Q» – название болезни.

Николаев: Да.

Амосов: А почему же тогда вы конфликтовали с сотрудниками?

Николаев: Я с сотрудниками не конфликтовал.

Амосов: А почему вы игнорировали общественно-политические мероприятия на работе?

Николаев: Эти мероприятия следует проводить на добровольных началах, и то, что я в них не участвовал, не является признаком психического заболевания.

Амосов: А почему вы вышли из комсомола?

Николаев: Потому что не согласен с линией комсомола, но к психиатрии это отношения не имеет.

Амосов: А как вы относитесь к партии?

Николаев: Отрицательно, но это не имеет отношения к психиатрии.

Амосов: А как вы относитесь к Ленину?

Николаев: Тоже отрицательно, но к психиатрии это тоже не имеет отношения.

Амосов: А как вы относитесь к выборам?

Николаев: Отрицательно, ибо фактически это не выборы. Но это тоже к психиатрии не имеет отношения.

Амосов: Вы голосовали против кандидатов блока коммунистов и беспартийных?

Николаев: Выборы формально тайные, и я на этот вопрос вам отвечать не буду.

Амосов: А почему вы не платили за ДОСААФ?

Николаев: Членство в любой организации должно строиться на добровольных началах.

Амосов: Вы состояли членом какой-либо нелегальной политической организации?

Николаев: Нет, не состоял.

Амосов: А вы читали когда-нибудь Самиздат?

Николаев: Нет, не читал.

Амосов: Вы верите в Бога?

Николаев: Формально по конституции у нас свобода совести и на этот вопрос я отвечать отказываюсь. И вообще – все ваши вопросы к психиатрии отношения не имеют и я настаиваю на немедленной выписке.

Амосов: Выписать вас в таком состоянии я не могу.

Николаев: Но ведь это от лекарств.

Амосов: Вот мы это состояние у вас и снимем.

Николаев: Чем? Лекарствами?

Амосов: Нет, внутривенными инъекциями глюкозы.

Николаев: Ну тогда хоть переведите меня на спокойную половину.

Амосов: Это я смогу сделать не раньше, чем через неделю.

Меня снова вернули на раскладушку. Амосов назначил мне синопакс (три раза в день по одной таблетке) и еще какую-то голубую таблетку вечером. Таблетки я не принимал, а выбрасывал. По утрам до завтрака в процедурном кабинете мне делали внутривенные инъекции глюкозы. Пробыл я на беспокойной половине 8 дней.

3 марта после завтрака меня вызвал к себе заведующий отделением Гуревич, и тоже Владимир Ильич, между прочим.

Гуревич: Почему вы попали в больницу?

Николаев:Не знаю. Меня направил врач диспансера, хотя я ничего не делал плохого.

Гуревич: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Хорошо.

Гуревич: А ну-ка, пройдитесь. (Прохожусь по кабинету. Он обращается к другому врачу, сидящему рядом с ним.) У него нейролептический синдром. (Ко мне.) Так, хорошо, ходите нормально.

Николаев: В таком случае выпишите меня. Раз вы сняли этот самый синдром, держать меня больше незачем.

Гуревич: Нет, выписать я вас не смогу.

Николаев: Почему?

Гуревич: Вас направил диспансер, а это значит, что вас надо лечить. И потом, если я вас выпишу, то вас немедленно арестуют.

Николаев: Почему?

Гуревич: За ваши политические взгляды. А здесь вы в безопасности.

Николаев: Чтобы меня арестовать, я должен был совершить преступление, а я никакого преступления не совершал.

Гуревич: Вы натворили достаточно много, чтобы вас посадить в тюрьму.

Николаев: Что же именно?

Гуревич: Занимались политикой: не ходили на политзанятия, митинги, субботники, не взяли соцобязательства в честь съезда.

Николаев: Это всё надо делать на добровольных началах.

Гуревич: Не стройте из себя наивного. У нас есть хороший термин – «добровольно-принудительно». Кто хочет – делает

добровольно, а кто не хочет – того заставляют. А если он чересчур упирается, то попадает в тюрьму или к нам.

Вскоре после перевода на спокойную половину Гуревич вызвал меня к себе в кабинет, Помимо него там были Амосов Михаил Николаевич и Матвеев Валентин Фёдорович.

Гуревич: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Хорошо.

Гуревич: Скованность больше вас не беспокоит?

Николаев: Нет.

Гуревич: Расскажите нам о своих политических убеждениях.

Николаев: Я думаю, что это не интересно и не имеет отношения к психиатрии.

Матвеев: Вы напрасно так думаете. Вас направили в психиатрическую больницу на лечение, а чтобы иметь представление о вашей болезни, нам надо знать о ваших взглядах.

Николаев: Но ведь к психиатрии это отношения не имеет.

Матвеев: Когда мы лечим больных, то рассматриваем их в комплексе. Сам по себе тот или иной факт не может служить признаком заболевания. Но комплекс признаков может об этом свидетельствовать. Именно поэтому нам надо знать о вас всё, в том числе и ваши взгляды.

Николаев: О взглядах мне бы не хотелось говорить.

Матвеев: Видите ли, руководствуясь своими взглядами, вы неправильно себя вели.

Николаев: Я не считаю, что я вел себя неправильно.

Матвеев: Ну как же? Конфликтовали с сотрудниками на работе, не ходили на политзанятия, не были на коммунистическом субботнике. Вот нам и интересно знать, чем вы руководствовались, когда противопоставляли себя коллективу?

Николаев: Я себя коллективу не противопоставлял. Посещение политзанятий, субботников, митингов должно строиться на добровольных началах, на сознательности. А если кто-то не хочет посещать эти мероприятия, то он имеет на это полное право.

Матвеев: Но ведь вы не взяли соцобязательство в честь XXIV съезда КПСС!

Николаев: Соцобязательства тоже надо брать на добровольных началах.

Матвеев: А вы состояли когда-нибудь членом нелегальной политической организации?

Николаев: Нет, не состоял.

Гуревич: А вы читали когда-нибудь самиздатскую литературу?

Николаев: Нет, не читал.

Гуревич: Почему?

Николаев: Не попадала в руки.

*Гуревич: А что вам известно о книге Джиласа «Технология власти?» **

Николаев: Я ее не читал и мне о ней ничего неизвестно.

Гуревич: А что вам известно о книге Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»?

Николаев: Ничего, кроме того, что Амальрик написал эту книгу.

Гуревич: Вы ее читали?

Николаев: Нет, не читал.

Матвеев: Скажите, а возможен ли в Советском Союзе тот ход событий, который был в Чехословакии в 1968 году?

Николаев: В принципе – да. Но с одной оговоркой. В Чехословакии было кому прервать процесс демократических преобразований. Если это будет в СССР, то этот процесс дойдет до своего логического конца.

Матвеев: И какой же это будет конец?

Николаев: Создание многопартийного демократического государства. Чехословацкие лидеры называли это плюралистическим социализмом. Я не знаю, как это будет называться у нас, но то, что будет многопартийная система, – я убежден.

Матвеев: Откуда вы знаете о термине «плюралистический социализм»?

Николаев: Из книги «К событиям в Чехословакии».

Матвеев: А почему вы считаете, что в СССР не будет сил, способных приостановить этот процесс?

Николаев: Когда процесс либерализации происходил в Чехословакии, то, чтобы его прервать, было достаточно ввести туда советские войска. Если этот же процесс начнется в СССР, то просто некому будет ввести в СССР свои войска, разве что Китаю.

Гуревич: Вот вы и проговорились. На самом деле вы читали книгу Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года», ибо Амальрик пишет о возможной войне с Китаем.

Николаев: Нет, я этой книги не читал.

Гуревич: А откуда же у вас тогда такое мнение?

---

* Эту книгу написал не Джилас, но Гуревич задал вопрос так.

Николаев: Это мое собственное мнение.

Матвеев: Скажите, вы считаете переход от существующего строя к парламентской демократии прогрессивным?

Николаев: Безусловно.

Гуревич: И когда же это, по-вашему, произойдет?

Николаев: Это надо спросить у футурологов.

Матвеев: А вы занимаетесь футурологией?

Николаев: Интересовался, но не занимался.

Амосов: А каковы у вас были отношения с Полежаевым?

Николаев: Он давно уже умер, и говорить о нём я не хочу.

Гуревич: Скажите, при парламентской демократии КПСС будет запрещена или нет?

Николаев: Этого я заранее не знаю, но лучше бы, чтобы ее вообще не было.

Матвеев: Но ведь вы, очевидно, демократ. И если существует много партий, то почему не должно быть места коммунистам в этой демократии?

Николаев: Потому что коммунисты при однопартийном режиме проявили себя с нехорошей стороны.

Матвеев: Вот видите, у вас совершенно неправильные взгляды на жизнь, на будущее нашей страны.

Николаев: Мои взгляды не совпадают с официальными, но это еще не значит, что мои взгляды – проявление болезни. При любом строе есть оппозиционно настроенные люди. Взять хотя бы большевиков до 1917 года. Вы же не считаете их больными. А ведь они выступали против царизма.

Матвеев: До 1917 года у нас в стране существовало несправедливое эксплуататорское общество и борьба с таким обществом, где большинство угнеталось меньшинством, была оправданной. Сейчас же у нас в стране социализм, самая передовая общественная формация. И быть против социализма – это значит быть больным. Ваши взгляды – это проявление вашего психического заболевания. Вы думаете так по болезни. Но мы вас подлечим, вы думать так не будете и вернетесь в строй.

Николаев: Нет, я психически здоровый человек. А вот вы забываете об уроках истории. На примере коммунизма в нашей стране известно, что время от времени аппарат насилия у нас подвергается чистке. Так было в 1938 году, когда расстреляли Ежова, так было в 1953 году, когда расстреляли Берию и его сподручных. В каждом случае вышеупомянутых личностей расстреливали, как это писалось, «за нарушение социалистической законности». И где гарантия того, что вас за вашу верную

службу не привлекут в будущем к ответственности после очередного разоблачения культа личности или перетряски аппарата насилия?

Матвеев: Вы считаете это возможным?

Николаев: Да, считаю возможным, хотя и не знаю, когда это будет.

Матвеев: Вот видите, вы ненавидите государство, в котором вы живете. А государство к вам ненависти не питает, оно не испытывает к вам зла. Оно вам не мстит. Наоборот. Вы заболели – и государство пришло к вам на помощь. Вас бесплатно лечат, дают вам бесплатно дорогие лекарства, бесплатно кормят и еще выплачивают вам пенсию.

Гуревич: А нахождение каждого больного в больнице в течение суток обходится государству в 15 рублей!

Николаев: Я в этой государственной помощи не нуждаюсь. Я психически здоровый человек и требую, чтобы вы меня выписали.

Амосов: Сейчас мы этого сделать не можем. В связи с приближением съезда в больнице прекращена выписка.

Да, выписка прекратилась. Гуревич, Матвеев, Амосов и иже с ними встали на предсъездовскую вахту. Тут рядом с кабинетом Гуревича соцобязательство коллектива отделения № 18 к XXIV съезду КПСС висело. В нем весь коллектив обязался встретить предстоящий съезд д о с т о й н о ! И еще свою политическую сознательность повысить, да настойчиво марксистско-ленинской идеологией непременно всем овладеть, и в кружках политучебы заниматься.

Я и раньше слышал по западным радиостанциям о том, что перед съездами КПСС инакомыслящих изолируют и помещают в психиатрические больницы. Сейчас я смог видеть, как этот психиатрический ажиотаж вокруг съезда выглядит изнутри. Выписка была прекращена примерно за месяц до съезда. А новых больных всё везли и везли. Число раскладушек в коридорах постепенно возрастало. Сначала раскладушки были расставлены вдоль одной стены коридора. Затем постепенно они заняли и вторую стену вдоль коридора. Между двумя рядами раскладушек оставался узкий проходик, в котором двоим никак нельзя было разойтись. А в столовой люди ели в т р и смены. (Обычно едят в две.)

Оно и понятно: в честь съезда сталевары увеличивают выпуск стали, доярки – надои молока, хлеборобы больше убирают с полей золотистой пшеницы. А вот советские психиатры

(чтоб в передовиках производства ходить) решили в честь съезда увеличить количество пациентов в психбольницах.

XXIV съезд КПСС, судя по всему, оказался мощным психогенным фактором, вызвавшим массовые психические заболевания на воле и затруднившим выздоровление больных в дурдомах.

Но «психи» зато отпускали по поводу съезда вполне здоровые шутки:

– *Знаешь, почему открытие съезда назначено на 31 марта?*
– *Нет, не знаю.*
– *Чтобы решения принимать первого апреля.*

Был в связи с началом съезда и курьезный случай. Нашелся один кретин-коммунист, который из далекой провинции, движимый паРТиотическими чувствами, приехал в Москву, чтобы лично поздравить делегатов и гостей съезда. Порыв его сердца и горячая любовь к родной коммунистической партии были оценены по достоинству: его схватили на улице и поместили в психбольницу.

Вот ведь каковы выверты советской действительности: быть против коммунизма – опасно. Быть за коммунизм – не менее опасно. Вот и выбирай после этого правильную безопасную для себя линию поведения!

Когда я узнал об этом случае, то я решил познакомиться с этим человеком и выразить ему свое сочувствие. Всё же, ни за что пострадал человек.

«Меня правильно в психбольницу положили, – ответил он мне, – я нарушил партийную дисциплину».

Оказалось, что этот случай его ничему не научил и он остался по-прежнему верен своей родной коммунистической партии и своему родному советскому правительству. Ну, точь-в-точь по тому самому принципу:

«Видели,
как собака
бьющую руку
лижет?»

Слух об этом быстро разнесся по всему отделению, и «психи» над ним издевались:

– *Эй, коммунист, расскажи, как ты съезд поздравлял?*
– *Брежневу руку-то хоть пожал? – не унимался другой.*
– *А когда XXV съезд будет, тоже приедешь делегатов поздравлять?*

Ко всеобщему удовольствию, этот ортодокс злился и жаловался врачам на то, что больные его дразнят.

Как я уже писал, на базе 18-го отделения проходили курсы лекций по психиатрии студенты стоматологического института. Очень часто поэтому Гуревич делал обходы в отделении вместе со студентами и преподавателями. Подойдя ко мне во время очередного такого обхода, Гуревич сказал студентам: «Это – Николаев. У него всё хорошо. Но только у него – антисоветские взгляды».

«Значит, чтобы выздороветь и выписаться – надо изменить свои взгляды», – пояснила студентам их преподавательница.

Когда преподаватели читали лекции студентам, то они часто приглашали на эти лекции пациентов, чтобы на их примере продемонстрировать студентам те или иные признаки психических заболеваний. Как-то на одну из таких лекций был приглашен и я. Уж не знаю, что хотел на моем примере продемонстрировать преподаватель, но я решил использовать это в своих целях. Воспользовавшись возможностью пообщаться с будущими врачами, я стал рассказывать им об использовании психиатрии для подавления инакомыслия, иллюстрируя это известными мне примерами. Не оставил я без внимания и стол преподавателя, на котором лежала моя «история болезни». В ней мне удалось заметить фирменный бланк ВНИИДиС, однако, к сожалению, не удалось вычитать, что там обо мне написано.

Преподавателю моя импровизированная лекция явно не понравилась, и он несколько раз пытался выставить меня из аудитории, но студенты просили рассказывать им еще и еще.

Наконец, преподавателю удалось меня выставить. В тот же день во второй половине дня меня вызвал к себе Гуревич.

Гуревич: Послушайте, разве так можно? Я же вас просил не вести политических разговоров!

Николаев: А я их и не вел.

Гуревич: А что вы сегодня наговорили студентам?

Николаев: Они – будущие врачи, и они должны знать, чем занимаются их старшие коллеги.

Гуревич: Я вам больше не советую вести такие разговоры, ибо это может плохо для вас кончиться. И вообще – прекратите заниматься политикой. Сейчас вы находитесь здесь на общих основаниях, а если и дальше будете заниматься политикой, то вам дадут через суд принудлечение. И не на полгода, как какому-нибудь уголовнику, а года на три.

Николаев: Скажите, а почему всё же вы держите в психиатрических больницах психически здоровых людей? Ведь вам же ясно, что я – психически здоров!

Гуревич: Вам же самому выгоднее находиться в больнице, а не в тюрьме. Если я вас сейчас выпишу, то вам по статье дадут 15 лет тюрьмы. А так я вас подлечу и выпишу. И вам ничего грозить не будет. Вы знаете, я бываю на комиссиях, которые экспертируют вашего брата. Экспертировал я и Марченко. Я предлагал признать его больным, чтобы его не отправили в лагерь. Но остальные члены комиссии меня не поддержали, признали его вменяемым, и он получил срок.*

Николаев: И вы считаете ваши действия справедливыми и честными?

Гуревич: Конечно! Я делал ему добро! Я хотел избавить его от лагеря! И вам я хочу только добра!

Николаев: Мне от вас добра не надо.

Надо сказать, что студентов заинтересовало то, что я им рассказал об использовании психиатрии не по назначению. И когда у них бывали перерывы между лекциями и они выходили в коридор, то они искали меня и задавали мне по этому поводу вопросы. А преподаватели отгоняли меня, если видели, что я разговариваю со студентами.

Тем временем в отделение поступил один интересный пациент, Миша Эдельштейн, еврей и ярый сионист. Миша был прекрасным знатоком иврита, влюблен в Израиль, о котором он очень много знал.

Однажды Миша подозвал меня к себе и дал мне книгу, завернутую в газету. Это был «Справочник невропатолога и психиатра». Читать такую литературу в условиях психбольницы надо с предосторожностями, словно это Самиздат, а не Медиздат, ибо персонал такую литературу у пациентов отбирает. В этой книге, в частности, я вычитал следующее:

«Направление в больницу производится по согласованию с больным или его родственниками. Больной, представляющий социальную опасность, может быть отправлен в больницу без согласия родственников по решению врачебной комиссии»**.

---

* Я не знаю, шел ли разговор о Валерии Марченко или же об Анатолии Марченко.

** «Справочник невропатолога и психиатра», Изд. «Медицина», Москва, 1969, стр. 421.

Значит, Шатохина направила меня в больницу необоснованно! Я ведь социальной опасности не представлял, и никто из родственников согласия на мою госпитализацию не давал.

Дождавшись, когда Миша Эдельштейн вернул эту книгу своим родственникам, я добился беседы с Гуревичем.

Николаев: Владимир Ильич, а ведь Шатохина направила меня в больницу необоснованно. В «Справочнике невропатолога и психиатра» написано, что госпитализация больных осуществляется только с их собственного согласия или же с согласия родственников. Я такого согласия не давал, и мои родные тоже такого согласия не давали. Социально опасных действий я тоже не совершал, так что не было оснований госпитализировать меня без моего согласия.

Гуревич: А вы поменьше верьте тому, что у нас в законах пишут. Вы лучше расписку мне напишите, что политикой больше никогда заниматься не будете, если хотите снова оказаться дома, а не торчать здесь всю жизнь.

Николаев: Я расписку вам писать не буду.

Гуревич: А это мы еще посмотрим. Я из вас ее выжму.

Амосов поместил меня в поднадзорную палату, очки у меня забрали. Каждый день мне трижды делали уколы аминазина, никуда не выпускали из палаты, в том числе и на прогулки.

Когда мне удавалось ускользнуть из палаты, то санитары искали меня. Санитар Лёнька, белобрысый наглый комсомолёныш, вернув меня однажды в палату, сказал мне с наглой ленинской ухмылкой: «Тебя здесь надо гноить всю жизнь».

На следующий же день я пожаловался Гуревичу на Амосова и на то, что он назначил мне уколы.

Гуревич: Ничего не могу поделать. У вас ухудшилось состояние.

Николаев: Я – психически здоровый человек. И я отказываюсь от Амосова как от врача.

Гуревич: Хорошо. Вас буду вести я.

Николаев: Но тогда отмените мне уколы.

Гуревич: Уколов я вам отменить не могу. У вас – суицид.

Дождавшись появления на беспокойной половине Матвеева, я обратился с аналогичной просьбой к нему.

Матвеев: Ничего не могу для вас сделать. Ваше состояние ухудшилось. Вы нуждаетесь в том, чтобы вам провели интенсивный курс лечения.

Две недели, которые я провел в поднадзорной палате, были сплошным кошмаром. Мягкие ткани через 2-3 дня стали от уко-

лов твердыми, каждый укол приносил нестерпимую боль. Все время хотелось пить и спать, во рту ощущалась непрекращающаяся сухость. Перед глазами все время стояли цветные круги. После каждого укола состояние ухудшалось еще более, появился вновь нейролептический синдром, правда, слабый.

Больные вокруг были тяжелые, многие из них агрессивные. За эти 2 недели на беспокойной половине было сделано 3 попытки самоубийства разными больными. У моего соседа по койке были императивные голоса, по приказанию которых он надевал другим больным на голову урны с мусором и тарелки со щами.

Всех, правда, веселил один еврей-жалобщик из Молдавии. Ему неправильно (как он нам всем говорил) начислили пенсию. У себя в Молдавии он справедливости не добился. Тогда он приехал в Москву, лично на прием к Косыгину, и никак не мог понять, за что же его посадили в психбольницу.

«Нет, но почему я не могу попасть на пГиём к товаГищу Косыгину?» – на потеху всему отделению по много раз в день спрашивал он и у врачей, и у персонала. А из-за еврейского акцента его вопрос звучал особенно уморительно.

Когда число уколов достигло 40 (через две недели), меня вызвали в кабинет Гуревича. Помимо него там были также Матвеев и Неймировский Григорий Моисеевич, заведующий отделением № 1.

Гуревич: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Плохо. Отмените мне уколы.

Гуревич: Вот видите, вы не слушались моего совета, вели в отделении разговоры на политические темы.

Николаев: Эти разговоры к психиатрии отношения не имеют. Я психически здоровый человек.

Гуревич: Вот мы тут посоветовались и решили прекратить уколы и перевести вас на спокойную половину. Но только при условии, что вы будете принимать лекарства.

Николаев: Я буду принимать лекарства.

Гуревич: Но только лекарства надо принимать per os, а не «per карман». И еще: напишите нам сейчас расписку в том, что вы больше никогда не будете заниматься политикой.

Николаев: Я такой расписки писать не буду.

Гуревич: Тогда я верну вас обратно в поднадзорную палату и вам будут продолжать делать инъекции до тех пор, пока вы не согласитесь написать такую расписку.

Николаев: Хорошо. Давайте бумагу и авторучку.

Гуревич: Давно бы так. Мы здесь и не таких героев обламывали.

Подает мне бумагу и авторучку. Смотрю на них. А они – на меня. Они – вольные, а я – в клетке, заколотый аминазином. Сидят довольные, ухмыляются: сломили потому что. Беру авторучку, пишу. Затем отдаю расписку Гуревичу. Тот берет мой лист, читает. Его морда из самодовольной постепенно превращается в кислую.

Гуревич: Что вы здесь написали?

Николаев: То, что вы меня просили. Расписку в том, что я больше не буду заниматься политикой.

Гуревич: Нет, но что вы тут написали?

Николаев: Расписку, которую вы так долго от меня добивались.

Гуревич: Но я такую расписку не приму.

Николаев: А я другой расписки писать не буду.

Немировский: Разрешите мне, пожалуйста. (Берет у Гуревича мою расписку, читает.) Да, ничего не скажешь, Николаев творчески подошел к порученному.

Матвеев: Можно мне? (Берет расписку у Немировского, читает, затем передает расписку обратно Гуревичу.)

Гуревич: И что вы мне прикажете с такой распиской делать?

Николаев: Что хотите.

Гуревич: А вы знаете, что я вас после такой расписки не выпишу!

Николаев: Вас не поймешь, Владимир Ильич. То вы угрожаете мне, что не выпишете меня до тех пор, пока я вам не напишу расписку. Теперь же, когда я вам такую расписку написал, вы опять грозитесь не выписать меня.

Гуревич: Вы прекрасно знали, что вам надо было в вашей расписке написать.

Николаев: Я и написал то, что надо было. Даже расшифровал, чтобы понятнее было.

Гуревич: Вы должны были написать, что вы не будете заниматься а н т и с о в е т с к о й п о л и т и к о й !

Николаев: Значит, вы оставляете за коммунистами право заставлять меня заниматься просоветской политикой?

Гуревич: Сейчас вас этого делать никто не заставляет.

Николаев: А на работе заставляли. И уволили за отказ заниматься просоветской политикой. И уже второй раз в психбольницу положили!

Немировский: Да, Николаев человек интересный, злопамятный. Он обид не прощает.

«РАСПИСКА.

Я, Николаев Евгений Борисович, обещаю, что я больше никогда не буду заниматься политикой. Я не буду ходить на политзанятия, не буду ходить на митинги, не буду ходить на коммунистические субботники, не буду брать социалистических обязательств в честь съездов КПСС, не буду принимать участия в выборах и голосовать за коммунистов. Я прошу принять меры к тому, чтобы меня никто не заставлял заниматься политикой, чтобы я имел возможность выполнить данное обещание.

Е. Николаев. Дата.»

Больше Гуревич ко мне по поводу всяких расписок не приставал.

В отделении находился в то время еще один инакомыслящий: Анатолий Поздняков. Он попал в психбольницу за то, что приклеил к зданию Моссовета антисоветскую листовку. Но я не буду писать об Анатолии подробнее, ибо надеюсь, что он сможет написать о себе сам*.

После возвращения на спокойную половину мне назначили три раза в день по 2 зеленых таблетки аминазина и к ним давали три раза в день по таблетке циклодола. Принимал я их, вопреки советам Гуревича, «per карман».

Несколько раз на обходах Гуревич говорил мне:

– *При вашем состоянии находиться в больнице совершенно нет необходимости. Но я вынужден вас держать из-за ваших антисоветских взглядов.*

Аналогично высказывался также профессор Матвеев:

– *Ваше состояние не такое, чтобы держать вас в психбольнице. Но весь вопрос в ваших взглядах. Чтобы вернуться домой, с ними надо расстаться.*

Отделению Гуревича «везло» на самоубийства, да и на попытки к самоубийству. И хотя я был на спокойной половине, а все такие случаи происходили на беспокойной, нам они все равно становились известными. Но однажды произошло ЧП. Один больной, Прейскурантов, который находился в больнице уже полтора года, получив от Гуревича очередной отказ в выписке, выбросился из окна, естественно, насмерть. (Отделе-

---

* В последнее время Анатолий Поздняков находился на принудительном лечении в психбольнице № 5 (Столбовая) за свое активное участие в независимом профсоюзном движении. Выписался он летом 1981 г.

ние находилось на четвертом этаже.) Это уже было самоубийство на *спокойной* половине!

Гуревич перетрухнул за свое будущее. Уж не знаю подробностей, как он отбрехивался от начальства, но отбрехаться ему удалось. Однако вскоре после этого ЧП 18 отделение разделили на два. На бывшей беспокойной половине сделали 21 отделение, а на бывшей спокойной половине под руководством Гуревича оставили 18 отделение. Одну из палат сделали поднадзорной, а все отделение стало беспокойным: режим сразу ухудшился.

Пациенты, у которых было развито чувство антисемитизма, говорили про Гуревича: «Хитрый жид! Выкрутился».

8 июля 1971 года Гуревич вызвал меня к себе в кабинет, где находилась также моя мать.

Гуревич: Я вас сегодня выписываю. Вы посидите в коридоре полчаса, я скоро вернусь, мы с вами немного поговорим и вы пойдете домой.

Сказавши это, Гуревич ушел. Вернулся он часа через четыре.

Николаев: Владимир Ильич, ну мы с вами поговорим перед выпиской?

Гуревич: Перед какой выпиской?

Николаев: Ну как же? Когда вы уходили, вы обещали меня выписать сегодня.

Гуревич: Я?! Обещал вас выписать?! Ничего подобного! Ни о какой выписке мы с вами не говорили. Вы тяжело больны, и вас надо еще долго лечить. Несколько месяцев. А сейчас идите в отделение, а то уже обед начинается и вы можете опоздать и остаться голодным.

Каково пережить-то это мне было? Все эти четыре часа я мыслями был уже дома. И вот – опять ждать еще несколько месяцев! Я до сих пор не понимаю, как я нашел тогда в себе силы, чтобы сдержаться? Этот перепад настроения, который мне устроил Гуревич, было очень тяжело перенести.

Прошло еще три дня, которые были даже тяжелее, чем те две недели, когда меня кололи аминазином.

11 июля моя мать пришла снова с вещами. Мне дали возможность в них переодеться. А потом уже два часа подряд Гуревич в своем кабинете мне, уже одетому в домашнюю гражданскую одежду, угрожал снова, грозился вернуть меня обратно в отделение, обещал переодеть меня обратно в больничную одежду и неоднократно повторял, что он раздумал меня выписы-

вать и домой я сегодня не вернусь, что сейчас он позовет санитаров и они меня переоденут…

Поиздевавшись надо мной всласть, Гуревич открыл передо мной двери отделения и, отпуская меня домой, протянул мне на прощание руку.

Николаев: Нет, Владимир Ильич, я вашу руку пожимать не буду.

Позже я узнал от других пациентов, что у Гуревича любимая забава – обещать пациенту выписку, затем тут же в ней отказывать и смотреть, как человек на это издевательство реагирует.

Бывали реакции разные. Одни сжимались в себе, находили силы сдержаться. Таких Гуревич через несколько дней выписывал. Но были такие, которые не выдерживали этой жестокой пытки и срывались. Их Гуревич держал дополнительно еще несколько месяцев.

И ОПЯТЬ – ДИСПАНСЕР

Вторую выписку я уже не воспринимал как освобождение. Я уже знал, что я должен посещать психдиспансер, беседовать регулярно с Шатохиной, той самой, которая так вероломно и подло обманом направила меня в психбольницу.

Больница меня измотала, и я хотел отдохнуть. Было лето. Моя мать снимала дачу под Москвой в Тарасовке, где находилась и моя дочка. А жена уехала из Москвы в отпуск. Дома я был один, и мне никто не мешал. Несколько раз я ездил в Тарасовку, гулял с дочкой. Водил ее на речку, в лес. Она была рада мне и радовала меня своими забавными детскими разговорами.

Через несколько дней после выписки я нехотя, с тяжелым чувством на сердце, пошел в этот проклятый диспансер. К счастью, Шатохина тоже была в отпуске и мне с ней беседовать не пришлось. Попал я на прием к дежурному врачу, какому-то мужчине.

Он задал мне несколько малозначащих вопросов, после чего выписал мне аминазин и циклодол. (Перед выпиской из больницы меня снабдили аминазином и циклодолом примерно дней на пять. Естественно, что я эти лекарства не принимал.)

От дежурного врача я решил пойти к главному, чтобы пожаловаться на грубость Шатохиной и на ее произвол. Однако

главный врач тоже был в отпуске и его замещала какая-то женщина. Пришлось разговаривать с ней.

Однако все мои попытки обжаловать незаконные действия Шатохиной разбивались как об стенку горох. На все мои доводы заместитель главного врача отвечала, что Шатохина, отправляя меня в психбольницу, беспокоилась прежде всего о моем здоровье.

Перед заместителем главного врача лежала моя «история болезни». На обложке – две большие красные буквы: СО*, и еще шифр: 295.3.**

Это уже что-то. По шифру можно будет узнать «диагноз». Более или менее передохнув, я пошел в институт сельскохозяйственной информации.

Там меня пожурили за то, что я взял в феврале работы и не вернул их: они такого не любят. Но новые статьи для реферирования дали. Придя домой, я стал их прорабатывать.

Примерно через десять дней (сейчас мне был установлен такой интервал посещения) я пошел в диспансер вторично. На этот раз дежурным врачом была какая-то женщина.

Узнав, что я не работаю, дежурный врач пыталась послать меня на работу в лечебно-трудовые мастерские клеить коробочки. Когда же я от работы в лечебно-трудовых мастерских отказался, она пригрозила сообщить о моем отказе моему лечащему врачу.

Ушел я из диспансера с плохим настроением. Новые заботы: мастерские, коробочки. Мог бы я ей рассказать про рефераты, да не хотел. По опыту с Шатохиной уже знал, что пользы бы это не принесло, а только один вред.

Однажды как-то на улице встретил я случайно того самого кандидата наук со значком ударника коммунистического труда из ВНИИДиС.

– *Здравствуйте, – накинулся он на меня, – что же вы в институт к нам не заходите?*

– *Не мог. Меня опять в больницу положили.*

– *Опять?! Почему?!*

Рассказал я ему и про диспансер, и про Шатохину, и про вторую госпитализацию, какие вопросы мне Гуревич задавал, как

---

* СО – социально опасен.

** Согласно книге В. Ф. Матвеева «Учебное пособие по психиатрии», «Медицина», 1975, стр. 122, этим шифром обозначена «параноидная шизофрения».

меня из-за сочувствия к Чехословакии на беспокойную половину поместили и две недели кололи, да как Гуревич у меня расписку вытягивал.

– *Какой кошмар! – воскликнул он. – Вы хоть это всё описали?*

– *Нет, пока не описал.*

– *Напрасно! Всё это надо описать, а потом опубликовать. Ведь то, что вы мне сейчас рассказали, – чудовищно. Писать надо обязательно.*

– *Я понимаю, что надо писать. Но для этого надо собраться с мыслями. А я устал после больницы, пока хочу отдохнуть. Но примерно через месяц смогу начать работу.*

– *Просто так этого не оставляйте. Обязательно напишите об этом статью или книгу, – сказал он мне на прощание.*

Вот и опять вернулся я к этой теме: надо что-то написать, разоблачающее советскую психиатрическую систему. И материала у меня было уже больше: не одна госпитализация, а две. И, к тому же, диспансер.

Но было много и сдерживающих моментов. Прежде всего – отсутствие выводов хотя бы для самого себя. Что-либо описать не так-то просто, как может показаться на первый взгляд.

Пока что у меня был только сырой материал, а отточенных слов и фраз, с помощью которых я мог бы достаточно ёмко и образно, доходчиво и читабельно все описать, у меня еще не накопилось. Психиатрического опыта было еще мало. Да и не стремился я его приобретать.

Как-то гуляя по Москве, я в одном из книжных магазинов обнаружил книгу А. А. Портнова и Д. Д. Федотова «Психиатрия». Я ее тут же купил. Для меня было ясно, что вся моя дальнейшая жизнь так или иначе будет связана с советской психиатрией, а поэтому мне надо было знать психиатрию, чтобы теоретически разбивать досужие домыслы советских держиморд от коммунистической психиатрии.

Когда я снова в очередной раз пришел в диспансер, то Шатохина уже вернулась из отпуска. Идти к ней я не хотел и потребовал, чтобы меня приняла заместитель главного врача.

Заместитель главного врача: А почему вы к Шатохиной идти не хотите?

Николаев: Потому что Шатохина незаконно направила меня в психбольницу.

Заместитель главного врача: Ну, вы совершенно напрасно на нее дуетесь! Но если вы не хотите с ней разговаривать,

то вы можете при посещении диспансера беседовать со мной.

На прощание она выписала мне рецепт на аминазин и циклодол, которые я, естественно, не принимал.

Реферирование статей для института сельхозинформации у меня двигалось. Пока я был вне стен психбольницы, мне удалось сделать довольно много рефератов, отдать их в институт и получить новую пачку статей для реферирования.

16 августа 1971 года из отпуска вернулась моя жена. Естественно, что я заговорил с ней о том, что она дала Шатохиной согласие на мою госпитализацию. Мы разругались, она убежала из дома и не вернулась ночевать.

17 августа во второй половине дня ко мне домой пришел какой-то мужчина, представившийся как врач психдиспансера, который пригласил меня в психдиспансер на беседу.

Поехали мы туда на санитарной машине.

Вот запись беседы с ним, которая состоялась уже в диспансере.

Врач: Почему вы вчера избили свою жену?

Николаев: Я вчера жену не бил. Мы действительно разругались, но я ее и пальцем не тронул.

Врач: Вы лекарства принимаете?

Николаев: Да, принимаю.

Врач: Вы меня обманываете. Если бы вы принимали лекарства, то вы бы не поругались с женой.

Николаев: Я поругался с ней по уважительной причине: она дала согласие на мою госпитализацию в феврале. Она не имеет права распоряжаться моей жизнью и моей свободой. И после того, как она дала согласие на мою госпитализацию, она еще приходила в больницу и брала доверенность на мою пенсию. Она получила мою пенсию за март и апрель, и я требовал от нее вернуть мне мои деньги.

Врач: В ваших интересах, чтобы я направил вас в больницу.

Николаев: Мне в больнице делать нечего. И оснований для госпитализации нет. А то, что вы говорите о том, что якобы я ее избил – то это клевета.

Врач: Если я вас не помещу в больницу, то вам через суд дадут принудку и отправят в Столбовую на полгода. А если я вас направлю в больницу, то вас там продержат не больше двух-трех недель. Вы находитесь в таком состоянии, что вам нет необходимости находиться в больнице. Но из-за угрозы суда над вами я вынужден вас в больницу направить.

Николаев: Пусть лучше будет следствие и суд. Я скажу на следствии и суде то, что было на самом деле: то, что я ее не трогал.

Врач: Вы – наивный человек. Вас на суд никто не вызовет, потому что вы – невменяемый. И вера будет вашей жене, а не вам. Потому что вы – больной, а она – здоровая.

Николаев: Но я действительно ее не трогал.

Врач: Я верю вам, а не ее заявлению. Но по ее заявлению я вынужден направить вас в больницу. Я вам советую о ней развестись.

Тем временем он закончил писать путевку. Прикрыв ее почти всю, он показал мне самую последнюю строчку:

Врач: Смотрите, я в путевке пишу, что рекомендую вас поместить на спокойную половину.

Итак, через 37 дней после выписки, меня вновь госпитализировали. На этот раз в психбольницу № 3, так как в психбольнице № 15 был карантин в связи с дизентерией.

КАК ПРОЙТИ НА ПРИЕМ К ТОВАРИЩУ БРЕЖНЕВУ?

И вот началась моя самая длительная госпитализация. В приемном покое психбольницы я попросил, чтобы меня поместили в санаторное отделение.

– Мы же вас не знаем, – возразил мне дежурный врач.

– Но в путевке написана рекомендация, чтобы меня поместили на спокойную половину, – ответил я.

– Хорошо, я направлю вас в санаторное отделение, – согласился он.

Слово свое он сдержал и направил меня в отделение № 4, санаторного типа, которым заведовала Березина Георгина Георгиевна. Она же была и моим «лечащим врачом».

Обстановка в отделении действительно была лучше, чем то, что мне уже приходилось видеть раньше. Из шести палат заняты были только три. Не было характерной для других отделений скученности, не было «чумы» (тяжело больных) и санитарья. Пациенты выглядели вполне прилично и многие из них ходили в своих домашних пижамах.

Во всем остальном режим совпадал: это было то же заключение и отсутствие свободы, сплошные замки. И к тому же над каждым постоянно висела угроза перевода в обычное отделе-

ние, где режим хуже. И эта угроза давила на мозги и сводила на нет и без того куцые преимущества санаторного отделения.

Утром следующего дня я познакомился с пациентом Закировым Шавкатом. Позже он мне подробно рассказал о себе. Он – таджик, житель Самарканда и студент филологического факультета университета в Душанбе по специальности таджикский язык и литература. А кроме того, как оказалось, Шавкат прекрасно знает литературный персидский язык. Он был госпитализирован в психбольницу № 3 в связи с тем, что приехал в Москву и обратился в Президиум Верховного совета Совдепии с просьбой, чтобы ему выдали разрешение на выезд в Швейцарию.

Ранее в Самарканде он тоже подвергался психиатрическим репрессиям со стороны коммунистов за то, что он писал письма в швейцарское посольство в Москве и пытался перейти советско-иранскую границу.

Узнав от Шавката, что он знает персидский язык, я тут же под его руководством занялся им. Трудностей особых у меня не было, так как я уже знал много персидских слов и письменность. Поначалу Шавкат от меня уставал, но дня через три-четыре я уже говорил с ним по-персидски, был для него хоть и примитивным, но собеседником.

Занимался я персидским языком все три недели, пока находился в 4-ом отделении, уделяя занятиям по несколько часов в день, по возможности делая основной упор на разговорную практику с Шавкатом. Шавкат же проверял мои довольно обширные письменные сочинения, в каждом из которых количество ошибок неумолимо со дня на день сокращалось. После исправления ошибок я свои вольные письменные сочинения (поначалу размером в 1-2 рукописные страницы, затем по 15-16 страниц) заучивал наизусть на персидском языке и пересказывал их Шавкату, который поправлял меня, если я делал ошибки в ударении или что-то забывал.

Но вернусь от персидского языка, о котором писать интересно, к «медицине» и к моим разговорам с Березиной.

Березина осмотрела меня на второй день после моей госпитализации. Вопросы она задавала малозначительные: причины попадания в психбольницу, самочувствие, причины моих двух предыдущих госпитализаций. Мой вопрос окончательно она обещала решить после того, как обо мне придет информация из психбольницы № 15, где я находился до этого. Политических вопросов она мне не задавала ни на этой беседе, ни во время

обходов в течение нескольких первых дней моего пребывания в ее отделении.

После первой беседы Березина назначила мне по одной желтой таблетке аминазина (концентрация лекарства в ней в два раза меньше, чем в зеленой) и по таблетке циклодола три раза в день. Лекарства я выкидывал.

Прошло несколько дней довольно однообразной обстановки, когда в основном я занимался персидским языком. Однажды Березина вновь вызвала меня на беседу к себе в кабинет. (Судя по ее вопросам, на меня пришли документы из психбольницы № 15.)

Березина начала сразу довольно круто, как говорят – «быка за рога».

Березина: Расскажите мне о своих политических убеждениях.

Николаев: Я говорить с вами о политических убеждениях отказываюсь. Политические убеждения – не область психиатрии.

Березина: Ну, почему же вы так думаете? В психиатрии есть такое понятие – «бреды». Бывают бреды ревности, преследования, религиозные. А такие бреды, как у вас, называются политическими.

Николаев: Вы при определении моих политических взглядов как признака психического заболевания исходите из официально признанной в СССР идеологии, которая не признает права на существование других точек зрения. На Западе, где существует многопартийная система и существуют самые различные идеологии и точки зрения, мои политические взгляды никто не стал бы расценивать как проявление психического заболевания.

Березина: Западные психиатры тоже бы признали вас больным.

Николаев: В таком случае предоставьте мне возможность встретиться с западными психиатрами.

Березина: В этом нет необходимости. Понятие психического заболевания одинаково, что у нас, что за рубежом. Любой иностранный психиатр признал бы вас больным.

Николаев: И кроме того, ваш вопрос о моих политических убеждениях не имеет отношения к моей госпитализации. Я помещен в больницу за конфликт в семье, поэтому о нем только и спрашивайте. Я уже вам говорил, что возьму с женой развод и конфликтной ситуации больше не будет.

Березина: Ваши убеждения тоже имеют отношение к вашей госпитализации.

Николаев: Кроме того, врач, который направлял меня в больницу, сказал мне, что по своему состоянию я не нуждаюсь в лечении в психбольнице и что меня здесь продержат не более двух-трех недель.

Березина: С вашими взглядами вы тремя неделями не отделаетесь.

Николаев: Кроме того, у меня дома лежит несколько статей из института сельхозинформации, с которыми я должен работать.

Березина: Вот вылечитесь сначала, а потом работайте.

Николаев: Я в лечении не нуждаюсь.

Березина: И я вас не выпишу до тех пор, пока вы не откажетесь от своих неверных взглядов.

После этой беседы Березина на обходах ежедневно стала задавать мне вопросы о моих политических взглядах. Я постоянно отказывался отвечать ей на подобные вопросы, и наши короткие разговоры принимали характер обоюдных злобных перепалок. Она обругивала меня больным, а я называл ее старой дурой, и глупой идиоткой, и коммунистической сволочью.

Тем временем моя мать, которая по моему поручению должна была отнести в суд мое заявление о расторжении брака, на одном из свиданий сообщила мне, что брак, оказывается, был расторгнут еще 6 мая 1971 года, когда я находился в отделении № 10 психбольницы № 15. Народный суд Кировского района города Москвы, производя этот развод, не удосужился информировать меня об этом.

В этот же день моя мать показала это свидетельство о расторжении брака Березиной. Березина восприняла это весьма своеобразно: повысила мне дозировку аминазина. И, как выяснилось, за то, что суд несколько месяцев тому назад произвел развод. Вот как она сама это объяснила:

Березина: Вы сегодня узнали, что от вас ушла жена. Это не могло не отразиться на вашей психике. Поэтому я и повысила вам дозировку аминазина.

Еще через два-три дня Березина пригласила меня к себе в кабинет. Помимо нее там сидело двое мужчин. Один из них, как мне удалось узнать, был заместитель главного врача больницы Шмаков. Березина молчала почти все время. Вопросы вперемежку задавали мужчины.

– *Почему вы не ходили на коммунистический субботник?*

Николаев: На этот вопрос я уже отвечал во время моих прошлых госпитализаций. Меня выписали. Значит врачи решили, что мое неучастие в субботнике уже неактуально. Поэтому я отказываюсь отвечать вам на этот вопрос.

– А почему вы не ходили на политзанятия?

Николаев: И на этот вопрос я отвечал уже во время моих первых двух госпитализаций. Вам на него я отвечать отказываюсь.

– А почему вы поссорились с женой?

Николаев: Я не знал, что она втайне от меня оформила развод. Сегодня, когда я об этом узнал, конфликтная ситуация оказалась ликвидированной и я вам на этот вопрос отвечать не буду.

– Почему вы недовольны существующим в нашей стране строем?

Николаев: В этом нет ничего плохого. При любом строе есть недовольные. Однако революционеров, которые были недовольны царским режимом, почему-то психически больными никто не считает.

– Ну, то в царское время. Тогда все было понятно. Тогда был капитализм. А разве сейчас можно быть недовольным? Ведь у нас в стране социализм!

Николаев: Оппозиция существует при любом строе и это является нормой, а не патологией.

– А вы при каком строе хотели бы жить, при социализме или при капитализме?

Николаев: Я отказываюсь отвечать на ваш вопрос, потому что считаю, что он поставлен безграмотно.

– А почему вы хотели уехать за границу?

Николаев: Я за границу уехать не хотел.

– Нет, хотели!

Тут в разговор вмешалась Березина, которая до сих пор молчала.

– Ну, хватит, что вы, в самом деле? Вы же знаете, что он не собирался эмигрировать! Зачем спрашивать о том, чего не было?

По окончании беседы я вышел в коридор и отошел в сторону. А «врачи» продолжали обсуждать мой случай. Кто-то из мужчин говорил слишком громко, хотя издалека слов было и не разобрать. Я подошел поближе к двери и услышал: «Отвечает четко, аргументированно, взвешивает каждое слово. А какова логика!»

Тут меня от двери отогнала медсестра, после чего она вошла в кабинет и сказала «врачам»: «Потише, он тут стоит у двери и всё слушает».

После этой беседы, ни о чем меня не предупредив (из-за чего в отделении остались мои книги и тетради, а также продуктовая передача: книги с тетрадями затем пропали), меня отвели в отделение № 2, которое относится к категории буйных. Всего в отделении № 4 я пробыл три недели.

В отделении № 2 меня поместили в поднадзорную палату, откуда никуда нельзя было выйти. Очень меня огорчила разлука с Шавкатом, ибо пришлось совершенно неожиданно для себя прервать занятия персидским языком.

Отделение было переполненным, многие больные были тяжелые. Утром следующего дня меня вызвал к себе на беседу заведующий отделением Лисицын. За все две недели моего пребывания у него в отделении он ни разу не задал ни одного политического вопроса и в этом смысле произвел на меня хорошее впечатление.

Попал к нему в отделение один жалобщик-молдаванин. Уж не знаю точно, какая у него в Молдавии случилась беда, которую ему не удалось разрешить на месте, но приехал он в Москву на прием лично к товарищу Брежневу.

В Москве человек впервые, ничего здесь не знает. Пришел он на Красную Площадь, символ свободы всех времен и народов, и подошел к первому попавшемуся на глаза милиционеру: «Скажите, как мне пройти на прием к товарищу Брежневу?» – «К товарищу Брежневу? Сейчас. Идите за мной».

Не подозревающий никакого подвоха молдаванин пошел за милиционером и … оказался в буйном отделении психбольницы № 3.

Очевидно, юморист-милиционер решил, что в этом же отделении и Брежнёв от шизухи лечится. Во всяком случае, «чума» была бы рада появлению в своей среде Ильича II.

Лисицын выписал этого молдаванина через несколько дней и посоветовал ему больше никогда не искать справедливости у такого высокого начальства.

Однажды меня подозвали к окну: за окном были Шавкат и еще двое знакомых ребят из четвертого отделения. Я стал с ними разговаривать через форточку. Вдруг я почувствовал удар в спину. Обернулся. Не дав мне опомниться, санитар ударил меня в живот.

– Ты что бьешь меня?! Сволочь!! Гад коммунистический!!!

В ответ он ударил меня еще несколько раз. Я заорал на все отделение. Сбежались и больные, и персонал, в том числе и дежурная сестра.

Меня отвели в поднадзорную палату и привязали. Потом сделали укол аминазина. Был я на вязках часа два, после чего попросился в туалет и меня отвязали. До туалета я не дошел, так как потерял сознание. Когда сознание ко мне вернулось, я встал. Второй раз я потерял сознание уже в туалете, упав на кафельный грязный пол. Выйдя из туалета, я потерял сознание в третий раз. Только тогда мне догадались сделать внутривенную инъекцию кордиамина.

На следующий день я пожаловался Лисицыну на санитара, который меня избил, а также на медсестру, которая назначила мне укол. Лисицын обещал во всем разобраться и тут же перевел меня из поднадзорной палаты обратно в общую.

Так прошло около двух недель. Неожиданно принесли мою одежду. Это было 22 сентября 1971 года. Поначалу я решил, что это меня домой выписывают.

– *Нет, – развеял мою наивность Лисицын, – вас переводят в пятнадцатую больницу.*

– *А почему?*

– *Карантин там кончился, а вы числитесь за пятнадцатой больницей.*

– *А как же выписка?*

– *Я ничего не смог для вас сделать. Но вы скажите своему новому лечащему врачу в пятнадцатой больнице, что я готовил вас к выписке.*

И повезли меня в пятнадцатую психбольницу.

ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА НЕЗАКОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?

И опять этот до тошноты знакомый приемный покой. Народу в этот день навезли особенно много. Все из других психбольниц, где люди находились, пока в пятнадцатой больнице был карантин. Ждать поэтому пришлось очень долго. В закуточке, куда всех запихали, чтобы скучно не было, висел плакат, повествующий о жизни и деятельности В. И. Ленина, и большая надпись на красном полотнище:

«ПАРТИЯ ЛЕНИНА ВЕДЕТ НАС К КОММУНИЗМУ!»

Это чтоб знали психи, куда их привезли и что их в будущем ожидает. А до коммунизма рукой подать: любое отделение на выбор.

Наконец-то и до меня дошла очередь. Женщина-врач задала мне только один вопрос:

Врач: Что это за схема социального переустройства общества, которую вы разработали?

Николаев: Я никаких схем социального переустройства общества не разрабатывал и об этой схеме слышу от вас впервые.

Из приемного покоя меня отправили в отделение № 2, которым заведовала Туберт Ида Михайловна, типичная садистка, о которой мой товарищ Кирилл Глебов сказал: «Ей не в больнице, а в концлагере надо работать».

Но Туберт и в больнице неплохо устроилась, превратив свое отделение в миниатюрный концлагерь.

Моим «лечащим врачом» был Белый Борис Иосифович, не уступавший Туберт в садизме и жестокости. Он полностью удовлетворял перефразировке пациентов, которые своих врачей называли не лечащими, а «калечащими».

У Бориса Иосифовича только фамилия была «Белый», сам же он был откровенно ярко-красным, коммунистом до мозга костей, и по убеждениям, и по характеру своих действий. Сочетал издевательства над больными с общественной работой: был пропагандистом-политинформатором и вел среди персонала отделения политзанятия.

Нигде я не встречал более жестокого режима содержания, как в этом отделении, хотя и не отрицаю того, что бывает и хуже. А столь же садистскую личность, как Белый, я встретил только через 7 лет в «Кащенко» в отделении № 6.

Туберт запрещала больным в отделении иметь авторучки, карандаши, бумагу, тетради, книги. После завтрака всех пациентов, кроме тех, которые находились в поднадзорной палате, а также в инсулиновой, загоняли в комнату «отдыха» на трудотерапию. Хотя сам зал был и большим, но если набить туда несколько десятков человек, то становится довольно тесно. Кроме того, участие в трудотерапии у Туберт было обязательным.

В других отделениях, где мне приходилось бывать раньше, тоже бывала трудотерапия, в основном клейка пакетов. Но там не следили за тем, чтобы все участвовали в трудотерапии. А Туберт следила.

Кроме того, в отделении проводились повальные шмоны, как в палатах, так и у самих пациентов. Сидеть же на трудотерапии приходилось от завтрака до обеда. За малейшую провин-

ность или пререкание в этом отделении переводили в поднадзорную палату и назначали уколы.

«Провинность» могла быть самая различная: у кого-то обнаружена книга или карандаш, авторучка, кто-то не клеит на трудотерапии конверты. А если еще и возмущаешься тем, что забрали твои книги или тетради, тогда уж инъекций точно не избежать. В такой обстановке и проходило мое пребывание в этом отделении, где я часто нарывался на конфликты и несколько раз попадал на уколы.

Бывали случаи, когда больные не выдерживали издевательств со стороны персонала и «врачей». Доведенный до отчаяния издевательствами один больной как-то разбил стекло, выпрыгнул со второго этажа и побежал к строительству*. Там он пытался покончить самоубийством, старался схватиться за рубильник. Рабочие его еле оттащили.

Из отделения никого не пускали на кухню за пищей, как это делалось в других отделениях. Пищу приносили пациенты алкогольного отделения.

Но перейду к последовательному изложению, как события развивались у меня лично.

23 сентября 1971 года меня вызвал на беседу Белый Борис Иосифович.

Белый: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Нормально. Врач в третьей больнице не считал, что мне нужно находиться в больнице, и готовил меня к выписке. Но выписать меня он не успел, так как в пятнадцатой больнице кончился карантин и меня перевели сюда. Поэтому я прошу вас меня выписать.

Белый: Я должен сначала с вами побеседовать, понаблюдать за вами. На это мне потребуется время.

Николаев: И много?

Белый: Пока не знаю. Скажите, почему вы не ходили на политзанятия?

Николаев: Я уже отвечал на этот вопрос в первом и восемнадцатом отделениях. Думаю, что сейчас ставить этот вопрос не обязательно.

Белый: А почему вы октябрьскую революцию называете контрреволюционным переворотом?

Николаев: Потому что революция в России произошла в

---

* Тогда еще строился новый корпус, в котором сейчас находятся приемный покой и главный вход в психбольницу № 15.

феврале 1917 года, а большевистский переворот ликвидировал демократические завоевания этой революции. Но к психиатрии мое мнение отношения не имеет.

Белый: Вы считаете себя борцом?

Николаев: Нет, не считаю.

Белый: А вы бы стали с оружием в руках бороться с советской властью в случае антисоветского мятежа?

Николаев: Нет, не стал бы, потому что у меня оружия нет.

Белый: А если бы у вас было бы оружие, например, автомат?

Николаев: И в таком случае не стал бы. Я стрелять не умею.

Белый: А если бы вы умели стрелять?

Николаев: И в этом случае не стал бы, потому что у меня еще и патронов нет.

Белый: А если были бы патроны?

Николаев: И тогда бы не стал, потому что я их заряжать не умею.

Белый: А если бы умели заряжать?

Николаев: И тогда бы не стал, ибо я целиться не умею.

Белый: А если бы умели целиться?

Николаев: Послушайте, прекратите этот идиотский допрос. Вы что, из себя дурака корчите, что ли?

Белый: Вы тут с выражениями полегче, если не хотите на иглу. Первый раз это вам сошло, а второй уже не сойдет. Посажу на иглу недели на две, чтобы знали, как со мной разговаривать. Отвечайте на вопросы, как я вас спрашиваю. Вы состояли когда-нибудь раньше членом какой-нибудь незаконной политической организации?

Николаев: Состоял.

Белый (с явным интересом): Да? Когда?

Николаев: Я вам признаюсь. Только вы никому не расскажете?

Белый: Нет, что вы? Никому!

Николаев: А в «историю болезни» не запишете?

Белый: Нет, нет! Ни в коем случае!

Николаев: А нас здесь никто не подслушивает?

Белый: Нет, что вы! Кроме нас здесь никого нет.

Николаев: А там за дверью тоже никого нет?

Белый (встает, подходит к двери, затем плотно ее закрывает и возвращается к своему столу): Там никого нет.

Николаев: Я вам признаюсь. Я действительно раньше состоял членом незаконной политической организации.

Белый: Что же это за организация?

Николаев: Только я в нее давно вступил, по молодости.

Белый: И вы до сих пор в ней состоите?

Николаев: Нет, что вы? Я из нее вышел, когда понял ее реакционную сущность.

Белый: Так что же это за организация?

Николаев: Я вам на ухо скажу, чтобы никто, кроме вас, не слышал.

Белый (привстает, пододвигается ко мне, наклоняет ко мне ухо): Ну, говорите.

Николаев (тихо, тихо, шёпотом): Комсомол.

Белый весь взбеленился, озверел, да как заорет:

Белый: Я ВАС СЕРЁЗНО СПРАШИВАЮ!

Николаев: А я вам серьезно отвечаю! Единственная незаконная политическая организация, членом которой я был, – это комсомол. Из комсомола я вышел, а в другие незаконные политические организации не вступал и вступать не собираюсь. И больше мне этих глупых вопросов о членстве в незаконных организациях не задавайте. Надоело уже. Я психически здоровый человек, и вы это видите.

Прошло несколько дней. В отделении провели шмон. У меня забрали книги, мои записи, личные письма, которые я написал друзьям, авторучку. Я стал возмущаться. Меня перевели в поднадзорную палату и затем кололи аминазином две недели.

Когда эти кошмарные две недели, которым, казалось, не будет конца, все-таки кончились, то я стал требовать, чтобы мне вернули книги и мои записи, потому что это – моя работа.

Белый: Когда выпишетесь, тогда и будете работать. А сейчас вам надо лечиться.

Николаев: Мне лечение не нужно.

Белый: Если вы мною недовольны, то можете жаловаться на меня городскому психиатру. Кстати, вы его хорошо знаете.

Николаев: А кто городской психиатр?

Белый: Профессор Матвеев.

Николаев: Ну, Матвееву жаловаться бесполезно. Но вы не учитываете, что возмездие придет. Было время, когда расстреляли Ежова и Берия за их преступления. Будет время, когда начнут привлекать к ответственности и советских психиатров.

Белый: Ах, вы еще и угрожать! Ничего у вас не выйдет! Советская власть стоит прочно! Ее не только на вас, но и на ваших внуков и правнуков хватит!

Николаев: Возможно, что советской власти и хватит мне даже на несколько принудок. Но возмездие коммунистам и психиатрам придет при жизни нашего поколения. Так что спокойной старости у вас не будет и расплачиваться за преступления, которые вы сейчас совершаете, вам придется.

Результатом этого разговора было то, что Белый поместил меня обратно в поднадзорную палату и продолжил мне курс инъекций аминазина.

В ТРОИЦКОМ – АНДРОПОВЕ

Но вот и психиатрическая городская больница № 5, всюду известная под названием «Столбовая». Так она названа по имени ближайшей железнодорожной станции по Курской дороге. Фактически же она находится в стороне, в селе Троицкое Чеховского района Московской области, почтовое отделение Троицко-Антропово (точнее было бы Троицко-АнДропово, как метко заметил один из диссидентов).

В приемном покое дежурил заведующий отделением № 10. Пока мы с ним говорили, выписка, составленная на меня Белым и Туберт, была открыта и я смог прочитать, что они там обо мне написали:

«Писал несколько раз письма Солженицыну. Восхищался разгромом коммунистической партии в Индонезии. По политическим убеждениям вышел из комсомола. Октябрьскую революцию называет контрреволюционным переворотом. Разработал схему социального переустройства общества. Предсказывает скорое падение советской власти, после чего марксозавры свое получат. При разговорах на политические темы входит в состояние аффекта. Утверждает, что знает 30 языков. Злобен по отношению к врачам и персоналу. Угрожал врачам, которые его лечили, жестокой расправой. Себя больным не считает, постоянно требует выписки. Нуждается в длительном лечении в больнице загородного типа».

Дежурный врач задавал вопросы, исходя из содержания этой путевки.

Врач: Вы писали письма Солженицыну?

Николаев: Я думаю, что это не имеет отношения к психиатрии.

Врач: Почему вы восхищались разгромом компартии в Индонезии?

Николаев: Сейчас надо уже восхищаться разгромом компартии в Судане, а вы все еще про Индонезию спрашиваете.

Врач: А почему вы вышли из комсомола?

Николаев: Это мое личное дело.

Врач: Почему вы считаете, что октябрьская революция – это контрреволюционный переворот?

Николаев: Я думаю, что этот вопрос к психиатрии отношения не имеет.

Врач: А что это за схема социального переустройства общества, которую вы разработали?

Николаев: Я не разрабатывал схемы социального переустройства общества.

Врач: Почему вы считаете, что советская власть вскоре прекратит свое существование?

Николаев: Этот вопрос не имеет отношение к психиатрии.

Врач: А кто такие «марксозавры»?

Николаев: Коммунисты.

Врач: Странно, почему вы их так называете?

Николаев: Я – биолог и этим термином хочу подчеркнуть их архаичность.

Врач: Каковы у вас были отношения с персоналом?

Николаев: Я с персоналом не ссорился.

Врач: А с врачами?

Николаев: Белый меня заколол. Это самый настоящий садист.

Врач: Ну что вы? Не может быть! Я Белого хорошо знаю. Мы с ним вместе учились, а потом одно время вместе работали в Молдавии.

Николаев: Вы знаете Белого как коллегу по работе, а я знаю Белого как «лечащего врача».

Врач: Вы врачам угрожали?

Николаев: Нет, не угрожал. Чтобы угрожать, надо хотя бы иметь потенциальную возможность осуществить угрозы. У меня такой возможности нанести врачам вред нет. Я врачам не угрожал.

Врач: Вы знаете языки?

Николаев: Да, знаю.

Врач: И много?

Николаев: Да, много.

Врач: А английский знаете?

Николаев: Немножко.

Врач: Вот вам книжка на английском языке. Вы сможете прочесть?

Николаев: (Читаю, перевожу. Процент понимания незнакомого текста оказывается равным 85.)

Врач: А вы арабский язык знаете?

Николаев: Изучал.

Врач: У меня в отделении лежит один араб.*

Николаев: В таком случае можно мне попасть в ваше отделение?

Врач: Нет, вам не позволяет ваше психическое состояние. Вы считаете себя больным?

Николаев: Нет, не считаю.

Врач: В ваших ответах очень много резонёрства. Я вас отправлю в седьмое отделение, к Иткину.

И меня повели в отделение № 7. По дороге я успел заметить объявление в главном корпусе психбольницы:

«СЛУШАТЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА! ПРИХОДИТЕ НА ОЧЕРЕДНОЕ ЗАНЯТИЕ С ЗАЧЕТНЫМИ КНИЖКАМИ».

Как мне позже удалось узнать, седьмое отделение было одним из самых тяжелых в пятой больнице и считалось полурежимным. В нем 39 больных (примерно из ста) сидели за убийства. Сюда же коммунисты помещали и политических. Из рассказов старожилов отделения как минимум трое политических здесь были до меня, двое были одновременно со мной, а позже в этом же отделении лежали Пётр Григорьевич Григоренко, Пётр Старчик, Анатолий Поздняков.

Заведовал отделением Иткин Наум Григорьевич, моим «лечащим врачом» стала Жанна Николаевна Трухан.

Утром 29 ноября 1971 года она вызвала меня на беседу и начала с места в карьер.

Трухан: Расскажите мне о своих политических убеждениях.

Николаев: Вы знаете, не могу.

Трухан: Почему?

---

* Позже, со слов других пациентов, а также врачей Столбовой мне удалось узнать, что этот араб был завербован КГБ и был советским шпионом в одной из арабских стран. Когда же его разоблачили как советского агента, то ему удалось переправиться в Совдепию. Но даже находясь в Совдепии, он не был спокоен за свою жизнь, и его поместили в Столбовую, где он до сих пор дрожит от страха, опасаясь возмездия за свое шпионское прошлое.

Николаев: А я давал расписку в том, что я больше никогда не буду заниматься политикой и не буду ни с кем говорить о политике.

Трухан: Это правильно, политикой заниматься не надо. Но мне вы о своих политических убеждениях рассказать можете.

Николаев: Нет, Жанна Николаевна, никак не могу. Мне говорили, что если я буду с кем-либо говорить о политике, то мне же будет хуже.

Трухан: Совершенно верно, о политике ни с кем говорить не надо. Но я вас спрашиваю как врач.

Николаев: А разве политические убеждения имеют отношение к психиатрии?

Трухан: Негативное отношение к советскому строю в нашей стране считается психическим заболеванием. Может быть, через две тысячи лет это заболеванием считаться не будет, но в настоящее время считается так.

Николаев: И все же будет лучше, если вы меня будете спрашивать о здоровье. Я ведь здоровый человек и прошу меня выписать.

Трухан: Выписать вас мы не можем до разрешения социального конфликта в семье.

Николаев: У меня нет семьи.

Трухан: Как нет?

Николаев: Моя бывшая жена разошлась со мной еще в начале мая.

Трухан: А дети есть?

Николаев: Есть.

Трухан: Вы платите алименты?

Николаев: Нет.

Трухан: Живете пока на одной площади?

Николаев: Да.

Трухан: Квартира у вас большая?

Николаев: Трёхкомнатная.

Трухан: Вот и начинайте сразу же раздел жилплощади. Пока вы его не произведете, мы вас не выпишем.

Николаев: Почему?

Трухан: У нас такой порядок.

Николаев: Но как же я, находясь в больнице, смогу производить размен жилплощади?

Трухан: У вас родственники есть?

Николаев: Есть.

Трухан: Кто?

Николаев: Мать.

Трухан: Напишите ей доверенность, пусть она занимается этим.

Николаев: А если этот размен жилплощади растянется года на два?

Трухан: Значит, будете находиться здесь.

Николаев: А если моя бывшая жена не будет возражать против моей выписки на нашу пока общую жилплощадь?

Трухан: Если мы получим от нее письменное согласие, то тогда сможем выписать вас и до размена, в зависимости от вашего состояния.

Николаев: Тогда я должен ей написать письмо.

Трухан: Конечно, пишите.

Первые две недели я не получал вообще никаких лекарств. Это была передышка после уколов, которые назначал Белый и его сменщик. Обходов здесь почти не делалось, всё было пущено как-то на самотёк и обстановка была гораздо спокойнее, чем в 15-ой или в 3-ей больнице.

Сейчас я хочу дать описание седьмого отделения и режима в нем. Прежде всего, бросается в глаза бóльшая степень внутренней свободы в отделении. Поднадзорные палаты есть, но в них никого целыми днями не держат: любому больному можно ходить по всему отделению. Есть библиотека, которой на общественных началах заведовал книжный вор Павел Гришкевич. Книги и журналы периодически обновлялись и через Павла можно было сделать заказ из общебольничной библиотеки.

Довольно регулярно группу больных по списку, утвержденному врачом, водили смотреть кино в больничный клуб. За кино надо было платить 20 копеек. При себе денег иметь не разрешалось, а деньги хранились у старшего медбрата. У кого был личный счет, списывал 20 копеек на кино. На личные деньги можно было также заказать продукты в магазине и предметы первой необходимости. Часто в подвале устраивался товарищеский чай. Пускали туда по списку, утвержденному врачом. Приходили также на чай гости из других отделений, мужских и женских, играл джаз-оркестр из больных. К чаю на деньги больных покупали фрукты, печенье, конфеты. Пациенты пили чай, танцевали, смотрели концерт художественной самодеятельности.

Если товарищеский чай устраивался в других отделениях, то из нашего отделения туда по списку всегда водили 5-6 человек. Иногда торжественные вечера с чаем устраивались в больничном клубе. Туда обычно водили человек по 10 из каждого

отделения. Списки каждый раз утверждал врач. Больничная одежда мало чем отличалась от гражданской.

В отделении были пластинки и проигрыватель. Пластинки можно было заводить и слушать.

Проще было и со свиданиями. Если в Москве выделялось только два часа в неделю, то в Столбовой на свидание выделялось три дня в неделю, и можно было находиться на свидании хоть целый день (с перерывом на обед и тихий час). А если к кому из пациентов родственники приезжали не в приемный день, то их все равно пускали на короткое свидание.

Периодически устраивались литературные вечера. Как-то Иткин предложил всем убийцам прочитать книгу Достоевского «Братья Карамазовы». А потом на литературном вечере в целях психоанализа организовал среди убийц дискуссию на тему правомерности и оправданности убийств вообще и того, которое описано в книге, в частности. Разумеется, каждый из выступавших в дискуссии, говорил то, что Иткин желал услышать: убивать – плохо, ни в коем случае нельзя. И никто из нас больше никого убивать не будет.

На этом преимущества кончались. В Москве люди в психбольницах сидят по несколько месяцев, хотя мне и приходилось видеть в 15-ой больнице людей, которые находились там 5 (пять) лет и 19 (девятнадцать) лет. Но это – исключительные случаи.

В Столбовой же люди сидят годами. У кого ни спросишь – всё годы называют: два года, три года, четыре, пять, а то и десять лет, пятнадцать, двадцать, двадцать пять лет, а то и больше!

В одном из отделений, говорят, сидит старик со времен Первой Мировой войны! Его я лично не видел, а вот таких, которые Вторую Мировую войну в больнице провели и ни разу с тех пор не выписывались, – видел. Интересно узнать, какова же квалификация психиатров в Столбовой, если они за такие длительные сроки людей вылечить не могут и превратили для многих больницу в пожизненную тюрьму? Я понимаю, что госпитализировать этих людей могли и в тяжелом психическом состоянии. Но не лечить же их десятилетиями!

Контингент пациентов был самым различным. Очень много было «чумы», тяжелобольных, совершенно неконтактных. Такие и в Москве есть, но мало. А в Столбовой их очень много, примерно треть всего отделения.

Особенно запомнился среди них мне один, которого звали Толя. Похоже на то, что парень он был не плохой. Но его мучили голоса. И когда у него начинались галлюцинации, то он хватал стул и начинал от своих «врагов», «которые на него нападали», ожесточенно стулом отбиваться. Тут уж держись от него подальше, чтобы он стулом по голове не заехал. А другие больные, обступив его, но оставаясь тем не менее на почтительном расстоянии, подзадоривали Толю: «Так его! Так! Сильнее бей!»

Вторая группа – принудчики. Надо сказать, что все они вполне здоровые ребята. Кто попал за воровство, кто за драку, кто за убийство, кто еще за что. Многие из них открыто говорили, что «косили» (симулировали) на экспертизе, чтобы в тюрьму не идти. Здесь уголовникам вольготно жилось. Сохранялась прописка, не было формально судимости, работать не надо, передачки и свидания частые. А на воровской квалификации признание невменяемости никак не сказывалось. (В отличие, например, от диплома московского университета.)

Разговоры про воровство велись в отделении в открытую, при персонале. Это не пресекалось. Не считалось, что один «больной-клептоман» других «клептоманов» индуцирует и мешает им лечиться. А персонал даже участвовал в этих разговорах, подробности расспрашивал.

Свободно можно было говорить и о сексуальных преступлениях, которые совершали сидящие в психбольнице пациенты, и об убийствах, и об избиениях.

Конечно, это не политические разговоры, которые сразу бы пресекались. Хотя, как мне думается, если имеет место действительно политический бред, то и он не пресекается. Врачи между реальными бредами и здоровыми убеждениями разницу делают.

Ходил по отделению один больной и целыми днями повторял одни и те же несколько фраз: «Я – Гитлер из Германской Демократической Республики. Смерть жидам и евреям!»

И ни персонал, ни врач (а завотделением Иткин Наум Григорьевич – еврей) не пресекали этих политических антисемитских проповедей. Ну разве что какая-нибудь санитарка скажет: «Ладно, кончай! И без тебя тут от шума голова трещит!»

Воры в отделении отнюдь не собирались расставаться со своим прибыльным ремеслом и продолжали заниматься воровством даже в отделении.

Они крали у других пациентов продуктовые передачки,

авторучки и стержни к ним, карандаши, почтовые конверты, зубную пасту, мыло и так далее.

В условиях психбольницы это отнюдь не мелочи, ибо система ценностей в больнице совершенно иная, чем на воле. Представьте себе, что вы хотите написать письмо, но у вас украли все почтовые конверты. А новые конверты взять просто негде!

Но несмотря на то, что воры упорно не собирались отказываться от «клептомании», врачи выписывали их довольно быстро.

Но вернусь к изложению своего пребывания в психбольнице. Через две недели после того, как меня туда доставили, Трухан назначила мне трифтазин, который я, естественно, выплевывал. А еще через некоторое время на обходе Жанна Николаевна спросила меня:

– *Если хотите, то я переведу вас в другое отделение, где режим получше и не такой строгий? Там заодно и потеплее.*

В седьмом отделении действительно было очень холодно. Я согласился.

– *Вас по-прежнему буду вести я, так как я там тоже временно работаю. Состояние у вас хорошее, и вам нет необходимости находиться среди буйных больных, – добавила Жанна Николаевна.*

Перевели меня в отделение № 1, которым заведовала какая-то старуха. Её фамилию, имя и отчество я не помню. Но знаю, что вскоре она ушла на пенсию.

Дня через два после перевода в первое отделение у меня с ней состоялся короткий разговор. Я отвечал на те ее вопросы, которые касались состояния здоровья, но когда она задала мне вопрос о моих политических взглядах, то я ей ответил так:

Николаев: Я отказываюсь говорить с вами о своих политических убеждениях, потому что политические убеждения – личное дело каждого человека.

Заведующая отделением: Я с вами согласна. Но вы прививаете свои взгляды своим детям.

Николаев: Я своих взглядов моей дочери не прививаю уже хотя бы потому, что нахожусь здесь. И кроме того – ей только ч е т ы р е года. Сами понимаете, что у ребенка в этом возрасте интересы совершенно другие.

Вскоре вышел из отпуска врач-мужчина, которого временно замещала Жанна Николаевна Трухан*.

---

* Впоследствии он стал главным врачом психбольницы № 5.

Он тоже вызвал меня на беседу для знакомства. Поначалу его вопросы касались в основном состояния здоровья. Но вдруг он задал мне вопрос политический. Самого вопроса я не помню, но помню сам тон, явно рассчитанный на провоцирование «аффекта», о котором писали Белый и Туберт. Я улыбнулся ему в ответ и сказал:

– *Если вас так политика интересует, то лучше говорите о ней не со мной, потому что я ей не занимаюсь, а поступите в университет марксизма-ленинизма. Там вам все растолкуют, что вам до сих пор осталось неясным. У вас в больнице, кстати, он работает.*

Письмо от моей бывшей жены пришло уже в первое отделение. Она категорически возражала против моей выписки. Оно и понятно: я в больнице, моя дочка у моей матери, ее ребенок в детском саду на пятидневке, а она одна в трёхкомнатной квартире.

«Вам надо добиваться раздела жилой площади, – сказал мне лечащий врач, – иначе мы вас не выпишем».

В первом отделении я познакомился с Витаутасом Григасом, очень приятным человеком, в прошлом учителем черчения. Он мне представился тогда как литовец и я, пока находился в первом отделении, взял у него несколько уроков литовского языка. Но о нём подробнее пойдет речь в будущем, когда я буду описывать события 1973–1974 годов.

Был в отделении интересный больной по фамилии Серебренников. У него были голоса, которые его всё время окликали. Другие пациенты знали об этом и тихо шептали ему издалека: «Серебренников, Серебренников, Серебренников...»

А Серебренников потом шел к врачам и жаловался им, что голоса по-прежнему продолжают его звать.

Однажды в отделении произошел такой эпизод: по телевизору показывали фильм-спектакль о Февральской революции 1917 года.

По ходу действия телефильма проходило заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вдруг открывается дверь, в зал заседания совета заглядывает монархист. Посмотрел, покрутил головой, послушал, затем закрыл дверь и побежал к своим друзьям-монархистам, которым сказал: «Не могу я смотреть, как заседает этот проклятый совет собачьих депутатов!»

Ну как тут было не зааплодировать? Я и зааплодировал. Да

не один: аплодисменты не жидкие получились: почти все отделение усердно хлопало в ладоши.

Фильм-спектакль кончился, прошло еще часа два или три, я о фильме уже и позабыл.

И вдруг, совершенно неожиданно, меня переводят обратно в буйное отделение, к убийцам. Я теряюсь в догадках: за что? Почему? Вроде бы ни с врачами, ни с персоналом не поругался! Но тут меня вызывает к себе на очень содержательную беседу заведующий отделением Иткин Наум Григорьевич.

Иткин: Ну что, опять к нам?

Николаев: Да, к вам.

Иткин: И что же у вас произошло?

Николаев: Не знаю.

Иткин: Вы телевизор сегодня смотрели?

Николаев: Смотрел.

Иткин: В ладоши хлопали?

Николаев: Хлопал.

Иткин: И чему же вы хлопали?

Николаев: Советскому искусству, игре актеров.

Иткин: Нет, вы не этому хлопали.

Николаев: А чему же?

Иткин: Там сказали: «Совет собачьих депутатов». Вот вы чему хлопали.

Николаев: Да, Наум Григорьевич, но только советы тогда были реакционные, эсеро-меньшевистские.

После моего такого ответа у Иткина отвалилась нижняя челюсть и он долго думал и собирался с мыслями: что же мне ответить? Наконец, выдавил: «Но ведь вы так и к современным советам относитесь!»

Моим «лечащим врачом» стал Колий Станислав Васильевич. Был уже январь 1972 года, моя инвалидность подходила к концу, для её продления требовалось снова пройти ВТЭК. В связи с этим Колий вызвал меня на беседу. Он уже начал кое-что писать обо мне для ВТЭКа. Я успел заметить фразу: «По политическим убеждениям вышел из комсомола».

Колий: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Хорошо.

Колий: Расскажите мне о своих политических убеждениях.

Николаев: Я вам о своих убеждениях ничего говорить не буду. К психиатрии это отношения не имеет. И если вы задаете такие вопросы, то это свидетельствует о преступном характере

советской психиатрии, о её использовании в целях политических репрессий.

Колий: Мы психиатрию в целях репрессий не используем.

Николаев: Нет, используете. Вон, видите, вы написали, что я по политическим убеждениям вышел из комсомола.

Колий: А что, по-вашему, на Западе за убеждения не преследуют, что ли? Там, по-вашему, что, лучше, что ли? В Америке Анджела Дэвис в тюрьме сидит только за то, что она – коммунистка!

Николаев: А ей так и надо!

Колий: Значит, вам нравятся репрессии на Западе против коммунистов?

Николаев: Мне не нравятся репрессии в Советском Союзе, которым я подвергаюсь.

Колий: Вы репрессиям не подвергаетесь. Вы – больной человек и вас лечат.

Николаев: А вы тоже репрессиям не подвергаетесь. И хотя вы уголовник, но в отличие от Анджелы Дэвис пока еще не в тюрьме.

Инвалидность после такой беседы мне продлили еще на один год.

Тем временем моя мать пыталась осуществить размен жилплощади. Моя же бывшая жена выпроваживала всех из дома, кто желал ознакомиться с вариантом обмена. Выяснив, что прямой обмен при такой ситуации невозможен, я попросился на прием к больничному юристу. Юрист посоветовал мне не производить размен, а произвести сначала раздел лицевого счета: из трёх комнат квартиры получить после раздела на себя одну комнату, а затем эту комнату разменять и получить жилье отдельно от бывшей жены где-нибудь еще.

Но одновременно с этим в общем-то деловым советом зашел разговор и о моих политических убеждениях, без отказа от которых из больницы выписаться никак нельзя. При этом разговоре присутствовали юрист, Иткин и Колий. И стали они меня ловить на моей политической незрелости и безграмотности, да щеголять своими знаниями, почерпнутыми на политзанятиях и в университете марксизма-ленинизма. А я, как читателю известно, на политзанятия не ходил, куда мне с их политической эрудицией тягаться?

– Вот вы критикуете марксизм. А сами-то вы марксизм знаете?

Николаев: Нет, не знаю.

– Так вы хотя бы для начала почитали бы популяризаторов марксизма.

Николаев: Кого, например?

– Ну, хотя бы Плеханова.

Николаев: Какого Плеханова?

– У нас был один Плеханов, который популяризировал марксизим.

Николаев: Когда он популяризировал марксизм?

– Давно.

Николаев: Я и сам знаю, что давно. До 1903 года или позже?

– Не знаем.

Николаев: Так вот знайте. Плеханов популяризировал марксизм, когда был зеленым и неопытным. А когда он созрел, то перестал популяризировать марксизм и с 1903 года стал меньшевиком. Так какие работы Плеханова вы мне советуете читать, ранние незрелые или поздние зрелые, когда он стал меньшевиком?

Ответа на свой вопрос я так от них и не получил.

В конце апреля выписался Летягин. Я знал, что он был связан с НТС, но не более того. Летягин провел на принудительном лечении пять долгих лет и разговаривать о прошлом ни с кем не хотел. Когда он выписывался, то я предложил ему обменяться адресами, но он отказался: «Нет, я от политики отошел, больше ей заниматься не буду. С меня хватит».

Другой политический, тоже в прошлом связанный с НТС, – Адик Тарасов. Того закололи, за несколько лет превратили «лекарствами» в больного. Было жалко парня, но помочь ему я ничем не мог.

А среди убийц был тоже один интересный человек – Борис Егоров, выпускник физического факультета МГУ. Добрейшая душа, спокойный, уравновешенный. Уж не знаю, каким подонком надо быть, какую подлость совершить, чтобы разозлить такого человека настолько, чтобы он совершил убийство. А замочил он своего парторга. Сидели мы с Борисом за одним столом. И как подавали на стол еду, он всегда мне говорил: «А я свой вклад в борьбу с коммунистами внёс».

К тому времени он отсидел уже пять лет за своего парторга.

А тем временем у меня дело с разделом лицевого счета не продвигалось.

Решил я пойти на хитрость. У меня в Сибири отец живет, у него там дом из трех комнат. И стал я Иткину и Колию говорить, что я в Сибирь поеду к отцу жить, только выпишите меня.

И отцу письмо написал. Ответа долго никакого не было. Я уже отчаялся ждать, как ответ из Сибири вдруг пришел. Но не от отца, а с места его работы, отпечатанный на машинке, да с печатями. Его учреждение просило меня выписать, информировало больницу о зарплате, которую мой отец получает, и о его жилищно-бытовых условиях. По всему выходило, что и места для жилья у отца достаточно, и обеспечивать меня материально он сможет.

Иткин и Колий вызвали Азерковича, заместителя главного врача по лечебной части на общих основаниях. Азеркович пришел, стал задавать мне политические вопросы. Я отвечать ему на эти вопросы отказался, сославшись на то, что политические убеждения – не область психиатрии. Это ему не понравилось, и он сказал: «Николаев к отцу не поедет, а останется после выписки в Москве. Выписывать его нельзя».

После этой беседы я написал письмо в газету «Известия». Изложив подробно свой случай, содержание моих бесед с Иткиным и Азерковичем, я написал, что, вопреки утверждениям советской прессы и самой газеты «Известия», в Совдепии психиатрия все же используется для подавления инакомыслия, и просил расследования своего случая с участием западных психиатров.

Ответа на свое письмо от «Известий» я не получил, но уже после выписки в своей «истории болезни» в психдиспансере № 7 я видел какой-то документ, отпечатанный на фирменном бланке газеты «Известия».

А вопросы эти мне, политические, так надоели, как две капли воды друг на друга похожие. И спросил я как-то у Иткина:

Николаев: Наум Григорьевич, почему мне врачи одни и те же вопросы задают? Вот был я первый раз в больнице. Задавали мне некий комплекс вопросов. Отвечал я на них. Выписали меня. Значит, решили, что тот комплекс вопросов меня больше не волнует. Попадаю второй раз – опять те же вопросы. Выписывают. Значит – тема уже исчерпана. Попадаю третий раз – опять те же вопросы. Почему так?

Иткин: Я на этот вопрос вам не отвечу.

Николаев: Почему?

Иткин: Потому что вы тогда будете знать, как правильно на эти вопросы отвечать. А вы должны дойти до этого собственным опытом, а не путем подсказки.

Николаев: И еще вопрос, Наум Григорьевич. Задавая эти вопросы, скажу честно, часто врачи выводили меня из себя. Я не

всегда сдерживался, ругал их, обзывал, только до мата дело не доходило. Зачем они это делают? Может, они мазохисты? Их обругаешь подонками, а им на душе от этого приятно?

Иткин: Ситуация здесь в другом. У психически больных, мы не всегда знаем, почему, бывает очаг стойкого возбуждения. Когда больной что-либо вспоминает, даже давно прошедшее событие, то почему-то он реагирует на него так, как будто это событие произошло только сейчас. Такой больной, например, может ударить кого-нибудь, если вдруг вспомнит, что этот человек его десять лет назад чем-то обидел. И врачи просто проверяли у вас наличие очага стойкого возбуждения.

Николаев: Наум Григорьевич, а вы знаете, чем эти врачи от больных отличаются?

Иткин: Чем же?

Николаев: Больные, как вы только что сказали, в памяти держат обиды. А врачи – записывают в историю болезни, чтобы не забыть. А потом, когда ее перечитывают, то реагируют на давно прошедшее событие так, как будто оно только что произошло. Вот у меня к примеру: из комсомола я вышел в 1956 году. С того времени 16 лет прошло и возраст мой уже не комсомольский. Однако врачи с таким пристрастием меня о выходе из комсомола спрашивают, как будто я только что на стол им свой комсомольский билет кинул! У кого очаг стойкого возбуждения? У меня или у них?

Иткин: С вами поговоришь, так вы всем врачам диагнозы поставите.

Николаев: У вас научился.

А тем временем в отделении произошел трагический случай. Уже десять лет в больнице находился Симонян. Очень тихий, спокойный больной. Ему обещали выписку, и даже принесли в отделение его одежду из камеры хранения. И вдруг, совершенно для него неожиданно, выписку отменили. Да еще с комментариями, что вы, дескать, еще не вылечились, пока еще тяжело больны, вам еще полежать в больнице годика два-три надо, подлечиться. Проверка на реакцию по системе Ганнушкина. Сдержит себя человек или нет. Симонян смолчал, потому что... вообще не говорил: у него были повреждены голосовые связки. Но слышал и понимал он все отлично. Несколько дней он ходил по отделению еще тише, чем раньше, еще задумчивее. А однажды ночью он перерезал себе вены. И так освободился от пожизненного заключения в психбольнице, на которое его

обрекли врачи, освободился от их издевательств и от их варварских тестов.

Иткин заметался. В Столбовой, вообще-то, было строго: три выговора и катись на все четыре стороны. А Иткин уже успел за только что начавшийся 1972 год два выговора схлопотать.

Один больной сбежал (раз – выговор), а второй хотел сбежать, выпрыгнул со второго этажа больничного клуба, да ноги сломал (еще – выговор). А тут Симонян, самоубийство. Конечно, провокацию врачи от начальства скрыли. А чтобы избежать увольнения, Иткин задним числом оформил себе бюллетень. Вроде бы он ни при чем, сам болел гриппиком или ангинкой, на работе его по состоянию здоровья не было. Но мы-то все видели его на работе и до того, когда Симонян покончил самоубийством, – и после. И даже видели, как Иткин среди ночи пришел в отделение, чтобы Симоняна откачать (да поздно уже было!).

Вот он, добрячок Иткин, который не колол на всякий случай политических, а беззащитных больных доводил по школе Ганнушкина до самоубийства.

А у меня перспектив на выписку не было никаких, и ничто мне не светило в жизни, кроме больничных ночников.

А тут и май наступил, первое тепло. Я слинял 6 мая 1972 года. Как я сбежал, описывать не буду, ибо это тайна всех пациентов пятой больницы. И как до Москвы, минуя все милицейские и прочие кордоны добрался, тоже писать не буду*.

Ни домой, ни к родственникам я не пошел. Только с матерью ненадолго встретился: хотел у нее деньги свои взять и из Москвы уехать куда-нибудь.

Я ей все эти девять месяцев доверенность на свою пенсию выписывал. По моим подсчетам, должно было быть 355 рублей,

---

* Если из Столбовой кто-нибудь бежит, то администрация психушки привлекает к поимке беглеца всё свое свободное от работы санитарье и врачей, поднимает на ноги милицию и близлежащие воинские части, связывается с сельсоветами всех окрестных деревень; устраивают засады возле железнодорожных станций и производят проверки пассажиров в пригородных поездах, едущих на Москву. Таким образом беглец оказывается на положении загнанного зверя и все эти препоны ему еще предстоит преодолеть. А дома и у родственников его, голубчика, уже ждут. И редко кому из совершивших побег удается довести его до победного конца. Так гуманно относятся коммунисты к людям, которых они считают больными.

86 копеек. На эту сумму уехать куда-нибудь можно было и отсидеться. Только мать моя к моим деньгам как к своим отнеслась и все их растратила за эти девять месяцев. И на встречу со мной принесла только 10 рублей и про те сказала, что – последние.

Ну, сказал я ей то, что она заслужила, и что ей, естественно, не понравилось. А толку-то что? Денег всё равно нет.

А тем временем меня искали. На квартиру ко мне пришел милиционер и дожидался там меня до часу ночи. Иткин на квартиру моей матери поехал, да по другим родственникам искать меня начал. А я ушел к друзьям. Сочувствовали они мне, что так меня мать крепко с моей пенсией нагрела, деньги взаймы предлагали, да я отказался: не с моей пенсией потом с долгами расплачиваться.

И столкнулся я в побеге с тем, с чем сталкивается каждый беглец. Ходишь, как загнанный зверь. Негде ни переночевать, ни погреться, ни присесть, ни прилечь, не на что жрать! А кругом ходят счастливые, до поры до времени свободные люди, у которых все благополучно и которым не надо от ментов да от психиатров скрываться. И оказалась эта свобода, которую я добыл себе побегом, только в тягость.

8 мая я снова позвонил матери, потребовал еще денег. Как-никак, за ней должок в 345 рублей остался. А десятку я уже проел. А она мне в ответ говорит: «Встретиться надо, Наум выписать обещает».

Встречаемся у моей тёти. Привела она туда же и дочку Иночку. Иночке уже четыре года. Я беру ее на руки и спрашиваю: «Ты знаешь, кто к тебе пришел?»

«Не знаю», – ответила Иночка.

И вспомнил я, как Шатохина, гадина марксистско-ленинская, угрожала мне, что «дети тебя забудут».

Иткин телефон оставил, по которому можно было с ним поговорить. Звоню ему.

Иткин: Я вас очень прошу вернуться в больницу.

Николаев: Мне там делать нечего.

Иткин: Если вы вернетесь, то я вас выпишу.

Николаев: А я вам не верю.

Иткин: Если вы не вернетесь добровольно, то вас привезут насильно и я вас буду колоть.

Николаев: А вы еще сначала меня поймайте.

Иткин: И поймаем.

Николаев: Пока вы будете меня ловить, вас с работы уволят. У вас уже есть два выговорёшника, А за меня будет третий

и последний. А мне к уколам не привыкать. Я уже колотый. А если вас с работы погонят, то вы попляшете. Вам-то это страшней, чем мне. Вас потом на работу никуда не возьмут.

Иткин: Я вас очень прошу вернуться. У меня семья.

Николаев: А у меня дочка, которая из-за вас отца родного забыла. Сегодня я ее спросил, кто к тебе пришел, а она ответила: «не знаю». Вам было плевать на меня, на мою дочь. А мне плевать на вас и вашу семью. Пускай вас выгоняют.

Иткин: Я вам даю честное слово, что вас выпишу.

Николаев: Врёте вы всё.

Иткин: Но даже если меня выгонят с работы, то вас все равно поймают.

Николаев: Как?! Я общественного порядка не нарушаю. Улицу перехожу при зеленом свете светофора. Если бы я действительно был болен и социально опасен, как вы утверждаете, то я бы не прошел дальше первого милиционера. А меня пока еще за нарушение общественного порядка никто не останавливал.

Иткин: Если вы не вернетесь добровольно, то будет объявлен всесоюзный розыск.

Николаев: Бросьте врать, Наум Григорьевич. Для объявления розыска надо совершить преступление. Я его не совершал.

Иткин: У вас же принудлечение.

Николаев: Врете. Вы же прекрасно знаете, что я – на общих основаниях.

Иткин: Я вам даю честное слово, что я вас выпишу.

Николаев: Каким образом? Вы же не выписываете до разрешения социального конфликта. Вы все время задаете мне вопросы о моих взглядах! Требуете отказаться от них и утверждаете, что только тогда я смогу выйти на свободу, когда откажусь от своих антисоветских взглядов. Вы находитесь под пятой у Азерковича. Если он не согласится меня выписать, то и вы не выпишете.

Иткин: Азеркович скоро уходит в отпуск. Я постараюсь вас выписать в его отсутствие. Даю вам честное слово.

Иткин не знал, что у меня по вине матери тоже было безвыходное положение. 9 мая я сам вернулся в больницу.

– Азеркович скоро уходит в отпуск, – сказал мне уже в больнице Иткин, – его будет замещать Сиумян. Она женщина добродушная и всех выписывает. Я напишу в истории болезни, что на политические темы вы больше ни с кем не разговариваете. Но я прошу вас, чтобы в отделении вы ни с кем о политике не

говорили. По поводу побега я напишу, что к бывшей жене вы не заходили.

– А я и правда к ней не заходил, – вставил я свое слово.

– Поведение в побеге у вас было упорядоченным, – продолжал Иткин, – вот что я напишу, чтобы вас выписать.

Весной все мы были свидетелями того, как врачи и персонал эксплуатировали труд больных. У большинства врачей и персонала в Троицком были приусадебные участки. Огороды надо было вскапывать. И вот персонал с согласия врачей брал к себе на огород двух-трёх пациентов, которые за бесплатно этот огород вскапывали. Разумеется, их за это еще и кормили. И конечно, домашняя пища намного вкуснее больничной. Но вскопать огород, в общем-то, тоже стоит гораздо дороже, чем просто вкусный обед.

С отсутствием уколов за побег Иткин наврал. Сразу же после возвращения ничего не назначил, но потом придрался к пустяку и посадил на одну неделю на инъекции аминазина.

А в отделении тогда висел стенд с собаками: всякие овчарки, пудели, фокстерьеры на картинках. Стоит Иткин, их рассматривает. Я подхожу к нему (уже колотый) и говорю:

Николаев: Знаете, Наум Григорьевич, какой породы здесь не хватает?

Иткин: Какой же?

Николаев: Иткин-терьер.

Помурыжил Иткин меня еще два с лишним месяца, потом и Азеркович в отпуск ушел. Сиумян должна была прийти в отделение меня смотреть. Иткин проинструктировал меня, что отвечать ей на какой вопрос надо. Я так на беседе и отвечал. А Сиумян политических вопросов мне на беседе не задавала и сразу поверила, что после выписки я к отцу в Сибирь подамся.

Но это еще было полдела. По рекомендации Иткина и Сиумян, меня 25 июля 1972 года осматривала общебольничная комиссия. Было там врачей 40 или 50. Все они, разумеется, молчали, хотя теоретически каждый из них мог мне задать тот или иной вопрос. Вел комиссию какой-то врач, который все время провоцировал меня.

Врач: Скажите, вы больны или здоровы?

Николаев: Я здоров.

Врач: Ну вот, как вас можно выписать, если вы считаете себя здоровым? Вас еще долго лечить надо.

Николаев: Насколько я понимаю, выписывать надо здоро-

ных людей, а не больных. И если здесь собрана выписная комиссия, то я – здоров.

Врач: У вас нет никакой самокритики. Вы – больной человек, а тем не менее считаете себя здоровым. При такой ситуации мы вас выписать не можем.

Николаев: Меня к выписке рекомендуют два врача вашей больницы. Если они рекомендуют меня к выписке, то значит – я здоров. Или вы не доверяете их мнению?

Врач: Почему же? Их мнению я доверяю. Но допустим, что вы сейчас уже здоровы. Тогда скажите, вы были больны тогда, когда поступили к нам в больницу?

Николаев: Нет, я был тогда здоров.

Врач: Вот видите, вас нельзя выписывать. Вы не критически относитесь к своему заболеванию. Скажите, что за схему социального переустройства общества вы разработали?

Николаев: Я не разрабатывал схемы социального переустройства общества.

Врач: Чем вы занимаетесь в отделении?

Николаев: Ничем.

Врач: Как так – «ничем»? Можно было бы найти себе дело по душе.

Николаев: Если бы я был на воле, то я, возможно, нашел бы дело по душе. Но так как я сижу, то возможности выбрать дело по душе у меня просто нет.

Врач: А вы здесь эти тюремные словечки бросьте. Что значит, «воля», «сижу». Здесь больница, а не тюрьма. Вы не сидите, а лечитесь. Здесь та же самая воля, что и у всех людей.

Николаев: Для меня это – не воля. И если бы вас полечили таким же образом с годик, то вы бы тоже такую волю тюрьмой бы назвали.

Повели меня в отделение. И никакой надежды на выписку после такой беседы уже у меня не было. Не первая это беседа, да и не последняя. Но тем не менее Иткин меня выписал. 26 июля 1972 года состоялся наш последний с ним разговор.

«Никогда больше не занимайтесь политикой, – сказал он мне на прощание, – сейчас вы год отсидели. А следующий раз – всю жизнь просидите. В любом случае – не меньше года. У нас такое неписанное правило. Если человек попадает в психиатрическую больницу повторно, то держать его надо не меньше, чем он находился в больнице последний раз. Если вы сейчас год отсидели, значит в следующий раз будет еще больше. А политикой заниматься бесполезно. Все равно ничего не изменишь.

Только себе навредишь. Сейчас вы ко мне попали. Я с трудом, но вас выписал. А к другому попадете – тот за вас биться не будет.

БЕЗ ДОМА, БЕЗ ГНЕЗДА

На этот раз мне удалось вырваться сравнительно надолго. Однако, хотя я был вне больницы полтора года, но диспансерный учет ощущался мною всё время.

Сразу же после выписки я написал жалобу в Мосгорздравотдел на Туберт и Белого за их жестокое обращение со мной. Ответа никакого я не получил, но и отрицательных последствий для меня тоже никаких не было.

Поселился я под Москвой у своего дяди с надеждой на раздел лицевого счета и дальнейший размен квартиры. У дяди был мощный приемник старого образца с волнами 13, 16 и 19 метров. Впервые после долгого перерыва я вновь получил доступ к объективной информации, к тому, что реально происходит в нашей стране, томящейся под гнетом коммунистов. Мне было приятно узнать, что наши активисты-инакомыслящие продолжают борьбу за освобождение политзаключенных, борьбу с психиатрическими репрессиями, борьбу за Права Человека. Я тогда был один, ни с кем из деятелей Демократического Движения знаком не был, но душой я был с Движением. Моих подписей не стояло тогда под коллективными обращениями, но только потому, что у меня не было возможности встретиться с активистами и попросить их поставить под обращениями и мою подпись.

Забрав дочку к себе, бывшая жена препятствовала мне встречаться с ней. С большим трудом (был уже декабрь 1972 года) мне удалось узнать адрес детсада, где на пятидневке находилась моя дочка. Дважды я приходил к ней на свидание, играл с ней. А когда пришел к дочке в третий раз, то оказалось, что бывшая жена перевела дочку в другой детсад.

В январе 1973 года я пришел в диспансер для переоформления пенсии. Несмотря на то, что формально срок ВТЭКа у меня – 27 января, фактически я прошел ВТЭК только во второй половине февраля. В результате в феврале я не получил ни копейки денег. Пенсия пришла только в марте, сразу за два месяца. Это означало для меня на практике, что я на 29 рублей должен был прожить в течение двух месяцев.

Тем временем я собирал документы для нового судебного процесса с целью раздела жилплощади, а также искал свою дочку. В отделе по распределению жилплощади была достигнута договоренность: как только жилплощадь будет поделена, я сдам свою комнату государству и в обмен получу квартиру.

Чтобы добиться свидания с дочкой, я пошел в РОНО Кировского района к инспектору по опеке, которую звали Алла Сергеевна.

Выслушав мою просьбу, она пообещала дать мне ответ о принятом решении после беседы с бывшей женой.

Когда я снова пришел в РОНО, то у нас произошел такой разговор.

Алла Сергеевна: Я не могу разрешить вам свидания с дочкой, так как ваша бывшая жена противится этому.

Николаев: Но я – отец и я имею право видеть дочку.

Алла Сергеевна: Если бы вы были здоровым человеком, то вы бы действительно имели право видеть свою дочь. Но вы – больны, лишены дееспособности, социально опасны.

Николаев: Я не болен и дееспособности не лишен, и я имею право видеть свою дочь. А моя бывшая жена, кстати, получает с меня алименты. Почему алименты с меня брать можно, а видеться с дочкой мне нельзя?

Алла Сергеевна: Алименты с вас берут потому, что вы обязаны материально обеспечивать свою дочь. А права видеть свою дочь вы лишены потому, что ваше состояние здоровья не позволяет предоставить вам такое право. Это необходимо в интересах девочки. Сами того не желая, вы можете нанести ей в болезненном состоянии непоправимый вред.

Таких разговоров с Аллой Сергеевной у меня было несколько, и каждый раз я получал от нее отказ в праве на свидание с дочерью в связи с моим «заболеванием». Однажды она мне сказала, что на запрос РОНО психдиспансер № 7 прислал ответ, согласно которому мне по состоянию здоровья противопоказано видеть дочку.

Я пошел в диспансер к Нагапетяну за разъяснениями.

Нагапетян: Мы же вас предупреждали, чтобы вы не конфликтовали с бывшей женой! А вы что делаете? Подаете на нее в суд, жалуетесь в РОНО. Что, опять в больницу захотели?

Николаев: Я с ней не конфликтую. В суд я подаю заявление в связи с разделом лицевого счета, а через РОНО добиваюсь своего права видеть дочку. Моя бывшая жена скрывает от меня, где моя дочка находится.

Нагапетян: Вам видеть дочку в связи с вашим психическим заболеванием нельзя. Вы можете принести своей дочке вред.

Николаев: Я вреда своей дочке принести не могу.

Нагапетян: И потом, до нас дошли сведения, что вы избили свою жену.

Николаев: У меня нет жены, пора бы это вам давно знать!

Нагапетян: Ну, бывшую жену.

Николаев: Я после выписки ее вообще ни разу не видел.

Нагапетян: А кто же тогда ударил ее железной палкой по голове так, что она потеряла сознание?

Николаев: А не кажется ли вам, что все, что она вам наболтала про избиение, – просто бред? У нее могли быть галлюцинации. А галлюцинации, как вам известно, бывают не только зрительными, слуховыми или обонятельными, но и тактильными.

Нагапетян: Ваша шутка здесь совершенно неуместна. Дело здесь намного серьезнее, чем вы думаете. И если мы не выясним, кто ее ударил железной палкой по голове, то плохо прежде всего будет вам. Так что если вам по этому поводу что-либо известно, лучше скажите нам сами.

Николаев: Мне по этому поводу ничего неизвестно и я ничего не знаю. И если ее действительно, как вы говорите, кто-то ударил палкой по голове, то значит, она это заслужила, и так ей и надо. Я этому очень рад. И если вам удастся узнать, кто же это сделал, то сообщите мне. Несмотря на свои мизерные материальные возможности, я этому человеку бутылку коньяка поставлю.

Из диспансера мне пришлось уйти ни с чем. Во второй половине марта 1973 года в Москве проездом несколько дней находилась Тьян Заочная, ительменка, представительница коренного населения Камчатки, с которой меня познакомили мои друзья. Пока Тьян находилась в Москве, мы несколько раз виделись и я попросил ее помочь мне выследить, в каком детском саду находится моя дочка. Мы с Тьян пришли к дому, где я формально был прописан, очень рано, долго ждали, но дочку в детский сад так никто и не повел.

После отъезда Тьян из Москвы я вновь пошел в РОНО добиваться того, чтобы мне предоставили возможность видеться с дочкой. Как всегда, Алла Сергеевна вновь отказала мне в этом, ссылаясь на мою «болезнь» и на «интересы девочки».

Тогда я пошел на прием к зав. РОНО, объяснив ей ситуацию.

Зав. РОНО: Ваша дочь уже полтора месяца находится в психиатрической больнице.

Николаев: Почему?

Зав. РОНО: Я не знаю подробностей. Ее госпитализировали по настоянию вашей бывшей жены.

Николаев: А в какой конкретно больнице она находится?

Зав. РОНО: Этого я не знаю.

Забегая вперед, скажу, что моя дочь пролежала в психбольнице 4,5 месяца! Расчет у моей бывшей жены был прост. Я добивался раздела жилплощади, трёхкомнатной квартиры. Стремясь сохранить ее всю за собой, она пошла к психиатру и попросила госпитализировать дочку, сказав, что дочка от больного отца. По гуманному советскому законодательству, психические больные имеют право на дополнительную жилплощадь. Пришив дочке диагноз, она рассчитывала за счет горя ни в чём не повинного пятилетнего ребенка получить право на дополнительную жилплощадь и сохранить за собой всю трёхкомнатную квартиру.

Я снова возвращаюсь к тому, что в правозащитной литературе, посвященной психиатрическим репрессиям, совершенно не уделяется внимания психдиспансерам и психучету. А ведь только благодаря тому, что я с о с т о ю на психучете, оказалось возможным запихнуть в психбольницу и мою дочку!

Моя дочка находилась в Московской городской психиатрической больнице № 8 в детском отделении. Я поехал к ней. Оказалось, что за всё это время к ней никто не приезжал и передач ей никто не приносил. Я же смог принести ей по бедности своей только одно яблоко и два пакета молока.

Мне вывели дочку. Она обрадовалась, что я к ней пришел, и спросила: «Папа, а почему ко мне никто не приходит?»

Мне было жалко ее, но, к сожалению, мне самому негде было жить и я не мог забрать ее из этого ада. Потом, уже после того, как дочка выписалась, она пожаловалась мне, что санитарки били ее в больнице палкой по голове. Но тогда я этого ничего не знал.

Выписали дочку через 4,5 месяца без диагноза. О том, что дочка находилась в психиатрической больнице, узнали в суде. И если до этого симпатии работников суда были на стороне бывшей жены (я – антисоветчик, а она – аспирантка кафедры марксистско-ленинской философии), то, когда стало известно, что она положила дочку в психбольницу ради диагноза, чтобы получить право на дополнительную жилплощадь,то сочувственно в

суде стали относиться уже ко мне. Тот же самый прокурор Фрадкин, который когда-то требовал лишить меня дееспособности, сказал о ней: «Таких блядей надо лишать материнства».

Суд по поводу раздела лицевого счета должен был состояться в сентябре, но в первых числах августа я поехал в гости к Тьян на Камчатку. Суд проходил без меня. Доверенность на ведение моих дел в суде была у моей матери.

На суде бывшая жена говорила, что у нее дети, психически больная дочка и так далее, просила суд оставить ей всю трехкомнатную квартиру, а меня лишить дееспособности. Суд все ее требования отклонил и произвел раздел лицевого счета. На суде ей напомнили, как она положила дочку в психиатрическую больницу.

На Камчатке я впервые за все эти три года по настоящему отдохнул. Там же я сделал Тьян предложение вступить со мной в брак. И она ответила согласием.

Вернулся в Москву я в ноябре, а еще через несколько дней после возвращения в Москву мне была предоставлена квартира в Бирюлёво, на южной окраине Москвы, где я жил до мая 1980 года, когда я эмигрировал из Совдепии.

RE PATRIA

Вскоре после того, как я поселился в Бирюлёво, я случайно встретил в метро Витаутаса Григаса, с которым я познакомился в Столбовой в отделении № 1. Витаутас попросил меня помочь ему позаниматься немецким языком. Я согласился, и вскоре мы начали наши занятия. Примерно через неделю Витаутас рассказал мне, что он не литовец, как он мне представился в Столбовой, когда мы с ним там были, а – прибалтийский немец. Настоящее его имя – Херберт Миколайт. Он родился в Восточной Пруссии, в четыре года лишился семьи, был направлен в литовский детский дом. Когда ему исполнилось 16 лет, то ему выдали паспорт, в котором и записали, что он – литовец. Но Херберт помнил, что настоящее его имя – Херберт Миколайт, а не – Витаутас Григас. И еще он помнил, что он – немец. Уже став взрослым, он стал добиваться для себя выезда в ФРГ. Получив от родственников вызов, он обратился в ОВИР с соответствующим заявлением. За это его уволили с работы, более года не давали возможности нигде устроиться, а затем привлекли к уголовной ответственности за тунеядство, провели в институте

Сербского психиатрическую экспертизу, которая признала его невменяемым. Ну в самом деле: в паспорте черным по белому написано, что он – литовец, Витаутас Григас. А этот Витаутас утверждает, что он – Херберт, и немец. И направили Херберта на принудительное лечение в Столбовую, где я с ним и познакомился. Там ему назначили инвалидность и выписали уже с формальным правом не работать, да еще подачку давали за то, что не работал. Воистину, только в Совдепии такой бардак и возможен.

«И ты по-прежнему хочешь уехать в ФРГ?» – спросил я Херберта. «Конечно», – ответил он.

Я выразил сомнение по поводу того, что власти его отпустят. Сам я не сомневался в психическом здоровье Херберта, но власти-то будут действовать исходя из своих позиций и своих интересов.

«Я добьюсь того, что меня выпустят», – уверенно ответил мне на мои возражения Херберт.

Мы продолжали заниматься немецким языком. Еще через неделю Херберт рассказал мне, что он со своими друзьями, тоже немцами, желающими эмигрировать из Совдепии, готовит сборник, посвященный положению немецкого национального меньшинства в Совдепии. И спросил меня, согласен ли я помочь в работе над этим сборником. Естественно, я согласился: мой долг полиглота – помогать репрессированным коммунистами народам. И было еще одно: я был рад подключиться хоть к какому-то делу, чтобы отомстить коммунистам за то, что они со мной делали. Конечно, работа над сборником, возможно, и не такая сильная месть. Но других возможностей мстить коммунистам у меня просто не было. Еще в беседе с Белым в больнице № 15 я говорил, что у меня нет ни автомата, ни патронов к нему.

Вот так я и подключился к работе по составлению сборника «Re patria», составителями которого, помимо Херберта, были также Фридрих Руппель и Лиля Бауэр.

К началу 1974 года сборник был готов. К Херберту в гости приходили активисты Демократического Движения. Он показывал им результаты совместного нашего труда: сборник получал хорошие отзывы.

Тем временем немцы, проживающие в Совдепии, активизировались в своих требованиях эмиграции из Совдепии: ими были проведены две демонстрации. Одна из них перед зданием притона коммунистической банды*, а вторая – перед зданием

---

* Коммунисты называют свой притон ЦК КПСС.

посольства ФРГ. Когда я узнавал об этом по радио, то я всегда звонил Херберту и поздравлял его.

Одновременно с этим в январе 1974 года я стал готовиться к ВТЭКу, так как подошел срок очередного переосвидетельствования. На этот раз ВТЭК надо было проходить в психдиспансере № 13 Советского района*, по новому месту жительства. Участковым врачом, обслуживающим микрорайон Бирюлёво, был в диспансере Назаров Владимир Владимирович, который назначил мне дату ВТЭКа на 11 февраля 1974 года.

Херберт тем временем готовил новое мероприятие и попросил меня оказать ему посильную помощь. Я согласился.

По его рекомендации ко мне 9 февраля приехала женщина с подростком, которая представилась мне как Людмила. Я не стал у нее спрашивать, что ей надо в Москве и кто она. Но увидев у меня дома большое количество книг и словарей на иностранных языках, в том числе и на немецком языке, она сама сказала мне, что она – немка из Эстонии. «Я догадывался об этом», – ответил я ей.

Мы разговорились. Она рассказала мне о том, что ей пришлось вытерпеть от коммунистов только за то, что она принадлежит к немецкому меньшинству. Говорили мы за полночь.

На следующий вечер Людмила пришла ко мне уже с тремя подростками и с мужчиной, который назвался Иваном. И опять мы много говорили о положении немцев в Совдепии, что каждому из них пришлось пережить, включая и этих подростков.

А потом стал рассказывать я: о психушках, о том, как я, полиглот и специалист с высшим образованием, вынужден жить впроголодь.

«Как они могли с вами так поступить? – возмущалась Людмила. – Ну, ладно, мы, немцы, мы в этой стране инородное тело. Но ведь вы же русский! Неужели и русские подвергаются такому жестокому обращению?!»

«Вот именно, что я – русский. А коммунистам нужны не русские, а советские. Я же оказался не советским», – ответил я Людмиле.

Утром 11 февраля они ушли. Я не спрашивал, куда они пошли и зачем: просто пожелал им успехов в этот день. А сам пошел на ВТЭК. ВТЭК, как всегда, продлил мне инвалидность.

---

* В настоящее время это психдиспансер Севастопольского района, но он по-прежнему обслуживает также и Советский район.

Вечером в этот день я включил радио. По всем западным радиостанциям сообщалось о том, что сегодня перед притоном коммунистической банды состоялась демонстрация немцев из Эстонии, примерно человек 20. Среди демонстрантов были и дети. Одна женщина приковала себя с детьми наручниками к светофорному столбу. Почему-то каким-то шестым чувством я догадался, что это сделала гостившая у меня Людмила со своими подростками. Эстонские немцы требовали от властей разрешить им выехать в ФРГ. Демонстрация была разогнана бандитами из уголовной коммунистической банды*.

12 февраля целый день я пытался прозвониться Херберту, но трубку никто не брал. Вечером я пришел к матери.

«Мне сегодня из диспансера звонили, – сказала она мне, – просили, чтобы ты пришел. Ты на ВТЭК какую-то справку не принес. Ее надо донести. А то без нее тебе пенсию платить не будут».

Это меня насторожило. Я уже успел изучить этих бюрократов во ВТЭКе. Они сдохнут, но не проведут ВТЭКа, если не будет хватать какой-то бумажки.

А дома у меня – несколько экземпляров «Re patria». Пришлось домой из-за них возвращаться. Утром 13 февраля 1974 года я взял все имеющиеся у меня дома экземпляры «Re patria» и пошел гулять по Москве в надежде их куда-нибудь пристроить. Но все мне как-то не везло. Одних знакомых не было дома, у других какая-то обстановка дома была не хорошая, что никак нельзя было «Re patria» там оставлять. Пристроил я надёжно сборники «Re patria» только поздно вечером. О себе же подумать времени уже не оставалось. Вернулся я домой около 22 часов. Через несколько минут раздался звонок. Я открыл дверь. За мной пришли два пьяных мента и солдат. Фамилию одного из этих ментов, с лицом марксистско-ленинского дегенерата, мне потом удалось узнать: им оказался отпетый комсомольский уголовник, участковый 137 отделения милиции города Москвы Пуляев Алексей Дмитриевич. Путёвку на мою госпитализацию без предварительного медицинского обследования состряпал участковый психиатр психдиспансера № 13 Назаров Владимир Владимирович. Сначала меня отвели в 137 отделение милиции, вызвали чумовоз. А затем на чумовозе повезли в Московскую

---

* Все лица немецкой национальности, о которых идет речь в данной главе, выехали в 1974 году в ФРГ. Поэтому я не принесу им вреда, рассказав читателям об этих событиях и назвав их участников.

городскую психиатрическую больницу № 1 имени Кащенко. В чумовозе я впервые подумал о том, что мне надо выезжать из этой проклятой Совдепии. Ясно, что коммунисты в покое меня не оставят и будут издеваться надо мной всю мою жизнь. А диспансерный учет – это ведь на всю жизнь. Эти три с половиной года уже достаточно измотали меня. И такая перспектива была уготована мне на всю жизнь. И только эмиграция могла обеспечить выход из этого кошмарного положения.

Но прошло долгих шесть лет, прежде чем мне действительно удалось выехать на Запад из этой проклятой коммунистической Совдепии.

А пока – меня везли в чумовозе. Конечно, не хотелось видеть этих тусклых стен, подонков-психиатров, санитарье, тяжело больных людей. Но в то же время было на сердце и некоторое чувство удовлетворения. Нашкодил я, как мог, этим коммунистическим гадам! И «Re patria» запрятал так, что ни одна коммунистическая сволочь не найдет.

А еще, помня свой старый опыт общения с психиатрами во время моих первых госпитализаций, я решил упорно отклонять все вопросы, связанные с моими политическими убеждениями. И решил не говорить психиатрам о будущем возможном возмездии. Зачем давать добрые советы тем, кто воспринимает эти добрые советы как угрозы жестокой расправы.

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Из приемного покоя меня направили в отделение № 15. Моим лечащим врачом стал Кучеров Алексей Юрьевич. Заведовал отделением Дмитриевский Владимир Николаевич. Кроме того, в отделении работала также врач Файнштейн Неля Зиновьевна, очень подлая и грубая баба. Но о ней в этой главе разговора больше не будет, так как я с ней в отделении практически не общался.

Утром 14 февраля 1974 года Кучеров вызвал меня к себе на беседу.

Кучеров: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Нормально.

Кучеров: Что привело вас в больницу?

Николаев: Не знаю. Прочтите путевку, там написано. Я путевку не читал.

Кучеров: А как вы сами думаете?

Николаев: Я предпочитаю воздерживаться от догадок. Но я знаю точно одно, что путевку на меня выписал Назаров, участковый врач диспансера. Я ему ничего плохого не сделал. А он необоснованно отправил меня в психбольницу. Он подлец после этого.

Кучеров: А почему, собственно говоря, вы имеете претензии к Назарову? В диспансер поступил звонок из компетентной организации, после чего Назаров выписал на вас путевку. Если бы Назаров отказался это сделать, то путевку выписал бы главный врач, а Назарова бы уволили с работы. Вы бы все равно попали бы в больницу. И разве вам не безразлично, кто выписал на вас путевку: Назаров или главный врач диспансера? И почему Назаров из-за вас должен был терять рабочее место, если бы вы все равно попали бы в больницу?

Николаев: А почему был звонок в диспансер?

Кучеров: В связи с вашим неправильным поведением.

Николаев: И в чем оно заключалось?

Кучеров: Вот это вы мне сейчас и расскажете.

Николаев: Я вам рассказывать ничего не буду. Я ничего не знаю и ни к чему не причастен. Я требую, чтобы вы немедленно меня выписали, потому что я – психически здоровый человек.

Кучеров: Скажите, вы прошли ВТЭК?

Николаев: Да, 11 февраля, за два дня до госпитализации.

Кучеров: Хорошо. А вы раньше лежали в психиатрических больницах?

Николаев: Да, в пятнадцатой, в третьей, в пятой. Но я – психически здоровый человек.

Кучеров: В связи с чем вы раньше лежали в больницах?

Николаев: Не знаю. Врачи передо мной не отчитывались и путевок с причинами госпитализации мне не показывали.

Кучеров: А как вы сами думаете?

Николаев: Я предпочитаю воздерживаться от догадок. Я психически здоровый человек и настаиваю на выписке.

Кучеров: Вы в «Кащенко» впервые, мы вас не знаем. Разговор о выписке может идти только после того, как мы получим выписки из тех больниц, в которых вы находились ранее.

Николаев: И когда это будет?

Кучеров: Дней через десять-пятнадцать.

Николаев: А до этого что, нельзя?

Кучеров: До этого нельзя. Вот когда придут выписки о вас, тогда я вас дополнительно вызову и мы об этом поговорим. А сейчас расскажите мне о своих политических взглядах.

Николаев: Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, потому что он не имеет отношения к психиатрии. Я буду отвечать вам только на медицинские вопросы: о самочувствии, сне, аппетите. Вот об этом и спрашивайте.

Кучеров: Вы занимались политикой?

Николаев: А вы? Вы разве не занимались политикой? Разве вы не ходите на политзанятия? Вы, наверное, голосовали за коммунистов на последних выборах? Отвечайте!

Кучеров: Здесь спрашиваю я.

Николаев: Если вы не хотите говорить мне о своих занятиях политикой, то и я имею полное право не отвечать вам о том, занимаюсь я политикой или нет.

Кучеров: Напрасно. Я вам больше не советую заниматься политикой. Иначе вас все время будут класть в больницу.

Николаев: И я вам больше не советую заниматься политикой. Не ходите больше на политзанятия, не ходите на выборы. А что касаемо меня, то я политикой не занимался.

Кучеров: Если бы вы действительно не занимались политикой, то вас бы в больницу никто не положил.

Николаев: Скажите, а если вы занимаетесь политикой, например, голосуете на выборах за коммунистов, то почему вас за это в психбольницу на лечение не кладут?

Кучеров: Вы прекрасно понимаете, о какой политике идет речь и какой политикой не следует заниматься.

Николаев: Нет, не понимаю. Разъясните.

Кучеров: Вы кто по специальности?

Николаев: Биолог.

Кучеров: Я слышал, что вы знаете еще и языки?

Николаев: Да, знаю.

Кучеров: Вот если бы вы занимались только биологией и языками, то вас бы никто не трогал никогда.

Николаев: А если бы вы тоже занимались только медициной, то вы бы со мной так не разговаривали. Но постольку поскольку вы занимаетесь политикой на политзанятиях, вы разговариваете со мной именно так. Вы мне не советуете больше заниматься политикой. А я вам тоже больше не советую заниматься политикой.

Кучеров: Так все же, что же у вас произошло?

Николаев: Не знаю. Я ничего плохого не делал.

Кучеров: В путевке написано обратное.

Николаев: А что там написано?

Кучеров: Этого я вам не скажу.

Николаев: Тогда я тоже не буду отвечать на ваши вопросы.

Кучеров: Ладно, идите в отделение. Я вас вызову, как только придут выписки из пятнадцатой, третьей и пятой больницы.

Кучеров назначил мне таблетки трифтазина, нейлептила и циклодола. Таблетки я не принимал в течение всего времени пребывания в больнице.

На вторую беседу, однако, Кучеров меня не вызвал, ибо его перевели на работу в другое отделение: он из-за чего-то не поладил с Дмитриевским и Дмитриевский из отделения его выжил. Дмитриевский и стал моим лечащим врачом, после того, как из отделения ушел Кучеров.

Дня через три-четыре я через ребят, которые ходили на кухню, получил записку от Херберта. Оказалось, что он тоже находится в «Кащенко», в отделении № 1. Взяли его прямо с демонстрации возле притона коммунистической банды.

А в одно из ближайших после госпитализации воскресений пришел ко мне на свидание один из диссидентов (тогда это слово еще не было в ходу), который мне сказал: «У тебя богатый материал. Ты записывай каждый день, о чем с врачами говоришь. И еще вопросики им подкидывай: спроси насчет Декларации Прав Человека, «Пакта о гражданских и политических правах», статье «Ответ клеветникам»...».

Второй раз о том же самом меня просить не пришлось. Уже на следующий день на обходе я обратился к Дмитриевскому с вопросом.

Николаев: Владимир Николаевич, а как согласовать мою госпитализацию с «Пактом о гражданских и политических правах», подписанным советским правительством?

Дмитриевский: Что это за пакт? Я не знаю.

Николаев: Он был подписан в 1973 году и гарантирует свободу политических убеждений. Меня же госпитализировали в психбольницу и здесь еще спрашивали о моих политических взглядах.

Дмитриевский: На вас этот пакт не распространяется.

Николаев: Почему?

Дмитриевский: Потому что вы психически больны. Этот пакт составлен для защиты интересов психически здоровых людей.

Во время следующего обхода я опять пристал к нему с каверзным вопросом.

Николаев: Скажите, пожалуйста, а как согласовать мою госпитализацию со статьей «Ответ клеветникам»?

Дмитриевский: Что это за статья?

Николаев: В этой статье группа советских психиатров писала, что в СССР психиатрия не используется для подавления инакомыслия.

Дмитриевский: Она действительно не используется для подавления инакомыслия.

Николаев: Тогда почему меня держат в психиатрической больнице?

Дмитриевский: В статье, очевидно, разговор шел о том, что в психиатрических больницах СССР не держат психически здоровых людей. Вы же являетесь психически больным человеком. Поэтому вас в связи в вашими ошибочными взглядами и неправильным поведением поместили в психиатрическую больницу.

Николаев: Но это не что иное, как использование психиатрии для подавления инакомыслия.

Дмитриевский: Ваши взгляды вызваны психическим заболеванием. Это не простое инакомыслие,которое может быть у психически здорового человека. Ваши взгляды надо лечить.

Николаев: А почему вы считаете мое поведение неправильным?

Дмитриевский: Ваше поведение носит антиобщественный характер. Именно поэтому в диспансер поступил звонок о вашем неправильном поведении и вас госпитализировали.

Николаев: А откуда поступил звонок?

Дмитриевский: Из компетентной организации.

Николаев: А что это за организация?

Дмитриевский: Вы можете догадаться сами.

Николаев: Нет, не могу догадаться.

Дмитриевский: Прямо на ваш вопрос ответить я не имею права.

На очередном обходе я вновь прицепился к Дмитриевскому.

Николаев: Скажите, пожалуйста, как вы находите мое поведение в отделении?

Дмитриевский: Ничего, жалоб со стороны персонала на вас нет.

Николаев: В таком случае выпишите меня.

Дмитриевский: Этого я сделать не могу.

Николаев: Почему?

Дмитриевский: Вы направлены в отделение по распоряже-

нию компетентной организации. Поэтому без ее ведома мы вас выписать не имеем права.

Николаев: А каково, с вашей точки зрения, мое состояние?

Дмитриевский: Ничего. Я думаю, что вам нет необходимости при вашем состоянии находиться в больнице.

Николаев: Тогда почему эта, как вы ее называете, «компетентная организация» не разрешает вам меня выписать?

Дмитриевский: В связи с вашим неправильным поведением.

Николаев: А что это за компетентная организация?

Дмитриевский: КГБ. Может, слышали о такой организации?

Николаев: Нет, не слышал. Что такое «КГБ»?

Дмитриевский: Вы что, действительно не знаете, что такое «КГБ»?

Николаев: Действительно не слышал.

Дмитриевский: Комитет Государственной Безопасности.

Николаев: А я-то тут при чем? Неужели я представляю опасность для государства? И потом, я ни с кем из работников КГБ не знаком. Как они могли узнать о моем неправильном поведении?

Дмитриевский: Значит, вы сделали что-то такое, что заставило КГБ вами заняться. И вообще, было бы лучше, если бы вы занимались только биологией и языками и никуда не вмешивались. У нас с вашим братом разговор короток.

Николаев: С моим братом? Но у меня нет братьев.

Дмитриевский: Ну с вами, с политическими. Если человек понимает, что ему в связи с его ошибочными взглядами надо лечь в больницу, то ему выдают направление в диспансере, он приходит в больницу сам и его помещают в санаторное отделение. Если же он пытается избежать госпитализации, то за ним приезжают санитары и отправляют его в отделение похуже, как мое.

Николаев: Но при чем тут я? Разве у меня ошибочные взгляды?

Дмитриевский: Да, у вас ошибочные взгляды.

Николаев: Вы сказали недавно, что мое поведение носит социально опасный характер. Но разве это так? Я ведь ничего плохого не сделал.

Дмитриевский: Вот именно поэтому вас и направили в больницу. Вы по болезни не можете понять, что ваше поведение носит социально опасный характер и продолжаете утверждать,

что вы ничего плохого не сделали. Поэтому вас и надо подлечить, чтобы вы не совершили какого-нибудь преступления.

Николаев: А разве я могу совершить преступление?

Дмитриевский: Конечно. У вас неправильные взгляды, руководствуясь которыми вы и можете совершить преступление.

Николаев: Вы в этом уверены?

Дмитриевский: Безусловно, иначе вас не отправили бы в больницу.

Николаев: Вы утверждаете, что я могу совершить преступление, как врач?

Дмитриевский: Конечно, как врач.

Николаев: И вы не думаете отказаться от того, что вы только что обо мне сказали?

Дмитриевский: Нет, не думаю.

Николаев: В таком случае я здоров и настаиваю на том, чтобы вы меня немедленно выписали и пускай мной непосредственно занимается эта компетентная организация, если я могу совершить преступление.

Дмитриевский: Выписать я вас не могу, вы психически больны.

Николаев: Но вы только что сказали, что я – психически здоров.

Дмитриевский: Я не говорил, что вы психически здоровы.

Николаев: Нет, вы только что сказали, что я – психически здоров.

Дмитриевский: Я вам этого сказать не мог.

Николаев: Хорошо. Я вам напомню. Вы говорили, что я способен совершить преступление?

Дмитриевский: Да, это я вам говорил.

Николаев: И от этих слов вы не отказываетесь?

Дмитриевский: От этих слов я не отказываюсь.

Николаев: Вот тут-то вы, Владимир Николаевич, дёшево купились. Если я действительно смогу совершить преступление, как вы утверждаете, то я – психически здоровый человек. Потому что в учебнике по судебной психиатрии изложено следующее учение Сербского, основателя советской судебной психиатрии. Сербский, а за ним и все советские психиатры, утверждает, что преступление способны совершить лица только психически здоровые, вменяемые, способные отвечать за свои действия и поступки, способные их оценить. Правонарушение, совершенное лицами психически больными, согласно учению

Сербского и всей советской психиатрии, базирующейся на учении Сербского, преступлением считаться не может. Ибо психически больные, согласно этому учению, не способны оценить правильно своих действий и поступков. Они не виноваты в совершенном ими правонарушении, а следовательно, такое правонарушение не может рассматриваться, с точки зрения советской судебной психиатрии, как преступление. Вы же утверждали, что я способен совершить преступление, то есть такое правонарушение, на которое способны только лица психически здоровые. А раз я – способен совершить преступление, значит я – психически здоров!

Дмитриевский: Не надо придираться к словам. Вы способны совершить такое правонарушение, которое вы не способны оценить, как правонарушение, потому что вы – больны.

Николаев: А преступление я смогу совершить?

Дмитриевский: Давайте отложим этот разговор.

Николаев: Нет, отчего же? Давайте лучше продолжим.

Но Дмитриевский этот спор продолжать не стал. Отошел он от меня весь-весь мокрый, вспотевший и красный.

«Здорово ты его в угол загнал с этими преступлениями», – сказал мне после обхода один из пациентов, который слышал наш разговор.

Идея мне была подана хорошая. И в начале марта у меня с Дмитриевским состоялась очень большая и содержательная беседа, которую я сразу же записал. Эта беседа в сокращенном варианте попала, как мне потом удалось узнать, в «Хронику защиты Прав в СССР», № 12 за 1974 год, затем на нее были ссылки в годовом отчете о положении политзаключенных в Совдепии за 1975 год и в книге «Диагноз: инакомыслие» английских профессоров Сиднея Блока и Питера Реддауэй (Sidney Bloch and Peter Reddaway), вышедшей в Великобритании в 1977 году. Фигурировала эта беседа в качестве иллюстративного материала и на Гонолулском Конгрессе Психиатров в 1977 году. Ниже я привожу запись этой беседы в том сокращенном варианте, который опубликован в «Хронике текущих событий в СССР».

Дмитриевский: Почему вы сейчас попали в больницу?

Николаев: Не знаю. Я никому ничего плохого не сделал. Психиатры обставили госпитализацию так, что она была для меня как снег на голову: неизвестно, за что и почему.

Дмитриевский: Не может ли это быть связано с вашими высказываниями?

Николаев: Какими, например?

Дмитриевский: Ну, хотя бы о нашем обществе.

Николаев: Не знаю. В официальных организациях я никаких высказываний не делал.

Дмитриевский: А в неофициальных?

Николаев: С неофициальными организациями я просто не знаком.

Дмитриевский: Почему вас поместили в больницу в 1970 году?

Николаев: Не знаю. Эта госпитализация тоже была соответствующим образом обставлена. Поэтому у вас больше информации по этому поводу.

Дмитриевский: Но ведь ваши неверные взгляды появились очень давно, еще лет в девятнадцать.

Николаев: Мои взгляды к психиатрии не имеют никакого отношения. И ошибочность взглядов не всегда является показателем заболевания. Она может быть вызвана, например, недостатком информации.

Дмитриевский: Насколько мне известно, вас исключили из комсомола.

Николаев: Меня из комсомола не исключали. Я вышел из комсомола сам.

Дмитриевский: Почему вы тогда вышли из комсомола? Было ли это связано с вашими взглядами?

Николаев: Это к психиатрии не относится.

Дмитриевский: Да, но почему-то вы попадаете в психбольницу уже в четвертый раз. А ведь не все, кто выходит из комсомола, попадают в психбольницу.

Николаев: Я вышел из комсомола 18 лет назад. Сейчас эта тема не актуальна.*

---

* Здесь в «Хронике...» не приводится часть нашей беседы. На мой отказ Дмитриевский потребовал в ультимативной форме ответить, почему же я все же вышел из комсомола. На это ультимативное требование я ответил сведениями из учебников психиатрии, о том, что у психически больных есть очаг стойкого возбуждения. Задавая столь пристрастно этот вопрос, Дмитриевский демонстрирует свое психическое заболевание, наличие у себя очага стойкого возбуждения. Ибо на событие восемнадцатилетней давности он реагирует так, как будто я этот комсомольский билет только что на стол бросил. Вот после этого Дмитриевский и ответил, что он на этом внимание не акцентирует.

Дмитриевский: Нет, что вы. Я специально на этом внимание не акцентирую. Кто вы по специальности?

Николаев: Биолог.

Дмитриевский: Вы знаете языки?

Николаев: Да.

Дмитриевский: Много?

Николаев: Достаточно много.

Дмитриевский: Где вы работали?

Николаев: Четыре года в ВИНИТИ и один год в институте дезинфекции.*

Дмитриевский: Почему у вас были конфликты с сотрудниками?

Николаев: У меня не было конфликтов с сотрудниками.

Дмитриевский: Чем вы еще занимались, кроме биологии и языков?

Николаев: Чем придется.

Дмитриевский: Вас интересовала философия, проблемы государства, права?

Николаев: Нет. Конечно, все эти предметы я изучал в университете, но позже я к ним не обращался.

Дмитриевский: А специально философией вы не занимались?

Николаев: Нет.

Дмитриевский: А что вы можете сказать о нашем обществе?

Николаев: Если вас интересует наше общество, то вам лучше обратиться к более компетентным лицам. Я уже сказал, что, сдав экзамены по политдисциплинам, я учебников в руки не брал, поэтому мои высказывания потянут не более, чем на двойку.

Дмитриевский: Меня не интересует ваше знание университетского курса. Меня интересует ваше собственное мнение. В диспансер, который вас направил в больницу, поступил звонок о ваших неверных взглядах на наше общество.

Николаев: Какими бы мои взгляды ни были, они не имеют отношения к психиатрии.

Дмитриевский: Иначе вы бы не были здесь. Если бы ваши взгляды на общество не представляли социальной опасности, то

---

* ВИНИТИ – Всесоюзный институт научной и технической информации.

вас не помещали бы в психбольницу. Ведь предыдущие три раза вы находились в психбольницах длительные сроки?

Николаев: Да, длительные.

Дмитриевский: А нашу государственную машину вы знаете. Все мы подчинены соответствующим органам, и если от этих органов нам поступает распоряжение, мы обязаны его выполнять.

Николаев: Поэтому вы так активно интересуетесь моими взглядами на общество?

Дмитриевский: Да, а вы отгородились, словно стеной. И поверьте, не себе на пользу. Чем более упорно вы будете уклоняться от ответов, тем дольше будете находиться в больнице. Я спрашиваю вас для вашей же пользы. Вы ведь видите, я ничего не записываю.

Николаев: Я тоже ничего не записываю.

Дмитриевский: Кроме того, вас могут причислить к социально опасным, и тогда перед каждым советским праздником в целях профилактики вас будут помещать в психбольницу, хотите вы того или нет.

Николаев: Я знаю, что в нашей стране такая практика существует.

Дмитриевский: Вы ведь не такая крупная величина, как Солженицын, которого за его высказывания и взгляды выслали из страны. Вас за ваши взгляды и высказывания будут помещать в психиатрическую больницу.*

Николаев: И напрасно. Мои взгляды социальной опасности не представляют. А те, кто не согласны с моими взглядами и звонят об этом в диспансер, просто их переоценивают, наверное, от избытка фобий. Моя популярность действительно меньше, чем у Солженицына, но среди лиц, интересующихся иностранными языками, я довольно известен. И любая моя госпитализация приносит только вред, ибо я не могу приносить пользу своими знаниями и опытом тому обществу, о безопасности которого вы так печетесь.

Дмитриевский: Ну, все же, где вы высказывали свое неправильное отношение к нашему обществу?

Николаев: Я думаю, что вам лучше выяснить у работников тех самых органов, которые позвонили в диспансер.

---

* Незадолго до этого, в феврале 1974 года, Солженицын был выслан насильно из страны. Поэтому высказывание Дмитриевского было связано с этой жгучей и актуальной темой.

Дмитриевский: Все это так, но мне бы хотелось узнать из первоисточника.

Николаев: В данном случае первоисточником для вас может служить тот человек, который донес на меня. Кто это сделал, я не знаю и не могу предположить, так как неверных высказываний не допускал.

Дмитриевский: Да, но вы находитесь здесь. Значит, вы допускали такие высказывания о нашем обществе, и эти высказывания представляют социальную опасность.

Николаев: Вы ошибаетесь. Скажите, разве имеются на меня жалобы в вашем отделении?

Дмитриевский: Нет, жалоб со стороны персонала на вас нет. Ваше поведение безупречно.

Николаев: А если бы я действительно был социально опасным, тогда мое поведение не могло быть безупречным.

Дмитриевский: Социально опасным является не ваше поведение, а ваши взгляды.

Николаев: Не думаю. Как бы я ни относился к обществу, оно не изменится. Если я его буду ругать, то оно не станет хуже, если я его буду хвалить, то оно не станет лучше. Я не способен вызвать ни его улучшения, ни ухудшения своими высказываниями. Поэтому мои взгляды не могут быть опасными для общества.

Дмитриевский: А что вы предпочитаете, хвалить общество или ругать?

Николаев: Я предпочитаю придерживаться принципа: моя хата с краю.

Дмитриевский: Такое отношение к обществу тоже представляет социальную опасность. И если вы будете следовать этому принципу, то также будете попадать в психиатрические больницы.

Николаев: Это мне известно, я испытал это на себе. Как долго вы собираетесь держать меня в больнице?

Дмитриевский: Этого я вам не могу сказать. Все будет зависеть от вас. Одним месяцем вы не отделаетесь.

Николаев: Я нахожусь здесь уже три недели.

Дмитриевский: Выписывать вас будет выписная врачебная комиссия. И если на комиссии вы будете также обходить все острые вопросы, то это не будет вам на пользу.

Николаев: Я убедился в свое время в другом. Когда я рассказал врачу 15-й психиатрической больницы о своем отношении к обществу, он отправил меня в загородную больницу на Столбо-

вой, где я пробыл восемь месяцев. Как видите, высказывать свои взгляды опасно. От вас я узнал, что молчать тоже опасно. Мне, по-видимому, придется из двух зол выбирать меньшее.

Дмитриевский: Поймите меня правильно. Я вас спрашиваю не случайно.

Николаев: Я здоровый человек, и мои взгляды к психиатрии отношения не имеют.

Тем временем в Москву приехала Тьян, которая поселилась у меня дома. Она часто приходила ко мне на свидание, во многом мне помогала. Была она и в психдиспансере № 13, виделась там с Назаровым. Назаров посоветовал ей следить за мной, чтобы я не вел антисоветских разговоров и не занимался политикой. Если я буду заниматься политикой и допускать антисоветские высказывания, то он, Назаров, будет вынужден вновь и вновь класть меня в психбольницу.

Херберт Миколайт выписался из первого отделения раньше меня, пришел ко мне на свидание и сказал, что ему разрешили эмигрировать в ФРГ. Он обещал выслать мне вызов, чтобы я тоже смог эмигрировать из Совдепии. Забегая вперед, скажу, что вызовы (и не один) мне Херберт действительно высылал. Но советская почта работает так плохо, что все эти вызовы почему-то оседали в кабинетах сотрудников Андропова.

Очевидно, с точки зрения коммунистов, я на Родине смогу принести пользы больше, чем за рубежом. Здесь меня можно еще раз кинуть в психушку, подвергнуть разного рода гонениям, чтобы я имел возможность собрать материал для своей книги о преступлениях советской психиатрии.

Понятливые все же иногда бывают коммунисты. Сами против себя материал дают тем, кто его собирает.

Выписал меня Дмитриевский 6 мая 1974 года. Перед выпиской он вызвал меня к себе в кабинет на короткую беседу.

Дмитриевский: Я вам больше никогда не советую заниматься политикой. Занимайтесь языками, биологией. Я продержал вас недолго, но если вы попадете ко мне в больницу второй раз, то я вас буду держать долго. И поверьте, мне плохо не будет оттого, что вы у меня просидите целый год.

Николаев: Вся трагедия в том, что я политикой и не занимался.

Дмитриевский: По вашему психическому состоянию вас можно было бы давно уже выписать. И вообще, если бы не ваши занятия политикой, то вас бы никто не беспокоил, потому что

ваше состояние не таково, чтобы вам лежать в больнице по несколько месяцев. Так что, запомните, что я вам сейчас сказал, и сделайте соответствующие выводы.

Николаев: Я запомню и выводы сделаю.

Дмитриевский: Ну вот и хорошо.

Эх, не понял Дмитриевский, какие выводы я сделал! Я-то сделал не тот вывод, что он хотел. Предавать огласке их преступления – вот какой я вывод сделал. А слова его запомнил, опять же для огласки.

Но вот дверь отделения передо мной открыта и я выхожу за его пределы.

ИГРА В ПРЯТКИ

Сразу же после выписки я пошел в диспансер к главному врачу, чтобы опротестовать незаконные действия Назарова, который направил меня в психбольницу.

«И зачем вы на него жалуетесь? – удивилась главный врач. – Он всё равно подал заявление об уходе и здесь работать больше не будет».

Много позже мне удалось подсмотреть в своей «истории болезни» такую запись: «Жаловался на врача, который его лечил и направил в психбольницу в связи с обострением психического состояния».

Впрочем, вскоре ушла из диспансера и эта главная врачиха. А я с тех пор решил диспансер принципиально игнорировать и принять необходимые меры предосторожности, чтобы избегать этих самых госпитализаций.

Дома в двери мне сделали глазок, и я завел правило: посторонних, которых я в лицо не знаю, в дом не впускать и дверей им не открывать. И не раз глазок сослужил мне добрую єлужбу, не раз с его помощью мне удавалось избежать госпитализаций, когда за мной приходила милиция с путевками, выписанными в психдиспансере № 13.

Теперь мы с Тьян жили вместе. Бывшая жена больше не препятствовала моим свиданиям с дочкой (квартира была уже поделена, и дочка стала ей больше не нужна и переселилась к моей матери), а также отказалась от алиментов на дочку.

Сначала я довольно резво сел за книгу о психиатрическом терроре, по свежим следам. Но, как и ранее, не получалась у меня книга. Не хватало для нее зла, ненависти, желания ото-

мстить. А без этих факторов ежедневная текучка оказывалась более актуальной, чем книга. Так и забросил я ее.

А тут мне прервали все мои контакты с институтом сельскохозяйственной информации. Все редакторы, с которыми я до этого благополучно творчески сотрудничал, которым были нужны мои знания всяких редких языков и которые до этого все поголовно хвалили мои рефераты, вдруг как один стали утверждать, что я делаю рефераты плохо и в моих услугах они больше не нуждаются.

И только одна редакторша оказалась среди них всех честной. Она отозвала меня в коридор, на другой этаж, и там сообщила, что администрации института сельхозинформации стало известно, что я подвергался госпитализациям в психбольницы, состою на учете в психдиспансере, и что мои госпитализации были связаны с политикой. Как ни старался я скрыть в институте свои психиатрические приключения – не удалось. Ну, и поэтому дирекция отдала распоряжение во все отделы, в которых я сотрудничал, чтобы мне работы больше не давать. Так я был лишен последней возможности хоть что-то подработать. Да и в «Московском комсомольце», где меня до этого охотно печатали, тоже дали вежливый отказ, что в моих услугах они больше не нуждаются. Правда, в «Московском комсомольце» не нашлось честного человека, который так же сообщил бы мне с глазу на глаз истинные причины.

15 декабря 1974 года мне повысили пенсию и я стал получать уже 67 рублей 68 копеек в месяц.

А 20 декабря 1974 года я и Тьян оформили брак. В апреле 1975 года мы с Тьян поехали на Камчатку. Готовились мы к этой поездке давно. Тьян мечтала собрать материалы по ительменскому языку, и я ей в этом хотел помочь. Перед отъездом мы просмотрели с ней довольно много литературы, посвященной ительменам и Камчатке.

Провели мы на Камчатке шесть месяцев. Довольно скоро (мы в Москве на почте оставили свои координаты) к нам туда пришла открытка из психдиспансера: меня срочно просили в диспансер явиться, так как я там долго не был. Как же, как же! Держите карман шире! Так я к вам и побегу.

Примерно в середине мая мы с Тьянушкой поехали сначала в Палану, столицу коряков. Пробыли мы в Палане несколько дней, жили в гостях у одного ительмена-художника, который начитал нам на магнитофон книгу «Ntanselqzaaʻkicen».

Пробыли мы в Палане несколько дней и собирались дальше поехать в поселок Ковран, чистое и типичное ительменское село. А перед отъездом из Паланы мы решили немного погулять и пошли на берег Охотского моря, в восьми километрах от Паланы. Когда же возвращались обратно в Палану, нас остановила милицейская машина. У меня забрали паспорт и велели на следующий день прийти в Окружное управление милиции. Камчатка – пограничная зона. Пропуск мне был выписан в строго ограниченный пункт – деревню Пущино, где проживает семья Тьян. А мы мотанули в Палану. Ну, естественно, на следующий день в милиции долгий и нудный разговор: зачем приехали в Палану, где остановились, и так далее. В конце концов у меня взяли подписку о выезде в течение 24 часов.

Я уж не стал говорить этим ментовским кретинам, что собирали мы лингвистические материалы по ительменскому языку. Все равно это было бы им не понять.

На Камчатке я узнал, что принят новый закон о паспортах и с 1976 по 1980 год все должны поменять свои старые паспорта на паспорта нового образца. Я же решил свой паспорт принципиально не менять в знак протеста против тех незаконных репрессий, которым меня подвергали коммунисты.

В Пущино нам летом удалось почти на три месяца устроиться работать гидрометеорологами-наблюдателями на гидрометеостанции. Одна семья, работавшая на станции, уезжала в отпуск, и станции были срочно нужны работники. Мой университетский диплом тут сыграл большую положительную роль: никогда у них на станции не работали такие дипломированные люди, как я. Разумеется, для работы пришлось скрыть и инвалидность липовую, и госпитализации, и психучет этот проклятый.

Ведь какова ситуация глупая: в диспансере и на ВТЭКе только и делают, что спрашивают: хотите работать? Почему до сих пор работы не нашли?

А с этой второй группой инвалидности, да еще и по психиатрии, которую они сами же мне и закатили, никуда работать не берут! А если где и удастся устроиться, так до первой справки из психдиспансера!

Ну ладно, до Камчатки когти этого проклятого диспансера не дотягивались, скрыть группу и инвалидность удалось, на работу нас приняли. Каждому из нас выдали гидрометеопост, где наблюдения надо было проводить дважды в сутки: в 8.00 и в 20.00. Разумеется, все наблюдения на обоих постах вел я. Зарабо-

тали мы за эти три месяца неплохо, потому что, помимо оклада, как и всюду небольшого, нам полагалась надбавка за полевые условия работы, а также надбавка за работу в условиях Крайнего Севера и в районах, к нему приравненных. Суммарно это составляло 250% оклада, положенного за ту же самую работу на материке и в неполевых условиях.

28 июля 1975 года у нас родился сын, которому мы решили дать ительменское имя Эмемкут.

А 16 августа 1975 года в Пущино, где мы тогда находились, приехали два следователя из Петропавловска-Камчатского (один из них – старший советник юстиции, юрист первого класса – Тарасюнь). Они провели в доме у Тьян обыск, а потом четыре часа допрашивали меня по делу (как они сказали) Андрея Твердохлебова и Владимира Архангельского. Обыск они проводили формально: было ясно, что у нас не могло ничего быть. Да ничего они и не изъяли.

Во время допроса их интересовало следующее: что мне известно о деятельности Андрея Твердохлебова со слов Владимира Архангельского? Говорил ли Андрей Твердохлебов, что в Совдепии в психиатрических больницах содержатся психически здоровые люди?

«Так оно и есть на самом деле, – сказал я им, – я могу подтвердить, что в Советском Союзе в психбольницах держат психически здоровых людей за их убеждения».

И стал им рассказывать о тех психиатрических репрессиях, которым меня подвергали советские психиатры-коммунисты.

Однако они ничего не записали из того, что я им пытался рассказать.

Николаев: Почему вы не записываете? Ведь в Советском Союзе действительно психиатрия используется против инакомыслящих!

– Если и нашлось несколько непорядочных психиатров, которые с вами так поступили, то это еще не значит, что это характерно вообще для советской власти и советской системы.

Николаев: Нет, характерно. И вам просто надо скрыть преступления советских психиатров. Меня незаконно уволили с работы за отказ взять соцобязательство в честь XXIV съезда КПСС! А потом в психушку кинули, хотя я психически здоров! Это что, не доказательство использования психиатрии, по-вашему?

– У нас помимо писаных законов, есть еще и неписаные, которые тоже надо выполнять.

Николаев: Эти неписаные законы – не что иное, как советский произвол и беззаконие! И вы фабрикуете дело против честного и мужественного человека, вместо того, чтобы пресечь преступления коммунистов, преступления КПСС! Судить надо советских психиатров, коммунистов надо судить, а не честных людей!

– А с чего вы взяли, что те психиатры, которые с вами, как вы считаете, неправильно поступили, – коммунисты? Они что, вам свои партийные билеты показывали?

Николаев: Партийных билетов они мне не показывали, но поступали как самые настоящие коммунисты – по-подлому!

– У вас ночевали в феврале прошлого года немцы из Эстонии. Вам их Григас рекомендовал?

Николаев: Ах, так вот еще один пример! За этих немцев меня коммунисты тоже в психушку бросили!

– Вас не за это бросили. Это чисто случайное совпадение. Между тем, что у вас ночевали эстонские немцы, и вашей госпитализацией нет никакой связи.

Николаев: Ах, случайное совпадение!? Так придет время, когда за такие случайные совпадения коммунистов вешать будут!

Пытался я в протокол записать от себя то, что мне известно об использовании психиатрии в Совдепии в целях подавления инакомыслия. Но они вырвали у меня из рук протокол допроса и ничего записать не дали.

– Ведь все, что вы нам говорили о том, что вас посадили в психбольницу за убеждения, – не проверено и не доказано. Это только ваши слова, и они ничем не подтверждены. А поэтому мы такие показания принять не можем.

Николаев: И не надо! Я приеду в Москву, встречусь с людьми, которые знают Андрея Твердохлебова лично, и расскажу им, какими методами вы фабриковали против него дело.

– А это уж как хотите.

Два дня после их отъезда мне потребовалось на раздумье: как писать и куда. Затем я стал писать письмо в прокуратуру РСФСР о том, как проходил допрос и как фактически в СССР психиатрия используется против инакомыслящих.

Я понимал, что в прокуратуре мое письмо положат под сукно, а поэтому сделал также копии для адвокатов и родственников Андрея Твердохлебова и Владимира Архангельского. Вре-

мени на это все ушло много, так как сам оригинал занял более 80 рукописных страниц*.

Оригинал я отправил по почте в прокуратуру, а копии – родственникам подследственных с оказией.

В дальнейшем, эти показания были мною использованы для написания данной книги.

Произошел на Камчатке и забавный эпизод. Нашего Эмемкута в возрасте одного месяца коммунисты подвергли расовой дискриминации. А было дело так: его надо было зарегистрировать и мы обратились в Шаромский сельсовет Мильковского района Камчатской области. Узнав, что мы хотим дать сыну ительменское имя «Эмемкут», председатель сельского совета Шильникова сказала: «Никаких ительменских имен – только русские».

Тогда мы обратились в загс Мильковского района. Заведующая загсом Дарья Суртаева тоже сказала:

Суртаева: Только – русские имена!

Николаев: Мы напишем жалобу в Совет Национальностей.

Суртаева: А вы лучше Брежневу напишите! Людям больше делать нечего, как только вашему сыну ительменское имя давать и удовлетворять ваши прихоти.

Николаев: То, что вы делаете, это расовая и национальная дискриминация коренного населения Камчатки, ительменов; мы расизма не потерпим и, когда я вернусь в Москву, то постараюсь сделать так, чтобы об этом факте расовой дискриминации нашего сына стало известно за рубежом.

Суртаева: Если вы советский человек, то вы этого – не сделаете.

Николаев: Нет, я это сделаю, потому что я – не советский человек.

Когда я вернулся в Москву, то узнал, что Владимир Архангельский по совершенно другому делу был уже осужден на 2,5 года, и ему мои показания в прокуратуру уже никак помочь не могли.

Родственники Андрея Твердохлебова через своего адвоката добились того, чтобы мои показания были подшиты к его делу. О судьбе же оригинала, посланного в Прокуратуру РСФСР, мне ничего не известно, кроме того, что его переслали в Москов-

---

* В машинописном варианте мои показания заняли более 22 страниц.

скую городскую прокуратуру. Ответа же из Московской городской прокуратуры я не получил.

Власти серьезно решили сфабриковать дело против невинного человека, если столь селективно использовали свидетельские показания и не принимали во внимание те, которые им невыгодны.

Но зато благодаря этому допросу я познакомился (ведь надо же было о допросе и об обыске сообщить тем, кто в этом был кровно заинтересован) со многими участниками Диссидентского движения.

Особенно хорошие и теплые отношения сложились у меня с Александром Гинзбургом, очень хорошим и приятным человеком, который был впоследствии незаконно осужден коммунистами, находился в концлагере в Сосновке, а в конце апреля 1979 года был вместе с четырьмя другими правозащитниками обменен на двух советских шпионов, пойманных в США с поличными.

Надо сказать, что мои показания в прокуратуру вызвали критику у многих диссидентов, которые их читали. Критика касалась, главным образом, того, что я в показаниях допускал непарламентские выражения в адрес советских психиатров и коммунистов. Как будто бы эта банда способна понять парламентские выражения? Коммунистам можно что-то доказать лишь только тогда, если с ними обращаться так, как в Чили!

Но помимо критики было и понимание, сочувствие. Александр Гинзбург посоветовал мне написать книгу о тех репрессиях, которым я подвергался. А чтобы я имел представление о том, что уже написано по этому поводу, дал мне возможность познакомиться с несколькими книгами, брошюрами и статьями, в которых уже описаны психиатрические репрессии.

«Имейте в виду, – сказал мне Гинзбург, – о психиатрических репрессиях написано уже достаточно много. И поэтому каждую новую книгу на эту тему писать всё труднее и труднее. Чтобы она была интересной, она должна быть как минимум не хуже того, что уже опубликовано о психиатрии».

Встречал я в некоторых из этих документов и свое имя.

В частности, в «Хронике защиты прав в СССР» № 12 за 1974 год была опубликована в сокращенном виде моя беседа с Дмитриевским. На эту же беседу я видел ссылки в годовом отчете Международной Амнистии о положении политзаключенных в Совдепии в главе, посвященной психиатрическим репрессиям.

И еще в книге «Казнимые сумасшествием», выпущенной издательством «Посев».

Конечно, всё это я прочитал с большим интересом и вниманием: тема была мне близкой и понятной. Но сразу же бросилось в глаза, что вся критика и все разоблачение было направлено исключительно против советских психбольниц. А вот о психдиспансерах почти ничего не писалось и их роль в психиатрических репрессиях не получала никакого отражения.

А ведь это – существенный недостаток! Говорил я тогда на эту тему с несколькими диссидентами, очень опытными правозащитниками. Однако доводы, которые я им приводил по поводу роли психдиспансеров в психиатрических репрессиях, не встречали должного понимания. Разумеется, это просто от незнания фактического положения дел.

К счастью, сейчас положение изменилось, и правозащитники, занимающиеся проблемой психиатрических репрессий, обращают теперь также внимание и на психдиспансеры.

Тогда же, по совету Александра Гинзбурга, я вот уже в который раз опять начал писать книгу о психиатрических репрессиях. И опять из этой затеи ничего у меня не вышло тогда. Каким-то скучным и неинтересным было начало. В общем, не было творческого вдохновения, не созрела в голове еще моя книга.

На деньги, которые мы заработали на Камчатке, мы в Москве смогли позволить себе кое-что купить. Из этих покупок самой ценной была пишущая машинка. Месяц я потратил на то, чтобы научиться печатать по десятипальцевой системе. И потом кормила нас эта пишущая машинка, позволяла нам как-то сводить концы с концами, хотя бы не голодать.

Эмемкута мы зарегистрировали уже в Москве и не встретили здесь никаких затруднений.

Как-то мне попалась в руки брошюра с законодательными актами о браке и семье, из которой я узнал, что мы, как малоимущая семья, имеем право на государственное пособие в размере 12 рублей в месяц на ребенка. Остановка была за малым: собрать все необходимые для оформления пособия справки.

Но когда мы пришли в ЖЭК № 33* Советского района города Москвы, то началось.

«А откуда у тебя ребенок?! – заорала на Тьян паспортистка Петрова Вера Андреевна, – я тебя беременной никогда не виде-

---

* Сейчас это ДЭЗ (Дирекция Эксплуатации Зданий) № 32.

ла! Подумать только! Муж – пенсионер! Больной! А она ребенка родила! Думать надо было раньше, чем рожать! Нищету плодите! Висите медалью на шее государства!»

Я прикрикнул на паспортистку, чтобы она не оскорбляла Тьян, и назвал ее «проклятой коммунисткой». (Она и есть самая настоящая коммунистка, член партбюро ЖЭКа.)

«А вы не орите здесь, – накинулась она уже на меня, – а то я сейчас милицию позову и в психбольницу вас отправлю».

Но справку ради паршивой грошовой государственной подачки все же выдала. Нищета – это тоже следствие психиатрического учета в диспансере, равно как и оскорбления в ЖЭКе.

Наступил январь 1976 года. Я пришел в диспансер, чтобы снова пройти ВТЭК. Моим участковым «врачом» стала Ковешникова Людмила Степановна.

Ковешникова: Ну, давно приехал?

Николаев: Откуда?

Ковешникова: С Камчатки.

Николаев: А откуда вы знаете, что я на Камчатке был и уже приехал?

Ковешникова: От участкового милиционера. Мы с милицией контачим.

Николаев: В октябре приехал.

Ковешникова: Что, работать туда ездил?

Николаев: Нет, не работать.*

Ковешникова: А почему ты до сих пор в диспансер так и не ходил?

Николаев: Во-первых, не «ты», а «вы»!

Ковешникова: Ишь ты, какой нашелся!? Выискался! А кто ты такой, чтобы с тобой на «вы» разговаривать?

Николаев: Мне с вами говорить больше не о чем. Я сейчас же пойду к главному врачу и пожалуюсь на вас за вашу грубость.

После этого я встал и вышел из ее кабинета. А она кричала мне вдогонку еще какие-то гадости. Перед кабинетом главного врача своего рода предбанник, где сидит секретарша, которая к главному врачу никого не впускает за просто так.

Увидев меня, она пыталась меня не пропустить, но я все же прорвался.

Свищев: Что вам нужно?

---

* Нельзя было говорить в диспансере, что работал. Себе только во вред! Любой сторонний заработок стараются они тут же обрубить.

Николаев: Я хочу вам пожаловаться на грубость врача Ковешниковой. Я – взрослый человек, с высшим образованием. А она обращается со мной как с мальчишкой, на «ты». А когда я ей на это указал, то она стала вообще на меня орать. В общем, я тут же вышел из ее кабинета, чтобы пожаловаться вам. Я хамства со стороны Ковешниковой терпеть не намерен.

Свищев: Хорошо, разберемся. Я поговорю с Ковешниковой. Еще у вас есть ко мне вопросы?

Николаев: Да, есть. Уж раз я пришел к вам, то мне бы хотелось бы узнать, почему я был госпитализирован в феврале 1974 года.

Свищев: Я тогда в диспансере не работал, не знаю.

Николаев: Вы можете посмотреть в истории болезни и мне ответить.

Свищев: Хорошо. (Запрашивает через селектор мою «историю болезни».) А как вы были госпитализированы?

Николаев: Ко мне пришли два милиционера и солдат, которые отвели меня тогда в милицию, а из милиции меня отправили в психбольницу.

Свищев: Если за вами пришла милиция, значит вы что-то натворили. Диспансер здесь не при чем.

Николаев: Нет, у милиционера была путевка, выписанная участковым врачом диспансера Назаровым.

Свищев: Такого не могло быть. Вы что-то путаете. Если мы выписываем путевку, то мы ее в милицию не направляем, а госпитализируем больных сами. Если здесь вмешалась милиция, значит вы совершили какое-то правонарушение.

Николаев: Я никаких правонарушений не совершал.

(Приносят мою историю болезни. Свищев берет ее, читает.)

Свищев: Ну как же не совершали? Вот здесь написано, что вы поссорились с женой!

Николаев: Когда?

Свищев: Когда вы были госпитализированы?

Николаев: 13 февраля 1974 года.

Свищев: Ну, правильно. Вот здесь как раз и записано: непосредственно перед госпитализацией поругался с женой, в связи с чем и был госпитализирован.

Николаев: С какой женой?

Свищев: С вашей, разумеется. Вы ведь женаты?

Николаев: Да, женат.

Свищев: Вот вы со своей женой поссорились, она сообщила об этом в диспансер, и мы вас госпитализировали.

Николаев: Там написано именно это?

Свищев: Да, именно это.

Николаев: Знаете что, может, хватит завираться? Вы ведь врете, в наглую! Вы знаете, что у меня тогда семьи – не было! Первая жена развелась со мной еще в мае 1971 года, а со второй я оформил брак только в декабре 1974 года. И со второй женой я живу мирно. Так что уж если врать – то не так, как врете вы! Хотя бы правдоподобно!

Свищев: Ну, я сказал вам то, что здесь написано. Я ничего не придумал.

Николаев: И опять вы врете.

Свищев: Ну, здесь так написано, а проверить, насколько это соответствует или не соответствует действительности, я не в силах. Я тогда в диспансере не работал и вас вижу впервые. А тот врач, который это написал и вас госпитализировал, сейчас в диспансере тоже не работает.

На этом я со Свищевым расстался.

17 января 1976 года я проходил ВТЭК в диспансере.

Председатель ВТЭКа: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Нормально.

Председатель: Может, работать хотите? В мастерских, например?

Николаев: Нет, я работать не буду, тем более в ваших лечебно-трудовых мастерских.

Председатель: Интересно, почему?

Николаев: А потому что коммунисты меня незаконно репрессировали. И я на коммунистов работать не буду.

Председатель: И в связи с чем вас репрессировали?

Николаев: А я отказался взять соцобязательство в честь XXIV съезда КПСС.

Председатель: Сейчас уже XXV съезд приближается, а вы все еще про XXIV забыть не можете.

Николаев: И очень жаль, что приближается. Лучше, чтобы этих бандитских сборищ вообще бы не было.

Вторую группу инвалидности мне продлили.

31 января 1976 года раздался звонок в дверь. Я поглядел в глазок: за дверью милиционер. Дверь я открывать не стал. Он позвонил еще с полчаса, затем спросил: «Открыть не можете?» – и после этого ушел.

А через некоторое время с предосторожностями из дома ушел и я.

1 февраля 1976 года, уже в мое отсутствие, ко мне на квартиру пришел участковый милиционер Пуляев Алексей Дмитриевич, тот самый комсомольский гадёныш, который арестовал меня в феврале 1974 гола. Он сам звонить не стал, а попросил соседку из 326 квартиры, Блохину Нину.

Увидев в глазок соседку, Тьян открыла дверь. Тут же появился Пуляев, который накинулся на нее.

Пуляев: Почему не открываете?! Я – представитель советской власти! Если не будете открывать, то я тебя и твоего мужа посажу на пятнадцать суток! Дверь сломаю!

Тьян: По какому закону?

Пуляев: По неписаному!

После этого в 137 отделение милиции пошла моя мать. Ее встретил там начальник по гласному надзору Клюев, который сказал, что это он приходил ко мне 31 января.

«Нам дано указание всем инвалидам второй группы рассказать о приближающемся XXV съезде КПСС, – нагло, прямотаки по-ленински соврал он. – Вашему сыну ничего не грозит, и он может спокойно возвратиться домой».

Снова Пуляев пришел за мной через неделю и сказал Тьян, что у него есть путевка на мою госпитализацию из ПНД № 13 и что он должен доставить меня на лечение в психиатрическую больницу, а Тьян должна ему помочь найти меня.

«Я не знаю, где мой муж находится, – ответила Тьян, – его нет в Москве и он мне не пишет».

«Он напрасно прячется, – сказал Пуляев, – он болен и должен знать, что ему периодически надо проходить курс лечения в психиатрической больнице».

После этого моя мать вновь пришла в 137 отделение милиции, встретилась с Пуляевым и потребовала от него, чтобы он прекратил меня преследовать.

«Мне приказали – и я должен его задержать и отправить в больницу, – ответил Пуляев. – Если я этого не сделаю, то меня уволят с работы».

22 февраля 1976 года Пуляев встретил Тьян на улице и спросил: «Ну, где твой муж? Я должен его отправить в больницу. Он – социально опасен».

Тьян с моей матерью пошли в диспансер, чтобы выяснить, в связи с чем была выписана путевка.

«Где Николаев?» – вместо ответа спросил Свищев. «Его нет в Москве». – «Хорошо. Это нас устраивает. Нам главное, чтобы его не было в Москве во время работы съезда».

Путевку на мою госпитализацию выписала Ковешникова Людмила Степановна.

Получив все эти сведения, я передал их Александру Гинзбургу, а он на одной из пресс-конференции с участием западных корреспондентов рассказал о том, как меня пытались госпитализировать.

Одновременно с этим я написал письмо-протест в Прокуратуру РСФСР с требованием оградить меня от произвола психдиспансера и 137 отделения милиции и привлечь виновных к уголовной ответственности. Ответа на свое заявление я, естественно, никакого не получил.

А в Москве тем временем началось очередное бандитское сборище, которое коммунисты громогласно назвали XXV съездом КПСС. Выступавшие «делегаты» взахлёб расхваливали социалистическую демократию и те права, которыми «пользуются» советские люди. Конечно, и психиатрию не забыли.

Первый секретарь ЦК компартии Белоруссии (ведь есть же и такая компартия! До чего только не додумаются идиоты!) некий Машеров в своем выступлении от имени своей фиктивной компартии вообще отрицал факт использования психиатрии в Совдепии в целях политических репрессий. Очевидно, мой пример, как, впрочем, и многие другие, пану Машерову известны не были.

Но вот кончил хрюкать их паршивый съезд. Нализавшись до поросячьего визга, «делегаты» пропели невпопад свой интернационал и разъехались по домам, чтобы в кругу семьи на все вопросы отвечать только поднятием руки вверх да рукоплесканием, если предложат поллитровку.

А я смог вернуться домой. После этого бандитского съезда за мной уже никто не гонялся.

Диспансер долгое время меня не беспокоил. В апреле 1976 года состоялся судебный фарс, сфабрикованный коммунистами против Андрея Твердохлебова. Меня, в качестве свидетеля, на этот фарс, естественно, не вызвали. Но как и многие другие, я был возле здания суда. Фарс откладывался несколько раз. И несколько раз я приходил на это позорное закрытое судилище. Естественно, что никого из нас, диссидентов, в зал суда не пустили. Но зато возле суда появились у меня и новые знакомства среди диссидентской среды. В частности, познакомился я в эти дни с Владимиром Клебановым, с которым потом пришлось мне делать много полезных дел. В апреле же (меня, к сожалению, в это время дома не было) приходили к нам домой люди, принес-

шие с оказией письмо от Херберта. Надо сказать, что сразу же после его отъезда, в 1974 году и в начале 1975 – у нас с ним была очень интенсивная переписка. Но вдруг она совершенно неожиданно прервалась. Я Херберту писал, а ответов от него никаких не было. Я даже, грешным делом, на него обиделся. Но это письмо, которое пришло ко мне в обход КГБ и Министерства связи, многое прояснило. Оказывается, Херберт постарался, и в 1975 году при его участии мне было выслано как минимум три вызова, чтобы я мог эмигрировать из Совдепии. Естественно, что ни одного из этих вызовов я не получил и впервые об их существовании узнал только сейчас. Тьян написала Херберту ответ, извинилась, что меня не было дома, и все ему объяснила.

Лето было насыщено всякими хорошими делами, о которых пока писать рано. А в начале августа мы всей семьей поехали в Эстонию. Очень хорошо там отдохнули. Для меня самым главным была психологическая разрядка. Диспансер далеко, не надо каждый день в напряжении ждать этих чёртовых госпитализаций.

Вернулись в Москву мы в первой половине сентября. Где-то во второй половине октября мне пришла открытка из диспансера, чтобы я туда явился. Я в диспансер не пошел и на всякий случай уехал из Москвы, в Тарусу, где до 10 ноября пробыл на квартире у Александра Гинзбурга. Тогда власти готовились его арестовать и вели против него всякие подкопы. Ежедневно в Тарусе к нему домой приходили менты, которым я каждый раз отвечал: «Ночевал, сейчас поехал на работу, вернется вечером».

А в Москве, где жила семья Алика, тоже были ежедневные визиты ментов. Искали Алика: чего доброго, придет к жене и детям. Ведь нельзя же, раз он в Тарусе прописан, а семья – в Москве живет. Нарушение паспортного режима!

Наступил 1977 год. 4 января бандиты из КГБ ограбили квартиру Александра Гинзбурга и квартиры нескольких других членов группы «Хельсинки».

Утром 5 января я поехал к Гинзбургу. У него на квартире состоялась пресс-конференция, на которой, среди прочего было объявлено о создании Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Весть о создании этой Комиссии я встретил с радостью. Сразу же после пресс-конференции я поговорил с одним из членов этой Комиссии и сказал ему, что при разоблачении советской психиатрии нельзя оставлять без внимания психдиспансеры.

«А вы возьмите и напишите об этом статью», – посоветовал он мне в ответ.

Я согласился. Но статью о психдиспансерах написал уже позже, осенью, так как происходившие в начале 1977 года события сбили все наши планы.

Прежде всего, снова надо было идти в диспансер, для того, чтобы снова пройти ВТЭК.

Участкового врача по каким-то причинам на работе не было, и я беседовал с патронажной сестрой по своему участку Бандалетовой Лилией Николаевной.

Бандалетова: Ну, как, уже устроились на работу?

Николаев: Интересно, как я могу устроиться на работу?

Бандалетова: За этот год вы вполне могли подыскать себе работу.

Николаев: Интересно, как? Вы даете мне 2 группу инвалидности, с которой никуда на работу не берут! И кроме того, зачем я буду работать? Ваш диспансер мне жизни не дает, все время меня преследует. Вы только и делаете, что выписываете путевки, чтобы меня госпитализировать. В таких условиях работать невозможно.

Бандалетова: Кому вы нужны, чтобы вас преследовать?

Николаев: Значит, кому-то нужен. И еще по вашим путевкам, которые вы выписываете здесь, менты за мной гоняются!

Бандалетова: Не выдумывайте. Никто за вами не гоняется. У людей других дел полно, чтобы они неизвестно зачем за вами гонялись. Вы никому не нужны, и вас никто не трогает.

Прошло несколько дней после этого разговора. 11 января 1977 года Бандалетова Лилия Николаевна звонила моей матери и очень настойчиво выспрашивала у нее, где я находился 8 января 1977 года и что я в этот день делал? Моя мать, в свою очередь, поинтересовалась, чем вызваны эти пристрастные вопросы.

«Ничего особенного, – ответила Бандалетова, – простая проверка».

Потом-то выяснилось, что проверка была не простая. Оказывается, 8 января 1977 года в Москве в трех местах, в том числе и на Щелковской линии метро, были произведены взрывы самодельных бомб, и ответственные советские работники проверяли всех диссидентов: где они находились и что в тот день делали.

А 13 января 1977 года меня опять пытались госпитализировать. Вечером в этот день раздался звонок. В глазок я увидел незнакомого мне мужчину в штатском и открывать дверь не

стал. Он же продолжал звонить, затем стал стучать кулаками дверь, затем – ногами. Орал во всю свою луженую коммунистическую глотку: «Николаев! Открывай! Я из милиции!»

Видя, что я не открываю, он проник к соседке в 326 квартиру и стал с ее балкона стучать палкой по нашему окну. Эмемкут страшно перепугался и стал громко плакать. Мы с Тьян еле его успокоили. Наконец, этот уголовник-коммунист ушел. И мне пришлось снова с предосторожностями уйти из дома. В бегах я тут же написал протест в прокуратуру РСФСР и в МВД. Тьян же на следующий день пошла к начальнику отделения милиции за выяснением.

«Ничего особенного, – ответил начальник 137 отделения милиции, – это была обычная проверка. Вашему супругу ничего не грозит».

Еще через несколько дней я проходил ВТЭК. На ВТЭКе я заявил, что ни при каких условиях работать не буду, так как диспансер совместно с милицией продолжают меня терроризировать и в таких условиях работать невозможно. Вторую группу инвалидности мне продлили.

А тем временем Александр Гинзбург слег в больницу. Я несколько раз навещал его там. Узнав, что всех диссидентов тягают по поводу взрыва в московском метро, Алик отшучивался: «Ну, слава Богу, я в больнице. У меня уж точно безупречное алиби».

Утром 30 января я снова поехал к Алику Гинзбургу.

Тогда же, на квартире у Алика, мы решили, что нам всей семьей надо уехать на несколько месяцев из Москвы, если диспансер не дает нам житья.

Это уже была моя последняя встреча с Аликом в России.

Тут же, на квартире у Алика, я написал заявления-протесты в Прокуратуру и МВД с очередным требованием: прекратить произвол в отношении меня со стороны диспансера и милиции. Ответа, разумеется, я никакого не получил.

Вечером 30 января я уехал примерно на месяц из Москвы. Тьян осталась с Эмемкутом одна. Уследить за ним было трудно. В домашней суматохе она не досмотрела за ним, он сунул в рот какую-то гадость, отравился и 1 февраля 1977 года в 13 часов с острым отравлением желудка на скорой помощи был отправлен в больницу.

Эмемкут пролежал в больнице три недели.

А в Москве тем временем коммунисты проводили бандитские погромы. Были приняты жесткие меры, чтобы разгро-

мить и прекратить существование и деятельность Московской группы «Хельсинки». По поводу каждого ареста я писал индивидуальные письма-протесты и подписывался под коллективными обращениями.

В конце февраля я с предосторожностями вернулся в Москву. И до самого отъезда на Камчатку вел себя очень осторожно, чтобы не попасться на глаза Пуляеву. Я или вообще не выходил из дома, или, если мне нужно было куда-то пойти, выходил рано утром, часов в 6-7, а возвращался поздно вечером, часа в 23-24.

В конце марта мы уехали на семь месяцев на Камчатку. А в первых числах апреля, мне вдогонку (мы опять оставили на почте свои кординаты), пришла открытка из диспансера, чтобы я туда явился.

Возникает в связи с этим вполне резонный вопрос: человека вообще нет в Москве. Как он, будучи вдалеке от Москвы, может что-либо натворить такого, чтобы его за его проступки в Москве разыскивать? По какому принципу работает этот чёртов диспансер?

Надо сказать, что если соседи сначала помогали ментам и Пуляеву (ему удалось их убедить в том, что я – опасный преступник), то потом они встали на мою сторону и уже информировали нас о всех действиях ментов, которые они предпринимали. А произошел такой переворот событий по вине самого Пуляева. Как и всякий мент и коммунист – он был прежде всего идиотом и кретином. Прийдя как-то ко мне, он начал звонить. А так как мы были на Камчатке, то ему никто не отвечал и не открывал. Тогда он позвонил к соседке, надеясь по старой памяти, что она за нами подследит и сообщит ему, когда мы появимся дома. Но соседки дома не было. Сидела же там ее мать, которая приехала в Москву дней на десять и, разумеется, на эти десять дней не прописалась временно. Пуляев не нашел ничего более умного, как оштрафовал эту старушню за проживание без прописки.

И тут началось! Соседка пошла к начальнику милиции, подняла шум, что Пуляев преследует нас, заставляет ее за нами следить, хотя мы – люди тихие и общественного порядка не нарушаем. И еще она сказала, что больше Пуляеву ничего о нас говорить не будет, так как ему в доносчицы не нанималась и пускать его к себе, чтобы он стучал с ее балкона по нашему окну, – больше не будет. Встретив случайно на улице мою мать, она ей все это рассказала, извинилась за все неприятности, которые

она нам доставила по просьбе Пуляева, и стала информировать после этого нас обо всех инициативах ментов.

Аналогично произошло с соседом в квартире № 328. Там живет простой работяга, пьяница. Не проходит недели, чтобы он не напился и не побуянил. Пуляев часто заходил к нему и просил его за нами следить: что мы делаем, что говорим, кто к нам ходит, с кем мы дружим, куда ходим?

Это все нужно, как объяснил этому пьянице Пуляев, чтобы проследить наши преступные связи, по заданию КГБ. Не знаю, нравилось ли этому пьянчуге быть контрразведчиком на общественных началах или нет, но однажды он так напился, что побуянил больше обычного. И Пуляев запихнул его на 15 суток за мелкое хулиганство. Этого оказалось достаточным, чтобы пьянчуга все переиграл и при первом возможном случае, после нашего возвращения с Камчатки, рассказал нам о том, как Пуляев уговаривал его следить за нами.

А мы тем временем на Камчатке постарались по возможности продолжить сборы образцов ительменской речи. На этот раз мы приехали со своим магнитофоном и с набором кассет. Хотели снова поехать в Ковран. Но прикинули: денег на двоих не хватит. И я поехал один. Четыре дня плыли до Усть-Хайрюзова на пароходе. Вместе со мной плыло несколько знакомых ительменов, которых я нещадно эксплуатировал. Им импонировало то, что я хорошо говорю по-ительменски. Один из них вспомнил, что давно, когда он был еще мальчишкой, к ним в село приезжал североведа Стебницкий, прекрасно говоривший по-ительменски. И вот я напоминал ему его молодость. Помогали мне ительмены охотно. Как ни как, язык маленький, около четырехсот говорящих на нем.

Однако положение на Камчатке за эти два года в смысле пограничного контроля осложнилось. Если в 1975 году, когда мы первый раз были в Ковране, в Усть-Хайрюзове никаких пограничников не было, то сейчас в Усть-Хайрюзове у всех сходящих с самолета паспорта и пропуска в пограничную зону проверяли пограничники. У меня же пропуск был в Пущино, а не в Усть-Хайрюзово. Мой паспорт забрали пограничники, сказав, чтобы я на другой день зашел за ним на пограничную заставу. Ночевал я у знакомых ительменов. И весь остаток этого дня использовал на то, чтобы записать на магнитофон их речь. Специально для меня они нет-нет, да сбивались на русский, но я все время их поправлял и просил говорить со мной только по-ительменски.

А на следующий день мне в пограничной заставе вернули под расписку о выезде из Усть-Хайрюзова паспорт, посадили в самолет (за мои же деньги, разумеется) и отправили в Петропавловск-Камчатский. Интересно, что тогда рейсов между Петропавловском и Усть-Хайрюзово по погодным условиям не было. Но в порядке исключения самолет предоставили, только чтобы убрался из запретной пограничной зоны.

Вернувшись в Пущино, мы с Тьян совершили поездку по ительменским селам в долине реки Камчатки с магнитофоном. Здесь ментовско-пограничный контроль был не таким строгим. К тому же всем этим ительменам Тьян приходилась то сестрой, то племянницей, то внучкой.

В июне 1977 года был опубликован проект насквозь лживой и лицемерной новой советской конституции, да еще было объявлено всенародное обсуждение конституционного проекта. Не откликнуться на «проект» конституции – значит корить потом себя всю жизнь. И я написал большое критическое письмо и отправил его в «конституционную комиссию». Ответа от «конституционной комиссии» я, естественно, не получил.

Регулярно, почти каждый вечер, слушал я на Камчатке «Голос Америки» и был в курсе всех событий, происходящих в мире и в Совдепии.

В августе из передач «Голоса Америки» я узнал, что в Гонолулу состоялся Международный конгресс психиатров, который, несмотря на противоборство советской «делегации», осудил использование психиатрии в политических целях. Это было очень приятно слышать.

По свежим следам я написал письмо министру здравоохранения Совдепии с призывом принять меры к тому, чтобы в Совдепии психиатры соблюдали решения Гонолулского конгресса психиатров и не использовали более психиатрию в политических целях*.

ЛЕНИНСКИЕ ЗАСТЕНКИ

1 октября 1977 года мы покинули Пущино и приехали в Петропавловск-Камчатский. А затем на 5 октября мы купили билеты на самолет и 6 октября мы уже должны были бы быть в Москве.

---

* См. «Вольное слово», Самиздат, Избранное. Выпуск 31-32, «Посев», 1978, стр. 93-94.

Но тут произошло неожиданное событие, сорвавшее все наши планы.

4 октября, в тот самый день, и по случайному, но весьма символичному совпадению, в тот самый час (с учетом разницы во времени между Москвой и Петропавловском), когда в Москве открылась проституционная сессия «Верховного Совета» Совдепии, меня на улице Петропавловска схватили менты.

Так, ни за что, ни про что, без каких бы то ни было причин и даже без всякого повода. Просто налетели, схватили сзади и потащили в ментовскую машину, которая стояла неподалеку.

Конечно, практически невозможно оказать реальное и действенное сопротивление, когда на тебя совершенно неожиданно и профессионально накидываются несколько здоровых бугаев. Но ведь это еще не значит, что не осталось больше никаких форм сопротивления и протеста. И я, первый раз в жизни, – заорал. Совершенно неожиданно для ментов, которые меня схватили, и для прохожих, которые это видели.

– КПСС – БАНДА!
– ДОЛОЙ КОММУНИСТОВ!
– КОММУНИСТЫ ТОПЧУТ СВОЮ КОНСТИТУЦИЮ!
– ДОЛОЙ НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ!
– ЭТО НЕ КОНСТИТУЦИЯ, А – ПРОСТИТУЦИЯ!

Эти несколько фраз я выкрикивал до тех пор, пока меня не втолкнули в милицейскую машину. А что мне оставалось делать? Все равно на много месяцев лишаюсь снова свободы. Так хоть прохожим что-то крикну. Терять мне всё равно нечего.

Эффект моих выкриков был огромный. В Петропавловске, в пограничном городе, такого, очевидно, никогда не было.

Привезли меня в отделение милиции, находящееся на Ленингадской* улице. Незаконно изъяли все личные вещи и пихнули в камеру, где находилось уже довольно много народу, все жители Петропавловска.

Из разговоров с ними выяснилось, что подавляющее большинство из них тоже было схвачено ментами без причины.

Точнее, эти люди не давали повода для того, чтобы их хватали. А причина-то всё же была. Узнав, что я не житель Петро-

---

* Возможно, читатель подумает, что я слово «Ленингадская» написал с ошибкой. Ничего подобного! Это коммунисты в этом слове постоянно орфографическую ошибку допускают, все время одну лишнюю букву вставляют. А я это слово всегда пишу грамматически правильно.

павловска, мои сокамерники по несчастью объяснили мне, в чем тут дело.

Общеизвестно, что в Совдепии осенью людей отрывают от их прямых производственных обязанностей и посылают в колхозы на уборку урожая.

Рабочие, служащие, школьники, студенты, солдаты – все они отправляются осенью на уборку картошки или капусты (в Средней Азии – хлопка), так как советскому колхозному крестьянству явно не под силу самостоятельно убрать урожай, который, как известно, самый богатый в мире, благодаря заботе коммунистической партии.

Но это еще не все. В Петропавловске коммунисты подошли творчески к этой важной сельскохозяйственной проблеме.

Ведь за рабочими и служащими, направленными на уборку урожая с производства, сохраняется средний оклад по основному месту работы.

А как экономически сделать уборку урожая более дешевой и рентабельной? Очень просто. Менты в Петропавловске каждую осень устраивают охоту на людей. Их ни за что хватают на улицах, затем против каждого составляют липовое обвинение в том, что человек хулиганил, затем происходит формальный суд, на котором абсолютно невозможно доказать свою правоту и непричастность к мелкому хулиганству, и вот – несколько бригад мелких хулиганов-пятнадцатисуточников поступают в распоряжение окрестных колхозов на уборку картофеля, капусты и других овощей.

Разумеется, что эти бригады вынуждены проводить уборку урожая и другие тяжелые сельскохозяйственные работы выполнять бесплатно, без сохранения среднего заработка по основному месту работы и с большим количеством дополнительных неприятностей в награду за свой труд после окончания этих злополучных пятнадцати суток.

Несколько минут потребовалось для того, чтобы ввести меня в курс дела в отношении этой методики, применяемой коммунистами в Петропавловске из года в год. И трудно найти в Петропавловске такого взрослого человека, который бы не испытал на себе персонально результаты этой сельскохозяйственной лихорадки. Не в этом году, так в прошлом. Не в прошлом – так в позапрошлом.

Мои сокамерники, будущие пятнадцатисуточники, вовсю материли коммунистов, новую конституцию, проклинали ментов и советскую власть.

Нет, не в Кремлевском дворце съезда проходило подлинное обсуждение проекта новой советской проституции и ее принятие, а здесь, в камере предварительного заключения в Петропавловске эта новая проституция по-настоящему обсуждалась и соответствующим образом воспринималась людьми.

Слушать этих людей было одно удовольствие. И столько было в их словах злобы и сиюминутной ненависти, что, казалось, дай им волю да автоматы впридачу, устроили бы они коммунистам Аппиеву дорогу протяженностью от Кёнигсберга до Владивостока.

А новых «нарушителей общественного порядка» всё везли и везли. Все вновь привезенные возмущались, большинство из них говорило ментам и о новой конституции, которая вот сейчас как раз в Москве обсуждается и принимается.

Привели меня к начальнику, который показал мне протокол. В этом протоколе, подписанном тремя лжесвидетелями, утверждалось, что я – нецензурно выражался, на предложения прохожих прекратить выражаться нецензурно – не реагировал и продолжал нецензурно выражаться. Когда ко мне подошли сотрудники милиции и попросили пройти с ними, то я отказался идти добровольно и продолжал нецензурно выражаться.

Николаев: Все, что здесь написано, ложь от начала и до конца. Я не допускал никаких нецензурных выражений.

Начальник: Этот протокол подписан тремя свидетелями, среди которых один – сотрудник милиции. Кому я должен верить, вам или сотруднику милиции?

Николаев: Мне, потому что я говорю правду, а не вашему сотруднику, который нагло врет.

Начальник: И все же я предпочитаю верить людям, которые слышали, как вы нецензурно выражались, и направляю ваше дело в суд.

Николаев: Вы бы хоть постеснялись сегодня такие липовые дела клеить! Вы сегодня принимаете свою новую конституцию и начинаете этот день с того, что ее же и попираете.

Начальник: Новая конституция здесь ни при чем. Вы нецензурно выражались.

Николаев: В таком случае, долой новую конституцию!

Начальник: Что?

Николаев: Долой новую конституцию! И это еще не все: информацию о моем задержании постараюсь передать западным корреспондентам, как только приеду в Москву.

Начальник: Очень вы им нужны!

Николаев: Среди западных корреспондентов много моих знакомых.

Я стал рассказывать сокамерникам о нашем правозащитном движении, да как всякие такие случаи произвола передаются западным корреспондентам, а потом звучат в передачах западных радиостанций.

«Ты что же, этот, как их, диссидент?» – спросил один из сокамерников. «Диссидент», – ответил я. «А Сахарова знаешь?» – «И Сахарова знаю. И вам советую, ребята, не оставлять этого просто так. Ведь, что с вами будет, вы тоже можете описать и передать корреспондентам. Я дам вам свой адрес, вы напишите мне, а я передам корреспондентам. Не поленюсь».

Конечно, вся камера согласилась со мной, что надо это передать западным корреспондентам, брали мой адрес, обещали мне написать.

Забегая вперед, скажу, что никто из них мне так и не написал. Очевидно, по той простой причине, что отбыли они свои 15 суток, а затем пропала для них и актуальность и острой необходимости в этом ни у кого больше не было. А может, адрес позабыли. Записать было не на чем: все писчие принадлежности и записные книжки, у кого и были, были отобраны вместе с остальными личными вещами.

Но в тот конкретный момент все были готовы написать коллективное письмо западным корреспондентам!

Дней через 7-8 подсадили в нашу камеру еще людей. Состав их персонально все время менялся. И было в камере вплоть до самого моего освобождения по 5-7 человек. Из них трое, включая первого сокамерника, просидели со мной до самого конца. По крайней мере про одного из них я могу сказать с уверенностью, что он тоже был наседкой. Задавал слишком много вопросов, преимущественно не по существу.

При новых сокамерниках, равно как и при самом первом, я никаких политических высказываний не допускал. Это ведь не та ситуация, как с ребятами-пятнадцатисуточниками, которые, как я, попали ни за что.

Но вот эти проклятые 15 суток пролетели. Сравнивая их с психушкой, могу сказать, что легче переносится. Не дают таблеток, не колют. Холодно, конечно, да спать жестко. Но зато знаешь, когда выйдешь. И выпустили меня точно в срок, даже по моей просьбе не в 18 часов (обычный срок, когда выпускают отбывших наказание), а часов в 10 утра, сразу после завтрака.

И ещё – случись такая ситуация в Москве, а не в Петропавловске, отделался бы я не пятнадцатью сутками, а психушкой. Там связались бы с милицией по месту жительства, оттуда бы сообщили, что я на психучете и... психушки не миновать.

Другое дело в Петропавловске, где обо мне ничего не известно и где выяснить мои данные не так-то просто.

Но заодно это и доказательство психического здоровья! Ведь ни у ментов, ни у КГБ, ни у судьи не возникло никакого подозрения о моем состоянии здоровья! Ведь по их законам они меня, как «психа», не имели права осуждать на 15 суток! А тем не менее осудили, по неведению. Но в этом неведении я их разубеждать не собирался.

ОБЪЕКТИВНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Вернулся я в Москву только 22 октября, на две недели позже, чем намечалось. И сразу же окунулся в дела, от которых был оторван более семи месяцев. Прежде всего я решил описать ситуацию в Петропавловске, чтобы предать ее огласке. А тут ко мне пришел Клебанов как-то.

– *Слушай, нам пресс-конференцию провести негде. У тебя можно?*

– *Что за вопрос, конечно.*

– *Нам только документы надо к ней подготовить. Давай назначим день.*

Обсудив все наши возможности, взвесив все за и против, мы сошлись на дате 25 ноября 1977 года. К этой же дате я решил подготовить также и свое заявление с отказом от советского гражданства. Удобнее ведь отдавать материал корреспондентам прямо у себя дома!

А тем временем вновь я встретился с членами Рабочей Комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях и опять у нас зашел разговор о том, что Рабочая Комиссия должна уделять также внимание и диспансерному учету. В свою очередь в Рабочей Комиссии мне напомнили, что я в начале года обещал написать по этому поводу статью. Мне ничего не оставалось делать, как только выполнять свое обещание*.

---

* См. «Вольное слово», выпуск 31-32, «Посев», 1978, стр. 81-86.

После моего возвращения в Москву один правозащитник одолжил мне книгу Блока и Реддауея «Диагноз-Инакомыслие». И в этой книге в приложении VIII я увидел в сокращенном варианте и в переводе на английский язык свою беседу с Дмитриевским. Значит, тогда я был на верном пути и действовал в психбольнице правильно.

Как-то меня пригласил к себе домой один из членов Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

– *Вы хотите пройти объективную психиатрическую экспертизу?*

– *Конечно, хочу, – ответил я.*

– *Это можно сделать.*

– *У западного психиатра?*

– *Нет, у советского.*

– *У советского не пойдет.*

– *Но ведь я же вам обещал объективную экспертизу!*

Мы еще немного поспорили на ту тему, что западный психиатр лучше, чем советский, но аргументация члена Рабочей Комиссии убедила меня в конце концов согласиться на объективную экспертизу у советского психиатра. И я дал свое согласие на участие в экспертизе.

16 ноября 1977 года я приехал по адресу, который мне дал член Рабочей Комиссии, и там меня познакомили с экспертом-психиатром Рабочей Комиссии Александром Волошановичем*.

Волошанович: Считаете ли вы себя больным?

Николаев: Когда я впервые попал в больницу, то я был психически здоровым. А сейчас мне трудно сказать. Я за эти годы так много перенес, что это могло подорвать мое психическое здоровье. Но вы решайте сами. Мне была обещана объективная экспертиза.

И мы стали беседовать. Через три часа Волошанович должен был уходить, а экспертиза еще не была окончена. Волошанович пригласил меня к себе на работу на 19 ноября: у него как

---

* В феврале 1980 года Александр Волошанович выехал из Совдепии. Поэтому описание его роли в деятельности Рабочей Комиссии не принесет ему никакого вреда. К тому же весной 1978 года он самораскрылся и дал интервью западным корреспондентам о психиатрических репрессиях в Совдепии.

раз было ночное дежурство. Я приехал к нему на работу, и мы продолжали нашу беседу еще десять часов с двумя коротенькими перерывами.

Рассказал я Волошановичу всё, что уже знает читатель из моей книги. При беседе я по памяти называл даты, хотя прошло столько лет, фамилии врачей, приводил по памяти диалоги с ними и говорил, кто из «лечащих» врачей что когда сказал. Волошанович был поражен.

Волошанович: У вас феноменальная память. Не воспринимали ли это врачи как гипермнезию?

Николаев: Не знаю. Я с ними на эту тему не разговаривал.

Волошанович: А может быть, они за гипермнезию принимали то, что вы – полиглот.

Николаев: Нет, это они не принимали за гипермнезию. Они просто не верили, что я что-то знаю.

Волошанович: Но все равно, как вам так удалось все запомнить: даты, фамилии, беседы с врачами?

Николаев: Потому что все эти годы я верил, что настанет такой день, когда их всех будут судить и мне придется давать свидетельские показания.

Говорили мы очень откровенно, и Волошанович несколько раз спрашивал меня:

– Вы были когда-нибудь так откровенны с лечившими вас врачами?

Николаев: Нет, не был.

Волошанович: А почему вы так откровенны со мной?

Николаев: Потому что мне была обещана объективная экспертиза.

Надо сказать, что обследовал меня он очень тщательно и придирчиво. Под конец экспертизы я сказал Волошановичу: «Никто из психиатров, с которыми мне приходилось иметь дело раньше, не беседовал со мной столь подробно и тщательно». – «Я провожу престижное обследование», – ответил мне Волошанович.

Уже в самом конце экспертизы я спросил его мнение о моем состоянии здоровья, на что он ответил: «Никаких признаков психического заболевания не обнаруживается, – но тут же добавил: – но ведь вы знаете, что мое мнение – это мнение частного врача, с которым никто считаться не будет. По существующему положению для признания человека, состоящего на психучете, психически здоровым, необходима психиатрическая экспертиза

из нескольких врачей. Так что с моим мнением другие психиатры могут еще и не согласиться».

«Я знаю, что с вашим мнением считаться никто из официальных психиатров не будет и мое положение юридически не изменится. Я по-прежнему буду состоять на психучете и по-прежнему находиться под угрозой новых госпитализаций. Но для меня лично ваше мнение имеет большое значение», – ответил я Волошановичу.

Сразу же оговорюсь, что заглавие книги к эксперту-психиатру Рабочей Комиссии Волошановичу не относится и на него не распространяется. Он не принадлежит к числу тех врачей, которые предали клятву Гиппократа.

Отметил Волошанович и тот факт, что от госпитализации к госпитализации менялось мое поведение, характер беседы с врачами. Когда я рассказывал о первых своих шагах по психиатрии, то он прямо ахал от тех ошибок, которые я тогда по неопытности допускал. И осуждал меня за то, что я поначалу (тоже по неопытности) посещал диспансер, как того требовали врачи.

Но по мере того, как я рассказывал о более поздних госпитализациях и более поздних взаимоотношениях с психдиспансером, я все чаще слышал от Волошановича одобрение своего поведения. «Вы не лишены способности к самообучению на собственных ошибках, – сказал мне Волошанович, – это хороший признак». Заодно он объяснил мне целый ряд мер того, как надо вести себя в разных ситуациях, где я по неопытности вел себя неправильно.

Эта экспертиза дала мне очень много. Я не знаю, смог ли бы я, не пройдя экспертизу, выдержать последовавшее после нее семимесячное заключение в психиатрической больнице, о котором я буду писать несколько позже?

Одновременно с этим я готовился к пресс-конференции, о которой я договорился с Клебановым. Помимо прочих документов общего характера, я описал происшествие в Петропавловске, которое я намеревался передать западным корреспондентам, и написал заявление в адрес Верховного Совета Совдепии с отказом от советского гражданства.

И вот 25 ноября пресс-конференция состоялась. Помимо Клебанова, на нее пришли еще несколько человек из его группы, все безработные, незаконно лишенные работы. Так я впервые увиделся с несколькими клебановцами, о которых я ранее знал только по их документам, проходившим через мои руки. Участвовал в пресс-конференции также и Анатолий Поздняков.

Собравшиеся рассказали западным корреспондентам о своем тяжелом материальном положении и о своих мытарствах. Корреспондентам мы передали несколько документов, в том числе и копию моего заявления с отказом от советского гражданства, и о произволе петропавловских ментов, и о положении там пятнадцатисуточников.

2 декабря 1977 года материалы об этой пресс-конференции были опубликованы на страницах западной прессы и сразу же прозвучали по западным радиостанциям.

Коммунисты не замедлили ответить репрессиями.

Вот содержание письма, которое Александр Подрабинек направил в ПНД № 13:

«Главному врачу ПНД Советского р-на Свищеву В. К. Комиссия сообщает, что ей известны обстоятельства дела *Николаева Евгения Борисовича.* По заключению психиатра – эксперта Комиссии, – «Николаев признаков психического заболевания не обнаруживает. Выявлены нерезко выраженные личностные изменения по органическому типу. В лечении в условиях психиатрической больницы не нуждается». Применение к Николаеву принудительных мер медицинского характера будет рассматриваться Комиссией как злоупотребление психиатрией в политических целях.

Александр Подрабинек».

Письмо главному психиатру Котову Вячеславу Павловичу было аналогичного содержания.

Затем я пошел на Центральный телеграф К–9, где собирались клебановцы, и тоже рассказал им о случившемся. Возмущенные клебановцы (человек 15) тут же направились в КГБ и стали там требовать, чтобы в отношении меня прекратились преследования. Они рассказали, как менты 137 отделения милиции по науськиванию психдиспансера издевались надо мной, хулиганили, проникали на квартиру к соседке и оттуда стучали по нашему окну палкой.

«Что вы, что вы? – удивлялся работник КГБ Аксёнов, – не может такого быть! Чтобы такое происходило в нашей стране – я этому никогда не поверю. В нашей стране это просто невозможно. Кстати, а где сам Николаев? Почему он сам с вами сюда не пришел? Скажите, чтобы он зашел сам. Мы с ним побеседуем и поможем ему».

Кто-то из клебановцев резонно ответил Аксенову, что будь Николаев сейчас здесь, то он был бы тут же, в КГБ, арестован.

«Ну вот и напрасно, – возразил Аксенов. – Он зря совершенно нас боится. Если он действительно ни в чем не виноват, то ему нас бояться нечего. А если он нас боится и к нам сам не приходит – значит или он в чем-то виноват, или просто болен».

А тем временем моя мать звонила в психдиспансер № 13. Участковый психиатр Владимир Николаевич Алексеев сказал ей по телефону: «Пусть ваш сын зайдет в диспансер».

Объяснить же причины, по которым была выписана на меня путевка, он отказался. А Бандалетова Лилия Ивановна, патронажная сестра по моему участку, сказала моей матери: «Пусть ваш сын никуда больше не пишет писем антисоветского содержания. После каждого его письма нам звонят и требуют от нас, чтобы мы его госпитализировали».

14 декабря 1977 года была устроена пресс-конференция с участием западных корреспондентов, на которой в числе прочих тем говорилось и о том, как меня пытался госпитализировать Пуляев.

Интересно получается. Ругаем мы бездарных коммунистов за то, что развалили экономику, промышленность, сельское хозяйство. Поносим их за застой в науке и культуре, за безалаберность, неорганизованность, несобранность. Но иногда эти отрицательные качества выходят нам на пользу. Ну, в самом деле. Выписана на меня путевка, ловит меня Пуляев. А я вместе с Александром Подрабинеком сижу на пресс-конференции для западных корреспондентов. Квартира, где проходила пресс-конференция, обложена со всех сторон сотрудниками КГБ. Да и за самим Подрабинеком велась тогда демонстративная слежка. И не было дела этим гебистским кретинам до того, что где-то за мной гоняется Пуляев, интересуется моим местонахождением. А я – под носом у чекистов!

19 декабря 1977 года мне пришла повестка из Прокуратуры с требованием явиться на допрос 20 декабря в качестве свидетеля. Естественно, что на допрос в Прокуратуру я не пошел. Допрос наверняка велся бы по делу кого-нибудь из диссидентов. А я уже по опыту своего участия в допросе по делу Андрея Твердохлебова знаю, что на этих допросах коммунисты фабрикуют дела, а не проводят объективное расследование.

В то же время в мои руки случайно попал один секретный документ, который я хочу полностью привести в своей книге, так он может представить интерес для всех, кто интересуется

проблемой злоупотребления психиатрией в политических целях и для всех, кто сам подвергался психиатрическим репрессиям.

Это – инструкция о неотложной госпитализации психически больных (см. Приложение).

СКОЛЬКО ВАМ КГБ ДОПЛАЧИВАЕТ?

Вечером 15 февраля 1978 года я возвращался домой и, когда вошел в подъезд своего дома, то меня там остановили восемь марксистско-ленинских уголовников. На четверых из них была ментовская форма, а четверо другие были одеты по-граждански: под людей замаскировались.

Повели меня сначала в опорный пункт. Терять мне было нечего: ясно, что в психбольницу и на много месяцев. Навстречу – группа прохожих. Когда они приблизились, то я, что было мочи, во всё горло заорал: «КПСС – БАНДА!!! ДОЛОЙ КОММУНИСТОВ!!!».– «Тише, ты, тише!» – цыкнул на меня кругло-рылый гебист. Но возле следующей группы прохожих я опять заорал: «КПСС – БАНДА!!! ДОЛОЙ КОММУНИСТОВ!!!».

Такие концерты этим коммунистическим мерзавцам я устроил несколько раз по пути к опорному пункту. В опорном пункте меня ограбили: забрали все личные вещи, естественно, без санкции прокурора на личный обыск, деньги, документы, записную книжку. Никакого протокола эти коммунистические ублюдки даже не составили, поэтому у меня есть все основания называть это грабежом. Тем более, что потом мне не была возвращена записная книжка.

Но вот и эта проклятая «Кащенко», приемный покой. Сначала к дежурному врачу прошел мой конвой. Чекисты долго там сидели, о чем-то беседовали с врачом. Наконец они вышли, а к врачу вызвали меня. Лицо дежурного врача (женщины) показалось мне очень знакомым.

Врач: Почему вас взяла милиция?

Николаев: Не знаю, я ничего плохого не сделал и общественного порядка не нарушал. (А в мозгу мысль: где я ее видел?)

Врач: Нет, но почему вас взяла милиция?

Николаев: Я повторяю, что не знаю. Направлен я сюда незаконно, так как не было проведено предварительное медицинское обследование. Я психически больным не являюсь.

Врач: Почему вы пытались проникнуть в американское посольство?

Николаев: Я не пытался проникнуть в американское по-

сольство. Я психически здоровый человек, и я требую, чтобы вы меня немедленно выпустили. Меня госпитализируют без предварительного медицинского обследования..

Врач: Замолчите, вы мне мешаете работать.

Николаев: Моя госпитализация незаконна, потому что я не представляю социальной опасности.

Врач: Я говорю вам еще раз, замолчите. Вы мне мешаете работать.

Николаев: Инструкция Минздрава СССР № 06-14-43 предусматривает насильственную госпитализацию только в том случае, когда больной представляет социальную опасность.

Врач: Назначаю вам четыре кубика аминазина, если вы добрых слов не понимаете. Вы раньше лежали у нас? Мне ваше лицо знакомо.

Николаев: Мне ваше лицо тоже знакомо. Вы работаете в 15-ом отделении.

Врач: Так значит, снова встретились?

Николаев: Да, встретились. И я вас узнал. Вы – Файнштейн.

Врач Файнштейн: Вот вы и ошиблись. Я замуж вышла, и теперь я Иванова.

Николаев: А зовут вас – Неля Зиновьевна.

Файнштейн: В шестое отделение его!

Тогда я не оценил ее слова по достоинству. Но когда я попал в шестое отделение, я понял, что это такое.

Через несколько минут мне сделали укол аминазина, который мне назначила в приемном покое Файнштейн.

Эту госпитализацию я имею возможность описать, опираясь на свои записи, которые я вел в отделении. Поэтому частично эта госпитализация будет описана в виде дневника.

16 февраля 1978 года

Утром меня разбудил шум.

– *Ну, Пингвин, давай расскажи нам про бабушку-Ягу.*

– *Здравствуй, бабушка-Яга!!!*

– *Дальше, Пингвин, давай, дальше…*

– *Брюки из креплина…*

– *Ну, дальше, Пингвин…*

– *Ты подарки принесла?*

– *А дальше, Пингвин?*

Пингвин вспомнить не мог. Ему подсказали: «Старая …»

– *Старая блядинаааа!!!*

– Молодец, Пингвин, а теперь расскажи нам «Мимо тещиного дома…»

– Мимо тещиного дома
Я без шуток не хожу!

– Ну, чего замолчал, Пингвин, мы тебя слушаем.

– То ей хуй в окно засуну,
То ей жопу покажууууу!!!

– Молодец. А звать-то тебя как?

– Пиглин.

– Молодец, Пингвин. Еще расскажи нам «На горе барана режут…»

И Пингвин под всеобщее гигикание и ко всеобщему удовольствию других больных и санитарья рассказал это и еще несколько подобных перлов из своего небогатого репертуара. Эту зарисовочку из жизни отделения я дал для того, чтобы читатель прочувствовал, в какой обстановке, помимо лекарств и общения с врачами и санитарьем, находится попавший в психушку диссидент. И надо сказать, что Пингвин (а подобные больные есть во всех больницах и во всех отделениях) ежедневно по просьбе пациентов по много раз в день повторял с утра до вечера эти произведения социалистического реализма, достойные того, чтобы за них присудить ленинскую премию по литературе.

Встав, я сразу же принялся за поиски чистой бумаги и авторучки. Хотелось хотя бы вкратце описать то, что произошло со мной вчера, и как я очутился в психбольнице. Листочек достался мне маленький, пришлось писать очень экономно и самое важное. К тому же я был без очков, да и действие аминазина давало о себе знать. В связи с этим писать было очень трудно.

После завтрака – первый обход врачей. Один из них мне представляется как Михаил Иванович, заведующий отделением и мой калечащий «врач», другой – Михаил Романович. Прошу их назвать свои фамилии*.

Беликов: У нас не положено. Больным вполне достаточно знать только наше имя и отчество.

Николаев: Да, но ведь вы знаете не только мое имя и отчество, но и фамилию. Почему же я не могу знать вашу фамилию?

Этот аргумент не действует. Интересно, по крайней мере до 1974 года узнать фамилию психиатра не составляло никакого

---

* Много позже их фамилии мне удалось узнать: Беликов Михаил Иванович и Мазиас Михаил Романович.

труда. И если я не знаю фамилии той врачихи, с которой я столкнулся во время своей первой госпитализации, то лишь только потому, что сам поленился ее узнать, о чем сейчас очень жалею. В Столбовой любой больной, даже чума, знает, как фамилия врача. А сейчас, видно, времена изменились. Не нравится этим негодяям, когда их фамилии на Конгрессе в Гонолулу звучат, в передачах западных радиостанций. Скрываться стали, мерзавцы! Задним местом чуют, что отвечать за свои преступления придется!

Беликов: Почему вы несколько раз раньше попадали в психбольницу?

Николаев: Не знаю. Врачи всегда скрывали от меня истинные причины моих госпитализаций.

Беликов: Что ж, будем лечить до тех пор, пока не ответите на этот вопрос.

Я чуть не сорвался после этих его слов, но вовремя сдержался. Я ведь собирался записывать все, что говорят врачи. Так чего мне срываться? Наоборот, чем он хуже будет делать мне, тем лучше для целей огласки преступного характера советской психиатрии.

Вскоре Беликов вызвал меня на беседу к себе в кабинет. Войдя в кабинет, я сел на стул за его стол, против него самого. Но Беликов тут же согнал меня и предложил сесть в кресло, метрах в трех от стола.

Беликов: Мы о вас слишком хорошо информированы и знаем, что вы можете читать вверх ногами.

Николаев: Сейчас я этого делать не могу, потому что я без очков.

Беликов: Почему вы попали в больницу?

Николаев: Мне трудно об этом судить. По закону меня могут положить в больницу лишь только с моего собственного на то согласия либо с согласия моих родных. Ни я сам, ни моя жена или мать такого согласия не давали. Следовательно, мое помещение в больницу противозаконно.

Беликов: У вас II группа инвалидности?

Николаев: Да.

Беликов: А вторая группа дает основание врачам помещать вас в больницу без вашего на то согласия и согласия ваших родственников.

Николаев: Вы ошибаетесь. Основанием для госпитализации в психбольницу без согласия родственников и самого пациента дает только инструкция о неотложной госпитализации

Министерства здравоохранения СССР за № 06-14-43 от 26 августа 1971 года. Эта инструкция предусматривает неотложную госпитализацию только в том случае, если пациент представляет опасность для себя лично либо для окружающих. Я же ничего социально опасного не совершал, и мое поведение не подпадает под действие инструкции № 06-14-43.

Беликов: Но почему в таком случае вы были задержаны милицией?

Николаев: Милиция караулила меня в подъезде моего дома. У участкового милиционера была путевка на мою госпитализацию. Когда я вошел в подъезд, то они, их там было несколько человек в милицейской форме и в штатском, не пустили меня домой, а отвели в милицию, а затем я был направлен в больницу.

Беликов: В каком диспансере вы состоите на учете?

Николаев: № 13 Советского района.*

Беликов: Очевидно, в диспансере было достаточно оснований выписать на вас путевку.

Николаев: Нет. Путевка была выписана в нарушение инструкции № 06-14-43. Во-первых, меня никто не обследовал из психиатров, а пункт № 1 инструкции предусматривает неотложную госпитализацию только в случае явной социальной опасности. Я же социальной опасности не представляю, тем более, что я не являюсь психически больным.

Беликов: Но у вас уже не первый год инвалидность по психиатрии.

Николаев: Пункт 2 перечисляет комплекс диагнозов, который дает основание на неотложную госпитализацию. Я под этот комплекс не подпадаю.

Беликов: Можете не перечислять. Я знаю инструкцию.

Николаев: Пункт 4 предусматривает, что госпитализацию осуществляют непосредственно медицинские работники, а диспансер осуществил госпитализацию через милицию.

Беликов: Но ведь в инструкции сказано, что милиция должна оказывать содействие при госпитализации больных.

Николаев: Это вы говорите о пятом пункте, в котором написано, что милиция помогает лишь в случаях опасности для жизни и здоровья медицинского персонала. Я же, повторяю, опасности не представлял. Следовательно, все действия диспансера противозаконны и совершены в нарушение инструкции.

---

* Сейчас это диспансер Севастопольского района, но он по-прежнему обслуживает также и Советский район.

Беликов: Можете не продолжать, я знаю инструкцию.

Николаев: А почему тогда вы беседуете со мной один? Ведь инструкция в пункте № 6 предусматривает, что в суточный срок должна быть созвана комиссия из трех врачей для проверки обоснованности неотложной госпитализации. Кроме того, вы должны сообщить о моей госпитализации моим родным, согласно этому же пункту.

Беликов: Ну, родным я сообщу. Дайте адрес и телефон.

Николаев (даю ему адрес жены и телефон матери): А как насчет комиссии?

Беликов: Я вас к ней готовлю.

Николаев: Ну что ж. Давайте готовиться к комиссии.

Беликов: С какого времени вы не работаете?

Николаев: С 1970.

Беликов: Почему?

Николаев: Был необоснованно помещен в психиатрическую больницу с нарушением инструкции о неотложной госпитализации.

Беликов: А потом?

Николаев: В январе 1971 года дали II группу и с тех пор не работаю.

Беликов: Вы часто бывали в психбольницах?

Николаев: Несколько раз. Причем, каждый раз путевка выписывалась с нарушением инструкции, а в самих больницах врачи тоже нарушали инструкцию. Никогда в суточный срок не созывали комиссии, а потом с периодичностью один раз в месяц тоже комиссий не собирали.

Беликов: У нас в «Кащенко» вы лежали?

Николаев: Да.

Беликов: Когда?

Николаев: В 1974 году, в 15 отделении у Дмитриевского.

Беликов: Дмитриевский в 1974 году уже не работал.

Николаев: Нет, я его еще застал.

Беликов: Какое у вас образование?

Николаев: Высшее.

Беликов: Кто вы по специальности?

Николаев: Зоолог.

Беликов: А почему же вы не работаете?

Николаев: Не могу.

Беликов: Тяжело? Не можете по болезни?

Николаев: Не могу, потому что меня никто не возьмет

работать по специальности. А если и возьмут, то врачи не дадут мне возможности работать и будут кидать меня по больницам.

Беликов: Когда это будет необходимо для вашего здоровья.

Николаев: Нет, опять же с нарушением инструкции.

Беликов: Чем вы занимаетесь?

Николаев: Своими делами.

Беликов: Какими?

Николаев: Я не хочу отвечать на этот вопрос.

Беликов: Ну вот, вы просите, чтобы я представил вас на комиссию, а сами уклоняетесь от всех ответов. Как же я представлю вас комиссии?

Николаев: Согласно инструкции № 06-14-43, пункту № 6.

Беликов: Но меня все же интересуют ваши личные дела.

Николаев: Мои личные дела не подпадают под инструкцию о неотложной госпитализации.

*Беликов: А вы допускали высказывания а н т и ?**

Николаев: Нет, не допускал.

Беликов: Тогда почему же на вас выписана путевка?

Николаев: Повторяю, она выписана с нарушением инструкции. Мое поведение не носит социально опасного характера.

Беликов: Так мы с вами не договоримся. Идите на обед.

Николаев: А как с комиссией?

Беликов: У меня нет оснований для того, чтобы представить вас на комиссию.

Николаев: Что ж, согласно пункту № 10 главный врач лечебного учреждения должен следить за выполнением инструкции своими подчиненными. Я попрошу жену сходить к главврачу. У вас все еще Морковкин?

Беликов: Да, Морковкин.

Николаев: Когда вы известите о моем местонахождении жену и мать?

Беликов: Сегодня позвоню и напишу письмо. А сейчас идите обедать.

Николаев: И у меня к вам последняя просьба. Так как мое

---

* Эх, сглупил я! Надо было бы у него спросить: «А что такое „анти“?», чтобы расшифровал, что «антисоветские». Потом поинтересоваться, почему это вдруг подпадает под инструкцию о неотложной госпитализации и какое отношение имеет к психиатрии. Пусть сам колется, мерзавец. По другому бы руслу пошла бы беседа, была бы более содержательной. Но гораздо позже пришла мне эта мысль, уже когда разговор был окончен. Не воспользовался я этой благоприятной возможностью. Умная мысля приходит опосля.

поведение не подпадает под инструкцию о неотложной госпи-тализации, то я прошу вас принять меры к моей выписке. Жен осталась с двумя детьми, и ей без меня будет тяжело.

Беликов: Кто у вас?

Николаев: Маленький сын, которому только два года. И е племянник, который сейчас ходит в школу в первый класс.

Беликов: Один взрослый человек вполне может управить-ся с двумя детьми. Вам давали раньше трифтазин в больницах?

Николаев: Да, давали.

Беликов: Как вы его переносили?

Николаев: Нормально (потому что не принимал никогда).

Беликов: Я вам пропишу трифтазин.

На этом наша беседа закончилась, и я пошел обедать. Сразу же после обеда опять добыл чистые листки бумаги, авторучку попросил и переписал по памяти содержание беседы с Беликовым.

Потом оказалось, что эта беседа была опубликована в одном из правозащитных документов. Хорошо! Так с совет-скими психиатрами и надо!

Вскоре после обеда меня опять вызвал к себе Беликов. В его кабинете сидели также ординатор шестого отделения Мазиас Михаил Романович и старший врач больницы Мазур-ский Михаил Борисович. Все фамилии мне узнать удалось на-много позже. Беликов и Мазиас на комиссии молчали, все вопросы задавал исключительно Мазурский.

Мазурский: Как вы попали в больницу?

Николаев: Простите? Это та самая комиссия из трех врачей, которую необходимо созвать в первые сутки, согласно инструк-ции Минздрава СССР № 06 - 14 - 43?

Мазурский: Да.

Николаев: Путевка на меня выписана с нарушением инструкции № 06 - 14 - 43. (Далее излагаю содержание пунктов 1,2,4,5, аналогично тому, как я это сделал в беседе с Беликовым до обеда. Меня не прерывали.) Мое поведение не подпадает под действие данной инструкции, так как я не представляю социаль-ной опасности.

Мазурский: Вы работаете?

Николаев: Нет.

Мазурский: У вас инвалидность?

Николаев: Вторая группа.

Мазурский: По психиатрии?

Николаев: Да.

Мазурский: Вы хотите работать?

Николаев: Мне не дадут возможности работать по специальности.

Мазурский: Почему?

Николаев: По той же причине, по которой меня уволили с работы.

Мазурский: А почему вас уволили с работы?

Николаев: Я не посещал политзанятий и субботников.

Мазурский: Вы что, принципиальный противник субботников?

Николаев: Нет, почему же. Я сторонник того, чтобы они просто были на добровольных началах.

Мазурский: Ну, это нужна слишком высокая сознательность, чтобы субботники все добровольно посещали.

Николаев: Я, во всяком случае, не хотел на них ходить.

Мазурский: Ну, вы прямо анархист!

Николаев: Нет, я не анархист.

Мазурский: А к какому политическому течению вы себя относите?

Николаев: Ни к какому.

Мазурский: То есть как «ни к какому»?

Николаев: Я – беспартийный. Разве это плохо? Ведь у нас в стране беспартийных 85 - 90%, а, с вашей точки зрения, большинство – это норма.

Мазурский: Но я не понимаю, как же можно столько лет не работать? Ведь вас могут привлечь за тунеядство.

Николаев: Во-первых, я не работаю не по своей вине, а по вине администрации, которая незаконно уволила меня с работы. А во-вторых, мне дали вторую группу инвалидности, которая дает мне юридическое право не работать.

Мазурский: Когда вы последний раз проходили ВТЭК?

Николаев: 6 февраля 1978 года.

Мазурский: Вам оставили вторую группу?

Николаев: Да.

Мазурский: Вы на этом настаивали?

Николаев: Нет, я положился на их решение. Если бы они группу сняли с меня, я бы с этим согласился.

Мазурский: А если бы перевели на третью группу?

Николаев: Тоже.

Мазурский: Вы убегали ранее из психбольниц?

Николаев: Из Столбовой.

Мазурский: Почему?

Николаев: Потому что моя госпитализация в Столбовой была необоснованной.

Мазурский: Вы где-нибудь выступали?

Николаев: Я не делал ничего, что подпадает под инструкцию о неотложной госпитализации.

Мазурский: Вы куда-нибудь писали?

Николаев: Нет.

Мазурский: Почему?

Николаев: Я знаю, что письмами ничего не добьешься.*

Мазурский: Ну что ж, можете идти.

Николаев: Прежде чем идти, я хочу напомнить вам, что согласно пункту № 7 вы должны собирать комиссии не реже одного раза в месяц.

Мазурский: Думаем, до этого не дойдет.

Николаев: Кроме того, когда вы будете решать вопрос о моем пребывании в больнице, то помните, что кто из вас не согласится с мнением остальных, имеет право, согласно пункту 6, письменно изложить свое особое мнение.

Мазурский: Мы этим непременно воспользуемся.

Меня снова отпустили в отделение, где я опять добыл чистые листы бумаги и переписал тут же по памяти содержание беседы на комиссии. И содержание этой беседы, как мне потом удалось узнать, тоже было опубликовано.

Настроение у меня было рабочее, деловое. В 16.00 была открыта Комната отдыха, в которой висела стенгазета «МЕДИК – 2». В стенгазете была статья за подписью «Беликов М. И.». Так я узнал фамилию Михаила Ивановича.

Когда Беликов вечером уходил домой, я подошел к нему.

Николаев: Михаил Иванович, о чем решила комиссия в отношении меня?

Беликов: Мы решили сначала поговорить с вашей женой.

Вечером мне дали две таблетки трифтазина.

Прежде всего я решил вести в отделении конспиративный образ жизни. Никто из персонала не должен знать – кто я и за

---

* Опять я допустил ошибку! Надо было у него спросить, что он подразумевает под выступлениями и письмами. Затем придавить его тем, почему антисоветские письма и выступления имеют отношение к психиатрии и почему они, с его точки зрения, подпадают под инструкцию о неотложной госпитализации? Пусть гад, сам колется. Но, к сожалению, сообразил я это, когда беседа уже кончилась. Ну, да ладно. И так тоже наглядно-показательно получилось.

что попал. Беседы с другими пациентами вести очень осторожно, предварительно проверив каждого человека. От политических вопросов при беседах с врачами уклоняться и вообще говорить с ними так, чтобы их высказывания можно было использовать против них и против советской психиатрии.

Конечно, волновался тоже. Знает ли Тьян, где я нахожусь? Знают ли диссиденты? Сообщили ли западным корреспондентам? Пошло ли по западным радиостанциям? И, конечно, волновался за свой пока еще маленький архив, в котором записаны беседы с Беликовым и на комиссии, а также описание самой госпитализации. Как бы не попало в руки персонала при шмонах?!

Один из этих вопросов разрешился совершенно неожиданно для меня через несколько дней. (Забегу вперед для читателей.)

Обычно средний персонал мало интересуется людьми, которые попадают в психбольницу. Для них это всё просто больные люди. И средний персонал для нас, как правило, не враждебен (если только не ведет себя жестоко), но и не дружественен. Именно поэтому в моей книге очень редко писалось о среднем персонале, так как все существенно важное происходило при общении с врачами.

Но вот через несколько дней после того, как я был госпитализирован, Некто из среднего персонала окликает меня и говорит: «Николаев! Зайдите в процедурный кабинет. С вами врач хочет поговорить».

Какой врач может быть в 8 часов вечера? Они дольше шести никогда не задерживаются! Но я иду за Некто. В кабинете, однако, никого, кроме Некто, не было. Некто плотно закрывает дверь и тихо у меня спрашивает: «Скажите, я слышал по «Голосу Америки» и по «Би-Би-Си», что Евгения Николаева поместили в психиатрическую больницу. Это о вас говорили?»

По вопросу и по глазам человека сразу видно, с какой целью он это спрашивает. Я проникся к Некто доверием и ответил: «Очевидно, конечно, про меня. Я участвовал в диссидентском движении».

«Будьте в отделении осторожны, – советует мне Некто, – на пятиминутке Михаил Иванович велел всему персоналу особенно следить за вами. Не пишете ли вы чего? Отбирать у вас написанное и отдавать ему. Не ведите лишних разговоров с больными, потому что среди них тоже есть доносчики».

Когда я выходил из кабинета, то Некто вдогонку сказал мне для отмазки что-то медицинское.

Вот ведь интересно. Информирован оказался Беликов в отношении меня. Ведь, помню, в 1974 году, когда я лежал у Дмитриевского, никто и не следил за мной, что я пишу и куда отправляю. И писать и переправлять на волю было легко. А вот опубликовался на Западе, каких-то шесть страничек (другие больше моего опубликовали – и то ничего), как уже следят через четыре года, чтобы ничего из отделения, написанное моей рукой, не выходило. Боятся огласки, мерзавцы коммунистические! Да и Беликов и другие врачи вели себя в эту госпитализацию совсем по-другому. Если при предыдущих госпитализациях политические вопросы были главными в беседах с врачами, редкая беседа без этих вопросов обходилась, то стоило мне одну такую беседу опубликовать, ну, какие-то несчастные шесть страничек, как язык прикусили. Редко мне в эту госпитализацию Беликов и другие врачи политические вопросы задавали, уклонялись от них, обходили их стороной, словно и не волнует их больше мое отношение к партии и государству. Как-то даже грустно было без этих вопросов, мало компрометирующего советскую психиатрию материала.

Вскоре после разговора с этим Некто подходит ко мне другой Некто с тем же вопросом. Итак, в течение нескольких дней у меня среди среднего персонала появилось несколько доброжелателей, которые слышали обо мне по западным радиостанциям.

17 февраля 1978 года

В психбольницах беседы, подобные двум предыдущим, приведенным выше, бывают редко. Но зато очень часто бывают короткие беседы на обходах с врачами. Не каждая такая отдельная короткая беседа представляет собой самостоятельный интерес. Но все эти беседы вместе взятые интересны в комплексе. Я их поэтому записывал и привожу в своей книге.

19 февраля 1978 года

Сегодня обхода не было. Я сам подошел к Беликову после завтрака.

Николаев: Что вы решили с моей выпиской?

Беликов: Пока ничего.

Николаев: Но ведь я помещен сюда с нарушением инструкции.

Беликов: Какой инструкции?

Николаев: Инструкции Минздрава СССР о неотложной госпитализации за № 06 - 14 - 43. К вам я пока претензий не имею, ибо вы в соответствии с пунктом № 6 провели в суточный срок комиссию. Но врач, выписавший на меня путевку, нарушил эту инструкцию и меня направил в больницу незаконно.

Беликов: Вас направили сюда на вполне законных основаниях.

Сказавши это, Беликов сам отошел от меня. Утром в этот день я написал заявление в адрес Президиума Верховного совета Совдепии с подтверждением своего отказа от советского гражданства, с описанием госпитализации и с требованием, чтобы меня немедленно освободили и позволили вместе с семьей выехать из Совдепии.

Кроме того, я написал заявление в прокуратуру РСФСР с описанием того, как меня госпитализировали, и с требованием, чтобы меня освободили, а лица, которые виновны моей необоснованной госпитализации, чтобы были привлечены к уголовной ответственности за совершенный ими произвол.

Читатель, конечно, улыбнется такой наивности. Станет кто-то там за меня заступаться да привлекать виновных к уголовной ответственности. Пиши – не пиши, всё равно справедливости не добьешься.

Правильно. И я так считаю, что писать в советские инстанции и слёзно добиваться от них справедливости – глупо и бесполезно.

Но, во-первых, если вообще ничего не писать, смириться с положением своим, разве это лучше? Разве это поможет? Наоборот, с покорными коммунисты делают что хотят.

А так напишешь, а Беликову потом неприятности от начальства. Нет, не за то, что он меня держит незаконно, а за то, что письмо из отделения ушло!

И, забегая вперед, скажу, что Беликову совершенно точно доставалось от начальства за то, что мои письма уходили за пределы отделения в официальные советские инстанции. Можно себе представить тогда, что ему начальство говорило в связи с тем, что потом многое из того, что я из отделения на волю выпускал, потом по «Свободе» звучало и в «Посеве» было опубликовано! А это ведь все с опозданием значительным, ни начальство, ни КГБ сразу не врубятся, а только после публикации!

Вот почему не надо было мириться, а надо было писать и писать, отбиваться всеми возможными способами.

20 февраля 1978 года

Обход делал Мазиас Михаил Романович, так как Беликов в этот день был выходным. Я же писал заметки об изучении иностранного языка в условиях естественного языкового окружения на примере эстонского. (Надо сказать, что потом эти записки у меня пропали, так как их конфисковал Беликов.)

Мазиас: Что пишете?

Николаев: Научную работу.

Мазиас: На какую тему?

Николаев: О методике изучения иностранных языков. Это подпадает под инструкцию?

Мазиас: Ну что вы спрашиваете? Эту инструкцию вы на изусть знаете.

Николаев: Михаил Романович, а чего решила комиссия?

Мазиас: В каком смысле?

Николаев: Ну, выписать меня или пока оставить?

Мазиас: Мы решили вас некоторое время подержать.

Николаев: Длительное или не длительное?

Мазиас: Думаю, что не длительное.

21 февраля 1978 года

На обходе ко мне подошел Беликов. Как всегда, обходы делались после завтрака во время трудотерапии, когда другие пациенты делали коробочки. Считалось, что этим самым восстанавливаются профессиональные навыки.

Беликов: Чем занимаемся?

Николаев: Ничем. Жена пока книг не принесла.

Беликов: Другие клеют коробочки. Вы бы тоже могли.

Николаев: С моей точки зрения, это аморально, ибо я нахожусь здесь незаконно.

Беликов: Вас положили на законных основаниях.

Николаев: Нет. Ведь еще Гонолулский конгресс осудил злоупотребления психиатрией.

Беликов: Вы тут про Гонолулу и про Хельсинки забудьте. Подумайте лучше, почему у вас II группа по психиатрии.

Николаев: Потому что злоупотребления психиатрией заключаются не только в использовании психбольниц, но и психдиспансеров.

Беликов: А ничего другое вас не волнует? Дом, например?

Николаев: Волнует. Дома жена осталась с двумя детьми. Так что это нарушение бьет сразу и по семье.

Беликов: Нарушений не было. И советую вам ваши взгляды попридержать.

Николаев: Почему?

Беликов: Попридержите и всё. Не ведите здесь разговоров с больными. И ничего не пишите.

Николаев: А я и не пишу.

Беликов: Отсюда ушло уже одно письмо.

Николаев: Нет.*

Беликов: До меня дошли другие сведения.

Николаев: Какие?

Беликов: Не мните из себя Бог весть какого юриста.

На этом он прервал разговор со мной и отошел. Во вторую половину дня ко мне пришла Тьян и принесла мне книгу «Ительменский язык». Обычно по будним дням свидания не бывает, а только передачки. Однако посетители подходят к окну и через окно можно с ними несколько минут поговорить. Никого от окна никогда не отгоняли и разговаривать не мешали. Но как только я подошел к окну, чтобы поговорить с Тьян, то почти сразу подлетела старшая медсестра по смене Евгения Ивановна, отогнала меня от окна и закрыла его на ключ. Тьян, однако, успела мне сообщить, что обо мне уже было в передачах западных радиостанций. С этого дня я занялся ительменским языком.

22 февраля 1978 года

На обходе ко мне подошел Беликов.

Беликов: На что жалуетесь?

Николаев: Вот вчера вас интересовало, волнует ли меня дом. У меня жена осталась с двумя детьми, к тому же, как я выяснил, она простудилась. Мой прямой долг помочь ей сейчас. Но помогать ей я смогу, только если вы меня выпишете. Разумеется, не просто так, а через комиссию, как это сказано в пункте 7 инструкции.

---

* Не обманул я Беликова, когда сказал «нет». Ибо действительно ушло не «одно письмо», а слишком много бумаг, на основе которых я и писал потом книгу. Все эти диалоги ушли на волю за это время. Разве это «одно письмо»? Честность – лучшая политика. Всегда надо правду говорить.

Беликов: Повторную комиссию мы соберем. Языками занимаетесь? (Показывает на книгу «Ительменский язык».)

Николаев: Да, занимаюсь. Жена мне вчера эту книгу принесла.

Беликов: И много вы языков знаете?

Николаев: Достаточно много.

Беликов: Сколько?

Николаев: Несколько десятков.

Беликов молчит.

Николаев: Что, не верите?

Беликов: Да трудно поверить. Как это можно достичь? У вас что, образование соответствующее есть?

Николаев: Помимо образования бывает самообразование.

Беликов: Ну и какие же вы языки знаете?

Николаев: Славянские, романские, германские и тюркские.

Беликов: Романские и германские – это не одно и то же?

Николаев: Нет, не одно.

Беликов: А по английскому языку у вас тоже есть разговорная практика?

Николаев: Бывала.

Беликов: Где? Когда?

Вот ведь как, мерзавец, подкатывает! С другого боку совершенно! Ведь, вроде бы, вопрос языковый. Действительно, разговорная практика очень нужна для знания языка. Но ведь разговорная практика – это еще и общение с иностранцами автоматически. Ну, ладно, не сразу я ответил на его вопрос, помолчал немного, потом сказал:

Николаев: Михаил Иванович! Я у вас нахожусь уже неделю. И за все это время мы говорили с вами о чем угодно, но вы ни разу не задали мне ни одного медицинского вопроса, хотя бы «Как вы себя чувствуете?». Не связано ли это с тем, что меня поместили сюда не по медицинским соображениям, а по каким-то другим?

Беликов: Почему же? Сейчас, когда я подошел к вам, я прежде всего спросил вас о вашем самочувствии.

Николаев: Вы меня о самочувствии не спрашивали.

Беликов: Я спросил вас: «На что жалуетесь?». Под этим вопросом я имел в виду ваше самочувствие.

Николаев: Так вот, чувствую я себя очень хорошо, считаю, что меня можно выписать.

Беликов: Вы не врач. Вы можете лучше меня разбираться в языках, а я лучше вас разбираюсь в медицине.

Николаев: Но я биолог. Биология изучает норму, а медицина – патологию. Как биолог, я не могу дифференцировать друг от друга различные формы патологии, но отличить норму от патологии я могу. К тому же вы так мне и не объяснили, почему меня поместили в больницу, а по вашим вопросам я об этом догадаться не смог.

Беликов: Как я могу вам объяснить?

Николаев: Вы считаете, что если вы это мне попытаетесь разъяснить популярно, то я не пойму?

Беликов: Нет, конечно.

Николаев: Но ведь я – биолог. Я могу понять и на более высоком уровне.

Беликов: Я уже говорил. У вас вторая группа по психиатрии. Вы подумали, почему?

Николаев: По упущению Гонолулского конгресса психиатров. Этот Конгресс все свое внимание сконцентрировал на психбольницах, но абсолютно упустил психдиспансеры.

Беликов: Но ведь Гонолулу был в 1977 году.

Николаев: Да, конец августа – начало сентября.

Беликов: А у вас инвалидность с 1970 года.

Николаев: С 1971 года.

Беликов: Вот видите.

Николаев: То есть вы хотите сказать, что моя инвалидность старше Гонолулу?

Беликов: Как видите.

Николаев: Кстати, почему вы вчера очень неуважительно отозвались о Гонолулу и Хельсинки?

Беликов: Я неуважительно не отзывался.

Николаев: Ну Гонолулу – ясно. Советская пресса ругала. А вот Хельсинкские соглашения подписаны советской делегацией в августе 1975 года.

Беликов: А их никто не нарушает. Это политический акт, который соблюдается.

Николаев: Но ведь меня-то здесь держат. А я – психически здоровый человек.

Беликов: У вас вторая группа по психиатрии.

На этом Беликов разговор со мной прервал. Надо сказать что хотя я и стремился поначалу от всех скрыть, что я – диссидент, но на практике сделать это оказалось невозможным. Во-первых, как я уже писал, некоторые из работников отделения

слышали обо мне по западным радиостанциям, подходили ко мне, интересовались. Я им по возможности рассказывал то, что можно, отвечал на их вопросы: знал, что дальше не пойдет, хотя они должны были записать это в журнал наблюдений. В целом это даже было мне на пользу.

Одна из буфетчиц, узнав о том, что про меня говорят западные радиостанции, всегда предлагала мне добавочную порцию компота, лишнюю селедочку или еще чего-нибудь вкусного. И всегда при этом говорила: «Ешь, но только не пиши в «Голос Америки», что тебя здесь плохо кормят». – «Не напишу», – каждый раз обещал я ей.

Кроме того, из разговоров с Тьян через окно и из разговоров с другими моими знакомыми, которые меня навещали, вскоре все пациенты отделения знали, что обо мне передавали «Голос Америки», «Би-Би-Си» и прочие радиостанции.

На спокойной половине люди в принципе все были здравые, рассуждали вполне нормально и проявляли ко мне самый живой интерес. Большинство из них критически относилось к существующему в Совдепии порядку, хотя и попало сюда не за политику. Многие из них слушали на свободе передачи западных радиостанций, знали о существовании у нас Демократического Движения, сочувствовали ему. Но в то же время цели и задачи этого Движения и методы его работы людям были неясны, как правило. И тут у них появилась возможность получить ответы на многие вопросы, которые возникали при прослушивании западных радиостанций, так сказать из «первоисточника». Я это вполне понятное и оправданное любопытство удовлетворял, пропагандировал идеи прав Человека. Особенно много внимания в своих беседах я уделял проблеме использования психиатрии в политических целях.

Рассказывал я пациентам и персоналу о том, что я прошел психиатрическую экспертизу в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Конечно, у среднего медицинского персонала этот факт произвола со стороны коммунистов в отношении меня вызывал возмущение.

Как-то после очередной пятиминутки мне стало известно ее содержание, которое сводилось к следующему:

Со слов Беликова, Николаев – тяжело болен, очень много пишет. Все это он делает по болезни, поэтому ни в коем случае нельзя допускать, чтобы его бумаги выходили за пределы отделения. Он свои записи пересылает другим людям, таким же

больным, как и он сам, но пока еще находящимся на свободе. В результате эти бумаги уходят не по назначению.

После выписки мне удалось узнать, что такое «не по назначению». Копии многих моих записей попали на Запад и звучали в передачах радиостанции «Свобода».

Конечно, среди персонала были и такие, которые слепо в этом вопросе верили Беликову. Один санитар все время говорил про меня: «Николаев все время против советской власти пишет». А одна санитарка по прозвищу «Хохлушка» так отзывалась обо мне: «Его здесь будут держать до тех пор, пока он не перестанет писать всякую ерунду против советской власти».

26 февраля 1978 года

Незадолго перед обходом Некто из среднего персонала предупреждает меня, чтобы я вынул из карманов всё лишнее, так как Беликов намерен меня обшмонать. Вот ведь беда наша какая! О плохих людях мы можем и говорить, и писать, а хороших даже по имени называть не имеем права, чтобы им не повредить. Подходит Беликов.

Беликов: Что это у вас в карманах?

Николаев: Пакеты. Бумага.

Беликов: Покажите.

Николаев: А что, нельзя держать?

Беликов: Нельзя. В карманах должен быть только носовой платок. Как настроение?

Николаев: Я считаю, что мое пребывание здесь является нарушением конституционных гарантий. Данные о моей социальной опасности не подтверждаются. Я продолжаю настаивать на выписке. Разумеется, через комиссию, согласно закону.

Беликов: К вам сегодня кто-нибудь придет?

Николаев: Да.

Беликов: Мать?

Николаев: Скорее всего жена. Вы хотите с ней поговорить?

Беликов: Было бы желательно.

Николаев: Я ей передам. А так, как видите, жалоб на меня в отделении нет, веду я себя тихо. Это лучшее доказательство отсутствия у меня признаков социальной опасности.

Беликов: Хорошо, посмотрим.

В этот день на свидании Тьян рассказала, что ей в милиции вернули все мои личные вещи, которые были незаконно изъяты у меня во время незаконного ареста, кроме записной книжки.

Когда моя мать и Тьян стали предъявлять претензии участковому менту Пуляеву, то этот кретин стал возражать: «Что вы ко мне имеете? Я выполнял приказ и ни в чем не виноват. Мне сказали: «Взять!». Я и взял. А не сказали бы, я бы его не трогал. Я – как вот этот графин. Куда меня поставят, там я и стою».

Мы часто сравниваем коммунизм с заразой и образно называем его «красной чумой». Но насколько же это образное сравнение близко к истине! Ведь чумной микроб, возбуждая чуму, не думает о том, что он кому-то тем самым зло делает. Точно так же коммунисты, эти возбудители красной чумы. Что они понимают, когда зло делают? Вот тот же Пуляев, считает, что он ни в чем не виноват, только выполнял приказ. Ну точь-в-точь, словно чумной микроб, который тоже себя не считает виновным в том, что он чуму вызывает. Однако, несмотря на то, что чумной микроб не понимает, что он зло приносит, вызывая чуму, с чумой-то всё равно борются! И придет время, когда с коммунистами тоже будут обращаться как с чумой.

Не получив согласия Беликова на мою выписку, Тьян пошла на прием к главному врачу больницы Морковкину Валентину Михайловичу, который сказал ей: «Ваш муж болен. Вместо того, чтобы поддерживать его бредовые идеи, вы бы успокоили его, чтобы он не волновался. Он написал по болезни письмо африканским рабочим. Вы поймите, что за это он мог бы получить принудительное лечение в спецбольнице на несколько лет. А так он попал сюда, в больницу общего типа, где его немного полечат и выпишут. А в спецбольнице его бы держали много лет. Так что пусть он будет доволен, что здесь сидит, а не на спеце. За такое письмо ему бы на спеце сидеть! А он у вас так легко отделался».

Вот как раз письма африканским рабочим, о котором говорил Морковкин, я и не писал. И даже мысли у меня не было такое письмо написать. Откуда это у них взялось? Кто эту сплетню выдумал? И ведь самое интересное, что ко всем этим выдумкам психиатры относятся вполне серьезно и не считают для себя нужным проверять: насколько же это соответствует или же не соответствует действительности. Раз записано в «истории болезни» – значит было – вот их примитивная логика. А так как нам читать «историю болезни» не дают, то нет у нас возможности и опротестовать все эти дурацкие выдумки.

27 февраля 1978 года

На обходе Беликов подошел ко мне:

Беликов: Как самочувствие, сон, аппетит?

Николаев: Я не чувствую никаких отклонений от нормы.

Беликов: Есть ли у вас отклонение от нормы или нет, может решить только врач.

Николаев: В таком случае предоставьте мне возможность встретиться с западными психиатрами для объективного обследования.

Беликов: А вы что, разве не встречались с западными психиатрами?

Николаев: К сожалению, не довелось.

Беликов: Но в больницу пригласить их мы не имеем возможности.

Николаев: Почему?

Беликов: Это советское лечебное учреждение. А в чужой дом со своим законом не ходят.

Николаев: Пословица звучит несколько иначе.

Беликов: Но смысл тот же.

Николаев: И все же я настаиваю на том, что у меня нет заболевания и нет необходимости пребывания в больнице.

Беликов: Такие вопросы могут решать только врачи.

Николаев: Да, но болеть приходится каждому человеку. Если человек болен, то он чувствует недомогание.

Беликов: Психические заболевания тем и отличаются от соматических, что больной не чувствует себя больным.

Николаев: В таком случае объясните, в чем заключается мое заболевание.

Беликов: Этот вопрос я буду обсуждать со специалистами.

Николаев: А можете ли вы мне объяснить популярно?

Беликов: Как же я могу вам это объяснить, если вы считаете себя здоровым?

28 февраля 1978 года

Очередная беседа с Беликовым.

Николаев: Я настаиваю на встрече с западными психиатрами. Я надеюсь, что они рассмотрят мой случай более объективно.

Беликов: Как вы намерены с ними связаться?

Николаев: А вот я и хочу попросить вас связать меня с ними. Как вы знаете, на Конгрессе был создан Международный Комитет по разбору жалоб...

Беликов: Каких жалоб?

Николаев: Жалоб от жертв злоупотреблений психиатрией.

Беликов: Ну и что же вы хотели бы им сообщить?

Николаев: То, что путевка на меня выписана с нарушением инструкции о неотложной госпитализации № 06-14-43, то, что госпитализация проведена без предварительного медицинского обследования, то, что путевка на мою госпитализацию была отослана в милицию. А милиционер – это не врач. Он не имеет права знакомиться с содержанием путевки. И то, что он знает ее содержание, является нарушением медицинской этики и медицинской тайны. Как видите, нарушений слишком много. И я хочу, чтобы мой случай получил международную огласку и был рассмотрен Международным Комитетом.

1 марта 1978 года

Очередной разговор с Беликовым на обходе.

Беликов: Откуда у вас подробные сведения о Гонолулском Конгрессе?

Николаев: Из тех же источников, что и у вас: «Литературная газета», «Советская культура», книга «100 ответов».

Беликов: Я тоже читал эти статьи, но ваши сведения о Конгрессе более подробны.

Николаев: Вы знаете такой термин: «Читать между строк»?

Беликов: Да, но, читая между строк, можно сделать ошибочный вывод.

Николаев: А что, моя точка зрения о Конгрессе неверна?

Беликов: Ошибочна.

Николаев: Но ведь я не только положительно отзываюсь о Конгрессе, но и критикую его. Однако Конгресс сделал главное: осудил использование психиатрии в СССР против психически здоровых людей. И призвал честных психиатров не принимать участия в злоупотреблениях психиатрией.

Беликов: А вам такие случаи известны?

Николаев: Конечно, взять хотя бы мой случай.

Беликов: Но ваш случай не показателен.

Николаев: Почему?

Беликов: Уже хотя бы потому, что вы сами считаете себя психически здоровым человеком.

Николаев: И что из этого следует?

Беликов: У вас понижено критическое отношение к себе.

Николаев: А если мы с вами выйдем на улицу и опросим 100

человек и каждый скажет, что он – психически здоров, то вы их всех тоже объявите больными?

Беликов: Ну зачем же сразу так? С вами же ясно. Вы нуждаетесь в лечении. Состоя на учете в психдиспансере, вы в него не являлись. Если бы вы регулярно посещали диспансер, слушали бы советы врача, получали бы регулярную помощь, то необходимости в стационировании не возникало бы.

Николаев: Мой опыт говорит о другом. Пока я не хожу в диспансер, меня не трогают, стоит мне там появиться, как тут же предпринимаются попытки меня госпитализировать. Так что я не вижу для себя необходимости посещать диспансер.

Беликов: К тому же вы уже несколько раз помещались в больницы, значит в этом была необходимость.

Николаев: Каждая из предыдущих госпитализаций была произведена с нарушением инструкции о неотложной госпитализации. Я ни разу не представлял социальной опасности.

Приводя в своей книге беседы с Беликовым, я предпочитаю воздерживаться от собственной оценки этих бесед. Я надеюсь, что данные беседы представляют сами собой самостоятельный интерес для честных психиатров, которые могут дать им свою оценку на высоком профессиональном уровне.

Но сейчас я хочу отступить от этого правила и обратить внимание читателей на то, что в разговорах со мной, когда Беликов аргументирует необходимость моего стационирования, он ссылается на то, что я и ранее неоднократно стационировался в больницы и долгое время состою на учете в психдиспансере. И в то же время он уклоняется от объяснения истинных причин данной госпитализации.

Вообще, надо сказать, что психиатры как в психбольницах, так и в психдиспансерах обычно ссылаются на то, что их пациент ранее помещался в психбольницы. Из этого следует, что каждая последующая госпитализация и каждый последующий год пребывания диссидента на психучете усугубляет автоматически его положение, дает «врачам» психдиспансеров и психбольниц новые внешне аргументированные объяснения необходимости стационирования. Сейчас против меня «козыряют» госпитализациями, которым я подвергался с 1970 по 1974 год, потом будут приводить дополнительно настоящую госпитализацию за 1978 год. Сейчас против меня выдвигают семилетний стаж общения с психиатрами и психиатрического учета в псих-

диспансере, а с сентября 1980 года меня будут корить и попр кать уже десятилетним стажем*.

Я прошу читателей вдуматься не столько в трагизм прош лого и настоящего, сколько в трагизм будущего тех диссиден тов, которые состоят на учете в психдиспансерах и которы подвергались стационированию в психиатрические больницы.

Вечером этого дня я написал письмо в Президиум Верхов ного совета Совдепии в защиту Анатолия Щаранского.

5 марта 1978 года

Утром до завтрака еще, как только Беликов появился коридоре, я тут же обратился к нему.

Николаев: Михаил Иванович, два дня назад ваш санита Алексей Павлов избил моего товарища, который приходил к мне на свидание.

Беликов: Прямо сейчас я буду, что ли, этим заниматься?

Николаев: Но сегодня придут мои родственники. Он поднимут этот вопрос.

Беликов: Я вас вызову.

После завтрака Беликов вызвал меня в кабинет. Я огляде ся. На стене висело соцобязательство коллектива отделения, котором весь коллектив, включая самого Беликова и санитар Алексея Павлова, грозились бороться за звание отделени высокой культуры (!) обслуживания, настойчиво овладевать марксистско-ленинской идеологией и проводить исторически решения XXV съезда КПСС в жизнь.

Это соцобязательство кое-что прояснило в объяснении при чин, побудивших Алексея Павлова избить Анатолия Поздняко ва. Овладев настойчиво марксистско-ленинской теорией, он проводя в жизнь исторические решения XXV съезда КПСС избил Анатолия Позднякова. В этом он видел проявление высо кой культуры обслуживания.

Николаев: Михаил Иванович, позавчера ваш санитар изби моего товарища. Мы с ним поговорили через окно, а затем о

---

* В сентябре 1980 года я уже находился на Западе, вне предело деятельности советской карательной психиатрии, за пределами социа листического концлагеря. И мне теперь ничего не грозит из того, о че я тогда писал. Но написанное остается в силе в отношении тех, кто про должает жить в Совдепии и состоит там на учете в психдиспансере п политическим причинам.

ушел. А Людка сначала накинулась на меня, потом бросилась в тот конец к санитару. Санитар выбежал на улицу, догнал моего товарища и избил его.

Беликов: А что вы выбросили из окна?

Николаев: Я говорю с вами о случае избиения моего товарища. Это хулиганство – избивать посетителей.

Беликов: Но что вы выбросили из окна?

Николаев: Это не имеет отношения к делу. Я веду с вами разговор об избиении моего товарища.

Беликов (перейдя на крик): Что вы выбросили из окна!!!?

Николаев: Ничего не выбрасывал.

Беликов: Что вы выбросили из окна?!

Николаев: Давайте говорить лучше о поведении вашего санитара.

Беликов: Я повторяю: что вы выбросили из окна??!!

Николаев: Письмо к сыну.

Беликов: Вы что, не знаете, что всю переписку надо вести через персонал?

Николаев: Но я веду разговор об избиении.

Беликов: Я не думаю, что было именно так, как вы говорите. Санитар, наверно, сначала попросил вернуть вашу записку… Мало ли что больные могут выкинуть? Они могут выкинуть полотенце или еще что-нибудь. А мы за эти вещи отвечаем.

Николаев: Перестаньте пороть ерунду. Вы прекрасно знаете, что я не собирался выкидывать из окна ни полотенец, ни других материальных ценностей.

Беликов: Зато вы выкидываете свои бредовые записи. И занимаетесь не тем, чем надо.

Николаев: А чем же?

Беликов: Рассказываете больным про Гонолулу. Ведь вы здоровый человек, а вокруг вас – патологические больные.

Николаев: Спасибо за признание.

6 марта 1978 года

Сегодня в 8^{00} пришла смена, в которой работает Лешка Павлов. Как всегда, перед завтраком я занимался ительменским языком. Старшая медсестра по смене Антонина Никитична, увидев то, что я занимаюсь языком, сказала мне:

Антонина Никитична: Ну, что Николаев? Все пишешь? Пиши, пиши. Только в окошки ничего не выкидывай, а то тебе же хуже будет.

Николаев: Вы лучше следите за тем, чтобы ваш санитар не

избивал больных и посетителей. Вы знаете о том, что ваш Лешка Павлов третьего марта моего товарища избил?

Антонина Никитична: Твоего товарища никто не бил. А будешь еще писать и из окошек выкидывать, то пеняй на себя. Тебе же хуже будет.

В 9 часов Беликов вызвал к себе в кабинет на беседу Лешку Павлова. Через некоторое время оба они вышли в коридор. Лешка, нагло ухмыляясь, пошел к себе на беспокойную половину, а Беликов подошел ко мне и сказал:

Беликов: Вашего товарища никто не бил. Он сам упал и разбил себе лицо, потому что был пьяный.

Николаев: Нечего покрывать уголовника, Михаил Иванович. Вы прекрасно знаете, что Лешка избил моего товарища. И если вы его покрываете и защищаете, то это значит, что вы такой же негодяй, как и ваш санитар.

После завтрака к Беликову приходил Анатолий Позднякова со своей матерью. Когда они ушли, то Беликов вновь подошел ко мне:

Беликов: Где ваши записи?

Николаев: Какие записи?

Беликов: Что, опять в окно ушли?

Николаев: Не понимаю, о чем вы говорите.

Беликов: Не притворяйтесь. Я видел, как вы выкинули свои записи из окна.

Николаев: Вы этого видеть не могли.

Беликов: Кстати, Анатолий их мне отдал.

Николаев: Я ему ничего не выкидывал и он ничего не мог вам отдать.

8 марта 1978 года

Переполох в отделении. Среди бела дня сбежали двое ребят, которые числились за ментами и находились здесь на психиатрической экспертизе в связи с совершенными ими уголовно наказуемыми правонарушениями. Один из них уже сидел в прошлом на спеце. Беликову неприятность в праздничный день. А пациентам – радость. Радовались мы за них, что они сбежали.

9 марта 1978 года

Довольно большая беседа с Беликовым на обходе.

Беликов: Что Евгений Борисович скажет?

Николаев: Я прошу созвать комиссию.

Беликов: Когда вы поступили?

Николаев: 15 февраля. Значит, у вас до 15 марта время есть. За вычетом субботы и воскресенья 5 дней.

Беликов: Хорошо. Пройдемте со мной. (Заходим в комнату отдыха.) Можно посмотреть вашу книгу и тетрадь?

Николаев: Пожалуйста, если вы в них разберетесь.

Беликов: А где бумаги, которые я вам тогда дал?

Николаев: Вот три листочка осталось.

Беликов: А где остальные? В окно ушли?

Николаев: Нет, в туалет.

Беликов: Низко, низко.

Николаев: Низко, конечно, но туалетом ведь тоже надо пользоваться.

Беликов: Да я не это имею в виду. Обманываете вы меня.

Николаев: Зачем же мне вас обманывать?

Беликов: Анатолий был у вас в понедельник, вы ему сбросили.

Николаев: Я ему ничего не сбрасывал.

Беликов: А я видел, как он читал написанное вашим почерком, что говорил МР.*

Николаев: Вы этого видеть не могли.

Беликов: Не надо этого делать.

Николаев: Но ведь я же имею право на тайну переписки.

Беликов: Здесь специфическое учреждение. Переписка должна проверяться.

Николаев: Кстати, вот вам записка для моей жены. Я думал, что она придет во вторник, но она не пришла. Передайте ей ее, пожалуйста.

Белликов: Хорошо, передам.

Отдаю ему записку, которую я заранее написал, но на ительменском языке. Пусть этот мудак ее проверяет, если он таким умным себя считает. К сожалению, он не глядя сунул записку к себе в карман, лишив меня таким образом возможности пройтись ему же в глаза по поводу его умственных способностей.

Беликов: Вы ведь много раз бывали в больницах?

Николаев: Много.

Беликов: И даже были в Столбовой?

---

*Вот Беликов и выдал себя! На пушку меня брал, на шарап! Ранее я действительно, в первых записях, обозначал Мазиаса Михаила Романовича «МР», по инициалам имени и отчества. Но когда я узнал его фамилию, то я стал обозначать его просто «М.» – Мазиас.

Николаев: Был.

Беликов: И каждый раз вас смотрело много врачей?

Николаев: Ничего подобного. Комиссии никогда не собирались.

Беликов: Но вот путевку выписывает врач диспансера. Вас осматривает врач в приемном покое, лечащий врач в отделении. Вот уже за один раз набирается три-четыре врача. К тому же в диспансере врач наблюдает вас подолгу.

Николаев: Это не совсем так. Начнем с того, что врач в диспансере подолгу меня не видит. До меня дошли слухи, что путевку выписал Свищев, который не видел меня более двух лет. А если эта информация неверна, то тогда еще интереснее: участковый врач Алексеев не видел меня вообще ни разу. Как же можно судить о состоянии здоровья, не видя человека?

Беликов: Но ведь вас видели другие врачи, в частности, на ВТЭКе.

Николаев: И всё же необходимости в госпитализации не было. Я не представляю никакой социальной опасности и не являюсь психически больным.

Беликов: Это вы так считаете.

Николаев: Да, считаю. И могу добавить, не будь это в обиду сказано, что у вас развилась профессиональная патология во всем видеть психическое заболевание. Вот я с вами сейчас говорю, а вы видите в этом не иначе, как резонерство. Полетела записка в окно – это для вас уже признак заболевания.

Беликов: Этот период для меня уже прошел. Я так действовал и рассуждал, когда учился на третьем и четвертом курсе. Но вот вы сами посудите, почему все врачи признавали вас больным? А вы повторяете то, что говорят ваши друзья.

Николаев: А что они говорили вам?

Беликов: Этого я вам не могу сказать, точно так же, как не могу сообщить им содержание наших бесед.

Николаев: Понятно, врачебная тайна. Но скажите ваше мнение: можно ли меня уже выписать.

Беликов: Это будет решать комиссия.

Николаев: Да, но каждый член комиссии имеет право на собственное мнение, если он не согласен с мнением остальных членов комиссии.

Беликов: Вот я и буду высказывать там свое мнение.

Николаев: А мне сказать не можете?

Беликов: Не могу. И помните, что не надо больше ничего записывать. Я ничего не боюсь. Я работаю в лечебном учрежде-

нии, выполняю свой долг, следую существующим инструкциям и распоряжениям и не нарушаю их. И незачем в моих словах отыскивать какой-то скрытый смысл.

После случая с избиением Анатолия Позднякова в отделении были приняты строгие меры к тому, чтобы мне не дать возможности с кем-либо общаться через окно и выкидывать из окна мои записки.

10 марта 1978 года

Беликов: Как у вас дела?

Николаев: Всё по-старому. Прошу созвать комиссию. У вас в распоряжении 4 дня, ибо суббота и воскресенье не в счет.

Беликов: А после пятнадцатого никак нельзя собрать комиссию?

Николаев: Это уже будет нарушение седьмого пункта инструкции. А вы сами вчера сказали, что вы инструкции не нарушаете.

Беликов: Ну, ладно.

Николаев: И уж поставьте там вопрос о моей выписке.

Беликов: Вот на комиссии и будем говорить.

Днем ко мне приходила Тьян, принесла передачу. В связи с этим во второй половине дня я спросил у Беликова:

Николаев: Михаил Иванович, вы передали мою записку жене?

Беликов: Нет, не передал.

Николаев: Почему?

Беликов: Скажите, ваша жена говорит по-русски?

Николаев: Да, говорит.

Беликов: Вот и пишите ей по-русски.

Николаев: Да, но моей жене больше нравится, когда я пишу ей по-ительменски.

Беликов: Вы должны писать письма так, чтобы мы могли их проверять.

Николаев: Ну вот, Михаил Иванович. То вы от меня требуете, чтобы я всю переписку вел через вас. А когда я пошел вам навстречу, удовлетворил вашу просьбу, то оказалось, что вашего образовательного уровня не хватает на то, чтобы проверять мою переписку с женой. Как же так? Мне придется снова вести переписку с женой, минуя вас и персонал. Вот когда выучитесь тому, что знаю я, тогда я и буду писать и отправлять письма через персонал.

Беликов зло посмотрел на меня, но в конечном итоге смолчал и ничего мне на это не ответил.

12 марта 1978 года

Воскресенье. На свидании у меня была Тьян. Мы сидели рядом с окном. Выглянув в окно несколько раз, Тьян сказала мне: «Не нравится мне что-то. Смотри, менты ходят и какие-то штатские. Явно кагебешники. Чего им здесь нужно?»

13 марта 1978 года

Записи беседы с Беликовым на обходе за этот день у меня нет, так как она оказалась конфискованной на шмоне Беликовым. Начиная с этого дня Беликов особенно интенсивно начал охотиться за моим архивом.

Я уже писал, что ранее он под какими-либо предлогами просил меня показать ему мою книгу и тетрадь с занятиями по ительменскому языку, рылся в мое отсутствие в моей тумбочке, проверял мою кровать, не давал мне бумагу, лишал меня возможности говорить с посетителями через окно, чтобы я не выкинул чего-нибудь из окна.

Обычно я действовал так: разговаривал с Беликовым на обходе, затем дожидался, когда он уйдет из столовой, где проходил обход и трудотерапия, и после этого записывал диалог с Беликовым. Так было и в этот день. Я поговорил с Беликовым, а потом, когда он ушел, записал беседу с ним.

Только я закончил писать, как ко мне подходит Некто из персонала и говорит: «Прячьте скорее свои бумаги. Михаил Иванович возвращается», – и тут же отходит от меня.

Я сразу передал свои записи одному из пациентов, который тут же пересел за другой стол спиной к нам и включился в разговор, который велся за тем столом.

И вот столовую вбегает Беликов и сразу же – ко мне.

Беликов: Ну, давайте сюда, что вы написали?

Николаев: Что давать, Михаил Иванович?

Беликов: Давайте, давайте, я видел, что вы записывали.

Николаев: Я ничего не записывал.

Беликов: Нет, записывали.

Николаев: Нет, не записывал.

Беликов: Покажите карманы. (Показываю ему пустые карманы, потом снимаю носки, тапки. К своему неудовольствию и под хохот пациентов, которые наблюдали за этим шмоном,

Беликов ничего не находит.) Значит, уже отправили в окно. Успели.

Николаев: Что вы, Михаил Иванович, ничего в окно я не отправлял.

После обеда Беликов вызвал меня на комиссию. В составе комиссии были Беликов Михаил Иванович, Мазурский Михаил Борисович, Бельская Галина Михайловна и еще какая-то женщина, черноволосая. По свидетельству одного из пациентов, обе они профессора по судебной психиатрии. Меня вводят в кабинет.

Бельская: Евгений Борисович, это и есть та самая комиссия из трех врачей, которую вы просили собрать.

Николаев: Хорошо.

Бельская: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Нормально.

Бельская: Когда вы первый раз попали в психиатрическую больницу?

Николаев: В 1970 году.

Бельская: Вы тогда работали? Учились?

Николаев: Работал.

Бельская: Где?

Николаев: Младшим научным сотрудником во ВНИИ дезинфекции и стерилизации.

Бельская: У вас высшее образование?

Николаев: Да.

Бельская: Что вы окончили?

Николаев: МГУ.

Бельская: Какой факультет?

Николаев: Географический.

Бельская: А почему вы работали не по специальности?

Николаев: Я работал по специальности. Я ведь окончил кафедру биогеографии и работал как зоолог.

Бельская: У вас была тема?

Николаев: Да.

Бельская: Какая?

Николаев: Геморрагическая лихорадка.

Бельская: Она распространена в Москве?

Николаев: Нет, но я ездил в командировки на Урал и в Поволжье.

Бельская: А почему вас поместили в больницу в первый раз?

Николаев: Не знаю. Врачи передо мной не отчитывались.

Но эта госпитализация, как и последующие, была проведена с нарушением существующих инструкций.

Бельская: Не надо нам говорить об инструкциях. Мы их знаем. И долго вы там пробыли? В какой больнице?

Николаев: Больше четырех месяцев. В пятнадцатой.

Бельская: Чем вас там лечили?

Николаев: Мажептилом. Вызвали нейролептический синдром.

Бельская: Как вы считаете, вы тогда были психически здоровым человеком?

Николаев: Да.

Бельская: И что же, врачи пошли на заведомое преступление?

Николаев: Да.

Бельская: Какой смысл им это делать?

Николаев: Я не знаю, чем они руководствовались. Но то, что я был психически здоров, это точно. В частности, незадолго до госпитализации я прошел комиссию в военкомате, где был и психиатр. Так вот, на этой комиссии я был признан здоровым, а мой военный билет остался чистым. Вскоре после госпитализации мне пришел вызов на военные сборы из военкомата. Я думаю, что психически больного на военные сборы не вызовут.

Бельская: У всех могут быть недочеты в работе. А когда вы были госпитализированы второй раз?

Николаев: Вскоре после первого.

Бельская: И тоже в пятнадцатую?

Николаев: Да.

Бельская: Почему вас госпитализировали второй раз?

Николаев: Не знаю. Врачи мне этого не объяснили.

Бельская: А как вы сами думаете?

Николаев: Я предпочитаю воздерживаться от догадок на этот счет.

Бельская: В этот раз вас перевели в Столбовую?

Николаев: Нет, в Столбовую меня перевели во время третьей госпитализации.

Бельская: Почему вас перевели в Столбовую?

Николаев: Я не знаю. Врачи передо мной не отчитывались.

Бельская: Может быть, в связи с обострением вашего заболевания?

Николаев: Я не был болен.

Бельская: Ну, как же, ваше поведение болезненно.

Николаев: В чем это проявляется?

Бельская: В ваших ответах. Вы уклоняетесь от ответов.

Николаев: Я, по-вашему, неконтактен?

Бельская: Это не совсем так. Ваше поведение неадекватно окружающей обстановке.

Николаев: Мое поведение адекватно окружающей среде.

Бельская: Почему вы разошлись с первой женой?

Николаев: Она сама со мной разошлась.

Бельская: Почему?

Николаев: Это не имеет отношения к делу.

Бельская: Почему же? Может быть, она развелась из-за вашего заболевания. Где она живет?

Николаев: В Москве.

Бельская: По какому адресу?

Николаев: Я не дам вам ее адрес.

Бельская: Мы узнаем сами.

Николаев: Узнавайте.

Бельская: Ваша вторая жена работает?

Николаев: Нет.

Бельская: Почему?

Николаев: Из-за того, что я всё время нахожусь под угрозой репрессий. Если меня госпитализируют, то не с кем будет оставить ребенка.

Бельская: Послушайте, какие репрессии?! Что вы говорите?! Мы вам оказываем помощь! Государство дало вам квартиру, платит пенсию, когда необходимо, то лечит бесплатно в больнице!

Николаев: Я в этом лечении не нуждаюсь.

Бельская: Когда вы были госпитализированы в последний раз?

Николаев: В 1974 году.

Бельская: А когда родился ребенок?

Николаев: В 1975 году.

Бельская: И всё это время ваша жена не работала? Это в наше-то время? Как же вы сможете воспитывать своего ребенка?

Николаев: Но путевки на мою госпитализацию в диспансере выписывались довольно часто.

Бельская: Почему вы так решили?

Николаев: По слишком частым визитам милиции.

Бельская: Но ведь милиция могла приходить и по другим причинам.

Николаев: Милиция приходила именно ради госпитализации.

Черноволосая: Но ведь это только домыслы!

Николаев: Это не домыслы.

Бельская: Из истории болезни нам известно, что вас интересовали разные идеи, реформаторство. Волнует ли это вас сейчас?

Николаев: Повторите вопрос подробнее.

Бельская: Я задаю вопросы так, как считаю нужным.

Николаев: И всё же я хочу услышать развернутый вопрос.

Бельская: Интересуют ли вас идеи переустройства ныне существующего в нашем государстве строя? Ведь вы даже писали об этом.

Николаев: Вопросы, касающиеся политических убеждений и необходимости изменения существующего строя, либо же его сохранения, не являются областью психиатрии, и я на них отвечать не собираюсь.*

Бельская: Вы сейчас принимаете лекарства?

Николаев: Да.

Бельская: Какие?

Николаев: Трифтазин, утром и вечером.

Бельская: У кого будут вопросы? (Никто мне вопросов не задал.) У вас есть вопросы к комиссии?

Николаев: Я прошу комиссию принять решение о моей выписке.

Бельская: Хорошо. Мы обсудим это. А сейчас идите в отделение.

После тихого часа я поймал Беликова в коридоре и спросил:

Николаев: Михаил Иванович, каковы результаты комиссии?

Беликов: Комиссия решила, что вам необходимо продолжить лечение.

Николаев: В таком случае свяжите меня со Всемирной Психиатрической Ассоциацией. Я хочу, чтобы мой случай был рассмотрен зарубежными психиатрами.

Беликов: А о чем вы раньше думали? Вы бы и попроосили это на комиссии. У вас же спросили: «Какие у вас вопросы к комиссии?». Тогда и надо было об этом говорить. А теперь об

---

* Тут, конечно, я допустил оплошность. Не надо было так отвечать. Надо было у нее спросить, подпадают ли аналогичные темы под инструкцию о неотложной госпитализации и почему *она* считает их областью психиатрии. Но, увы, этой возможностью я тогда не воспользовался. Сразу не врубился.

этом говорить поздно. Я не компетентен связывать вас с западными психиатрами.

Вечером санитар Лешка Павлов обыскал меня, но ничего не нашел.

14 марта 1978 года

После беседы с Беликовым на обходе я, как всегда, записал беседу с ним. Здесь она не приводится по той причине, что Беликов позже забрал ее у меня на шмоне. Помня, как вчера Беликов попытался изъять у меня мои записи, я, записав беседу на обходе, тут же отдал ее на хранение одному из пациентов. И вовремя. Ибо снова в столовую влетел Беликов. На этот раз он повел меня в комнату отдыха, где и стал собственноручно шмонать. Не хотелось ему, очевидно, выслушивать смех всего отделения, как вчера.

Николаев: Вы, Михаил Иванович, напоминаете мне одного российского монарха, который собственноручно в лицее обыскивал лицеистов и их кровати, ради чего даже вставал на колени и под кровати лазил. Но вам все равно до этого монарха далеко.

Беликов: Ладно, не разговаривайте.

Николаев: Вам-то хоть доплачивают за то, что вы меня обыскиваете? Или так, на дармовщинку работаете?

Беликов аж покраснел от злости, весь сжался, но ничего не ответил.

После обеда, когда перед тихим часом были открыты палаты, я достал свои записи, чтобы записать еще кое-что. В это время по коридору проходил Беликов. Увидев его, я сунул свой пакет под подушку. Беликов заметил это мое движение и свернул в палату, прямо ко мне.

Беликов: Что у вас там?

Николаев: Ничего.

Беликов: Дайте подушку. (Поднимает подушку, под ней ничего нет.) Встаньте.

Я встаю. Беликов поднимает одеяло, потом простыни, все перетряхивает, снова рыскает по моим карманам, по тумбочке. Встает на колени, лезет под мою кровать и шарит там. Моих записей нет.

Николаев: На премию зарабатываете, Михаил Иванович? Или на прогрессивку? Брюки испачкаете.

В ответ Беликов только зло смотрит на меня и недовольный уходит, провожаемый хохотом всей палаты.

Как только он ушел, я сам сунулся туда, где я положил свои записи, и... тоже их не обнаружил. Теперь уже я стал искать свой собственный пакет и не находил его! Вдруг слышу с другого конца палаты: «Эй, диссидент! Здесь твой мешок».

Поворачиваюсь. Улыбающийся пациент подает мне мои записи. Мой сосед по койке, пока Беликов подходил ко мне, вынул из-под подушки мой пакет с моими бумагами и незаметно для Беликова и для меня самого пустил это по рукам, в результате чего мой пакет оказался совершенно в другом месте.

Сегодня, как всегда по вторникам, был день передач. Однако в порядке исключения одному из пациентов Беликов предоставил сегодня свидание минут на двадцать. После своего свидания он подошел ко мне и сказал:

Пациент: Твою жену в воскресенье арестовали. И еще двух ребят, которые с ней были.

Николаев: Как?

Пациент: После свидания. Моя жена шла впереди, а твоя сзади. Мою жену обогнал милиционер, посмотрел ей в лицо, а потом остановился, дождался, когда подойдет твоя жена, и арестовал ее. Тут же подскочили другие менты и много штатских.

Николаев: И что дальше?

Пациент: Отвели в опорный пункт, ее и твоих друзей. Моя жена и другие родственники, которые к нам в отделение ходят, пытались за нее заступиться. Говорили, что знают ее, что она пришла в больницу на свидание к больному мужу. Но ничего не помогло. Все родные пошли за ментами, которые арестовали твою жену, к опорному пункту. Требовали, чтобы ее отпустили. И ждали до тех пор, пока ее не выпустили. Только ты Михаилу Ивановичу не говори о том, что ты об этом знаешь. А то он догадается, что это я тебе рассказал.

Николаев: Не скажу, конечно.

Пациент: А как же дети твои? Наверное, дома одни остались?

Николаев: Они в воскресенье у бабушки были. Ну, спасибо, что сказал.

15 марта 1978 года

Беликов в наглую стал обыскивать меня прямо на обходе.

Беликов: Покажите, что в карманах?

Николаев: Ничего нет в карманах.

Беликов: Тапки снимите.

Николаев: Вы бы, Михаил Иванович, вместо того, чтобы меня шмонать, лучше бы разрешили мне ходить на прогулки. Я уже у вас в отделении целый месяц и до сих пор ни разу не гулял. Персонал говорит, что это вы запретили пускать меня на прогулки.

Беликов: Будете гулять. А теперь носки снимите. Что там у вас, в ваших тайниках?

Николаев: Зря шмонаете, Михаил Иванович, в носках тоже ничего нет.

Беликов: Ну, где вы прячете свои записи?

Николаев: Нигде не прячу.

Беликов: Успели в окно опять отправить?

Николаев: Я ничего в окно не отправлял.

Беликов: И не вздумайте больше ничего записывать. Если будете записывать, то сделаете хуже только себе. Проторчите здесь всю жизнь.

Николаев: Вы бы, Михаил Иванович, лучше бы меня на прогулки пускали.

Беликов: Хорошо, передам персоналу, чтобы вас пускали гулять.

Потом выяснилось, что Беликов с прогулками мне все наврал, ибо меня не пускали гулять в течение четырех месяцев.

В этот день мне изменили дозировку лекарств.

– утро – 1 таблетка трифтазина.
– обед – 2 таблетки трифтазина.
– вечер – 2 таблетки трифтазина.

Изменившуюся дозировку надо было записать. На этом Беликов меня и засек.

Беликов: Что вы тут пишете?

Николаев: Ничего.

Беликов (забирает мои записи, просматривает): Куда пойдет эта информация?

Николаев: Никуда. Я пишу для себя, для самоанализа, чтобы затем проанализировать свое поведение.

Беликов: Давайте всё сюда. (Забирает все записи, чистую бумагу, авторучку и стержни к ней, работу об изучении иностранного языка в условиях языкового окружения на примере эстонского, тетрадь моих занятий ительменским языком, книгу «Ительменский язык». Обнаруживает в кармане таблетку трифтазина.) А лекарства надо принимать.

Николаев: Я в них не нуждаюсь. Я психически здоровый человек.

Беликов: Если не будете принимать, назначим инъекции.

Забрав у меня всё, Беликов ушел. Настроение было ужасное. Обидно было прерывать занятия ительменским языком, жалко было пропавшего архива. Где бы взять бумагу и авторучку, чтобы все записать снова, восстановить? Прежде всего, конечно, беседу на комиссии.

И вдруг слышу: «Эй, диссидент! Держи мою авторучку. Я сегодня выписываюсь, она мне больше не нужна. У нее, правда, стержень больше чем наполовину исписан». – «На тетрадь, – говорит мне другой, – у меня, правда, первые три листа исписаны, но ты их вырви, а на чистых пиши». – «Если что надо, напиши прямо сейчас, – говорит третий, – я выписываюсь сегодня, вынесу и отправлю».

Так, с миру по нитке, я снова приобрел и бумагу, и авторучку, и стержни, и получил возможность восстановить часть утраченных записей.

16 марта 1978 года

Утром перед завтраком я попросил Беликова:

Николаев: Михаил Иванович, верните мне книгу, тетрадь и авторучку. А то я не могу работать.

Беликов: Будете работать.

После завтрака беседа на обходе.

Беликов: Что, вы хороший стенографист.

Николаев: Что вы, плохой.

Беликов: И куда же та информация должна была пойти?

Николаев: Для собственного анализа своего поведения.

Беликов: Таблетки принимаете?

Николаев: Принимаю.

Беликов: А почему я у вас в кармане таблетку нашел? Подбросили, что ли?

Николаев: Будем считать, что так.

Беликов: Что ж, будем вводить инъекции. Я вас переведу на беспокойную половину.

Николаев: Но вы мне вернете книгу и тетрадь?

Беликов: Посмотрим, вернем.

Николаев: А то ведь я не могу без работы.

Беликов: Если бы вы занимались только языками!

Николаев: А я и занимался только языком, почти всю тетрадь исписал.

Беликов: Вы занимались не только языком. Вы еще труды пишете.

Николаев: А что в этом плохого? И передайте персоналу, чтобы меня пускали на прогулки.

Беликов: Передам.

В обед мне дали одну таблетку циклодола и после обеда сделали укол стелазина, один кубик. Самочувствие сразу же ухудшилось. Стояли круги перед глазами, рот вскоре стал сухим.

Поймав Беликова в коридоре, я обратился к нему.

Николаев: Михаил Иванович, отмените мне уколы. Плохо мне от них.

Беликов: Чем плохо?

Николаев: Сухость во рту, боль в месте укола. Голова кружится.

Беликов: Вы циклодол приняли?

Николаев: Да. И книгу вы мне не вернули.

Беликов: Это важно получить прямо сейчас?

Николаев: Я же целый день сегодня не работал.

Беликов: Отдохните.

17 марта 1978 года

За завтраком мне дали одну таблетку циклодола, после завтрака сделали укол стелазина. На обходе я сказал Беликову:

Николаев: Михаил Иванович, отмените мне уколы. Плохо мне от них.

Беликов: Почему плохо?

Николаев: Сонливость, сухость во рту, тошнота.

Беликов: От уколов так и должно быть.

Николаев: Круги перед глазами, головокружение.

Беликов: Вставать надо осторожнее.

Николаев: Да и книгу вы мне не возвращаете.

Беликов: Какие могут быть книги с кругами перед глазами? Отдохните уж.

Николаев: Так отмените мне уколы.

Беликов: Не могу. Вы знаете, почему я их вам назначил.

Николаев: Вам показалось, что я не принимал лекарства.

Беликов: Мне не показалось. Я таблетки видел у вас своими глазами. Я за свои слова отвечаю.

Николаев: Ну и еще я прошу выписку.

Беликов: О какой выписке может идти речь, если вы не принимаете лекарства?

Николаев: Ну, вы долго будете давать мне уколы?

Беликов: Пока не знаю.

Записать эти несколько строчек стоило мне больших уси-

лий. Я писал через силу, напрягаясь. Каждая строчка вызывала сильную усталость. И это на второй день после назначения уколов. А кололи меня так три месяца!

19 марта 1978 года

С самого утра я с нетерпением ждал Тьян.

Однако без 10 минут 11 меня перевели вдруг на беспокойную половину. Это меня не удивило, так как ранее Беликов грозил перевести меня на беспокойную половину.

«Смотри, никуда его отсюда не выпускай», – сказала санитару старшая сестра по смене Анна Федоровна. «А как же свидание?» – спросил я. «Когда жена придет, мы вас позовем», – ответила мне Анна Федоровна.

Я стал ждать. Время шло, а меня никто не звал на свидание. Было как-то странно. Обычно Тьян никогда не опаздывала и всегда приходила к 11 часам. А тут на часах санитара уже половина двенадцатого, а Тьян все не идет. Вдруг слышу: «Николаев! Николаев! Николаев!»

Я проскочил мимо санитара и бросился к комнате отдыха, где проходят свидания.

«Не там, к окну», – сказали мне ребята.

На улице стояла заплаканная Тьян, которая только и успела мне крикнуть: «Женя, мне не дают свидания с тобой!»

Тут подскочила Анна Фёдоровна, отогнала меня от окна и закрыла его на ключ, после чего разоралась на все отделение: «Кто его сюда выпустил!? Я же сказала, чтобы не выпускать!»

Меня отвели обратно на беспокойную половину и заперли там. Настроение было ужасное, тяжелое. Горько было на сердце. Но потом я вспомнил, что это всё регистрируется: преступления коммунистических гадов, их издевательства над людьми предаются огласке. Такие издевательства получают освещение в правозащитной литературе, о них пишут в «Хронике текущих событий», о них говорят по радиостанции «Свобода». И потом, коммунисты свое получают в Чили, в Парагвае, Уругвае, Гондурасе, на Гаити, в Южной Африке. И от этого стало немного легче. В 13 часов, когда свидание закончилось, меня вернули на спокойную половину. Значит, весь этот фарс с переводом на беспокойную половину был нужен лишь для того, чтобы не дать мне возможности увидеть Тьян и поговорить с ней.

В дверях появился Мазиас.

Николаев: Михаил Романович, почему меня лишили свидания с женой?

Мазиас: Потому что ваша жена вас травмирует. Она говорит вам такие вещи, от которых ваше психическое состояние ухудшается.

Николаев: А можно мне поговорить с Михаилом Ивановичем?

Мазиас: Его сегодня нет, он будет в понедельник.

Присутствовавшие при этом разговоре пациенты были возмущены.

«Говорит, что тебя жена травмирует! А то, что они тебя свидания лишают, – это тебя не травмирует! Негодяи! Фашисты! – возмущался один из них, потом сказал мне: – Напиши письмо жене. Я сегодня выписываюсь, вынесу».

А состояние мое от уколов становилось всё хуже и хуже. Была сонливость, начало сводить лицевые мышцы и правую руку, появился слабый нейролептический синдром.

20 марта 1978 года

На обходе я подошел к Беликову.

Николаев: Михаил Иванович, почему меня вчера лишили свидания с женой?

Беликов: Мы лишили вас свидания из-за вашего плохого психического состояния здоровья.

Николаев: Я психически здоров.

Беликов: Если бы вы были психически здоровы, тогда бы вы давно прекратили свою писанину, никому не нужную. И мы не дадим вам свидания с женой до тех пор, пока вы не перестанете всё записывать и пока ваша жена не перестанет выносить из отделения ваши бредовые записки.

Николаев: Из бумаг, которые попали к вам в руки, вам известно, что я записываю свои беседы с вами. Там половина фраз ваших, и только половина – моих. И если вы называете эти записи бредовыми, то это значит, что вы тоже несете бред. А свидания с женой вы обязаны мне давать.

Беликов: Свидания на вас отрицательно влияют. Ваша жена, вместо того, чтобы успокоить вас, своими разговорами мешает вашему лечению, травмирует вас.

Николаев: Моя жена меня не травмирует. И отмените мне уколы. У меня от них сводит лицевые мышцы и правую руку.

Беликов: Вы циклодол принимаете?

Николаев: Да.

Беликов: От уколов не может быть никаких побочных

явлений, если вы циклодол принимаете.Если у вас такие явления есть, значит вы циклодол не принимаете.

Николаев: Мне известно, что циклодол снимает побочное действие нейролептиков, и поэтому я его принимаю.

Беликов: Значит побочных явлений у вас быть не должно.

Николаев: А на следующее воскресенье вы мне дадите свидание?

Беликов: Пока не знаю. Если по-прежнему будете писать, то не дам.

Беликов продолжает ежедневно меня шмонать, каждый день роется в моей тумбочке. Делать записи в таких условиях становится все труднее и труднее. К тому же из-за того, что я был лишен свидания, у меня трудности с бумагой, кончается паста в стержне.

21 марта 1978 года

От уколов стала трястись левая рука. Писать что-либо стало практически невозможно. Правой рукой никак нельзя было одновременно и писать, и держать лист бумаги. Из-за тремора левой руки прыгал лист бумаги и прыгали буквы при письме в разные стороны.

22 марта 1978 года

Перед обедом Беликов вызвал меня к себе в кабинет, где находился Щукин Борис Павлович, эксперт института Сербского. Сначала Щукин задавал мне вопросы анкетного характера. Дальнейшая беседа приводится ниже.

Щукин: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Нормально.

Щукин: Считаете ли вы себя больным?

Николаев: Не считаю.

Щукин: А когда вас госпитализировали первый раз?

Николаев: В 1970 году.

Щукин: Почему?

Николаев: Не знаю. Та госпитализация была проведена с нарушением инструкции о неотложной госпитализации.

Щукин: Вы верите в Бога?

Николаев: Я предпочитаю не отвечать на такие вопросы, ибо, согласно конституции, у нас свобода совести.

Щукин: А в церковь ходите?

Николаев: Я тоже предпочитаю не отвечать на этот вопрос.

Щукин: Хорошо. Среди ваших знакомых есть такие, которые раньше сидели в психбольницах?

Николаев: Раз меня кидали несколько раз в больницы, то у меня такие знакомые есть.

Щукин: А такие, которые сидели в тюрьмах?

Николаев: Тоже есть.

Щукин: Как вы считаете, вас обоснованно поместили сейчас в больницу?

Николаев: Нет. При моей госпитализации нарушена инструкция № 06 – 14 – 43.

Щукин: В чем заключалось ее нарушение?

Николаев: Меня госпитализировали без предварительного медицинского обследования. А моя социальная опасность не доказана.

Щукин: Ваша социальная опасность доказана. Социальную опасность представляют ваши взгляды и антисоветские высказывания.

Николаев: Мои высказывания не могут представлять опасности, ибо они не способны ни улучшить строй, ни ухудшить его.

Щукин: Но ведь вы призывали к мятежу!

Николаев: Я к мятежу не призывал.

На этом Щукин беседу со мной закончил. После тихого часа меня к себе вызвал в кабинет Беликов.

Ранее я тщательно скрывал от Беликова, что я прошел экспертизу в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Но Тьян на одном из свиданий сказала мне, что Рабочая Комиссия не будет возражать, если я в беседах с Беликовым буду ссылаться на результаты экспертизы в Рабочей Комиссии. Кроме того, Рабочая Комиссия сама информировала Беликова письменно о результатах данной экспертизы.

Вызвав меня к себе, Беликов опять завел разговор о том, что я – психически болен.

Николаев: Вы ошибаетесь, Михаил Иванович. Я – психически здоровый человек.

Беликов: Ну вот, вы опять за старое. Ведь вы же не врач.

Николаев: Совершенно верно. Я не врач. Но меня осматривал честный психиатр в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Этот психиатр признал меня психически здоровым.

Беликов: А эта комиссия работает при Министерстве здравоохранения?

Николаев: Нет, это общественная комиссия. Но врач, проводивший экспертизу, имеет советский диплом медицинского вуза.

Беликов: А кто он – этот врач?

Николаев: Просто врач, честный психиатр.

Беликов: А как его фамилия?

Николаев: Этого я вам не скажу.

Беликов: Ну, значит, вы не проходили этой экспертизы.

Николаев: Нет, я эту экспертизу проходил.

Беликов: Тогда скажите мне фамилию этого врача и где он работает?

Николаев: Этого я вам не скажу.

Беликов: Если вы мне этого не говорите, то почему я должен верить вам, что вы действительно проходили эту экспертизу?

Николаев: Вам придется верить этому, потому что Рабочая Комиссия известила вас об этой экспертизе.

Беликов: Ну, а почему вы не хотите мне сказать фамилию этого врача?

Николаев: Потому что вам это знать совершенно не обязательно.

Беликов: А с чего вы решили, что он – врач? Может, он – самозванец?

Николаев: Он не самозванец.

Беликов: Он вам, что, свой диплом показывал?

Николаев: Диплома он мне не показывал.

Беликов: Тогда почему вы решили, что это – врач?

Николаев: Потому что мне его рекомендовали.

Беликов: И где вы проходили экспертизу?

Николаев: В Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Беликов: Где конкретно? В каком месте?

Николаев: Этого я вам не скажу.

Беликов: Ну вот! Сначала вы не хотели говорить фамилию психиатра, теперь не хотите говорить место, где вы прошли экспертизу! Почему я должен верить, что вы такую экспертизу прошли в действительности?

Николаев: Потому что я ее прошел.

Беликов: Ну, если вы встретились неизвестно с кем и неизвестно где, в каком-то тёмном углу, то я это за экспертизу не

считаю. Для меня такая экспертиза не авторитет. В то же время я знаю, что вас смотрело много врачей, работавших в системе Министерства здравоохранения, и все они признавали вас психически больным. И потом, чтобы вас юридически признать здоровым, вас должен осмотреть не один психиатр, а Комиссия врачей из нескольких человек. Ваш психиатр должен был бы об этом знать.

Николаев: Совершенно верно. Но только среди людей вашей профессии найти достаточное количество честных и смелых людей не так-то просто.

Беликов: А что вы называете честностью?

Николаев: Честность – это не работать на некоторые органы, как это делаете вы.

Беликов: Единственные органы, на которые я работаю – это органы здравоохранения.

Николаев: И если и говорить о комиссии из нескольких врачей, то я готов пройти такую экспертизу, при условии, что это будут западные психиатры. Пожалуйста, свяжите меня со Всемирной Психиатрической Ассоциацией, которая осудила использование психиатрии в СССР не по назначению. Они обещали рассматривать такие случаи. Пусть рассмотрят мой.

Беликов, Мазиас и старшая сестра заржали как лошади, долго угомониться не могли, так их мои слова рассмешили.

Мазиас: Послушайте, неужели вы серьезно думаете, что вами западные психиатры всерьез будут заниматься?

Николаев: Да, если им будут известны обстоятельства и причины моей госпитализации.

Мазиас: Вот в этом как раз и проявляется ваша болезнь. Вы должны понять, что никто на Западе вами заниматься не будет. Вы никому не нужны, потому что вы – больной человек.

Николаев: Нет, я здоровый человек и я думаю, что мой случай представляет интерес для западных психиатров, так как он может послужить примером использования психиатрии в СССР не по назначению.

Мазиас: Да даже если к западным психиатрам и попадет ваше заявление, то к вам сюда, смотреть вас, никто не приедет! Вы не такая величина, чтобы вами кто-то на Западе занимался.

Николаев: Совершенно верно, я не такая величина, чтобы ради меня советское правительство выдало бы визу западному психиатру на въезд в СССР.

Мазиас: Да нет же! Вы не такая величина, чтобы вами во-

обще кто-либо занимался. Вы – не пуп земли. Поймите это. Вы никому не нужны.

Николаев: Всемирная Психиатрическая Ассоциация приняла решение разбирать заявления не от пупов земли, а от жертв использования психиатрии не по назначению. Поэтому им мой случай будет интересен.

Мазиас: Нет, доказать ему что-либо совершенно невозможно. Полное отсутствие критики.

Беликов: Видите ли, вы не такая уж известная величина в кругу ваших единомышленников, чтобы вами кто-то занимался и чтобы за вас кто-то заступался.

Николаев: Совершенно верно. Я – личность малоизвестная. Но и вы в кругу своих единомышленников не такая известная величина, как Гитлер, Геббельс, Сталин, Андропов, Ягода. Этих подлецов знает весь мир, а ваша известность не выходит за рамки шестого отделения. Но это можно исправить. Бывали случаи в истории, когда совершенно рядовой эсэсовец вдруг становился всемирно известным. Так что для вас, Михаил Иванович, еще не всё потеряно в смысле известности.

Мазиас: Все то, что вы здесь говорили, – это не ваши мысли и не ваши слова. Вы повторяете то, что вам говорят ваши друзья и по болезни не можете понять, что они вас – дезинформируют. Ваши друзья спекулируют вашим именем. Вы – психически больной человек. А они, подняв вокруг вас шумиху, преследуют свои корыстные цели, наживают себе политический капитал. А вы по болезни понять этого не можете.

Николаев: Мои друзья – честные люди, и их цель – освободить меня.

Мазиас: Вот вы опять за старое. Вы думаете, что они борются за вас. А они за вас не борются. Не вы им нужны, а ваше горе, ваша болезнь. Вы думаете, что они вам помогают, а они своим поведением мешают вам лечиться.

Николаев: Мне лечение не нужно.

Далее у меня уже не будет возможности давать почти ежедневные описания своего пребывания в психушке. Из-за уколов и ежедневных шмонов мне пришлось переменить тактику. Я уже перестал записывать беседы с Беликовым сразу после обходов, во избежание шмонов. Записи приходится делать теперь только вечером, после ужина, когда врачей в отделении нет. Из-за шмонов далеко не всё, что я записывал, выходило за пределы отделения. Многое оседало в кабинете у Беликова. Причем Бе-

ликов расставлял все больше и больше сетей, чтобы изымать все то, что я писал. Использовал он для этого также и больных. Вот что рассказал мне один выписавшийся пациент после своего повторного поступления в больницу: «Когда я прошлый раз выписывался, то Михаил Иванович перед выпиской вызвал меня к себе и сказал мне: «Если Николаев вас попросит отправить его записи, то вы их у него возьмите, а потом отдайте мне». Когда я выписывался уже, то он попросил у меня твои записи, но я сказал, что ты мне ничего не давал. Он, однако, мне не поверил и обыскал меня и остальных, кто в тот день выписывался».

Другой пациент после своего повторного поступления в больницу рассказал мне аналогичный эпизод. Михаил Иванович вызвал всех выписывающихся в комнату отдыха и сказал им: ««Даю вам минуту на размышления. Если у кого из вас есть записи Николаева, то отдайте лучше мне их сами. Если не отдадите и я их у кого-нибудь из вас найду, то я его верну обратно в отделение, буду колоть и никогда не выпишу».

После этого Беликов засекал время, необходимое на раздумье и на добровольную передачу ему моих записей. А через минуту начинал ребят сам шмонать.

Естественно, что этот канал – выписывающихся пациентов, мне не приходилось больше использовать. Впрочем, бывали и такие больные, которые сами добровольно передавали Беликову мои записки. В таких условиях, разумеется, не всегда самому мне было известно, что дошло по назначению, а что осело у Беликова в столе. Поэтому, когда я выписался, то оказалось, что не за все дни, которые я записывал, у меня имелись записи. А так как мне было неизвестно, что пропало, а что не пропало,то я, естественно, не имел возможности знать, какие записи необходимо восстановить.

К счастью, окно, через которое можно выбросить бумаги посетителям, свидание, да и выписывающиеся больные – не единственные и не последние каналы связи с волей.

Во-первых, я усовершенствовал использование окна. Ну, приходит кто-то ко мне, просит кого-нибудь из больных меня подозвать. Другой пациент, у которого наготове мои бумаги, подходит к окну и спрашивает: «Вам кого? – и бросает вниз мои бумаги. – Николаева?! Сейчас позову. Николаев!!! К тебе пришли!!!»

После этого я иду к окну, естественно, меня к окну не подпускает персонал (обычно старшие по смене, Людка, Хохлушка, а то и сам Беликов). Но я-то уже не огорчаюсь: бумаги-

то уже внизу. Начинает Беликов меня шмонать тут же, не подпустивши до окна, а я уже давно пустой!

Ну, и кроме того, вообще надо знать жизнь отделения, чтобы использовать все возможности утечки информации. Что такое отделение? Это замкнутый мир, связанный с волей множеством невидимых нитей. Нельзя в отделении пить водку. А поди ж ты, нет-нет, да распивает какая-то компания в уголочке бутылочку вечерком, когда врачей нет. Мне водка не нужна, я не пьющий. Но почему бы не помочь ребятам, не постоять на атасе, не предупредить, когда пойдет медсестра или санитар?

Или наркотики. Есть ведь наркоманы в отделении. К ним тоже как-то наркотики проникают. Конечно, водка и наркотики попадают в отделение не каждый день. Но каждый день в отделении чифирят. А чтобы сделать чифирь – нужна на каждый вечер пачка чая. Чай приносить в отделение категорически запрещено. И чифирить тоже не разрешается. Мне тоже ведь чифирь не нужен. Но почему бы не помочь ребятам: не постоять и не предупредить их о приближении кого-то из персонала? Пока воду кипятят, пока заваривают чифирь, пока чифирят?

Значит, проникает в отделение как-то чай, водка, наркотики. И эти каналы почему-то не так строго проверялись Беликовым. Не волновали они его почему-то. И персонал не волновали. Давно уже к этому привыкли. Даже наоборот. Старался персонал, если кто засыпался на водке, наркотиках или чае – покрывать. Делалось это ведь всегда вечером, когда врачей не было. А кому интересно самому на себя в журнал происшествий записывать, что кто-то напился, кто-то чифирил? Чтобы потом тебе и же выговор вкатили? Нет, это никому из персонала не нужно было. Раз кто-то напился, значит сами не уследили, как водка в отделение попала! Раз чифирят, значит проморгали, как попал в отделение чай! Предпочитал персонал это дело не разглашать врачам. А раз каналы поступления не очень-то контролируются, то по ним не только можно получать водку или чай, но и письма отправлять.

И потом, если я помогал ребятам на атасе стоять, то уж и они старались мне помочь. Так и стали эти каналы, в прошлом односторонние, каналами двустороннего движения.

Да и знали потом ребята, зачем это было нужно. Какие они там ни больные, а замучила их эта система. Все по психушкам, да по психушкам. Не успеешь выписаться, как снова приезжают санитары или менты: «Собирайся, поехали».

А в психушке Беликов делает с ними, что ему вздумается. Ненавидели его ребята. За издевательства, за уколы. Ну в самом деле: где бы мне ни приходилось до этого лежать, редко было так, чтобы кололи в отделении больше 10, ну от силы 15 человек. А у Беликова треть отделения сидела на игле! Сколько длится курс интенсивного лечения? Обычно дней семь-десять, ну от силы две недели. (Обычно всегда так, на примере других отделений и больниц.) А Беликов как начинал колоть, так никто у него меньше чем в течение месяца без уколов не обходился. Многие у него получали инъекции по два, три, а то и четыре месяца без перерыва. (Сам на себе испытал, что такое три месяца уколов подряд.) Вот и помогали мне ребята. Были среди них и бывшие лагерники, сидевшие при Сталине по 58 статье. Ну, тем уже сам Бог велел мне помочь.

В это же время лежал в отделении один врач-онколог, осетин. Причина его попадания в психушку – чисто советская.

Он приехал в Москву и хотел посетить Центральную медицинскую библиотеку. На его беду, она находится где-то недалеко от американского посольства. И вот врач Болат Гугкаев в поисках этой библиотеки оказался недалеко от американского посольства. Навстречу идет женщина. Он обращается к ней: «Извините, где тут медицинская библиотека?»

Женщина оказалась иностранкой и, естественно, из-за незнания русского языка ответить ему ничего не смогла. Но только она удалилась на приличное расстояние, Болата немедленно повязали штатские. Отвезли в милицию. Долго допрашивали, что ему было нужно от сотрудницы американского посольства. И напрасно пытался Болат Гугкаев доказать, что не нужна была ему сотрудница американского посольства, а нужна ему была медицинская библиотека.

Куда там? Наших славных чекистов и нашу славную советскую милицию на такой мякине не проведешь. Знаем, сколько провинциалов пытается проникнуть в посольство, и притом непременно в американское, а потом утверждают, что просто заблудились.

А так как Болат Гугкаев продолжал утверждать, что не посольство ему было нужно и не его сотрудница, а медицинская библиотека, то вызвали менты дежурного психиатра по городу, который и отправил Болата Гугкаева в психушку.

Опишу я судьбу еще одного пациента «Кащенко», Николая Королькова. Его судьба – типичный пример нарушения прав психически больного человека. Обычно этой теме мало уделя-

ется внимания, хотя советская пропаганда утверждает, что психически больные люди пользуются теми же самыми правами, что и здоровые (за исключением права участия в выборах).

Бытовой психиатрии, трагедии лиц, которых она касается, внимания никто не уделяет. И если мы, психически здоровые люди, еще кого-то интересуем, когда нас сажают по политическим причинам в психушки, то кого могут интересовать больные по-настоящему люди, которых сажают не за политику, не за веру в Бога, а за то, что они действительно больны? Так и надо, пускай лечатся, им полезно.

Итак, Николай Корольков был госпитализирован в 1972 году. За что и почему, я не спрашивал у него и не оспариваю обоснованности этой госпитализации. Может быть, действительно, так было и надо.

А жил он в бараке. И вот, когда он находился в больнице, барак, его дом, сгорел! Естественно, все жильцы тут же получили квартиры в срочном порядке. Все, кроме Николая Королькова, который находился в психбольнице и о котором никто не соизволил побеспокоиться и подумать.

И вот дальше началось. Из больницы его не выписывают, так как ему негде жить. Он тогда пишет в горисполком. Получает ответ на адрес больницы, смысл которого сводится к тому, что вы, дескать, не получили свою квартиру своевременно, сразу после пожара, и утратили право на московскую прописку. Когда выпишетесь из больницы, тогда и будем разговаривать о прописке.

А из больницы, как известно, выписать никуда нельзя. Королькова кидают на уколы. И начался круговорот:

Больница: Сначала пропишитесь, потом выпишем.

Горисполком: Сначала выпишетесь, а потом пропишем.

Шесть лет, между прочим, это уже тянется. За шесть лет, разумеется, давно человек подлечился, необходимость в дальнейшем пребывании в больнице по медицинским показаниям явно отпала, но никто этому человеку помочь не хотел. Я обещал Николаю Королькову, что предам его случай гласности, и выполняю это обещание в своей книге.

29 марта 1978 года

На обходе Беликов вернул мне книгу «Ительменский язык», тетрадь, блокнот и одну из конфискованных у меня авторучек.

Беликов: Я вам возвращаю тетрадь и книгу. Но при одном

условии, чтобы вы прекратили всякую писанину. Если не прекратите, то я книгу снова у вас заберу.

Николаев: И отмените мне уколы.

Беликов: Я могу отменить только один укол. Какой вам отменить лучше: утренний или вечерний?

Николаев: Отмените лучше утренний. После уколов всегда спать хочется. Вечером так и так спать надо ложиться, а утром, если укол вы оставите мне, то я весь день буду сонным ходить.

Беликов: Ладно, отменю вам утренние уколы. Но вечерние я по-прежнему вам оставляю. Вместо утренних уколов вы будете у меня получать трифтазин. И прошу вас принимать его обязательно, а не выбрасывать. Если не будете принимать, то я восстановлю вам утренние уколы. И ничего больше не пишите. Ваша писанина никому не нужна.

Левая рука по-прежнему сильно трясется от уколов. Вот новая дозировка, которую мне ввел Беликов.

Утро: 2 таблетки трифтазина, 2 таблетки циклодола.

День: 2 таблетки трифтазина, 2 таблетки циклодола.

Вечер: 2 таблетки трифтазина, укол стелазина.

Мазиас и старшая сестра в разговоре со мной намекнули мне на вероятность скорой выписки, однако, когда я спросил об этом же у Беликова, то он ответил: «Вопрос о выписке будет решать только комиссия».

31 марта 1978 года

Беликов: Ну, как рука? По-прежнему трясется?

Николаев: Да, трясется.

Беликов: Чтобы снять тремор, я назначаю вам внутривенное вливание глюкозы и внутримышечную инъекцию глюконата кальция.

Николаев: А это поможет?

Беликов: Поможет. Трифтазин принимаете?

Николаев: Принимаю.

Беликов: А может, опять выбрасываете?

Николаев: Нет, принимаю.

Беликов: Писанину прекратили свою?

Николаев: Я ее и не вел никогда.

Беликов: Ну смотрите. Если замечу, что опять пишете, то вам же хуже будет. Ваши писульки здесь никому не нужны.

1 апреля 1978 года

Трифтазин за завтраком и за обедом мне отменили. Несмотря на инъекции глюкозы и «глюконата кальция», тремор ослабевает. Вечерние уколы до сих пор не отменены. Беликов продолжает меня регулярно шмонать, проверяет наличие запасей «для окна».

Я через силу продолжаю заниматься ительменским языком, нагоняю упущенное.

Здесь я хочу обратить внимание читателей на то, что стелазин – французское лекарство, произведенное в Индии по французской лицензии. Гонолулский Конгресс психиатров осудил советскую психиатрию за подавление инакомыслия с помощью психиатрии. Однако, несмотря на это, целый ряд стран (Великобритания, Индия, Франция, Венгрия, Польша, США, Югославия) поставляют в Совдепию препараты, которые здесь используются против диссидентов в психушках.

2 апреля 1978 года

В 11 часов началось свидание с родственниками. Как обычно, вызывают пофамильно пациентов, к которым пришли родственники, и они по этим вызовам заходят в комнату отдыха. Я жду, когда позовут меня.

Вдруг выходит Беликов.

Беликов: Евгений Борисович, подойдите ко мне, пожалуйста.

Николаев (подхожу).

Беликов: Покажите, что у вас в карманах? Теперь в носках тапках?

Беликов профессионально меня шмонает, ничего не находит.

Беликов: Можете идти на свидание. К вам жена пришла.

Чёрта лысого тебе, кретин марксистско-ленинский. Первый же мой вопрос к Тьян: «Тебе передали мои бумаги?» – «Передали».

После свидания эта операция повторяется в обратном порядке. На этот раз Беликов проверяет, нет ли у меня чистой бумаги. И не находит.

5 апреля 1978 года

Сегодня во время очередного шмона Беликову попало в руки довольно много моих бумаг. Беседы за два дня, письмо, статья о препаратах заграничного производства, используемых

против диссидентов, и многое другое, что предназначалось не для Беликова. Ознакомившись с моими бумагами, Беликов после обеда вызвал меня к себе в кабинет на беседу.

Беликов: Ну-с, куда предназначалась эта информация?

Николаев: Какая?

Беликов: Та самая, которую вы писали. Опять в окно?

Николаев: Не понимаю, о чем вы говорите.

Беликов: Вы из меня дурачка не стройте! Куда предназначалась эта информация?

Николаев: А я написал это для того, чтобы потом в туалет пойти с этими бумагами.

Беликов: Кому вы должны были все это передать?

Николаев: Я же сказал, что в туалет хотел с этим пойти.

Беликов: Я еще раз спрашиваю: для кого предназначалась эта информация?

Николаев: Для туалета.

Беликов: Я не выпишу вас до тех пор, пока вы не скажете, кому вы собирались всё это отдать?

Николаев: Я вам уже сказал, что для туалета.

Беликов: Я буду вас колоть до тех пор, пока вы не скажете, кому предназначалась эта информация?

Николаев: Так я вам уже сказал. В туалет с исписанными бумагами интереснее ходить, чем с пустыми.

Беликов: Не стройте из себя героя! Ваш героизм здесь никому не нужен! Отвечайте: кому предназначалась эта информация?!

Николаев: Я героя из себя не строю. Эта информация предназначалась для туалета.

Беликов: Я не дам вам свидания с женой до тех пор, пока вы не скажете, кому предназначалась эта информация?

Николаев: Для туалета.

Беликов: Я опять заберу вашу книгу и тетради по ительменскому языку и не верну их вам до тех пор, пока вы не скажете мне, кому предназначалась эта информация?

Николаев: Для туалета.

Беликов: Я переведу вас на беспокойную половину и скажу, чтобы вас оттуда никогда не выпускали. Так что вы свою жену даже в окно не увидите. И вы будете там находиться до тех пор, пока не скажете мне, куда предназначалась эта информация?

Николаев: Для туалета.

Беликов: Если вы не скажете мне, куда предназначалась эта информация, то мы устроим вашей жене психиатрическую

экспертизу, поместим ее в психиатрическую больницу, чтоб она не приносила вам бумагу и не выносила ваши бредовы записки.

Николаев: Для туалета.

Беликов: Вы не увидите своих детей до тех пор, пока не ска жете мне, куда предназначалась эта информация. Если вы будете продолжать от меня скрывать это, то проторчите в боль нице всю жизнь!

Николаев: Для туалета.

Беликов: Я спрашиваю вас в последний раз: куда предназна чалась эта информация и кому вы собирались ее передать?

Николаев: Скажите, Михаил Иванович, а вам КГБ за таки вопросы доплачивает или нет?

Беликов (весь затрясся от злобы, глаза налились кровью весь покраснел, перешел на дикий визг). Я не обязан перед вам отчитываться!!!

Николаев: Или, может быть, вы работаете на КГБ на обще ственных началах?

Беликов: Я не обязан перед вами отчитываться!!!

Николаев: Ну почему же, скажите, сколько вам КГБ при плачивает, по секрету?

Беликов: Вас это не должно волновать!!!

Николаев: Ну хотя бы скажите, когда они вас к себе, в КГБ хоть завербовали?

Беликов: Вас это не должно интересовать!!!

Николаев: А может быть, вы злитесь от того, что КГБ вас заставляет на себя работать, выполнять поручения, но ни копейки вам за это не доплачивает? И вы на них за это в обиде?

Беликов: Замолчите!!! Это не Ваше делооо!!!

Николаев: Ну как же, не мое дело? Вот вы спрашиваете, куда предназначалась эта информация, а сколько вам за такой вопрос КГБ приплачивает, отказываетесь мне сказать. Я же должен знать, сколько стоит та информация, которой я распо лагаю. Может быть, я сам в КГБ хочу пойти и сказать им, куда эта информация предназначалась, чтобы самому от них за нее деньги получить и с вами не делиться. Так сколько же вам КГБ платит?

Беликов: Вас это не должно касаться!!!

Николаев: И вас не должно касаться, для кого я все это писал. И отвечать на ваши подобные вопросы я не буду. Идите к себе в КГБ и там их задавайте. А здесь о них забудьте.

Беликов: Вся ваша писанина – свидетельствует о вашей

болезни. Если бы вы были здоровым человеком, то вы бы давно перестали бы писать. А то мало того, что вы сами пишете, вы еще и других больных подбиваете на то, чтобы они ваши писульки выносили. А в вашей писанине вся ваша болезнь наружу проявляется.

Николаев: Если мои записи – проявление болезни, тогда подшейте их к моей «истории болезни».

Беликов: А зачем это нужно? Мне это совершенно ни к чему.

Николаев: Как «зачем»? Чтобы вам было чем аргументировать «мое заболевание».

Беликов: Мне это абсолютно ни к чему.

Николаев: Нет, к чему. Я читал в одном из пособий по психиатрии, что врач обязан все записи, которые ведут больные, если они попадают в его руки, пришивать к истории болезни.

Беликов: А вы не указывайте мне, что мне пришивать к истории болезни, а что – не пришивать. А вам я советую прекратить свою писанину, если хотите хоть когда-то оказаться дома.

Николаев: И вы мне не указывайте, что мне делать. Я – взрослый человек и знаю без вас, что мне делать и чего не делать. И я буду делать то, что считаю нужным, потому что я – здоровый человек.

Беликов: Ну вот и будете здесь торчать, пока не одумаетесь.

Николаев: Нет, не всю жизнь, а до тех пор, пока те, кто вам за подлость доплачивают, не прикажут вам меня выписать.

Беликов: Кто это мне доплачивает?

Николаев: КГБ! Кто ж еще может вам доплачивать за подлость!

Беликов опять покраснел, задрожал, заскрежетал зубами, а потом сказал:

Беликов: Ладно, идите в отделение.

Я прошу читателей не забывать, что я тогда был колотый. У меня в течение всего этого разговора сильно тряслась левая рука, стояли цветные круги перед глазами, кружилась голова, я еле держался. И мне было физически необычайно трудно выдержать весь этот напор его немедицинского допроса.

Но зато мой вопрос: «А сколько вам КГБ доплачивает?» – оказался для Беликова слабым местом. Как только я раньше не додумался спросить это у него? И в дальнейшем я еще не один раз прикрывался от его напористых немедицинских вопросов

этим контрвопросом, как щитом. Стоило мне только у него спросить: «А сколько вам КГБ доплачивает?» – как он тут же начинал истошно на меня визжать, глаза его от злобы наливались кровью, он рычал, сжимал кулаки, весь дрожал от ярости, вопил, что это меня не должно интересовать...

Но и свои немедицинские вопросы тоже тут же прекращал.

Этот разговор имел еще одно последствие в изменении режима отделения. В процедурном кабинете, где аминазиновые сестры раскладывали пациентам таблетки по стеклянным баночкам и где делались уколы, был ящик, куда выбрасывали использованные от лекарств упаковки. В каждой такой упаковке была и инструкция по применению лекарств, его химическая формула, фирменное и химическое название, адрес фирмы и прочие данные. Когда ящик становился полным, его выносили на помойку. Там-то я и собирал коробочки от использованных лекарств с инструкциями, когда писал работу о применении западных фармакологических средств против диссидентов.

И вот сегодня вечером, когда мне должны были делать снова укол, я надеялся поживиться этим ящиком снова, чтобы собрать снова этот материал и восстановить потерянную статью.

Но ящика на месте не было. Видя такое дело, я пытался спереть со стола только что освободившуюся коробочку от модетен-депо.

«Куда?! – закричала на меня Анна Федоровна, – положи на место». – «Что, уж и пустую коробочку взять нельзя? Зачем она вам нужна?» – «Нельзя», – ответила Анна Федоровна. «Так вы ее всё равно выбросите». – «Все равно нельзя. Михаил Иванович запретил давать использованные коробочки больным, чтобы они не читали сведения о лекарствах». – «Так там же всё равно не по-русски написано. Все лекарства-то иностранные». – «Все равно нельзя».

<u>6 апреля 1978 года</u>

На обходе я напомнил Беликову о том, что приближается срок новой комиссии и попросил ее созвать в срок.

Беликов: Комиссии не будет.

Николаев: Почему?

Беликов: С вами и без комиссии всё ясно.

Николаев: Что ясно?

Беликов: Лечение необходимо.

7 апреля 1978 года

Сегодня Беликов вызвал меня в кабинет.

Беликов: Расскажите, где вы проходили экспертизу по психиатрии? Кто ее проводил?

Николаев: Михаил Иванович, я еще прошлый раз дал вам понять, что я на этот вопрос отвечать вам не буду.

Беликов: Что ж? Как хотите. Идите в отделение. Но учтите, что вы будете сидеть в больнице до тех пор, пока не ответите мне, где вы проходили экспертизу и кто ее проводил.

Николаев: А сколько вам КГБ за такие вопросы доплачивает?

Беликов (перейдя на визг): Я не обязан перед вами отчитываться!!!

Николаев: Ну и я не обязан перед вами отчитываться. Здесь больница, а не КГБ. И у вас белый халат. Так что и задавайте только те вопросы, которые вы компетентны задавать в соответствии со своей должностью. И лишние вопросы не задавайте. Когда вы мне предъявите удостоверение сотрудника госбезопасности, тогда, может быть, я с вами на эту тему и поговорю. А пока вы мне такого удостоверения не предъявили, то будьте добры, не лезьте не в свои дела.

Беликов: Я ничего не обязан вам предъявлять!!!

Николаев: А я, пока вы мне не предъявили удостоверение сотрудника КГБ, не обязан отвечать вам на вопросы, которые находятся в ведении КГБ. И даже если вы мне свое удостоверение сотрудника госбезопасности предъявите, то я вам здесь на такие вопросы все равно отвечать не буду. Сначала мы поедем на Лубянку, в ваш кабинет там, вы снимете свой халат, а потом будем на эту тему разговаривать.

Беликов: Вы все равно больны. Ваша Рабочая Комиссия – это для меня не авторитет. Для меня доказательством вашего заболевания является то, что вы по линии Минздрава всегда признавались больным.

Николаев: А для меня не авторитет ваш Минздрав. Устройте мне встречу с западными психиатрами – и вы увидите, что они признают меня здоровым.

Беликов: Вы напрасно думаете, что на Западе вас бы тоже признали здоровым. Люди, которые содержались у нас в психбольницах и потом выезжали на Запад, через некоторое время попадали там тоже в психбольницы.

Николаев: Меня на Западе в психбольницу не положат. Я

прошел экспертизу и меня эксперт-психиатр в Рабочей Комиссии признал психически здоровым.

Беликов: Ваши друзья спекулируют вашим именем и наживают на вас политический капитал. Вы им не нужны. И вы по болезни понять этого не можете и повторяете все то, что они вам говорят.

10 апреля 1978 года

На обходе Беликов сказал мне: «Я вам отменяю сегодня уколы стелазина, но только при условии, что вы будете принимать лекарства и прекратите всякую писанину».

Таблетки трифтазина я, естественно, выкидывал. А таблетки циклодола принимал, так как циклодол необходим для снятия побочных эффектов от действия нейролептиков.

Конечно, о причине отмены стелазина Беликов мне наврал. От персонала я узнал, что стелазин кончился в отделении и в общебольничной аптеке. Просто не было стелазина больше в распоряжении Беликова, вот он и разыграл вынужденную отмену уколов как свое собственное решение.

12 апреля 1978 года

Беседа с Беликовым на обходе.

Николаев: Михаил Иванович, приближается срок очередной комиссии.

Беликов: А с вами и без комиссии всё ясно.

Николаев: Что ясно?

Беликов: Лечение необходимо.

Николаев: Но ведь я психически здоровый человек.

Беликов: Вы продолжаете нарушать режим, по-прежнему занимаетесь писаниной. В этом вся ваша болезнь проявляется.

Николаев: Я не думаю, что это – проявление болезни. А комиссию вы собрать обязаны в связи с седьмым пунктом инструкции Минздрава СССР № 06 - 14 - 43.

Беликов: Комиссии не будет.

Николаев: А как же инструкция Минздрава? Вы как-то мне говорили, что Минздрав для вас – авторитет.

Беликов отошел от меня и ничего на это не ответил.

Рука по-прежнему трясется, хотя и не так интенсивно, как ранее.

13 апреля 1978 года

Сегодня исполнился ровно месяц со дня созыва последней комиссии. На обходе я нарочно обходил Беликова стороной и не напоминал ему сегодня о комиссии. В конце концов мне не комиссия была нужна, а то, чтобы он, несмотря на мои напоминания, комиссию не собрал. Мне нужно было, чтобы он нарушил закон. И он его нарушил. Комиссия сегодня, согласно инструкции, собрана не была.

Вечером я написал письмо-протест министру Здравоохранения Совдепии, в котором указывал, что Беликов М. И. грубо нарушает инструкцию МЗ СССР № 06 - 14 - 43, не созвал в срок очередной комиссии, как того требует пункт № 7 вышеупомянутой инструкции.

14 апреля 1978 года

Этот день был пятницей, днем передач. Обычно санитарка или медсестра принимала от родных передачи, заходила в отделение и выкрикивала фамилии тех пациентов, которым принесены передачи. А потом эти пациенты подходили к окну и несколько минут разговаривали с посетителями.

Я тоже ждал, когда выкрикнут мою фамилию. Но меня все не вызывали. Наконец, часы приема передач кончились. Меня так никто и не вызывал. Значит, ко мне никто не пришел сегодня. Так бывает, что родные не всегда приходят. Их тоже надо понять.

Настал ужин. Я подхожу к шкафу, где хранилась моя старая передача, то, что от нее еще должно было остаться. И вдруг обнаруживаю в своем ящике... новый пакет с передачкой для меня!

Значит, ко мне сегодня приходили, передачку принесли, но санитарка меня об этом не известила! Почему? Чтобы я не подошел к окну? Но почему?

16 апреля 1978 года

Сегодня воскресенье. Как всегда, я с нетерпением жду, когда придет Тьян. Но за десять минут до начала свидания санитар Лёшка Павлов, тот самый, который избил Анатолия Позднякова, по указанию Беликова, отвел меня на беспокойную половину, обшмонал меня, однако ничего не нашел. Затем он запер меня на беспокойной половине.

Значит, опять меня свидания лишили! Сволочи! Гады марксистско-ленинские!

Минут через десять приходит на беспокойную половину Некто из среднего персонала и кричит мне: «Николаев!! Возьмите свою передачу!»

Я подхожу к нему за передачей. И тут Некто мне тихо шепчет на ухо: «К вам в пятницу *западный психиатр* приезжал в больницу, чтобы вас обследовать. Но только его не пустили к вам». – «Откуда?» – спрашиваю. «Я точно не знаю. Ваша жена успела мне об этом сообщить. И вас сейчас лишили свидания, чтобы вы об этом ничего не знали. Так что не огорчайтесь, крепитесь. Михаил Иванович третий день ходит сам не свой. Но только вы ему пока о визите западного психиатра ничего не говорите. Дождитесь, когда придет снова жена, чтобы узнать от нее. А то он сразу поймет, что вы узнали от персонала». – «Конечно, подожду», – ответил я. «Ну, не падайте духом! Все уладится», – говорит мне на прощание Некто и уходит.

Проходят долгие два часа, свидание кончается и меня выпускают из беспокойной половины. В дверях комнаты отдыха появляется Беликов.

Николаев: Михаил Иванович, почему мне свидание не дали?

Беликов: Закройте дверь.

Николаев: Вы мне скажите, почему вы опять лишили меня свидания?

Беликов: Я вам повторяю: закройте дверь.

Тут меня окликает один из пациентов: «Эй, диссидент, пойди-ка сюда! Чего скажу». Я подхожу к нему. «Пока ты был на беспокойной половине, твоя жена подходила к окну и просила тебе передать, что к тебе приезжал сюда *психиатр из Англии*, но Михаил Иванович его к тебе не пустил».

17 апреля 1978 года

На обходе я напомнил Беликову о необходимости созыва комиссии.

Беликов: А с вами и без комиссии все ясно.

Николаев: Независимо от того, какой точки зрения в отношении меня придерживаетесь вы лично, комиссию вы созвать обязаны согласно пункту № 7 инструкции № 06 - 14 - 43.

Беликов: Будет комиссия.

С этими словами он от меня отошел. Я уже писал, что среди среднего персонала несколько человек сочувствовало мне и, как могли, они мне помогали. И так как я не могу оглашать их имен, чтобы не подвести их, то я вынужден всех их без разбора

называть «Некто». И вот, подходит вечером ко мне Некто и говорит: «Сегодня на пятиминутке Михаил Иванович строго-настрого запретил персоналу сообщать вам о том, что к вам приезжал британский психиатр. И еще он сказал, что если вы об этом узнаете и будете говорить об этом с другими больными, то мы должны говорить другим больным, что это – ваш очередной бред».

Потом Некто предлагает мне: «Хотите домой позвонить?» – «А вам за это не попадет?» – «Наша смена хорошая. А старшая по смене в процедурном кабинете». – «А если она придет, пока я буду звонить?» – «Не придет. Пойдем в кабинет, позвоните».

Итак, я первый раз позвонил с помощью персонала домой. Обычно звонить пациентам разрешается только с ведома врача. Пациент подходит к врачу, выдвигает причину, по которой ему нужно срочно позвонить домой. И если врач находит причину обоснованной, то он дает такое разрешение и записывает это разрешение в журнал. Нет нужды говорить, что мне звонить ни разу Беликов не разрешал.

И вот в нелегалку я звоню домой. Рассказал Тьян о последних событиях. А она рассказала мне о визите британского психиатра Гарри Лоубера, члена Британского Королевского Колледжа психиатров.

14 апреля господин Лоубер, Тьян, Александр Подрабинек и эксперт Александр Волошанович пришли в «Кащенко». Волошанович остался ждать на улице, а в отделение вошли только Тьян, Подрабинек и Гарри Лоубер. Лоубер представился Беликову и сказал, что он по просьбе Рабочей Комиссии и жены Евгения Николаева приехал его обследовать, так как у него есть сведения, что Николаев – психически здоров. И он хочет убедиться, насколько обоснованна госпитализация Евгения Николаева. Беликов был весь в запарке, стал утверждать, что он не уполномочен пускать господина Лоубера в отделение.

Тогда все присутствующие, включая самого Беликова, пошли к главному врачу психбольницы № 1 Морковкину Валентину Михайловичу. Морковкина такой оборот событий явно не устраивал. Он тоже стал утверждать, что он не имеет права пустить в отделение господина Лоубера. Ему, Морковкину, непременно надо проконсультироваться с Министерством здравоохранения. На это Лоубер, великолепно владеющий русским языком, резонно сказал: «А вы, господин Морковкин, приезжайте ко мне в Англию. Придите ко мне в клинику, – и я вас

повожу по своей клинике, не спрашивая разрешения нашего Министерства здравоохранения».

Морковкин, однако, в Англию ехать так и не собрался, несмотря на столь любезное приглашение, а позвонил в канцелярию Министерства здравоохранения.

Морковкин: Ко мне приехал психиатр из Англии, просит, чтобы я разрешил ему обследовать одного больного. Но ведь вы же знаете, что у нас это не делается. У нас это запрещено. Что мне передать господину психиатру?

Лоубера попросили взять трубку и известили его, что ему отказано в посещении больницы и в праве на обследование ее пациентов.

Итак, Морковкин и Беликов смогли вздохнуть спокойно.

Надо сказать, что затем еще несколько человек из персонала потихоньку подзывали меня к себе и сообщали мне по секрету, что ко мне приезжал западный психиатр. И потом я еще несколько раз звонил домой по вечерам, когда в этом была необходимость.

Но зато визит Лоубера вывел Морковкина из равновесия. Уже позже, не то в конце мая, не то в начале июня, он жаловался моей матери: «Вы только подумайте! Что его жена себе позволяет! Привела в больницу западного психиатра! Как это называется?! Что, у нас, что ли, своих врачей нет?! Почему она нам не доверяет?! Какое имеет право?!»

19 апреля 1978 года

Короткая беседа с Беликовым на обходе.

Беликов: Как ваша рука?

Николаев: Ничего. Тремор практически прекратился. Я его, по крайней мере, не замечаю.

Беликов: Вытяните руки. (Вытягиваю.) Еще немного трясутся. Я вам назначу витамины: глюконат кальция.

Николаев: Это еще зачем?

Беликов: Чтобы снять тремор.

Николаев: А комиссию из трех врачей вы соберете?

Беликов: В этом нет необходимости.

Новая дозировка лекарств с сегодняшнего дня:

Утро: 2 таблетки циклодола, укол «глюконата кальция».

Обед: 2 таблетки циклодола, 1 таблетка трифтазина.

Ужин: 2 таблетки циклодола, 2 таблетки трифтазина.

Однако сегодня мне сделали укол «глюконата кальция»

только после обхода, когда Беликов объявил об этом новом назначении.

Через несколько минут после укола «глюконата кальция» левая рука вновь интенсивно затряслась. Я тут же пожаловался Беликову на усиление тремора левой руки.

Беликов: Не может ваша рука трястись от витаминов.

Во вторую половину дня пришла Тьян, с которой мне удалось поговорить через окно. Итак, у меня теперь есть обоснование сказать Беликову о визите ко мне британского психиатра и поговорить с ним на эту тему. Однако его на работе почему-то уже не было. Он сегодня ушел домой раньше обычного. Пришлось этот содержательный разговор отложить.

20 апреля 1978 года

Собрав вокруг себя как можно больше пациентов, я подошел на обходе к Беликову первым. Пациенты, предвидя интересную беседу, обступили нас.

Николаев: Михаил Иванович, я хочу сегодня поздравить вас с праздником.

Беликов: С каким же?

Николаев: Ну как же? Ведь у вас сегодня – большой праздник. День Рождения Гитлера, которому вы стараетесь во всем подражать. Поздравляю вас от всего сердца.

Беликов (после долгого молчания): Я вам советую хорошенько подумать над тем, что вы только что мне сейчас сказали.

Николаев: А тут и так все ясно: вы подражаете Гитлеру в действиях. У вас только масштабы разные. У Гитлера вся Европа, а у вас только шестое отделение. А так, вы в принципе люди одного плана.

Беликов: Вот в этом и проявляется ваша болезнь. Если бы вы были здоровым человеком, вы бы мне этого не сказали.

Николаев: А у вас недавно был способ проверить мое психическое состояние здоровья, но только вы этот способ не использовали.

Беликов: Какой же?

Николаев: Ко мне приезжал британский психиатр, чтобы меня обследовать, однако вы его ко мне не пустили. Скажите, почему вы его ко мне не пустили?

Беликов: А откуда вы знаете, что к вам британский психиатр приезжал?

Николаев: От жены.

Беликов: Что, опять через окно?

Николаев: Да, через окно.

Беликов: Для разговоров с родными существуют свидания. А через окно разговаривать нельзя.

(А другие пациенты стоят вокруг, слушают!)

Николаев: А вы мне свидание дали, чтобы жена смогла мне это на свидании сказать?

Беликов: Я не дал вам свидания потому, что ваше психическое состояние ухудшилось.

Николаев: Бросьте врать, Михаил Иванович! Вы не дали мне свидания для того, чтобы я не знал о визите ко мне британского психиатра! А не пустили вы его ко мне потому, что хотели скрыть свое соучастие в преступлении! Вы уголовник!! Вы боялись, что меня осмотрит западный психиатр и увидит, что вы держите в психбольнице здорового человека! Вы боялись огласки! Боялись, что о вашем преступлении станет известно за рубежом!

Беликов: У нас в стране свои законы. Мы не компетентны решать такие вопросы. Мы объяснили ему, куда он должен обратиться, если он хочет встретиться с вами. А так мало ли, кем он сам себя назовет?

Николаев: Вот, Михаил Иванович, когда Луис Корвалан в тюрьме сидел, к нему приехал американский адвокат. И к Луису Корвалану американского адвоката пустили. А вот вы ко мне британского психиатра не пустили.

(Ну, глотай наживку, гад! Клюй скорее!)

Беликов: А вы себя с Корваланом не сравнивайте!

Этого ответа я и ждал от этого кретина! Ну, теперь ты, гад паршивый, потрясешься!

Николаев: Да я не себя с Корваланом сравниваю! Я вас сравниваю с Пиночетом! И сравнение не в вашу пользу! Пиночет, оказывается, намного лучше вас!

Взрыв хохота больных! Беликов весь покраснел, сжал кулаки, весь затрясся от злобы, потом резко развернулся и пулей под смех всего отделения вылетел из столовой, где состоялась эта содержательная беседа.

После визита Гарри Лоубера уже ни Беликов, ни Мазиас, и никто из других психиатров в Совдепии больше не говорили мне, что мой случай не представляет интереса для западных психиатров. Но зато на обходах я стал допекать Беликова после этого всякими сравнениями с Чили. И еще, ко всеобщему удовольствию отделения и к досаде Беликова, я счел необходимым

рассказать о визите ко мне британского психиатра всему персоналу. Да они и без того все об этом от Беликова и узнали, из его глупых инструкций на пятиминутках. И после визита Лоубера почти весь персонал встал на мою сторону. Если раньше я только несколько человек обозначал как «Некто», из тех, кто мне помогал, то теперь в распоряжении у Беликова фактически осталось только несколько человек, выполнявшие его приказы в отношении меня. Все тот же Лёшка Павлов, Антонина Никитична, Анна Федоровна, Лидия Михайловна, Людка...

И как-то, когда Тьян была очередной раз у Беликова в отделении, то он ей наговаривал на меня: «Вы только подумайте, что он в отделении делает? Всех больных против меня настроил! Больные слушают его, а не меня. Выносят его писульки, прячут их от меня, достают ему бумагу и авторучки! Как я в таких условиях могу работать, лечить больных, если они мне не доверяют? Если я не пользуюсь у них авторитетом и уважением? Какое он имеет право подрывать мой авторитет в глазах больных? И даже персонал он против меня настраивает! Персонал тоже слушается его, а не меня! Кто завотделением? Он? Или я? И с этим психиатром! Вы только подумайте! Он всему отделению разболтал, что к нему английский психиатр приезжал! Ведь он же этим подрывает наш авторитет у больных! А меня он чуть ли не каждый день больным на посмешище выставляет!»

21 апреля 1978 года

Со вчерашнего дня все более или менее соображающие пациенты стали с удовольствием выслушивать мои беседы с Беликовым на обходе. Очень уж они их веселили, нравилось ребятам посмеяться над Беликовым.

Николаев: Михаил Иванович, вы бы могли снабдить меня транзисторным приемником?

Беликов: У нас в отделении транзисторные приемники не положены.

Николаев: А вот когда Корвалан в тюрьме сидел, то у него был транзисторный приемник и он каждый день слушал Московское радио на испанском языке. Я бы хотел послушать «Голос Америки» или «Би-Би-Си».

Беликов: Корвалан сидел в тюрьме, а вы находитесь в советском медицинском учреждении.

Николаев: Так что ж, по-вашему получается, что чилийская тюрьма лучше советского медицинского учреждения?

22 апреля 1978 года

Беликов: Ну что, по-прежнему продолжаем нарушать режим?

Николаев: Что значит: «нарушать режим»?

Беликов: Продолжаете писанину. Я ведь вам не один раз уже говорил: перестаньте писать. То, что вы продолжаете писать, свидетельствует о том, что ваша болезнь не отступает.

Николаев: Михаил Иванович, вы лучше Корвалана лечите. Вот кто действительно болен! Знаете, он когда в тюрьме сидел, тоже режим нарушал. Сидел и писал книгу. А ведь, наверняка, тоже было нельзя. И тоже в обход персонала на волю отправил. Потом эта книга была вывезена из Чили и опубликована в СССР на русском языке в издательстве «Московский рабочий». Называется книга «Из пережитого». Вон где болезнь-то процветала! Сидел, а писал!

Беликов: О здоровье Корвалана я судить не могу, потому что я его не наблюдал, а вас наблюдаю.

Николаев: Ну, так лучше наблюдайте Корвалана, а не меня. Кстати, Михаил Иванович, у Корвалана в камере пишущая машинка была, а вы у меня последние авторучки отнимаете. Почему бы вам не обеспечить меня пишущей машинкой? Я бы, как Корвалан, печатал бы на машинке свои мемуары тут у вас, отправлял бы их потихоньку, минуя персонал, в Чили. Глядишь, Пиночет бы помог мне их опубликовать.

Беликов: Мы не можем обеспечить вас пишущей машинкой. Вы находитесь в лечебном учреждении.

Николаев: Михаил Иванович, а в вашем лечебном учреждении бассейн есть? Вы знаете, Корвалан в тюрьме ежедневно по два часа купался в бассейне. Я тоже так хочу.

Беликов: Я вам повторяю, что вы находитесь в лечебном учреждении, а не в тюрьме.

Николаев: Так отправьте меня в чилийскую тюрьму, если вы свое лечебное учреждение превратили в концлагерь.

Беликов: У нас концлагерей нет.

Николаев: Есть концлагеря, Михаил Иванович. И вы – настоящий тюремщик. Вам надо гуманности еще учиться. У Пиночета, который лучше вас.

Такие беседы всегда вызывали бурный восторг у пациентов.

Вечером я написал министру здравоохранения письмо-протест по поводу того, что Беликов не допустил ко мне 14 апреля

британского психиатра, и потребовал от министра обеспечить мне беспрепятственную встречу с западными психиатрами.

23 апреля 1978 года

Сегодня меня опять лишили свидания с Тьян. При этом, даже не переводили на беспокойную половину. Но и мы с Тьян методику усовершенствовали. Приходила она теперь немного пораньше и сразу же к окну, сначала за бумагами от меня. А потом уже поднималась в отделение, ко мне на свидание. Так что, опять старания Беликова ни к чему не привели. Ушла накопленная за последнее время информация.

28 апреля 1978 года

Приближалось первое мая. Как всегда, между завтраком и обедом мы находились в столовой: была трудотерапия. Вдруг раздается громкий рык: «Дорогие товарищи больные! Я сердечно поздравляю вас с приближающимся праздником Первого Мая – Днем международной солидарности трудящихся, и желаю вам от всего сердца крепкого здоровья и скорейшей выписки!»

«Что это за тип?», – спросил я у одного из пациентов. «Морковкин»*, – ответил он мне.

Я тут же подхожу к Морковкину.

Николаев: Я – Николаев. Ко мне недавно приезжал британский психиатр, но Михаил Иванович его ко мне не пустил.

Морковкин (морда аж вся скривилась от неудовольствия): У нас есть свои психиатры – не хуже западных.

Николаев: Нет, хуже. Михаил Иванович нарушает инструкцию о неотложной госпитализации № 06 - 14 - 43. Согласно пункту 7 данной инструкции, он должен раз в месяц собирать комиссии врачей из трех человек. А он не собирал в отношении меня комиссии в апреле и даже не собирается.

Морковкин: Такой инструкции нет.

Николаев: Нет, есть. И согласно десятому пункту этой инструкции, вы, как главный врач, обязаны следить, чтобы ваши подчиненные эту инструкцию выполняли.

Морковкин: Мы своим врачам и так доверяем. Если они считают, что вас надо лечить, то значит – надо лечить.

Николаев: А меня лечить не надо. Я здоров.

Морковкин: Это вам только так кажется.

---

* Морковкин Валентин Михайлович – главный врач Московской городской психиатрической больницы № 1 имени Кащенко.

Николаев: Нет, не кажется. Я прошел экспертизу в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Морковкин: Вы об этой экспертизе забудьте и больше мне о ней не говорите.

Беликов: А Евгений Борисович продолжает писать. Я ему говорю, что не надо, а он продолжает.

Морковкин: Значит, лечить надо. И если вы еще будете у меня нарушать режим, то я переведу вас в отделение к самым буйным больным. У меня есть такие больные, которые вас каждый день будут избивать.

Николаев: А Михаил Иванович ко мне жестоко относится. Три раза лишал меня свидания с женой.

Морковкин: Значит, психическое состояние не позволяло. Но у меня к вам, Михаил Иванович, просьба. Вы больше не лишайте Николаева свиданий. Пусть он видится с женой.

Беликов: Но только пусть он сначала прекратит свои писульки. Только при этом условии я могу разрешить ему свидания.

Морковкин: Да, да, конечно. Писать прекратите. А то мы вас не выпишем до тех пор, пока не прекратите писать.

29 апреля 1978 года

Некто из персонала советует мне познакомиться с новым пациентом. Им оказался диссидент Тетюркин. Мы быстро нашли с ним общий язык. Из разговора выяснилось, что у нас много общих знакомых. Проболтали мы до отбоя.

30 апреля 1978 года

Утром после подъема я пошел на беспокойную половину к Тетюркину. Однако в 8 часов пришла смена, в которой работал санитар Лёшка Павлов.

«Здесь нельзя находиться», – сказал он мне. В 9 часов он пошел к Беликову и накапал ему, что я разговаривал с Тетюркиным.

Непосредственно перед свиданием Лёшка Павлов опять меня обшмонал, но ничего не нашел. Кретины. Уж можно было бы давно догадаться: раз заведен ими такой порядок: перед каждым свиданием меня шмонать, то я всегда перед свиданием чистый и никаких бумаг при мне нет. Можно было бы и сообразить раньше. Окончив шмон, он спросил меня с наглой, ехидной

ленинской ухмылкой: «Ну что, тебя опять свидания с женой лишить, а?»

Однако на этот раз свидание мне все же дали. Тьян мне дополнительно рассказала о подробностях визита Гарри Лоубера, а также о том, какой у нее состоялся разговор с Беликовым 16 апреля. Было ясно, что он лишает нас свидания только из-за того, чтобы не знать мне о визите ко мне британского психиатра. Но как сообщить мне об этом. В комнате отдыха был ведь и персонал. Зная, что некоторые работники среднего персонала мне сочувствуют и по возможности помогают, Тьян нарочно громко стала говорить Беликову: «Это неправда, что у моего мужа ухудшилось состояние! К нему в пятницу приезжал британский психиатр, чтобы обследовать моего мужа. Вы не пустили к моему мужу западного психиатра! Вы не хотите, чтобы мой муж об этом узнал!»

Разумеется, что никто из персонала и ухом не повел и все вели себя так, как будто это их не касается и не интересует. Но через несколько минут я об этом уже знал.

А еще Тьян сказала мне, что про меня уже было в «Хронике текущих событий».

Пока я был на свидании, за это время Беликов успел перевести Тетюркина в пятое отделение, чтобы мы с ним не общались.

1 мая 1978 года

Сегодня утром я обнаружил на беспокойной половине пациента, который ранее уже лежал в этом отделении. Как всегда в таких случаях, начинаются расспросы: что? как? почему? за что?

Фамилию этого парня я позабыл, к сожалению. Помню только, что он, как и многие другие пациенты этого отделения, работал на знаменитом заводе ЗИЛ.

Увидев меня, он радостно сказал: «Ну, диссидент, теперь я тоже политический!»

В чем же дело? Оказывается, он со своими приятелями подвыпили ради приближающегося праздничка и потянуло их на подвиги. Нет, не на драки, не на хулиганство, не на приставание к прохожим, а на Подвиги с большой буквы. Пошли ребята срывать красные тряпки, которые коммунисты в изобилии развесили по Москве и по всей стране. Сорвали девять тряпок. Точнее, восемь, так как на девятой их засекли менты. Но когда менты их засекли, девятая тряпка уже не красовалась на палке, а валялась на земле. Так что, для точности, всё же девять тряпок.

Лечащим врачом его стал Сергей Николаевич, новый ординатор отделения, пришедший на место Мазиаса. И надо сказать, что не колол он его и не прописал никаких лекарств. Продержал Сергей Николаевич его только 37 дней, немногим более четырех дней за каждую тряпку. Вполне терпимо. И выписал нашего Героя. К сожалению, он не знал, что сталось с ребятами, которые вместе с ним срывали тряпки.

Когда мне сегодня Анна Федоровна делала укол, то я обнаружил в журнале выдачи лекарств, что мне делают инъекции с т е л а з и н а.

4 мая 1978 года

Николаев: Михаил Иванович, а ведь вы мне стелазин колете, а не витамины.

Беликов: С чего вы взяли?

Николаев: Видел запись в журнале выдачи лекарств.

Беликов: Очевидно, вы видели старую запись, когда вам стелазин делали.

Николаев: Да нет, я видел запись самую свежую: майскую.

Беликов: Вы по-прежнему продолжаете писать?

Николаев: Что писать?

Беликов: Ну, всякие заявления. Я знаю, что вы пишете, и прошу вас больше никуда не писать.

Николаев: А с чего вы взяли, что я – по-прежнему пишу?

Беликов: Нам по поводу ваших писулек уже звонили. И я прошу вас больше никуда не писать. То, что вы пишете, свидетельствует о том, что ваша болезнь не отступает.

Николаев: Я имею право себя защищать всеми способами, которые не подпадают под инструкцию о неотложной госпитализации. И я буду писать, ибо меня в больницу положили незаконно.

Беликов: Вас положили сюда на законных основаниях. А писать отсюда никуда нельзя.

Николаев: Почему?

Беликов: У нас существует такое положение.

Николаев: Скажите, а как же новая конституция? Ведь там же записано право обращаться в государственные и общественные организации.

Беликов: Здесь существуют свои положения. Вы находитесь в специфическом учреждении, и по существующим положениям отсюда писать никуда нельзя.

Николаев: Скажите, а на территории вашего отделения конституция действует или не действует?

Беликов покраснел, сжал зубы и кулаки, весь задрожал от злобы, зарычал, но так ничего членораздельного мне и не ответил и отошел от меня.

5 мая 1978 года

Шмоны Беликов проводил у меня практически ежедневно. Сегодня, с точки зрения Беликова, шмон прошел успешно. Когда он забирал мои бумаги, то я сказал ему: «А я новые напишу».

Беликов только зло посмотрел на меня, но ничего не ответил. Забрал он также у меня чистую бумагу, авторучки, почтовые конверты, стержни, книгу «Ительменский язык» и тетрадь, по которой я ительменским языком занимался.

После обеда Беликов вызвал меня к себе. Помимо тех записей, которые он забрал у меня сегодня, там были и другие. Как потом выяснилось, один больной, которого я попросил их вынести, сам, добровольно (без кавычек), отдал их Беликову. Что ж? Бывает и такое. Это хотя и нежелательно, но в общем-то неизбежно.

В отличие от предыдущих бесед на тему моей писанины, сегодняшняя велась на «высоком уровне».

Беликов: Вот вы всё конспектируете, пишете. Но вы должны понять, что ваши записи для ваших друзей т а м (взмах руки в ту сторону, где солнце заходит) не представляют никакого интереса. Если бы вы были психически здоровым человеком, тогда действительно ваши записи представляли бы интерес для ваших покровителей т а м (опять взмах руки в ту же сторону). Но вы больны и поэтому ваши записи для ваших друзей т а м (жест в сторону Запада) интереса не представляют.

Николаев: Т а м есть врачи-психиатры, и они разберутся, болен я или нет.

Беликов: Я следую существующим инструкциям и выполняю все распоряжения высшего начальства. Так что вам нанести мне вред своими записями и передачей их т у д а и публикацией их т а м – не удастся.

Николаев: А я и не ставлю себе такой цели.

Беликов: И потом учтите, даже если вы там что-то и опубликуете, то мы, врачи, всегда можем дать соответствующую вам оценку. Вот я, например, другие врачи в нашем отделении, которые вас тоже наблюдали, старший врач, который видел вас

на комиссии, главный врач, с которым вы тоже теперь знакомы, – мы все возьмем и напишем, что вы делали эти записи, находясь в тяжелом психическом состоянии. Эти записи – проявление вашей болезни. И на этом весь вопрос о том, как они ушли за пределы отделения и оказались опубликованными там, – будет исчерпан. Мы все под этим документом подпишемся, и вера будет нам, а к вашим публикациям после этого никто у нас серьезно относиться не будет. И всё останется на своих местах. Хуже вы никому не сделаете, ничего не измените.

Николаев: Я повторяю, что я не собираюсь кому-то персонально делать хуже.

7 мая 1978 года

Сегодня Беликова на работе не было, а Сергей Николаевич не такой дурак, чтобы меня шмонать перед свиданием. Ему своих дел хватало, и он не мечтал давать мне материал для огласки. Поэтому эта содержательная беседа благополучно вышла за пределы отделения. На свидании я узнал от Тьян, что Эмемкут приболел.

8 мая 1978 года

Короткая беседа с Беликовым на обходе.

Николаев: Михаил Иванович, моя жена вчера сказала, что мой сын приболел. Разрешите мне сегодня позвонить домой, чтобы узнать, как он себя чувствует.

Беликов: Ваша жена догадается вызвать специалиста.

Николаев: И отмените мне уколы. Видите, как рука трясется.

Беликов: Уколов я вам отменить не могу. У вас тяжелое психическое состояние и вы нуждаетесь в лечении.

11 мая 1978 года

Наконец-то Беликов созвал комиссию. На комиссии были старший врач Мазурский Михаил Борисович, Беликов Михаил Иванович и новый врач отделения Сергей Николаевич.

Мазурский: Как самочувствие?

Николаев: В принципе нормальное, но мешает тремор.

Мазурский: Сон, аппетит?

Николаев: Нормально.

Мазурский: А чем думаете заниматься после выписки?

Николаев: Сначала надо выписаться, а потом строить планы.

Мазурский: Вы думаете работать? Снимать вторую группу?

Николаев: Это как решит ВТЭК.

Мазурский: Жалобы есть?

Николаев: Да. Прежде всего я хочу предъявить претензии Михаилу Ивановичу.

Мазурский: Какие же?

Николаев: Михаил Иванович в апреле не созвал комиссию из трех врачей, как того требует седьмой пункт инструкции о неотложной госпитализации № 06-14-43 Минздрава СССР. Я считаю, что нарушение советских законов, которое допустил Михаил Иванович, недопустимо.

Мазурский: Что еще?

Николаев: Михаил Иванович трижды лишал меня свидания с женой.

Мазурский: Значит, не позволяло психическое состояние.

Николаев: Нет, я психически здоровый человек. Я прошел экспертизу в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Эксперт-психиатр признал меня психически здоровым.

Мазурский: Но ведь это неофициальная комиссия. А по линии врачей Министерства здравоохранения все врачи признавали вас больным.

Николаев: Кроме того, Михаил Иванович не допустил ко мне британского психиатра. Я у него несколько раз просил, чтобы он связал меня с западными психиатрами. Он каждый раз мне отвечал, что он не располагает такими возможностями. Однако, когда ко мне западный психиатр приехал и у него такая возможность появилась, то он не пустил его сюда.

Мазурский: Очевидно, вы находились в таком тяжелом психическом состоянии, что этого нельзя было сделать.

Николаев: Со времени моего поступления в больницу Михаил Иванович ни разу не пускал меня на прогулки и продолжает до сих пор колоть меня стелазином, из-за чего у меня трясется левая рука, сводило лицевые мышцы, постоянные головокружения, сонливость.

Мазурский: Уколы вам нужны для лечения. А побочные явления неизбежны. И с ними надо смириться ради того, чтобы выздороветь.

Николаев: Мне лечение не нужно, ибо я психически здоров. Михаил Иванович уже второй раз забрал у меня книгу «Ительменский язык», лишив меня возможности заниматься делом.

Мазурский: Это связано с вашим плохим состоянием здоровья. Занятия отрицательно на вас влияют.

Николаев: Я психически здоровый человек.

Мазурский: Вы психически больны. Ваше поведение неадекватно окружающей вас среде. Вы не слушаетесь советов Михаила Ивановича, поступаете по-своему. А ведь так можно просидеть в больнице всю жизнь. Вы должны скорректировать свое поведение в соответствии с окружающей вас обстановкой.

Николаев: Мое поведение соответствует окружающей меня среде. Но только мое понятие об окружающей среде отличается от того, что вы мне стараетесь навязать. Вы хотите, чтобы я под окружающей средой понимал только ваши каменные стены и замки, решетки и Михаила Ивановича. Вот какое понимание окружающей среды вы мне навязываете. Вот на какое понимание окружающей среды вы меня ориентируете. Но для меня окружающая среда – это не только ваши каменные стены и решетки, но и Конгресс в Гонолулу, который осудил использование психиатрии не по назначению. Для меня окружающая среда – это и та экспертиза, которую я прошел в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и которая признала меня психически здоровым. Для меня окружающая среда – это также визит ко мне британского психиатра. Поэтому я прошу вас исходить в оценке адекватности моего поведения окружающей среде из моего понимания окружающей среды, а не из того понимания, которое вы мне навязываете.

Мазурский: Ну что ж, идите.

Николаев: Я настаиваю на выписке.

Мазурский: Мы этот вопрос сейчас обсудим без вас.

Через некоторое время я спросил у Беликова о результатах комиссии.

Беликов: Комиссия решила продолжить лечение.

Николаев: Почему?

Беликов: Из-за вашего плохого психического состояния.

Николаев: И в чем мое плохое психическое состояние проявляется?

Беликов: А вот это я вам объяснять совершенно не обязан. Вас это не касается.

Николаев: Видите ли, это меня очень даже касается. Вы держите м е н я в больнице, и я вправе от вас потребовать аргументированного объяснения ваших действий.

Беликов: Я буду отчитываться перед своим начальством в своих действиях, а не перед вами.

Николаев: Перед каким начальством? Перед КГБ? Которое вам доплачивает за то, что вы держите в психбольнице здорового человека? Сколько вы от них получаете за меня ежедневно?

Беликов: Замолчите!!! Это не ваше дело!!!!

Николаев: Нет, не замолчу. Скажите, какие инструкции вам в отношении меня дал КГБ, и в чем вы перед КГБ собираетесь отчитываться? За какую сумму?

Беликов: Прекратите!!! Это вас не должно касаться!!

Николаев: Тогда почему вы меня не выписали?

Беликов: Вы не врач, чтобы я обсуждал с вами этот вопрос.

Николаев: И вы не врач. Вы только маскируетесь под врача. Вы сотрудник КГБ! Вот вы кто. Откуда вам известно, что я публиковал на Западе беседы с Дмитриевским? Простому врачу, даже завотделения никогда не дадут такие публикации в руки. А вы о них знаете. Значит, в КГБ работаете, имеете допуск в спецхран. И сколько вы за все это дополнительно получаете?

Беликов: Это не ваше дело!!! Хватит!!! Перестаньте!!! Идите в отделение!!!

Николаев: Так все же в спецхране узнали о моих публикациях на Западе?

Беликов: А вы о своих публикациях откуда знаете?

Николаев: От вас. Вы сами несколько дней тому назад мне рассказали.

Беликов: Ладно. Идите в отделение.

17 мая 1978 года

Мне вернули сегодня книгу «Ительменский язык» и тетрадь, по которой я языком занимался. Во вторую половину дня приходила Тьян, с которой я поговорил через окно. Она мне сообщила, что 14 мая был арестован Саша Подрабинек.

Конечно, я написал письмо в Прокуратуру в защиту Саши и потребовал прекратить использование психиатрии в политических целях.

Тем временем Людка и Анна Федоровна независимо друг от друга засекли, что я выбрасываю таблетки, и обе обещали накапать на меня Беликову.

19 мая 1978 года

Беликов: Ну что, по-прежнему не принимаем лекарства? Выбрасываем их? А?

Николаев: Мне лекарства не нужны.

Беликов: С сегодняшнего дня я назначаю вам снова инъекции стелазина.

Николаев: А вы, Михаил Иванович, и не прекращали мне колоть стелазин. Я ведь знаю, что вы мне кололи не глюконат кальция и не витамин B_6, а стелазин. И кстати, те дамы, которые вам донесли...

Беликов: Что значит: «донесли»?

Николаев: А то и значит, что донесли. Так вот они в ночные дежурства спят. Вы лучше им пропишите стелазин за нарушение режима, а не мне.

Беликов: Если персонал нарушает трудовую дисциплину, то у нас есть другие способы воздействия на него. А вы должны принимать лекарства.

Новая дозировка с сегодняшнего дня:
Утро: 2 таблетки циклодола, укол стелазина (1 кубик).
Обед: 2 таблетки циклодола, укол стелазина (1 кубик).
Ужин: 2 таблетки циклодола, 2 таблетки трифтазина.
.....

Когда я жалуюсь Беликову на тремор левой руки, то он продолжает утверждать, что я трясу рукой нарочно.

После долгого перерыва в отделении возобновились прогулки. Но Беликов строго-настрого приказал персоналу меня на прогулки не выпускать. Как-то случайно мне удалось на прогулку вырваться: ребята плотно обступили меня, так, чтобы моего лица не было видно, и таким образом я смог оказаться на прогулочном дворике, подышать теплым и свежим опьяняющим весенним воздухом. Но минут через десять Людка обнаружила непорядок: «А как Николаев здесь оказался? Кто его сюда выпустил? Разве ему разрешено гулять?»

И меня тут же отвели обратно в помещение. После этого случая Беликов перестал доверять персоналу и сам лично проверял всех пациентов, идущих на прогулку, чтобы я случайно не прошмыгнул мимо. Он становился возле дверей, ведущих в коридор по направлению к прогулочному дворику, и не пропускал меня.

Николаев: Михаил Иванович, на каком основании вы меня не пускаете на прогулки?

Беликов: Не позволяет психическое состояние.

«А в чилийских тюрьмах заключенных на прогулки пускают!» – заступился тут же за меня тот самый парень, который срывал под первое мая красные тряпки с домов.

Беликов (к нему): Поговори еще у меня! На иглу захотел?

«А вы меня, Михаил Иванович, не пугайте, – ответил он ему, – все знают, что вы хуже Пиночета, и у вас в отделении хуже, чем в Чили. Вы не пустили к Николаеву британского психиатра. Об этом все отделение знает».

Беликов: Еще скажешь хоть слово – получишь сульфазин.

Николаев (обращаясь к парню, моему заступнику): Ты на Михаила Ивановича не ругайся. Он ведь лишнюю копейку зарабатывает. Ему КГБ специально приплачивает за то, что он меня на прогулки не пускает. Видишь, как старается! Никакой бы другой до этого бы опускаться не стал бы. (К Беликову.) Михаил Иванович, вам сколько КГБ приплачивает за то, что вы не пускаете меня на прогулки?

В другой бы ситуации Беликов, возможно бы, и взвыл на меня от злобы. Но сейчас вокруг были другие пациенты и он себя сдержал и ничего мне не ответил.

Когда все гуляют, то в отделении почти никого не остается, все палаты запираются и приткнуться абсолютно негде. Духота особенно удручает именно тогда, когда у остальных есть возможность подышать свежим воздухом.

Как-то, когда все были на прогулке, Беликов подошел ко мне.

Беликов: Ну, что вы бездельничаете? Занялись бы чем-нибудь. Уборкой в отделении. Вам же надо восстанавливать трудовые навыки.

Николаев: Занимайтесь уборкой сами.

<u>24 мая 1978 года</u>

Короткая беседа с Беликовым на обходе.

Николаев: Михаил Иванович, разрешите мне гулять.

Беликов: Вам не позволяет гулять психическое состояние.

Николаев: И отмените мне уколы стелазина.

Беликов: Они необходимы для вашего здоровья. Я вам их отменить не могу.

Николаев: У меня от уколов рука трясется.

Беликов: Вам в течение длительного времени делали стелазин, а тремора не было. Сейчас, когда вам открыто сказали об уколах, то рука стала трястись.

Николаев: У меня сонливость от стелазина.
Беликов: От стелазина сонливости не бывает.

25 мая 1978 года

Снова изменена дозировка лекарств:
Утро: 2 таблетки циклодола.
Обед: 2 таблетки циклодола.
Вечер: 2 таблетки циклодола, укол стелазина.

28 мая 1978 года

Сегодня воскресенье. Примерно в 10^{50} из комнаты отдыха выходит Некто из персонала и отводит меня в процедурный кабинет. «Михаил Иванович опять лишил вас свидания. Ради Бога, извините меня, что я вынужден выполнять эту функцию и сообщать вам об этом. Еще он сказал, чтобы я вас обыскал. Я этого, конечно, делать не буду, а ему скажу, что ничего у вас не нашел, – говорит мне Некто. Затем добавляет: – Хотите с женой через окно поговорить?» – «Конечно, хочу», – ответил я. «Ну, тогда идите к окну, а я отвлеку Михаила Ивановича чем-нибудь».

Так, благодаря помощи Некто, мне удалось поговорить с Тьян, пока Некто занимал Беликова важными производственными вопросами.

После окончания свидания, когда Беликов вышел в коридор, я подошел к нему и в присутствии других пациентов и врача отделения Сергея Николаевича сказал:

Николаев: Ну, что, Михаил Иванович, опыты на людях ставите? Изучаете, как негативные эмоции на состоянии здоровья отражаются? И сколько вам КГБ за такие опыты на людях доплачивает?

Беликов: Мы опыты на людях не ставим.

Николаев: А почему вы опять меня свидания с женой лишили?!! Вы после этого всего подлец!!! Сволочь!!! Гад!!! Скотина последняя!!! Выродок андроповский!!! Негодяй!!! Тварь кагебешная!!! Ублюдок чекистский!!! Я вас правильно с днем рождения Гитлера поздравил!!! Вы такой же подонок, как и Гитлер!!! Таких подлецов, как вы, в Гражданскую войну в паровозных топках сжигали!!! И правильно делали!!! Таким гадам, как вы, звезды выжигали на спинах пятиконечные!!!

Сергей Николаевич: Вы совершенно напрасно так оскорбляете Михаила Ивановича. Он к вам очень хорошо относится и

лечит вас. И вообще, не прилично человеку с высшим образованием так опускаться.

Николаев: А Михаилу Ивановичу тоже не прилично опускаться до уровня заурядного живодера. Он – тоже с высшим образованием.

Сергей Николаевич: К тому же, Михаил Иванович не виноват в том, что вас сегодня лишили свидания. Это не его решение, а распоряжение свыше. Так что Михаил Иванович здесь ни при чем. Он только выполняет указание свыше, а сам вам ничего плохого от себя не делает.

Николаев: Значит, к тому же и вернемся, с чего начали. За подачки от КГБ выполняет преступные приказы. (К Беликову.) Так сколько вам КГБ за выполнение этого распоряжения свыше заплатило?

Ни Беликов, ни Сергей Николаевич не стали продолжать этой дискуссии и оба ушли к себе в кабинет.

Пациенты были опешены моими словами и потом говорили мне: «Зря ты на него так! Он, конечно, подлец. Но ведь он же тебя за такие слова совсем заколет!» – «А он меня и без того уже заколол», – отвечал я им.

30 мая 1978 года

Беликов готовился уйти в отпуск и делал обходы вместе с другим врачом, Семеном Ефимовичем, который должен был стать заведующим отделения временно.

Беликов: На Николаева обратите особое внимание. Тяжело больной, все время пишет и пишет, выбрасывает свои записи в окошко своим друзьям.

Николаев: Вы, Михаил Иванович, лучше отмените мне уколы, разрешите прогулки и не препятствуйте мне в свидании с женой.

Беликов: Уколов вам отменить я не могу. Вы продолжаете писать. Ваша писанина говорит о том, что ваша болезнь не отступает.

Николаев: Ну, а как в отношении прогулок?

Беликов: Какие могут быть прогулки? Ваше психическое состояние не позволяет вам гулять.

Николаев: Ну вы хоть разрешите мне видеться с женой.

Беликов: Ваша жена мешает вам лечиться. Вместо того, чтобы помочь вам и успокоить вас, она приносит вам бумагу и уносит ваши бредовые записки. Свидания с ней отрицательно сказываются на вашем здоровье.

В этот же день совершенно неожиданно для меня мне дали сверхплановое и незапрограммированное свидание с матерью. И тут, конечно, началось. Я уже писал о том, как Беликов прилагал усилия к тому, чтобы я прекратил протоколировать свое пребывание в больнице.

Так мать первое, что сказала, когда появилась: «Перестань писать. Себя-то хоть пожалей».

Вообще, давление с этого, совершенно неожиданного бока, с которого никак не ожидаешь подлости, вынести всегда намного труднее. Ну, Беликов – враг. Тут все ясно. А вот позже немного, летом, прошли образцово-показательные суды, и ребята, движимые ко мне совершенно искренним сочувствием, говорили: «Брось ты эту борьбу. Ведь он же тебя заколет! Никогда не выпишет».

Или еще так: «Смотри, Гамсахурдиа раскололся и получил срок поменьше, а Орлов не раскололся и получил полный срок. Зачем тебе все писать? Отступи. И выпишешься».

2 июня 1978 года

Беликов ушел в отпуск. Заменивший его Семен Ефимович первым делом стал пускать меня на прогулки, перестал лишать меня свиданий и даже несколько раз предоставил мне дополнительные свидания на 15-20 минут сверх нормы. Рука от уколов продолжает сильно трястись.

8 июня 1978 года

Семен Ефимович собрал комиссию из трех врачей, на которой, помимо него, присутствовали Сергей Николаевич и Мазурский Михаил Борисович.

Мазурский: Как вы себя чувствуете?
Николаев: Хорошо.
Мазурский: А как рука?
Николаев: Трясется.
Мазурский: Во всем остальном жалоб на здоровье нет?
Николаев: Нет.
Мазурский: Ну что ж, можете идти.
Николаев: Так скоро?
Мазурский: А я врач. Мне много времени не нужно, чтобы определить, каково ваше психическое состояние.
Николаев: Но у меня к комиссии есть просьба.
Мазурский: Какая?

Николаев: Я прошу комиссию меня выписать. Я – психически здоровый человек.

Мазурский: Не можем же мы вас выписать, если у вас трясется рука.

Николаев: Рука трясется из-за уколов стелазина.

Мазурский: Вот мы на комиссии примем пока решение об отмене в отношении вас уколов. А о выписке будем говорить после, когда тремора не будет.

После комиссии Семен Ефимович сказал мне: «Выписывать вас в таком состоянии нельзя. Но мы отменили вам все уколы и всё лечение, потому что оно отрицательно сказывалось на вашем здоровье. Я оставляю вам только циклодол, который снимает отрицательный побочный эффект от действия стелазина. Когда тремор прекратится, мы поставим вопрос о выписке».

.....

После отмены всех лекарств мое состояние сразу улучшилось. Дня через три-четыре тремор прекратился, хотя Семен Ефимович и замечал слабую тряску руки, когда просил меня вытянуть руки вперед.

Дозировку циклодола он мне постепенно снижал, а потом заменил циклодол на ридинол – корректор более слабого действия. В дальнейшем дозировка ридинола тоже постепенно снижалась и в конце концов до самой выписки я получал только по 1 таблетке ридинола утром.

При Семене Ефимовиче не было ежедневных шмонов и ежедневных разговоров о том, что хватит писать. Глупых вопросов, достойных огласки, он мне не задавал и мне не было просто резона при нем вести ежедневные записи.

Один раз, правда, когда мне было предоставлено дополнительное свидание с Тьян и она села рядом со мной, к нам тут же подскочила старшая сестра Лидия Михайловна:

Лидия Михайловна: Что вы сейчас передали своей жене?

Николаев: Ничего.

Тьян: Он мне ничего не передавал.

Лидия Михайловна: Смотрите, чтобы никаких записок не было. А если будут, то себе же хуже сделаете.

Да как-то мать тоже, получив дополнительное свидание вне плана, сказала опять: «Ты хоть при Семене ничего не пиши. Он же тебе прогулки разрешил, дает дополнительные свидания, отменил уколы. Зачем при нем-то писать. Он же тебе ничего плохого не делает». – «А вот я пишу про то, что он мне уколы отменил и прогулки разрешил. Лишнего я ничего не пишу».

Вообще, конечно, при Семене Ефимовиче стало легче: спало ежедневное нервное и психологическое напряжение, которое было при Беликове, да и отмена лекарств привела к улучшению самочувствия. Только вот еще домой хотелось. Но на выписку смелости у Семена Ефимовича уже не хватало. Максимально облегчив мое пребывание внутри отделения, он, тем не менее, не смог переступить тот последний рубеж, который вел бы к моему выходу из психушки. Временщик – что поделаешь?

4 июля 1978 года

На прогулке один из пациентов сказал мне: «Смотри, твой «друг» вернулся. Давно ты его не видел». Я оглянулся. Из отпуска вернулся Беликов. Только от одного его вида стало на душе тошно. Короткая беседа с ним на обходе.

Беликов: Что Евгений Борисович скажет?

Николаев: Последняя комиссия из трех врачей была собрана 8 июня 1978 года. Я прошу вас созвать очередную комиссию до 8 июля.

Беликов: Я комиссию собирать не буду. И без комиссии ясно, что вам лечение необходимо. Вы продолжаете писать свои писульки. Мы вновь назначим вам уколы стелазина.

Николаев: В таком случае переведите меня в другое отделение. Ваше отделение обслуживает Пролетарский район, а я проживаю в Советском. Я вижу, что вы вообще не собираетесь меня никогда выписывать.

Беликов: Перевести вас в другое отделение не в моих полномочиях. Обращайтесь к начальству.

Николаев: Тогда соберите комиссию, согласно 7 пункту инструкции. Я поставлю этот вопрос на комиссии.

Беликов: Комиссию я собирать не буду. И без комиссии ясно, что лечение вам необходимо.

Николаев: Мне лечение не нужно. Вы прекрасно знаете, что я – здоровый человек и не нуждаюсь в лечении. И тем не менее держите меня здесь.

Беликов: Я вас сюда не привозил. Я раньше не знал вас, и вы мне не нужны, чтобы вас тут держать. Не я вас здесь держу.

Николаев: А кто же меня здесь держит, если не вы?

Беликов: Я понимаю, что вы видите во мне причину всех своих бед, во мне видите своего врага, во мне видите причину своего пребывания в больнице. …Но не я вас здесь держу.

Николаев: Тогда скажите, кто меня здесь держит?

Беликов: Этого я вам сказать не имею права. Мне же вы не нужны. Вы для меня такой же больной, как и остальные… даже хуже остальных. Из-за вас у меня одни неприятности.

Николаев: У меня из-за вас неприятностей больше, и мои неприятности не сравнить с вашими. Вы потому что на воле, а я – в заключении.

……

Тем временем Тьян была вынуждена уехать на Камчатку. Еще осенью 1977 года мы взяли к себе на год ее племянника, который плохо переносил климат Камчатки. Сейчас надо было везти его назад, так как приближался новый учебный год. Поначалу Тьян хотела поехать на Камчатку после моей выписки. Но время шло, а меня все не выписывали, и она была вынуждена уехать, не дождавшись моей выписки. Ее отсутствие переносить было особенно тяжело. И прежде всего это сказалось на моих записях, которые я вел в больнице. Большинство из них пропало, на сей раз по вине моей матери. Она теперь приходила ко мне на свидание, и все записи я передавал ей на хранение. Забегая вперед, скажу, что она постаралась все мои записи бесед с врачами уничтожить. Поддавшись уговорам Беликова, она считала, что вынос этих записей за пределы отделения и их публикация – огласка – будут мне только во вред, и никак не на пользу.

Чисто случайно за этот отрезок времени у меня сохранилось несколько записей, да кое-что удалось восстановить.

12 июля 1978 года

Сегодня на комиссию меня вызвал главный врач Морковкин Валентин Михайлович. Беликов повел меня в главный корпус, в кабинет Морковкина. В главном корпусе висели лозунги:

«НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ – ОДОБРЯЕМ!»
«РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС – ПРЕТВОРИМ В ЖИЗНЬ!», фотостенд: «НАША БОЛЬНИЦА В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ», большой аншлаг: «НАША БОЛЬНИЦА БОРЕТСЯ ЗА ЗВАНИЕ КОЛЛЕКТИВА ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ», всякие соцобязательства, лозунги в честь КПСС, портреты обоих Ильичей, расписание политзанятий для врачей и среднего персонала.

На комиссии, помимо Морковкина и Беликова, присутствовал также Мазурский Михаил Борисович.

Морковкин: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Хорошо.

Морковкин: Как, по-вашему, вы больны или здоровы?

Николаев: Я психически здоров.

Морковкин: Это вам только так кажется! А вот мы тут три врача – видим – что вы – больны.

Николаев: Нет, я здоров. Я прошел экспертизу в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Эксперт-психиатр комиссии признал меня психически здоровым.

Морковкин: Вы об этой комиссии забудьте, и мне о ней больше не говорите, если хотите когда-нибудь домой выписаться. Чем вы в отделении занимаетесь?

Беликов: Всё продолжает строчить свои писульки.

Морковкин: Вот видите, вы всё пишете. Это – по болезни. Как в таких условиях вас можно выписать?

Беликов: И не участвует в трудотерапии. За все время пребывания в больнице он не сделал ни одной коробочки.

Морковкин: Ни одной коробочки? Н е е е т !! Так дело не пойдет! Михаил Иванович! Михаил Борисович! Что же вы смотрели?! Почему не приняли меры, чтобы Николаев участвовал в трудотерапии? Почему не послали его в мастерские?

Беликов: Хорошо, завтра пошлем его работать в мастерские.

Николаев: Я в мастерские ходить не буду и работать на вас не буду.

Морковкин: А тогда мы вас еще д о о о о о л г о о о не выпишем! А если пойдете в мастерские и поработаете немного, то через неделю я снова вас осмотрю и выпишу. У вас утрачены трудовые навыки, и их вам надо восстановить.

Николаев: У меня трудовые навыки не утрачены. Я в отделении занимаюсь ительменским языком.

Морковкин: А нам виднее, какой труд способствует выздоровлению, а какой не способствует. Ну как, пойдете в мастерские или же будете сидеть в больнице еще несколько месяцев? Выбирайте.

Николаев: Что ж, придется пойти в мастерские. Против силы не попрёшь.

Морковкин: Вот это уже лучше! Правильное решение! И давно бы так! Ваш героизм здесь никому не нужен.

Николаев: Конечно, в мастерские интересно походить. От других больных я слышал, что туда иногда делегации иностранных психиатров ходят. Языки я знаю. Авось, в мое пребывание там какая-нибудь делегация туда придет. Так я расскажу – переводчика мне не потребуется, – что вы тут со мной делаете и как

ко мне британского психиатра не пустили. Обойдусь без переводчика, сам всё, что надо, сказать смогу.

Морковкин: А вы про британского психиатра забудьте и мне о нем больше не напоминайте! И пока вы будете работать в мастерских – туда иностранные делегации ходить не будут!

Беликов: И после выписки вы должны продолжать работать в мастерских, в дневном стационаре. Только при этих условиях может идти разговорах о вашей выписке.

Николаев: Это еще зачем?

Беликов: Чтобы восстановить трудовые навыки и восстановить утраченную вами трудоспособность. Перейти сначала на третью группу, а потом снять и ее. Кроме того, вам необходимо ежедневное наблюдение со стороны психиатра, а такое наблюдение вы можете получить только в мастерских.

Морковкин: Да, да, конечно! Обязательно работать в мастерских и после выписки. Иначе мы вас не выпишем.

Николаев: В общем так. Я хочу попросить комиссию вот о чем. Переведите меня в другое отделение. 6-ое отделение обслуживает Пролетарский район, а я проживаю в Советском.

Морковкин: А нам лучше видно, кого в каком отделении надо лечить.

Николаев: Михаил Иванович подвергал меня жестокому обращению. Он три месяца колол меня стелазином.

Морковкин: Это было нужно для вашего здоровья.

Николаев: Михаил Иванович четыре месяца не пускал меня на прогулки.

Морковкин: Это он делал по моему распоряжению.

Николаев: Михаил Иванович четыре раза лишал меня свидания с женой.

Морковкин: Это тоже он делал по моему распоряжению и по распоряжению Михаила Борисовича. Вы зря предъявляете претензии к Михаилу Ивановичу. Он здесь ни при чем.

Беликов: А Евгений Борисович допускал в разговорах со мной всякие грубые выражения.

Морковкин: Какие же?

Беликов: Пусть он вам сам скажет.

Морковкин: Как вы могли допустить грубость с врачом, который вас лечит?

Николаев: Михаил Иванович подвергал меня жестокому обращению, и он заслужил эти грубые обращения. С одной только оговоркой. Если это жестокое обращение действительно было следствием ваших распоряжений и распоряжений Ми-

хаила Борисовича, то две трети этих оскорблений надо переадресовать в ваш адрес. Михаил Иванович, будем считать, что из тех оскорблений, которые вы от меня слышали, к вам относится только одна треть. Их себе и оставьте.

Беликов: Ладно, оставлю себе треть оскорблений.

Морковкин: Ну что ж, дело, кажется, ясное. Выйдите-ка в коридор на минуточку.

Приведя меня после комиссии в отделение, Беликов сразу же меня обшмонал: изъял чистые почтовые конверты, авторучки, стержни к ним, чистую бумагу, адреса и телефоны моих знакомых. Никаких иных записей он у меня не нашел.

Николаев: Как же вам, Михаил Иванович, КГБ платит мало, если вам даже на почтовые конверты и на авторучки не хватает! И вам приходится воровать их у пациентов! Действительно, КГБ вам такие гроши платит?

Беликов: Это вас не должно касаться!

Николаев: Ну как же, Михаил Иванович. Мне вас жаль. Вы с высшим образованием, а КГБ не нашло для вас более подходящего занятия и заставляет вас так унижаться, шарить по чужим карманам.

Беликов: Это не ваше дело.

13 июля 1978 года

С утра после завтрака Беликов повел меня в лечебно-трудовые мастерские.

Беликов (по дороге в мастерские): Это только на десять дней. Через десять дней будет созвана комиссия, после чего мы вас выпишем. Но из мастерских ни в коем случае никуда не звонить, ничего не писать.

Первоначально, как новенького работничка мастерских, меня повели к врачу-реабилитатору Станиславу Александровичу на беседу.

Станислав Александрович: Здравствуйте, Евгений Борисович! Я вижу, вы захотели поработать у нас в мастерских! Похвально, похвально!

Николаев: Это не совсем так. Вчера была комиссия, на которой Морковкин сказал мне, что меня еще долго не выпишут, если я не буду работать в мастерских. Меня вынудили согласиться работать у вас (Беликов при этом недовольно поморщился.).

Станислав Александрович: Совершенно верно! Кто работает у нас – выписывается быстрее. Цель наших мастерских –

трудовая реабилитация больных. У нас здесь несколько цехов; так что вы сможете выбрать себе работу по душе. Я думаю, что вам будет у нас интересно.

Николаев: Конечно, мне будет интересно. Я давно собираю материалы об использовании психиатрии в СССР не по назначению. Я был в нескольких больницах, в нескольких отделениях. А вот в лечебно-трудовых мастерских еще ни разу не был. Сами понимаете, западных корреспондентов с фотоаппаратами сюда не пускают. Вот и приходится собирать материал самому.

Станислав Александрович: Вот и хорошо. Я вас повожу сегодня сам по всем цехам, познакомлю с нашими больными, чтобы вы смогли составить отчет о наших мастерских для западных психиатров. (Беликов стал бить себя ладонью по раскрытому рту, показывая этим жестом Станиславу Александровичу, чтобы тот не болтал лишнего. Но Станислав Александрович его жеста не понял.)

Николаев: Большое вам спасибо. Я охотно осмотрю ваши мастерские и ознакомлюсь с их работой.

Станислав Александрович: Только я прошу вас составить о работе мастерских объективный отчет!

Николаев: Конечно, я составлю объективный отчет.

После этой беседы меня посадили в цех по производству сувенирных елочек. Расценки здесь были советские: 19,5 копеек за сто собранных елочек для больных ночного стационара и 68 копеек – для больного дневного стационара.

Примерно через полчаса меня снова вызвал Станислав Александрович.

Станислав Александрович: Ну, вот я и освободился и теперь смогу вас поводить по нашим мастерским. Очень многие больные после выписки из отделений продолжают работать у нас. Работают они на добровольных началах, мы никого к нам не загоняем. Здесь они получают двухразовое питание, необходимую медицинскую помощь, зарабатывают по 60-70 рублей в месяц, и к тому же у них сохраняется пенсия. Если у нас в мастерских человек держится семь-восемь месяцев – то значит, он и на производстве сможет продержаться семь-восемь месяцев. Норм у нас нет, каждый производит столько, сколько он может. Наши мастерские работают в убыток государству и получают от государства дотацию. Но государство на это идет, потому что люди, поработав некоторое время у нас, возвращаются на производство. Мы очень многим восстановили трудовые навыки. Люди вернулись в строй, сейчас уже трудятся на производстве. Вот,

например, женщина (знакомит с ней), работает у нас в дневном стационаре. Сколько вы получили за последний месяц?

Женщина: Пятнадцать рублей.

Станислав Александрович (ведет меня дальше): Заработок у нас не плохой. И пенсия сохраняется. А 60-70 рублей к пенсии – уже жить можно. Вот (подводит меня к мужчине, работающему за станком) сколько вы получили за последний месяц?

Мужчина: Двадцать рублей.

Станислав Александрович: Мне бы хотелось, чтобы вы после выписки тоже поработали у нас в мастерских.

Николаев: Нет, мне это совершенно ни к чему.

Станислав Александрович: Ну как же! Мы бы восстановили вам трудовые навыки, способность трудиться. Вас бы перевели на третью группу, возвратили бы вас на производство, а затем вы бы работали, как все люди.

Николаев: У меня-то другая ситуация, не та самая, что у этих людей, которых вы реабилитируете в трудовом отношении.

Станислав Александрович: Мы всех возвращаем к работе по той специальности, которая у них была до болезни. У нас тут есть много больных и с высшим образованием. И многие из них потом вернулись к работе по специальности, в научно-исследовательских институтах.

Проходит какая-то женщина, здоровается со Станиславом Александровичем. К этому времени мы обошли все цеха и гуляли по дворику.

Станислав Александрович: Вот эта женщина, которая только что прошла, – до болезни работала воспитательницей в детском саду. Заболела, лежала в Кащенко, потом работала у нас в мастерских. А сейчас она снова работает воспитательницей. Так что и у вас есть возможность вернуться к научной работе.

Николаев: У меня другая ситуация. Мне никто не даст возможность работать по специальности. Мне не нужно восстанавливать трудовые навыки.

Станислав Александрович: Ну, почему же? Чем вы дома занимаетесь?

Николаев: Своими делами.

Станислав Александрович: А когда вы заболели?

Николаев: Я не болен.

Станислав Александрович: Ну, если бы вы не были больны, то тогда бы вас не привезли в больницу. Ведь вы писали письма антисоветского содержания?

Николаев: Ну и что?

Станислав Александрович: А такие письма мешают работать советским учреждениям. Вы должны знать, что если в советское учреждение поступает странное письмо, то всегда проверяют, не состоит ли его автор на учете у психиатра. Если состоит, то автора направляют к нам. Согласитесь, что это гуманное решение вопроса. В тюрьме было бы хуже.

Николаев: Гуманности здесь никакой нет.

Станислав Александрович: Потом, вы же взрослый человек. Вы же должны знать, что такие вещи даром не проходят. Если человек пишет антисоветское письмо в советские инстанции – то его направляют подлечиться в больницу общего типа. А если он пишет за рубеж – то его направляют в больницу специального типа.

Николаев: Это очень оригинально и интересно. А дальше что?

Станислав Александрович: И потом: вы же должны понимать, что вы все равно ничего не измените. Государство, независимо от того, нравится ли оно вам, или не нравится, стоит прочно. Это – сильное государство. Своими письмами вы его с пути не свернете. Все останется так, как было. А себе навредить вы сможете. Так зачем же бороться, если борьба заранее обречена на неудачу? Лучше никуда не вмешиваться, приспособиться и сидеть тихо, молча. Вы думаете, чтó, мы тоже ничего, что ли, не понимаем? Не видим недостатков? Мы всё прекрасно видим и понимаем. Но никуда не вмешиваемся. Мне сказали, что надо ехать на военные сборы: я поехал. Хотя я понимаю, что на военных сборах я никому не смогу принести пользы, а здесь меня ждут больные, которым я нужен.

Николаев: У меня на этот счет другая точка зрения.

Станислав Александрович: А каковы у вас отношения с Михаилом Ивановичем?

Николаев: Он жестоко со мной обращается.

Станислав Александрович: Ну что вы?! Он такой добродушный! О нем все больные хорошо отзываются!

Николаев: А меня он колол три месяца стелазинóм. В результате у меня три месяца тряслась рука.

Станислав Александрович: Ну, это нужно было для вашего здоровья! Вы, наверное, ему не доверяли. Он хотел вызвать у вас к себе доверие.

Николаев: Мне его лечение было не нужно.

Станислав Александрович: Но ведь вы же больной человек!

Николаев: Я – здоровый человек. Я прошел экспертизу в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Эксперт-психиатр признал меня психически здоровым. А потом ко мне приезжал сюда британский психиатр, однако Михаил Иванович его ко мне не пустил.

Станислав Александрович: Так это к вам приезжал британский психиатр?!

Николаев: Да, ко мне.

Станислав Александрович: Так это о вас передавалось по «Голосу Америки»?

Николаев: Да, обо мне.

Станислав Александрович: Так вы ж действительно можете передать материалы о больнице на Запад!!!

Николаев: Конечно, могу. Когда я был в «Кащенко», в 1974 году, то я передал на Запад свою беседу с Дмитриевским. Эта беседа была на Западе опубликована и фигурировала на Гонолулском конгрессе.

Станислав Александрович: Но я – в репрессиях против инакомыслящих – не участвую! Я работаю в лечебно-трудовых мастерских! Я никогда и никого из инакомыслящих не приказывал колоть! Моя цель – только лечение настоящих, действительно больных людей, восстановление у них трудовых навыков. В лечебно-трудовых мастерских репрессии не практикуются! Мастерские созданы исключительно в целях восстановления трудовых навыков настоящих больных и их трудовой реабилитации. У нас в психиатрии есть еще такие места, где можно работать, не запятнав свою репутацию. Таким местом являются лечебно-трудовые мастерские. В отделение я ни за что и никогда не пойду работать, чтобы не запятнать себя, чтобы остаться честным врачом. А в лечебно-трудовых мастерских еще пока можно работать честно.

Николаев: Ваши мастерские существуют при больнице, в которой эти репрессии проводятся. Значит – вы, Станислав Александрович, как сотрудник этой больницы, – соучастник этих репрессий.

Станислав Александрович: Нет, Евгений Борисович, я не соучастник. Вы можете считать преступниками и Михаила Ивановича, и Морковкина, и Дмитриевского, и многих других, но только не меня! Я не соучастник! На моем счету нет ни одного репрессированного инакомыслящего. Я занят исключительно

медициной и не вмешиваюсь в те дела, которые делаются в отделениях! А сейчас – извините, у меня нет больше времени с вами беседовать. Пойдемте, я отведу вас в ваш цех.

И он отвел меня обратно в цех по производству сувенирных елочек.

Но так как мы прогуляли достаточно много времени, то я фактически вернулся в цех уже тогда, когда трудотерапия заканчивалась и нас стали разводить по отделениям.

Сразу же после обеда Беликов меня вызвал к себе на беседу.

Беликов: Что вы там наговорили Станиславу Александровичу?

Николаев: Да ничего особенного.

Беликов: В каком цеху будете работать?

Николаев: По производству сувенирных елочек.

Беликов: И много вы сегодня сделали?

Николаев: Ни одной.

Беликов: Почему?

Николаев: Потому что Станислав Александрович водил меня по мастерским, показал все цеха, знакомил с основами и принципами реабилитации.

Беликов: Вы после выписки будете продолжать работу в мастерских?

Николаев: Нет.

Беликов: Тогда я вас не выпишу.

Николаев: Почему?

Беликов: Вам обязательно надо после выписки работать в мастерских при больнице. Восстанавливать трудовые навыки, переходить на третью группу, а затем и вообще снять инвалидность и возвратиться к нормальной трудовой деятельности. Кроме того, вам необходимо ежедневное наблюдение психиатра, а это могут дать только мастерские. Имейте в виду, в отношении вас не может стоять вопрос об отмене лечения. Может идти разговор только о замене стационарного лечения в отношении вас на амбулаторное.

.....

Я продолжал ежедневно ходить в лечебно-трудовые мастерские и получил возможность посмотреть, что же это такое на самом деле. Фактическое положение там не столь радужно, как его мне описал Станислав Александрович. Вот что мне удалось узнать по собственным наблюдениям и из слов других пациентов.

В мастерских есть две категории пациентов: те, которых приводят работать из отделений (с ночного стационара), и пациенты дневного стационара.

Пациентов из отделений приводят на работу в мастерские ежедневно на два-три часа в день, кроме суббот, воскресений и праздников. После работы их отправляют обратно в отделение. Оплата труда – мизерная. Зарабатывают пациенты ночного стационара от 3 до 6 рублей в месяц.

Пациенты дневного стационара живут дома, однако 5 раз в неделю приезжают в психбольницу к 9^{00} и проводят в больнице полный рабочий день до 18^{00}.

Утром в больнице они завтракают, получают лекарства, беседуют с лечащим врачом. До 13^{00} после завтрака и обхода они работают. С 13^{00} до 14^{00} у них обед и прием лекарств, с 14^{00} до 15^{00} – отдых, а с 15^{00} до 18^{00} опять работа. У пациентов дневного стационара расценки выше. Получают они в пределах 15-25 рублей в месяц. Так как расценки низкие, то, чтобы заработать побольше, больные часто приезжают в больницу пораньше, чтобы поработать до завтрака, и работают также в часы, официально отведенные для отдыха.

Считается, что пациенты дневного стационара находятся на лечении в психбольнице, хотя и ночуют дома. Поэтому для перевода их в отделение (в ночной стационар) не требуется выписывать специального направления. Эти пациенты все время находятся под угрозой того, что их в любой день вернут в отделение за любой проступок.

Как-то в нашем цеху один из пациентов дневного стационара принес транзисторный приемник и включил его слишком громко.

«Что, в отделение захотел? – прикрикнула на него трудинструкторша, – сейчас отправлю!»

Она угрозу свою не выполнила, но эта угроза была вполне реальной. Прогул тоже может послужить причиной перевода в отделение.

Как ни странно, труднее всего приходится пациентам с третьей группой инвалидности. Инвалид третьей группы Петр Румянцев описал мне свою ситуацию. Пенсия у него – 23 рубля. Формально инвалиды третьей группы могут работать в обычных учреждениях, ибо у них только ограниченная трудоспособность. Фактически же их никуда не берут, особенно если инвалидность по психиатрии. А на 23 рубля не проживешь. И вынужден Петр Румянцев ходить в мастерские, чтобы зарабатывать

к пенсии еще рублей 15-20 и получать дополнительно пять раз в неделю двухразовое питание.

Уйти из мастерских тоже не просто. Петр Румянцев говорил мне, что он несколько раз пытался устроиться работать на заводе, но как только узнавали, что он – «псих», – его не брали на работу. А когда о стремлении его устроиться на завод узнавали в мастерских, – то это всегда приводило к переводу в отделение. Норм в мастерских действительно нет. Но трудинструкторы следят за тем, кто как работает. И если сегодня сделаешь меньше, чем вчера, – уже подзакладывают врачу: ухудшилось состояние, понизилась трудоспособность – пора в отделение переводить. И, конечно, полнейшее бесправие. Вроде бы вкалываешь всю неделю, а получаешь гроши (ведь это же не труд, а всего лишь навсего трудотерапия), и в трудовой стаж эта деятельность не записывается, и нигде эти люди, как трудящиеся, занятые на производстве, – не числятся. Ведь они в больнице лечатся, они лежат в больнице, только на ночь домой возвращаются.

Истина познается в сравнении. И те пациенты, которые вынуждены были проработать длительное время в мастерских (несколько лет, разумеется, чередуя не по своей воле дневной стационар с ночным, то есть попадая периодически в отделение), говорят, что этот мизерный и без того заработок с каждым годом падает, питание двухразовое с каждым годом становится хуже, а требования со стороны врачей-реабилитаторов и трудинструкторов все более и более усиливаются. И с каждым годом все труднее и труднее из этих мастерских вырваться в люди, в нормальное производство, на завод или на фабрику. Но зато с каждым годом становится все легче и легче загреметь обратно в отделение.

Ну; а по субботам в дневном стационаре бывают культмероприятия. Их возят в кино, на экскурсии, в театр, в музеи – за счет больницы. Участие в этих мероприятиях – добровольное.

17 июля 1978 года

Так как я с 13 июля работаю в мастерских, а обходы Беликов проводит в часы моей работы, то я с ним больше практически не встречаюсь. Меня это очень устраивает, но его, очевидно, не очень, так как он вызвал меня сегодня в свой кабинет после обеда на беседу.

Беликов: Ну, вы надумали работать в мастерских после выписки?

Николаев: В ваших мастерских нет ничего интересного. Я осмотрел все цеха, но там нет для меня работы по специальности. Вот если бы у вас был лингафонный кабинет с лингафонными курсами, то я бы, быть может, согласился бы туда ходить и заниматься, ну, хотя бы, японским языком.

Беликов: У нас нет возможности сделать в мастерских лингафонный кабинет.

Николаев: Ну тогда мне там делать нечего.

Беликов: Вам работать в мастерских необходимо обязательно. Ведь вы же не посещали свой диспансер регулярно, не беседовали со своим лечащим врачом, не наблюдались.

Николаев: Мне это ни к чему.

Беликов: Именно поэтому вы и попали в больницу, что не посещали регулярно диспансер. Я знаю, что если я вас просто выпишу, то вы опять не будете ходить в диспансер, будете уклоняться от общения с психиатрами.

Николаев: Почему же? Я буду общаться с психиатром Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Беликов: Вам необходимо общение с психиатром по линии Минздрава. А так как вы от этого общения будете уклоняться, то единственным условием выписки – является работа в дневном стационаре в лечебно-трудовых мастерских при больнице. У вас утрачены все трудовые навыки и их надо восстановить. К тому же у вас семья и ее вам надо обеспечивать, зарабатывать деньги. Это тоже вы сможете делать в условиях мастерских.

Николаев: Знаете что, Михаил Иванович, я знаю языки и я преподавал языки. И мне ваши мастерские не нужны. Я могу зарабатывать деньги и на преподавании.

Беликов: Чтобы преподавать, вам необходим соответствующий документ, которого у вас нет. Поэтому для вас это – незаконный заработок. Единственный для вас законный способ заработать деньги – это трудиться в лечебно-трудовых мастерских. Других законных способов заработка у вас нет. Ну как, согласны после выписки работать в мастерских?

Николаев: Хорошо, я буду работать в мастерских после выписки.

Беликов: Ну вот и хорошо. Я назначаю вам выписку на 28 июля. Но только не вздумайте меня обманывать! На следующий же день после выписки вы должны явиться в мастерские на работу. Если вы этого не сделаете, то в тот же день за вами при-

едут санитары и привезут насильно в больницу, но не в мастерские, а в одно из отделений.

.....

Комиссия у меня была 12 числа, выписка обещана через неделю, а сейчас точно оговорена дата: 28 июля. 28 – 12 = 16 дней; неделя?

Ну, конечно, в данном случае я дал согласие на работу в мастерских чисто тактически. Главное – из больницы улизнуть. А там на всякий случай из Москвы уеду, перекантуюсь где-нибудь с месяц.

До 28 июля я продолжал работать в мастерских, кроме субботы и воскресенья.

28 июля 1978 года

Как было договорено, за мной к 14 часам пришла мать. Однако Беликов, несмотря на свое обещание, меня не выписал.

Николаев: В чем дело? Михаил Иванович? Ведь вы на сегодня мне назначили выписку?

Беликов: Не позволяет психическое состояние.

В душе все перевернуто: хочется рвать и метать! Гад партийный! Тяжело, тяжело. Но надо себя держать! Я ведь еще по второй госпитализации, по опыту многих других пациентов знаю, что ставят психиатры такие опыты на людях: сначала эмоции вверх – а потом – уух! – вниз.

Да и ребята успокаивали, сочувствовали: «Не горюй, диссидент, выйдешь отсюда. А твой час придет, судить его за тебя будут!» – «Может, винца сегодня с нами вечером хватанешь? – спрашивает другой. – Мне друзья сегодня привезут. Я договорился».

Мне что-то говорят, окружили, а я – как в тумане. С трудом соображаю*.

.....

---

* Знаю я теперь, как к этим пыткам относятся западные психиатры. Рассказал я об этом одному шведскому психиатру в Стокгольме, когда там проходил III Всемирный Конгресс по биопсихиатрии, с 28 июня по 3 июля 1981 г. Когда я ему сказал о психологических тестах – он мне ответил, что не может в это поверить. Когда же я описал подробности таких тестов, да привел примеры, как, не выдержав такой пытки, покончили с собой Симонян и Прейскурантов, этот шведский психиатр схватился за голову: «Это – бесчеловечно! Это – жестоко так поступать с больными людьми, – повторял он. – Это – настоящий садизм!»

Как прошли следующие два дня – помню плохо, лучше сказать, совсем не помню.

31 июля 1978 года

Первый рабочий день после 28 числа, понедельник. В знак протеста (вроде бы в норму вошел, раз – в знак протеста) против отказа в выписке я ничего сегодня в мастерских не делал. Никто мне по этому поводу ничего не сказал.

1 августа 1978 года

Опять я ничего в мастерских не делал. Трудинструктор, видя, что я не работаю уже второй день, отвела меня к врачу-реабилитатору (женщине).

Врач-реабилитатор: Почему вы сегодня не работаете? Может, голова болит?

Николаев: Спасибо. Я чувствую себя нормально.

Врач: Может, вам не нравится работа? Если хотите, мы можем перевести вас в другой цех.

Николаев: Дело здесь не в работе.

Врач: А в чем же?

Николаев: 12 июля Морковкин обещал мне, что если я буду ходить в мастерские, то он выпишет меня в недельный срок. Я же хожу в мастерские уже три недели. Кроме того, Беликов назначил мне выписку на 28 июля, а когда моя мать пришла с вещами за мной, то он мне выписку отменил. Я поставленные мне Морковкиным и Беликовым условия выполнил. Теперь пусть они выполняют то, что обещали. Сами понимаете, обманывать – не порядочно.

Врач: Да, конечно, я с вами согласна.

Когда я вернулся в отделение, то после обеда меня вызвал к себе на беседу Беликов.

Беликов: Как протекают трудовые процессы?

Николаев: Сегодня и вчера я ничего не делал.

Беликов: Почему?

Николаев: Сначала мне была обещана выписка через неделю, затем через десять дней, наконец – 28 июля. Вы меня не выписали. Я условия, которые вы мне поставили, – выполнил. Теперь выполняйте свои обещания! Вы свои обещания не выполняете. И я не считаю для себя более необходимым что-либо в мастерских делать.

Беликов: Вот видите, как же я могу вас выписать, если вы не работаете? А я ведь вам уже говорил, что после выписки вам

необходимо продолжать работу в мастерских, либо при больнице, либо при диспансере, на выбор, где вам будет удобнее. А вы даже в условиях больницы не способны трудиться! У вас – неуравновешенная психика, и выписать в таком состоянии я вас не могу.

Николаев: Если уж говорить о неуравновешенной психике, то это скорее характерно для вас. Ведь согласитесь, что мне была обещана выписка в течение недели. А в неделе, как известно, семь дней, а не двадцать. К тому же я нахожусь у вас в отделении скоро полгода. Если бы вы попали в такую ситуацию, то вы бы быстро стали таким, как Пингвин или Сумин, потому что жертвы всегда сильней палачей. А вы – палач.

Беликов: Что ж, будем исправлять свою ошибку. Вы ведь ничего не получаете, кроме корректора? С сегодняшнего дня восстановим уколы стелазина. Будем оказывать вам помощь.

Николаев: Я в вашей помощи не нуждаюсь.

Беликов: Психически больные тем и отличаются от здоровых, что не могут определить сами, когда они нуждаются в помощи, а когда – нет.

Николаев: Я – психически здоровый человек.

Беликов: Это только вам так кажется.

Николаев: Это не только мое мнение. Это мнение врача-эксперта Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Беликов: Вы тут об этой Комиссии забудьте! И больше мне об этой экспертизе не говорите!

Николаев: И британского психиатра Лоубера вы тоже не пустили ко мне потому, что вам невыгодно объективное мнение западного психиатра.

Беликов: У меня не было таких полномочий – пускать его сюда. Мы ему объяснили, куда ему нужно обратиться, если он хочет вас обследовать.

Николаев: В общем, Михаил Иванович, я вижу, что вы всячески препятствуете моей выписке, и прошу вас перевести меня в отделение Советского района.

Беликов: Это не в моих полномочиях. Обращайтесь к старшему врачу, к главному врачу.

11 августа 1978 года

За один день до окончания срока созыва очередной комиссии из трех врачей я сам подошел к Беликову.

Николаев: Михаил Иванович, последняя комиссия с участием Морковкина была созвана 12 июля. Я сейчас прошу вас созвать очередную комиссию, так как подошел ее срок.

Беликов: Я комиссию собирать не буду.

Николаев: Почему?

Беликов: И без комиссии ясно, что лечение вам необходимо.

Николаев: Да, но инструкция Минздрава СССР предусматривает созыв комиссии регулярно, не реже одного раза в месяц.

Беликов: Мы не можем созывать комиссию только ради соблюдения формы. У нас в больнице около трех тысяч больных, и мы не можем каждому из них раз в месяц собирать комиссии.

Николаев: Но если инструкция предусматривает созыв таких комиссий, то вы должны их созывать.

Беликов: Вопрос о созыве комиссии решается не инструкцией, а лечащим врачом. Если лечащий врач не находит необходимости в созыве комиссии, то он может комиссию не собирать.

Николаев: Но вы нарушаете советскую инструкцию.

Беликов: Не надо громких слов!

Николаев: И всё же вы не имеете права нарушать советские законы.

Беликов (перейдя на визг): ХВАТИТ КАЧАТЬ ПРАВА!

Николаев (радостно, потирая руки): О! Об этом вашем заявлении станет известно за рубежом!

Беликов: А ну, пройдемте ко мне в кабинет. (Предыдущая часть разговора происходила в коридоре в присутствии других больных. Далее, в кабинете.) Это – что? Угроза? Так знайте, что вы можете сообщать обо мне куда угодно – хоть в «Голос Америки». Пускай там обо мне передадут! Я ничего не боюсь! Я знаю, что мое начальство мне доверяет!

Николаев: И это будет известно, что вам доверяют, несмотря на то, что вы нарушаете советские законы.

12 августа 1978 года

Сегодня я весь день обходил Беликова стороной, о комиссии ему не напоминал. Вечером написал заявление-протест министру здравоохранения о том, что Беликов категорически отказывается соблюдать инструкцию № 06-14-43. К сожалению, передал я это заявление-протест матери, а она не отправила его адресату и копию не сохранила, а все уничтожила.

Я продолжаю игнорировать Беликова, обходить его стороной. Однажды он сам подошел ко мне.

Беликов: Евгений Борисович, что это вы меня все время стороной обходите?

Николаев: Нам не о чем с вами разговаривать. Вы нарушаете советские законы. Вы – преступник, и я с вами поэтому говорить не желаю. Переведите меня в другое отделение.

Беликов: Жалобы есть?

Николаев: Да, на вас, за то, что вы до сих пор не собрали комиссию. И больше ко мне не подходите и со мной не разговаривайте. Научитесь сначала соблюдать советские законы.

21 августа 1978 года

Я случайно поймал в коридоре Мазурского.

Николаев: Михаил Иванович категорически отказывается собирать комиссию из трех врачей, вопреки пункту 7 инструкции Минздрава СССР № 06-14-43. Последний срок созыва комиссии – 12 августа.

Мазурский: Хорошо, соберем.

Николаев: Кроме того, Михаил Иванович допускает высказывания, которые при публикации и огласке можно использовать в антисоветских целях. Например, когда я требовал от него созвать комиссию, он мне сказал: «Хватит качать права!» Эта фраза характеризует не только Михаила Ивановича лично, но и государство, которое позволяет ему безнаказанно такие вещи говорить.

Мазурский: Хорошо, разберемся.

.....

Обещание свое Мазурский не выполнил. В последних числах августа в Москву вернулась Тьян. Мне, конечно, сразу стало от ее возвращения легче.

7 сентября 1978 года

Беликов повторно ушел в отпуск.

11 сентября 1978 года

Сегодня – пятая годовщина свержения коммунистической диктатуры в Чили. Совершенно для себя нежданно-негаданно я к этому юбилею получил приятный, долгожданный подарок. Перед завтраком ко мне подошел Сергей Николаевич: «Завтра вы назначены к выписке».

Вечером я вполне легально, в первый раз по разрешению врача, позвонил домой и попросил Тьян прийти завтра за мной пораньше.

12 сентября 1978 года

Тьян, как я и просил ее, пришла за мной сразу после завтрака. Утром перед выпиской мне дали ридинол на три недели. Никаких дополнительных условий (в частности, обязательная работа в лечебно-трудовых мастерских, как того требовал от меня Беликов) Сергей Николаевич мне не ставил. И только старшая сестра Лидия Михайловна сказала мне на прощание: «Обязательно посещайте диспансер. Если не будете туда ходить, то снова окажетесь здесь».

Примерно в 10 часов утра я был выпущен из больницы, где провел почти семь месяцев. Но это не было освобождением. В отношении меня просто одну форму психиатрических репрессий сменили на другую: диспансерный учет.

На этот раз я выходил из больницы с твердым желанием и намерением написать книгу. Хватит! Дальше откладывать ее написание больше нельзя. Только книга сможет предотвратить дальнейшие госпитализации, только книга поможет мне вырваться из коммунистического ада и эмигрировать. На этот раз получилось впервые по задуманному.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

15 сентября меня пригласили на небольшую встречу с членами Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. На ней были Татьяна Осипова, Вячеслав Бахмин, Ирина Гривнина, Всеволод Кувакин, Александр Лавут, Александр Волошанович. Меня подробно расспрашивали об отделении, о режиме содержания. Особенно много придирчивых вопросов задавал Александр Волошанович. Когда я рассказывал о тех издевательствах, которым меня подвергал Беликов, то Волошанович сказал: «Этот Беликов сам тяжело болен, типичный хронический садист».

А тем временем патронажная сестра психдиспансера № 13 Бандалетова Лилия Николаевна звонила моей матери: интересовалась моим здоровьем, планами, желанием устроиться на работу, а также настаивала на том, чтобы я немедленно пришел в диспансер.

Естественно, что и после этого я в диспансер не пошел: пускай туда шатаются те, кто состоит на партийном учете. У меня же были дела поважнее. Прежде всего, я написал по просьбе Рабочей Комиссии подробный отчет о двух последних месяцах пребывания в «Кащенко», ибо за последние два месяца информации у них обо мне было мало, так как Тьян была на Камчатке, а моя мать постаралась уничтожить все записи, которые я вел в «Кащенко» последнее время.

Пробыл я в Москве после выписки дней десять, после чего, сдав описание Рабочей Комиссии, уехал из Москвы в Сибирь отдохнуть к своему отцу.

В целом же, надо сказать так: хотя я и не сразу сел за книгу после выписки, но фактически все, что я делал после выписки, – следует рассматривать в аспекте ее последующего написания.

И когда я был в Сибири и гулял вдоль берега Лены или уходил в лес, наслаждаясь красотой сибирских сопок, я тоже думал о книге, о том, что и как я в ней буду писать.

Вернувшись в Москву, я написал жалобу во Всемирную психиатрическую Ассоциацию, в которой подробно описал историю тех психиатрических репрессий, которым я подвергался за эти 8 лет. Копию жалобы я направил в Британский Королев-

ский Колледж психиатров. Кроме того, я написал благодарственные письма Питеру Рэддауэю и Гарри Лоуберу.

Одновременно с этим пришлось вести и общественную работу. Та инициатива, которую когда-то выдвинул Клебанов, получила поддержку. Еще когда я был в психушке, Всеволод Кувакин пытался создать Независимый профсоюз. А уже перед моей выпиской и сразу же после нее шла подготовительная работа по созданию нового независимого профсоюзного объединения – Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся (СМОТ). Как конкретно шла эта подготовительная работа – я описывать не буду, но 28 октября мы провели пресс-конференцию, на которой объявили о создании СМОТа и передали западным корреспондентам материалы объединения.

На следующий же дёнь об этом говорили все западные радиостанции, которые отметили тот факт, что в состав Членов Совета представителей СМОТ вошел также и я.

Один раз мне в течение десяти минут удалось поговорить по телефону с Гарри Лоубером. Насколько возможно за такой короткий срок, я изложил ему вкратце историю своего пребывания в «Кащенко».

В рамках работы над книгой я написал заявления в суд на психоневрологический диспансер № 13 (9 ноября 1978 года), на участкового милиционера 137 отделения милиции города Москвы Пуляева Алексея Дмитриевича (11 ноября 1978 года) и на заведующего отделением № 6 психбольницы № 1 имени Кащенко Беликова Михаила Ивановича (16 ноября 1978 года).

Априорно все мы знаем, что такие заявления бесполезны и что советский суд никогда этих мерзавцев к уголовной ответственности не привлечет. Но для книги мне нужен не априорный постулат этого положения, а фактологическое доказательство этого явления. Исключительно из этих целей я послал заявления на них в суд.

Вскоре мне посчастливилось встретиться (они приезжали в Москву независимо друг от друга, и это были две разные встречи) с представителями западных психиатрических организаций, которые, тщательно меня обследовав, не нашли у меня никаких отклонений от психической нормы и сказали мне, что я – психически здоров.

25 ноября 1978 года, в годовщину своего отказа от советского гражданства, я вновь отправил письмо в Президиум Верховного Совета, в котором подтвердил свой отказ от советского

гражданства и вновь настаивал на выезде из Совдепии вместе с семьей.

Ну, а какой результат эксперимента с судом? Из трех заявлений, мною отправленных, два остались вообще без ответа. А из суда Севастопольского района пришел такой ответ:

«Севастопольский райнарсуд г. Москвы ВОЗВРАЩАЕТ Ваше заявление о привлечении Психоневрологического диспансера № 13 к уголовной ответственности без рассмотрения, поскольку в заявлении нет указания на конкретное лицо, нет ссылки, за что конкретно желаете привлечь ПНД.

Для сведения: с претензиями, изложенными в заявлении, следует обращаться в Министерство здравоохранения.

27. IX. 78 г. Народный судья» (подпись неразборчива).

И вот, в связи с советом, полученным мною из Севастопольского районного суда, я 1 декабря 1978 года позвонил по телефону главному врачу диспансера № 13. К тому времени оказалось, что Свищев из диспансера уже уволился и главным врачом стал Кучеров Алексей Юрьевич. Вот запись моей беседы с Кучеровым по телефону.

Николаев: Мне главного врача, пожалуйста.

Кучеров: Я у телефона.

Николаев: С вами говорит Евгений Борисович Николаев. 15 февраля этого года я был необоснованно госпитализирован в психбольницу № 1. После выписки я подал заявление в суд на ПНД в связи с моей необоснованной госпитализацией.

Кучеров: Лихо!

Николаев: Сегодня я получил из суда ответ следующего содержания: (зачитываю ему текст ответа). Поэтому я прошу вас, чтобы снова подать заявление в суд, сообщить мне, кто конкретно выписал путевку на мою госпитализацию.

Кучеров: Я вам этого не скажу.

Николаев: Почему?

Кучеров: Не скажу, и всё.

Николаев: Не имеете права или же не хотите?

Кучеров: И то, и другое. И потом, вы пустым делом занимаетесь!

Николаев: В каком смысле?

Кучеров: В самом прямом. У вас всё равно ничего не выйдет.

Николаев: Могу ли я понять это так, что статья конституции СССР, провозглашающая право жаловаться на должностных лиц, не действует и написана из пропагандистских целей?

Кучеров: Нет, почему же? Она действует. Но у вас все равно ничего не выйдет, это бесполезная затея. Мы ведь с вами знакомы, Евгений Борисович.

Николаев: Когда именно я с вами познакомился?

Кучеров: В пятнадцатом отделении.

Николаев: А – «Кащенко». Я тогда поступил к вам в 1974 году. После моего помещения в больницу вы проработали там несколько дней, затем вас Дмитриевский выжил.

Кучеров: Совершенно верно.

Николаев: Я очень рад, что нашел вас. В больнице тогда вы сказали мне целый ряд интересных сведений о советской психиатрии.

Кучеров: Тогда вы были более покладистым и соглашались с доводами, которые я вам приводил. А сейчас не можете отказаться от своей пустой затеи.

Николаев: У меня на это есть свои соображения, почему я снова подам в суд. Скажите, вы были в феврале главным врачом диспансера или нет?

Кучеров: Тогда я еще здесь не работал, так что меня вам зацепить не удастся.

Николаев: Я вас зацеплять не собираюсь, мне просто нужна информация.

Кучеров: Кстати, почему вы не заходите в диспансер? Зашли бы к своему врачу Алексееву.

Николаев: Я к Алексееву не пойду. Я подозреваю, что это он выписал путевку. Моих подозрений недостаточно, чтобы подавать на него в суд, не проверив их предварительно. Но этих подозрений достаточно, чтобы с ним не общаться. А в диспансер я вообще не собираюсь ходить ни к кому.

Кучеров: Но ведь вы знаете существующее положение. Вы должны являться в диспансер регулярно.

Николаев: Вы считаете, что мне нужно наблюдение психиатров?

Кучеров: Да, считаю.

Николаев: В таком случае я вам скажу, что совсем недавно я виделся с одной женщиной из Лондона, которая работает в той же самой психиатрической клинике в Лондоне, что и британский психиатр Гарри Лоубер, приезжавший в апреле этого года в «Кащенко», чтобы меня обследовать. Его тогда ко мне не допустили. Но сейчас эта женщина нашла мое состояние нормальным. Сами понимаете, общение с работниками западных психиатрических служб более приятно, чем общение с совет-

скими психиатрами. Я лучше буду по мере возможности общаться с западными психиатрами, если уж так необходимо, чтобы я общался с психиатрами.

Кучеров: Если у вас так пойдет и дальше, то это приведет к печальным для вас последствиям.

Николаев: К каким именно?

Кучеров: К тем же стенам.

Николаев: Каким стенам?

Кучеров: Больничным.

Николаев: Могу ли я то, что вы сейчас сказали, передать в Рабочую Комиссию по расследованию использования психиатрии в политических целях и в Британский Королевский Колледж психиатров, который выступал за мое освобождение из больницы?

Кучеров: Ни в коем случае!!!

Николаев: Почему?

Кучеров: Тогда я вообще ничего не буду вам говорить. А вам еще придется со мной общаться.

Николаев: Значит, это просто ваш добрый совет?

Кучеров: Да, это добрый совет.

Николаев: Хорошо. Теперь я хочу вам кое-что рассказать. В ноябре 1977 года я прошел экспертизу в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Эксперт-психиатр Рабочей Комиссии признал меня психически здоровым и сделал вывод, что я в лечении в условиях больницы не нуждаюсь. Материалы этого обследования известны западным психиатрам. Поэтому я прошу вас не обострять со мной отношений.

Кучеров: Это что, угроза?

Николаев: Почему же сразу – угроза? Это – просьба. Я же вам говорю слово «прошу». В свою очередь, я вам обещаю, что мое поведение не будет подпадать под действие инструкции № 06-14-43 Минздрава СССР от 26 августа 1971 года.

Кучеров: А что это за инструкция?

Николаев: Вы что, не знаете?

Кучеров: Впервые слышу.

Николаев: Хорошо, я сейчас вам ее зачитаю по телефону.

Кучеров: Пожалуйста.

Николаев: Здесь только три машинописные страницы (читаю инструкцию).

Кучеров: Я что-то о ней слышал.

Николаев: Так вот, ваши предшественники в диспансере

нарушали ее. В отношении меня допускались нарушения пунктов 1,2 и 4 – это со стороны участковых врачей. А ваш предшественник Свищев нарушал пункт 10 – не следил за соблюдением данной инструкции своими подчиненными. Я прошу вас следить за ее выполнением.

Кучеров: Буду стараться по мере возможности.

Николаев: Еще я хочу сказать, что материалы о моих первых госпитализациях попали на Конгресс в Гонолулу. В частности, моя беседа с Дмитриевским, которая очень выразительно характеризует советскую психиатрию. Моя же последняя госпитализация получила широкое освещение в передачах западных радиостанций: «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкая волна», радио «Швеция». Я уж не говорю о нашей отечественной радиостанции «Свобода».

Кучеров: Ну, мало ли что может «Свобода» болтать?

Николаев: Я надеюсь, что вы не заинтересованы в компрометации государства, в котором вы живете.

Кучеров: Разумеется.

Николаев: А фамилию врача, выписавшего путевку, вы мне не скажете?

Кучеров: Нет, не скажу. В очередном заявлении можете так и написать, что главный врач диспансера отказался сообщить фамилию врача, выписавшего на вас путевку. И вообще, лучше откажитесь от своей затеи. У вас все равно ничего не выйдет.

Николаев: У меня на это есть свои соображения.

Кучеров: Ну, дело ваше, поступайте как знаете. Но все это бесполезно. Ну, до свидания. Заходите в диспансер, если вам что понадобится.

Все эти события происходили на одном и том же ежедневном для меня почти фоне: работе над книгой. Да, сейчас я действительно работал над книгой и ежедневная текучка больше меня не заедала. Прошлые госпитализации – вероятность будущих – делали свой дело, выдвигали на первый план необходимость работы над книгой.

Работая над книгой, я прежде всего пересмотрел свой архив. И поразился тому, как же много мне удалось вынести материала из отделения! Затем я познакомился с правозащитными документами, в которых была описана моя последняя госпитализация*.

---

* См. «Информационные Бюллетени Рабочей Комиссии по рассле-

Пользуясь случаем, я хочу со страниц своей книги выразить признательность и благодарность всем, кто выступал за мою выписку и в мою защиту.

В то же время реакция вышестоящих советских инстанций, как правило, была молчаливой. В моем распоряжении есть только один письменный документ об официальной реакции ответственного советского чиновника, который я и привожу ниже полностью:

«ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
МОСГОРИСПОЛКОМА
ГЛАВНЫЙ ПСИХИАТР

Ул. Чехова, д. 9 Тел. 299-29-28
№ 437 19 мая 1978

тов. Заочной Т. К.

КОПИЯ: Главному врачу психиатрической больницы № 1 им. Кащенко
тов. Морковкину В. М.

Уважаемая тов. Заочная, Ваше заявление рассмотрено.

Сообщаю, что Ваш муж НИКОЛАЕВ был стационирован в психиатрическую больницу по медицинским показаниям. Это подтверждено и Комиссией, которая неоднократно освидетельствовала его в больнице. Вопрос о его выписке будет решаться лечащими врачами в зависимости от его дальнейшего состояния.

Главный психиатр гор. Москвы

(подпись) В. П. Котов»

Конечно, просмотр архива сыграл свою большую роль в работе над книгой, особенно ее последних глав. Вообще же, надо сказать, что сейчас книга писалась легко. Как-то сложился в голове план, отточились мысли и текли слова для их выражения. Иногда, правда, и притом довольно часто, бывали загвоздки. Льется мысль по древу и вдруг – стоп! Не могу писать, и всё тут. Тогда я бросал рукопись в сторону, надевал рюкзак и уходил в лес гулять. И гуляя по лесу, думая над книгой, возвращал утерянные мысли, находил подходящие слова для их выражения и снова принимался за рукопись до очередного турпохода творческого в лес.

дованию использования психиатрии в политических целях, №№ 7, 8, 9, 10, 12; «Хроника текущих событий», №№ 48, 49, 51.

Был у меня еще один творческий прием: написав какую-нибудь главу или часть, я часто приходил с этим куском к кому-нибудь из знакомых и читал им этот кусок. Если нравилось им – значит написано хорошо. Если ругали, говорили, что скучно или же неинтересно, – значит, написано плохо, надо переделывать. Читатель ведь самый строгий судья, и с его мнением надо считаться, если хочешь написать книгу хорошо.

И вот, как-то однажды пришел я к своему знакомому с очередным готовым куском рукописи. Там была описана вторая госпитализация (ее конец), глава «И опять – диспансер» и начало третьей госпитализации, до моей отправки в Столбовую (то, что лежит в пределах страниц 51-70 данной книги, примерно, разумеется).

А к знакомому как раз друг приехал из одного провинциального, но достаточно крупного города. Стол был накрыт закуской и вином, и попал я вовремя на этот пир. После двух-трех рюмочек и предложил мой знакомый, чтобы я показал кусок своей рукописи его гостю, которого я условно буду называть пока «Михаил».

Михаил стал читать. Прочитал раз, потом снова, потом по третьему разу. Затем обратился ко мне.

Михаил: Это вы и есть Николаев?

Николаев: Да, я.

Михаил: Это вы о себе пишете?

Николаев: Да, о себе.

Михаил: Но за что же вас в больницу клали? Ведь из того, что я прочитал, ясно, что вы – здоровый человек! Да и глядя на вас лично, нельзя подумать, что вы больны. Если бы я не прочитал этой вашей рукописи, я бы никогда не подумал, что вы в больнице лечились.

«Миша – психиатр, – вставил свое слово мой знакомый, к которому я пришел, – ты можешь ему доверять».

Николаев: Меня клали в психушки по политическим причинам, в связи с моими убеждениями.

Михаил: Вообще, из книги это видно. Но скажите, неужели вам врачи действительно такие вопросы задавали?

Николаев: Да, задавали именно такие вопросы.

Михаил: Они что, с ума, что ли, посходили: такие идиотские вопросы задавать?

Николаев: Ну, они не предполагали, очевидно, что когда-нибудь я стану писать книгу.

Михаил: Но вообще-то, вы тогда тоже не совсем правильно

себя вели. Вы им что-то объясняли, доказывали. А это всё зря. Не надо метать бисер перед свиньями. Надо было просто ответить: «На такие и такие-то вопросы я отвечать отказываюсь». Вот так вам надо было отвечать.

Николаев: Я согласен с вами, что я тогда вел себя с ними не совсем правильно. Но вести себя так, как предлагаете вы, – тоже неправильно.

Михаил: Почему же?

Николаев: Когда я стал им отвечать так, то я оказался неконтактным. Опять плохо.

Михаил: Что же, получается безвыходное положение?

Николаев: Не совсем. Выход есть. И я его нашел, начиная с четвертой госпитализации. Но пока в моей рукописи это не отражено.

Михаил: И что же это за выход?

Николаев: Я могу вам его продемонстрировать. Сначала скажите, где вы работаете?

Михаил: В городской психиатрической перевозке у себя в городе.

Николаев: Давайте минут пять сыграем в такую игру: вы работаете в психбольнице, к вам привозят меня, ну, допустим, за эту рукопись, и вы вызываете меня на беседу. Так я вам наглядно покажу, как я веду себя в больнице.

Михаил: Хорошо, давайте сыграем. Пять минут. (Начинает игру.) Скажите, что произошло?

Николаев: Не знаю.

Михаил: Почему вы попали в больницу?

Николаев: Не знаю, я ничего плохого не делал.

Михаил: А что это за рукопись была у вас?

Николаев: Какая рукопись?

Михаил: Ваша, антисоветская.

Николаев: А разве обладание антисоветской рукописью является признаком психического заболевания?

Михаил: Конечно, иначе бы вас сюда не доставили!

Николаев: А разве обладание такой рукописью подпадает под инструкцию о неотложной госпитализации?

Михаил: Да, подпадает. Если вы занимаетесь антисоветской деятельностью, то вы не только больны, но еще и социально опасны. Скажите, зачем вы эту рукопись написали?

Николаев: А разве здесь КГБ? Мне казалось сначала, что здесь больница. Почему вы задаете политические вопросы, а не медицинские?

Михаил (кончает игру): Нет, сейчас вы ведете себя еще хуже, чем тогда. Вы делаете вид, что ничего не знаете и не понимаете. У врача может возникнуть впечатление, что вы не совсем отдаете себе отчет в своих поступках.

Николаев: Сейчас я вам объясню. Представьте себе, что мы кончили эту беседу. В больнице бы она длилась дольше, естественно, чем в игре. Ну, я возвращаюсь в отделение, достаю бумагу и авторучку и записываю следующее (далее повторяю ему нашу игру-беседу слово в слово). Затем я выбрасываю эту беседу в окно, а через некоторое время она звучит или по «Свободе», или где-то публикуется на Западе. И так не только с этой беседой, но и со всеми остальными.

Михаил: Что??! Так меня ж за такую беседу с работы тут же выгонят! Нет! Хорошо, что вы меня предупредили! Я не знал, что такие диссиденты уже пошли опытные! Я и раньше от них держался подальше, а теперь и подавно буду обходить их стороной!

Николаев: Вы не догадывались, к чему все эти контрвопросы?

Михаил: Нет, конечно. Но только я вам тоже совет дам. Если врач узнает, что вы отправляете материал на Запад, то он будет вам мстить. Понимате, так вы для него – такой же больной, как и все остальные. А если вы публикуете беседы с ним, то он понимает же, что он может лишиться рабочего места из-за вас. И он уже начинает относиться к вам, как к личному врагу.

Николаев: А я это знаю. Уже испытал на себе.

Михаил: И потом учтите еще одно обстоятельство. Я говорю вам как человек, который в этих условиях работает. Врачи не такие уж и злодеи, как вы думаете. Просто им приказывает КГБ – такого-то посадить. И психиатр вынужден сажать и держать человека в психушке.

Николаев: Хотя и знает, что этот человек здоров?

Михаил: Да, хотя и знает, что этот человек – здоров. Ведь у каждого психиатра – семья, он не хочет терять из-за какого-то диссидента или верующего работу. Еще в психиатрической перевозке можно что-то человеку сделать. Но если он уже попал в психбольницу, – то там врач ничем помочь ему не сможет. Не выпишет, пока не получит разрешения от КГБ.

Николаев: А как можно помочь в психиатрической перевозке?

Михаил: Ну, как? Вот у нас в городе тоже диссидентов хватает. И много верующих, особенно баптистов. Хватают их –

вызывают психиатров. И когда дежурю я – то в таких случаях всегда говорю милиции или сотрудникам КГБ так: «По медицинским показаниям в лечении в больнице не нуждается. Если у вас есть к нему претензии, то занимайтесь им сами».

Николаев: И как реагирует КГБ?

Михаил: А никак. Я не знаю, как. Я уезжаю, и что дальше с человеком – мне неизвестно.

Николаев: Значит, можно не госпитализировать диссидентов даже под давлением КГБ?

Михаил: Мне пока удавалось их не сажать. Но если бы я работал в психбольнице и диссидент уже бы поступил ко мне – то я бы ничего уже не смог бы для него сделать.

Николаев: Я думаю, что если так можно говорить в психиатрической перевозке, то так же можно ответить КГБ и в психбольнице.

Михаил: Это вы так думаете. Вы – диссиденты – люди смелые, готовые и на тюрьму, и на любые трудности. А ведь врач в психбольнице – обычный советский человек, трус, который держится за свое место и боится его потерять.

Николаев: Но вы, когда не госпитализируете диссидентов, – разве не боитесь потерять свое рабочее место?

Михаил: Боюсь. У меня несколько детей, один меньше другого.

Николаев: А у нас, у многих диссидентов, тоже дети есть.

Михаил: Но вы не думайте, что инициатива исходит от врачей. Вся инициатива исходит от КГБ. Врачи – только орудие в их руках.

Николаев: Это мы знаем, что – орудие. Но посудите сами. Для КГБ главное – чтобы человек был изолирован. Так?

Михаил: Так.

Николаев: Что с человеком в психбольнице делается, – для КГБ уже все равно.

Михаил: Ну, может быть, и все равно.

Николаев: А дальше начинается. Одни врачи держат диссидентов на спокойной половине и не обращают внимания на то, что те – выплевывают лекарства. А другие – назначают инъекции. Как это понимать?

Михаил: Ну, это они, конечно, уже от себя делают. Это уже – законченные негодяи.

Николаев: А те – которые только приказ преступный выполняют и от себя ничего лишнего не делают – намного ли лучше этих последних негодяев?

Михаил: Я вас понимаю. Но вы не знаете всей сложности той ситуации, в которую поставлены психиатры. И потом – вы знаете, что некоторые психиатры нарочно кладут здоровых людей в психбольницы, чтобы спасти их от тюрьмы?

Николаев: Нет, не знал.

Михаил: Среди многих психиатров бытует представление, что они, помещая здоровых людей в больницу, тем самым делают им добро, так как спасают их от тюрьмы или лагеря. Причем, поверьте мне, они думают так совершенно искренне!

Николаев: Я думаю, что если они хотят сделать человеку добро, то они прежде всего должны спросить у человека, хочет ли он этого добра или не хочет. Я бы предпочел тюрьму, а не психбольницу.

Михаил: Но поймите: ситуация здесь не простая. И нельзя так просто обвинять всех психиатров подряд в этих злоупотреблениях.

Николаев: Психиатр – прежде всего врач. И соображения порядочности должны стоять у него на первом месте. И не имеет он никакого права помещать кого бы то ни было в психушку за взгляды и убеждения, какими бы мотивами он ни руководствовался. Поймите, здоровому человеку психиатр сделает только зло, если поместит его в психушку.

Михаил: Я тоже считаю, что это не спасение. Но вам я еще раз повторяю и прошу поверить мне, что многие психиатры считают так совершенно искренне.

---

10 декабря 1978 года, как всегда, в Москве состоялась демонстрация перед памятником Пушкину. На этот раз демонстрантов собралось особенно много, ибо в этом году исполнялось тридцатилетие принятия Всеобщей Декларации Прав Человека. Однако, когда демонстрация уже кончилась и мы стали расходиться, то менты и чекистские бандиты стали хватать нас всех подряд. Схватили и меня, когда я уже спустился в подземный переход.

Ну, что ж? Пропал опять. Снова в психушку? А, нечего терять, и я как заору: «КПСС – БАНДА! ДОЛОЙ КОММУНИСТОВ!» Отвели меня чекистские бандиты в 108 отделение милиции. Там уже много диссидентов набралось. Стал я потихоньку с ними прощаться и попросил тех, кто знал о моей книге, начало рукописи в случае моего ареста и госпитализации – переправить на Запад. Заодно обговаривал и пути утечки информации из отделения с учетом того, что было в последнюю госпитализа-

цию. Но... сошло! Никого из нас не арестовали, и всех выпустили часа через два, в том числе и меня. Записали адрес у каждого. Как оказалось, пригодились им эти данные через год.

Еще в ноябре 1978 года была насильственно госпитализирована в психбольницу № 15 Валерия Новодворская, член Совета представителей Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся (СМОТ). Разумеется, мы стали добиваться ее освобождения, писали письма в официальные советские инстанции в ее защиту, информировали о ее госпитализации западную общественность. И вот, как-то я узнаю, что Валерию Новодворскую в психбольнице № 15 обследовал профессор Матвеев Валентин Федорович, заведующий кафедрой психиатрии Московского медицинского стоматологического института. Тот самый Матвеев, с которым я имел много содержательных бесед, когда сам находился в отделении № 18 у Гуревича в 1971 году.

Естественно, что я захотел встретиться с Матвеевым, чтобы поговорить с ним по поводу Новодворской. Диссиденты меня отговаривали. Одни говорили, что Матвеев примет меры к моей госпитализации, другие утверждали, что он просто не будет со мной разговаривать. И те и другие оказались неправы.

Не без труда я узнал служебный телефон Матвеева и позвонил ему. Не сразу, но он всё же обо мне вспомнил и согласился на то, чтобы я с ним встретился.

26 декабря 1978 года эта встреча состоялась. Так как моя беседа с Матвеевым касалась личности Новодворской, то я сокращу ее. Оставлю в книге только то, что касается меня лично, а в отношении Новодворской дам лишь самое начало беседы.

Николаев: Скажите, Валентин Федорович, как, по-вашему, Валерия Новодворская больна или здорова?

Матвеев: Конечно, Валерия психически больна.

Николаев: А как вы считаете: она представляет социальную опасность или же не представляет?

Матвеев: Ну что вы? Конечно, не представляет. Она немного приболела, ее состояние ухудшилось, в связи с чем она и была госпитализирована. Но никакой социальной опасности Валерия, конечно, не представляет.

Николаев: Если Валерия Новодворская не представляет социальной опасности, как вы только что мне сказали, то почему ее госпитализировали и держат в психбольнице? Ведь если она не представляет социальной опасности, то для ее лечения вполне достаточно диспансерного учета.

Матвеев: Ну, это мое мнение, что она не представляет социальной опасности сейчас. В каком она состоянии была в момент госпитализации – мы не знаем. Это все на совести врача, который выписал направление на ее госпитализацию. Очевидно, она представляла социальную опасность в момент госпитализации.*

Николаев: Хорошо. Но если она не представляет социальной опасности сейчас, то почему ее по-прежнему держат в психбольнице? Ведь это тоже нарушение инструкции о неотложной госпитализации. Могу ли я попросить вас содействовать ее выписке?

Матвеев: Я посодействовать ее выписке не могу. Я ведь в больнице не работаю. Меня иногда приглашают в больницу, чтобы провести обследование, но с моим мнением они могут и не считаться. Я в больнице не имею даже права совещательного голоса. Так что по этому поводу обратитесь к ее лечащему врачу и к заведующему отделением.

Николаев: Тогда вопрос относительно меня лично. Как мне быть с диспансером? Они совершенно не дают мне житья. Я ничего предосудительного не делаю, ни во что не вмешиваюсь. И совершенно неожиданно для меня они выписывают путевку, без предварительного медицинского обследования, и сажают в больницу. В больнице меня спрашивают: «Что произошло?» А я и сам не знаю, что произошло.

Матвеев: И давно вас клали в последний раз?

Николаев: Последний раз 15 февраля. Я отсидел семь месяцев.

Матвеев: Семь месяцев?! Почему так долго?

Николаев: Врачи не отчитывались. И мало того, подвергали меня жестокому обращению. Три месяца подряд кололи стелазином.

Матвеев: Диспансер тут ни при чем. Они выполняют распоряжения органов.

Николаев: Каких?

Матвеев: КГБ. КГБ звонит в диспансер и просит вас госпитализировать. Они просто исполнители, а не инициаторы.

Николаев: Исключать такую вероятность нельзя. Но так

---

* Как нам удалось узнать позже, Валерия Новодворская была госпитализирована без предварительного медицинского обследования по приказу КГБ и без путевки на госпитализацию со стороны врача. Из-за этого ее не хотели принимать в Приемном покое.

как прямых доказательств нет, то и утверждать этого тоже нельзя.

Матвеев: Это делается настолько открыто и прозрачно, что не надо обладать достаточно большим умом, чтобы догадаться, что всё идет по инициативе КГБ. Скажите, когда родились ваши дети, до больниц или после?

Николаев: Дочка родилась до больниц, а сын – после первых четырех госпитализаций.

Матвеев: Это плохо. Детей нельзя делать несчастными. Больше я вам детей заводить не советую. Вас подвергали интенсивному лечению?

Николаев: Случалось. Особенно последний раз, когда меня три месяца кололи стелазином.

Матвеев: Препараты, которые мы даем больным, особенно в форме инъекций, разрушают генетическую структуру. Поэтому дети могут родиться уродами или умственно отсталыми. Так что, лучше их больше не иметь.

Наступил январь 1979 года.

3 января я повторно обратился в суд Севастопольского района по поводу своей насильственной госпитализации, осуществленной по инициативе психдиспансера № 13. Одновременно с этим я послал копию своего заявления в Московский городской суд. А тем временем вышел в свет Информационный бюллетень Рабочей Комиссии № 13, который опубликовал реакцию властей на мое первое обращение в суд.

5 января 1979 года я пришел в психдиспансер № 13 в связи с тем, что к концу подходила моя инвалидность.

Кучеров: Редкий гость в наших краях.

Николаев: Да, редкий.

Кучеров: Ну, какие трудности?

Николаев: Мне бы ВТЭК пройти. А там, как они решат, – их дело.

Кучеров: Понятно.

Николаев: Мне бы хотелось кое-что у вас спросить. Когда я попал к вам в феврале в 1974 году в Кащенко, вы мне сказали интересную вещь, что звонок поступил в диспансер из компетентной организации.

Кучеров: Я сказал?

Николаев: Да, вы сказали. «И не все ли вам равно, кто вас положил в больницу, Назаров или главный врач? Если бы Назаров не выписал путевку, то путевку бы выписал главный врач,

а Назаров бы полетел с работы. Вы бы все равно попали в больницу. А почему Назаров из-за вас должен рисковать своим местом?» Вы помните это?

Кучеров: Феноменальная память! Не помню, конечно, но возможно.

Николаев: Вот, вы это мне сказали. Так вот, у меня к вам на будущее в связи с этим просьба. Если органы будут звонить в будущем, то отвечайте им так: «По медицинским показаниям под госпитализацию не подпадает. Если у вас есть к нему какие-либо претензии, занимайтесь им сами».

Кучеров (повышенным голосом от волнения): Вот видишь, какие ты ставишь условия! А сам действуешь неправильно! Если ты хочешь, чтобы я так отвечал, ты должен приходить сюда раз в месяц, в диспансер.

Николаев: Во-первых, давайте обращаться на «вы».

Кучеров: Извините. Если я вас не вижу, если вы не ходите в диспансер, как я могу так отвечать? Как я могу сказать, что нет никаких медицинских показаний? Ну вот, вы врач... Не видя меня, не поговорив со мной, вы можете дать такое заключение? Где логика?

Николаев: Хорошо, если у вас возникает сомнение по поводу медицинских показаний, вы всегда можете...

Кучеров: Не надо жонглировать словами. И если вы собираетесь адресовать меня ко всяким Королевским Академиям – не нужно...

Николаев: Вы не хотите иметь дело с Королевскими Академиями?

Кучеров: Не хочу.

Николаев: Жалко. А я думал, что вы собираетесь выполнять решения Гонолулского конгресса психиатров.

Кучеров: Так вот, если вы хотите, чтобы мы шли вам навстречу, вы должны идти навстречу нам. Вы ставите нас в такое положение! Вы, человек, знающий конъюнктуру! Мы ничем не можем вам помочь. Вместе с тем, если бы вы раз в месяц, это вас ни к чему не обязывает, показывались в диспансере, этих вопросов бы не возникало. И тогда я мог бы отвечать так, как вы говорите.

Николаев: Этим самым органам?

Кучеров: Этим самым органам.

Николаев: Компетентным?

Кучеров: Ну, я не знаю, компетентные они или некомпетентные. Не надо придираться к словам. Иначе у нас просто не

получится разговора. Так что, давайте вот так, если вы хотите спокойно жить, это вас ни к чему не обязывает, вы должны раз в месяц появляться в диспансере. Вот вы мне скажите, почему вы не ходите в диспансер?

Николаев: Я вам сейчас скажу. Я виделся с несколькими психиатрами после выписки, как советскими, так и западными...

Кучеров: Ну и что?

Николаев: ... все они признали меня здоровым человеком.

Кучеров: Если б вы жили на Западе – это был бы для нас довод. Вы живете – в Бирюлёво. Правильно я говорю?

Николаев: Дальше.

Кучеров: Поэтому вам нужно ориентироваться на нашу точку зрения.

Николаев: Скажите, а для вас мнение западных психиатров не играет никакой роли?

Кучеров: Так вот, если вы хотите, чтобы я делал то, что вы просите, то я прошу вас делать то, что прошу я.

Николаев: А если я не буду ходить, разве это подпадает под инструкцию о неотложной госпитализации?

Кучеров: Не видя вас, мне сообщают о неправильном поведении больного. Не видя вас, я не могу сказать: «Нет, он сейчас не нуждается в госпитализации».

Николаев: А с чего вы считаете, что мое поведение неправильное? Почему ту информацию, которая к вам поступает, вы признаёте за верную?

Кучеров: А у меня нет другой информации. Если бы вы ко мне пришли, мы бы с вами поговорили, я увидел бы, что вы ответили бы мне на какое-то вопросы и смог бы так отвечать.

Николаев: Хорошо. Как вы находите мое состояние сейчас?

Кучеров: Я думаю, что ничего. Не подпадает под инструкцию.

Николаев: Ну вот так. Давайте вот о чем договоримся. Я вам свою просьбу высказал. Теперь, в свою очередь, я вам обещаю, что мое поведение не будет подпадать под инструкцию. Даю вам честное слово.

Кучеров: А приходить не хотите?

Николаев: Западные психиатры сказали, что не стоит.

Кучеров: Они неправы. Они не знают нашей ситуации.

Николаев: Да, к сожалению, они не знают ситуации.

Кучеров: А вы знаете ситуацию!

Николаев: Я знаю ситуацию, а они не знают ситуацию. Потому что все правозащитные документы, посвященные психиатрическим репрессиям в Советском Союзе, посвящены разоблачению исключительно психиатрических больниц как общего, так и специального типа. Диспансеры не упоминаются совсем, а если упоминаются, то вскользь.

Кучеров: Нам никакого внимания?

Николаев: Да, вам никакого внимания.

Кучеров: Как обидно!

Николаев: Обидно.

Кучеров: Спецбольница да спецбольница! А нам никакого внимания!

Николаев: А вы что, хотите, чтобы диспансерам тоже оказывалось внимание?

Кучеров: Спасибо, не нужно.

Николаев: А почему?

Кучеров: Да ни к чему нам это. Это вам нравится, когда о вас говорят. А нам это не нравится. Нам не нужно лишних разговоров, неприятностей. Мы хотим сидеть тихо.

Николаев: Но чтобы сидеть тихо, надо обоюдно соблюдать... с моей стороны, не подпадать под действие инструкции, а с вашей – не нарушать решений Гонолулского конгресса психиатров. Тогда не будет передач по западным радиостанциям. И если будут по поводу меня звонки – отправляйте меня к ним. И я сейчас скажу – почему. Что бы я там ни делал, но я по своим действиям не набрал ни на 64 статью, ни на 70, ни на 190. Понимаете?

Кучеров: Честное слово?

Николаев: Честное слово. И теперь по поводу Алексеева, к которому я не хочу ходить. Он сотрудничает с КГБ.

Кучеров: С чего это вы взяли?

Николаев: Я видел запрос из КГБ в адрес диспансера: «Состоит ли Николаев на психучете и в связи с каким заболеванием?» – и ответ на этот запрос, подписанный Алексеевым.

Кучеров: Но это естественно, а кто же будет отвечать, как не он?

Николаев: То есть вы подтверждаете, что он сотрудничает с КГБ?

Кучеров: Любой врач, которому пришел бы запрос, ответил бы на него. Ну, ладно. Давайте готовиться к ВТЭКу. Возьмите бегунок и идите в семнадцатый кабинет.

Николаев: Хорошо. До свидания.

Кучеров: И регулярно появляйтесь в диспансере.

Николаев: Если вы так хотите меня видеть, я вам свою фотографию пришлю по почте.

Кучеров: Лучше лично.

В семнадцатом кабинете дежурный врач довольно-таки быстро оформила мне направление на ВТЭК. Пока она писала направление, она листала мою «историю болезни», чтобы делать из нее выписки. В «истории болезни» я успел обнаружить фирменный бланк 108 отделения милиции, того самого, куда нас всех тащили с демонстрации перед памятником Пушкину 10 декабря 1978 года.

19 января 1979 года я написал два заявления в Московскую городскую прокуратуру с просьбой привлечь к уголовной ответственности участкового милиционера 137 отделения милиции Пуляева Алексея Дмитриевича и заведующего шестым отделением психбольницы имени Кащенко Беликова Михаила Ивановича. На оба эти заявления я не получил никакого ответа.

А тем временем очередной 52 номер «Хроники текущих событий» поместил информацию о моем эксперименте с обращениями в суд, подтверждающими то, что в Совдепии легально добиться справедливости невозможно.

ВТЭК я проходил в диспансере 12 февраля 1979 года. Фамилии врачей, проводивших ВТЭК, мне неизвестны. Председателем был мужчина. Были еще две женщины: черноволосая и седая.

Председатель: Как вы себя чувствуете?

Николаев: Нормально.

Председатель: Вы живете один?

Николаев: Нет.

Председатель: С семьей?

Николаев: А зачем вам это знать? Разве тот факт, что у меня есть дети, оградит меня от репрессий?

Черноволосая: Послушайте! Какие репрессии?! Что вы говорите?!

Николаев: Репрессии со стороны психдиспансера.

Председатель: И в чем они проявляются?

Николаев: В том, что диспансер незаконно выписывает на меня путевки и направляет меня в психбольницу.

Председатель: А когда вас последний раз направляли в больницу?

Николаев: В феврале прошлого года. Разве вы не слышали? По всем радиостанциям передавали. По «Би-Би-Си», «Го-

лосу Америки», «Немецкой волне», по радио «Швеция» и по «Свободе».

Председатель: Прямо так и передавали, что вы находитесь в больнице?

Николаев: Прямо так и передавали.

Председатель: Вы сами слышали?

Николаев: Слышал после выписки. Радио «Свобода», в частности, передавала обо мне последний раз 24 января этого года. Это то, что я слышал сам.

Председатель: Интересно, а как они это делали? Через спутник, что ли? Из больницы прямо в редакции радиостанций?

Черноволосая: Погодите, я что-то о вас слышала по западным радиостанциям. Вы полиглот?

Николаев: Да, полиглот.

Черноволосая: И передавали действительно о вас?

Николаев: Да, действительно обо мне.

Председатель: А как же информация о вашей госпитализации попала на Запад?

Николаев: Понятия не имею. Я-то сам тогда в больнице был. Но последний раз слышал о себе по «Свободе» 24 января. Вы не слышали?

Председатель: Нет, не слышал. Не у всех есть возможность слушать западное радио.

Черноволосая: А кто вы по специальности?

Николаев: Зоолог.

Черноволосая: Вы бы хотели работать по специальности?

Николаев: Да, но не в условиях СССР. В СССР я, независимо от принятого вами решения, работать не буду. Я соглашусь работать только на Западе.

Председатель: А почему не в СССР?

Николаев: Потому что я в СССР был незаконно репрессирован и я не собираюсь работать на государство, которое меня репрессировало.

Председатель: А как же можно жить не работая?

Николаев: Можно жить. Я был незаконно уволен с работы в 1970 году и, как видите, живу. И я не собираюсь возвращаться в официальную советскую колею, из которой меня выгнали. Я нашел свое место в неофициальной колее и предпочитаю оставаться в ней. Я не намерен работать на государство, попирающее свои собственные законы.

Председатель: В чем же это проявляется?

Николаев: Психически здоровых людей в СССР помещают незаконно в психиатрические больницы.

Председатель: Например?

Николаев: Меня. Я осенью 1977 года прошел экспертизу в Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Черноволосая: Это официальная комиссия?

Николаев: Общественная.

Черноволосая: Там есть врачи?

Николаев: Конечно. Эксперт-психиатр Рабочей Комиссии признал меня психически здоровым. Об этом был информирован бывший главный врач диспансера № 13 Свищев, городской психиатр Котов, главный психоневролог Чуркин. Однако это не оградило меня от незаконных репрессий, хотя все эти должностные лица и знали о том, что я – психически здоров.

Председатель: А откуда этот психиатр?

Николаев: Обычный честный психиатр с советским дипломом.

Черноволосая: А как его фамилия?

Николаев: Этого я вам не скажу.

Черноволосая: Он законспирирован?

Николаев: Нет. О нем летом прошлого года передавали по западным радиостанциям и, слушая западное радио, вы сможете узнать его фамилию.

Черноволосая: Мы знаем об этой экспертизе и о мнении вашего психиатра.

Председатель: Хорошо. У нас сажают психически здоровых людей в психбольницы. Что еще?

Николаев: Нарушается инструкция о неотложной госпитализации № 06-14-43. В частности, инструкция предусматривает госпитализацию только в случае реальной опасности больного для окружающих или для себя лично. Я же такой опасности не представлял никогда. В отношении меня диспансер нарушал пункты 1,2 и 4, а больница – пункты 6 и 7.

Председатель: Что еще?

Николаев: В СССР невозможно добиться справедливости и оградить себя от произвола со стороны властей. В частности, я подал после выписки в суд на диспансер, на милиционера, который меня госпитализировал, и на врача в больнице, который подвергал меня жестокому обращению.

Председатель: И ответа не получили?

Николаев: И ответа не получил. Потому что советская система не способна обеспечить права человека.

Черноволосая: А в чем заключалось жестокое обращение с вами в больнице?

Николаев: Лечащий врач Беликов три месяца колол меня стелазином.

Черноволосая: Но это, наверное, было нужно для вашего здоровья?

Николаев: Для моего здоровья это было не нужно. Беликов тоже был информирован о результатах экспертизы Рабочей Комиссии.

Председатель: Но ведь стелазин, кажется, английское лекарство?

Николаев: Французское. Произведено в Индии по французской лицензии.

Председатель: Если вас лечили лекарством, произведенным за рубежом, которое используется также в западных психиатрических больницах, то разве можно говорить о жестоком обращении?

Николаев: Можно, ибо это лекарство использовалось не по назначению. И очень плохо, что на Западе не знают, как используются средства, которые СССР закупает у западных фирм.

Председатель: А как же вы намерены жить дальше? На что?

Николаев: Когда меня в 1970 году незаконно уволили с работы, никто не подумал, на что я буду жить, и я прошу вас об этом тоже не беспокоиться.

Председатель: Год назад на ВТЭКе вы говорили, что у вас есть какие-то отношения с Корваланом.

Николаев: Я этого не говорил. Я говорил другое. Я сказал вам, что у меня есть пальто, которое мне досталось в наследство от Владимира Буковского, того самого, которого поменяли на Луиса Корвалана. И я вам сказал, что я мечтаю обменять это пальто на пальто Луиса Корвалана. Но так как я с Корваланом не знаком, то моя мечта пока не сбылась.

Председатель: Ну да, а так как с Корваланом познакомиться трудно, то ваша мечта так и останется голубой мечтой.

Николаев: Совершенно верно.

Председатель: Какие у вас к нам просьбы?

Николаев: Только одна. После ВТЭКа диспансер всегда выписывает на меня путевку на госпитализацию. Не надо давать диспансеру таких рекомендаций.

Черноволосая: Это от нас не зависит. Мы не вправе направлять кого бы то ни было в больницу. Скажите, вы встречались с западными психиатрами?

Николаев: Когда я лежал в больнице, ко мне приезжал британский психиатр Гарри Лоубер.

Черноволосая: Мы знаем об этом. Вы виделись с ним?

Николаев: Нет, его ко мне не пустили. Но после выписки я виделся с западными психиатрами и они не нашли у меня отклонений от психической нормы.

Черноволосая: А вы хотите эмигрировать?

Николаев: Да.

Черноволосая: Почему?

Николаев: На Западе меня никто не будет репрессировать, и там я смогу найти работу по специальности.

Черноволосая: Но ведь вы не работали столько лет!

Николаев: Совершенно верно. Профессионально я дисквалифицирован. Кроме того, советские дипломы на Западе не котируются. Мне там придется пройти курсы по переквалификации и сдать экзамен по языку.

Черноволосая: То есть – это все не так просто сделать.

Николаев: Совершенно верно. Там будут свои трудности, и я к ним готов.

Черноволосая: Скажите, а почему вы до сих пор не эмигрировали?

Николаев: Это зависит не только от меня, но и от властей.

Черноволосая: Скажите, а как информация о вас попала на Запад?

Николаев: Этого я не знаю.

Черноволосая: А о вас на Западе было известно раньше?

Николаев: Да, было. В частности, обо мне было написано в книге «Russia's political hospitals», которая распространялась на Гонолулском конгрессе. Там мне посвящено приложение № VIII.

Черноволосая: А как эта информация попала на Запад?

Никòлаев: Я этого не знаю.

Черноволосая: А вы знакомы с Сахаровым?

Николаев: А вы мне сначала скажите, является ли, с вашей точки зрения, знакомство с Сахаровым признаком психического заболевания или не является?

Черноволосая: Ну зачем же сразу так? Я спрашиваю по-человечески, из простого любопытства.

Николаев: Я на этот вопрос отвечать не буду.

Черноволосая: А вы встречались с другими диссидентами?
Николаев: И на этот вопрос я отвечать не буду.
Седая: Соматически у вас всё нормально?
Николаев: Да, всё.
Седая: Жалоб нет?
Николаев: Нет.
Председатель: Ну что ж, можете идти.

ВТЭК продлил мне II группу инвалидности еще на один год. После ВТЭКа я пошел к главному врачу диспансера Кучерову Алексею Юрьевичу.

Кучеров: Добрый день, что, Евгений Борисович, скажете?
Николаев: Я только что прошел ВТЭК.
Кучеров: Ну и каково их решение?
Николаев: Продлили инвалидность.
Кучеров: Вы их об этом просили?
Николаев: Нет. Но я им сказал, что независимо от решения, которое они примут, я работать не буду.
Кучеров: А с чем вы пришли ко мне?
Николаев: В прошлом всегда после ВТЭКа диспансер выписывал путевки на мою госпитализацию, и я прошу вас принять меры к тому, чтобы диспансер отказался от этой порочной практики.
Кучеров: А какие у вас отношения?
Николаев: С кем?
Кучеров: Ну, ваши контакты, связи?
Николаев: С кем?
Кучеров: Ну, с местным отделением милиции?
Николаев: Никакие. Я с ними вообще не контактирую. И они мне не нужны.
Кучеров: А почему тогда от них поступают звонки?
Николаев: Не знаю. Я с милицией не общаюсь. И вообще я вам обещал, что мое поведение не будет подпадать под инструкцию о неотложной госпитализации.
Кучеров: И тем не менее по поводу вас были звонки.
Николаев: По поводу чего?
Кучеров: Секрет.
Николаев: Когда хоть последний раз?
Кучеров: Вы ж мне не на все вопросы отвечаете. Почему я вам должен отвечать?
Николаев: В этих звонках не могло содержаться ничего, кроме лжи. Вы прекрасно знаете, что я связан по рукам и ногам теми экспертизами, которые я прошел, и должен вести себя так,

чтобы, в случае чего, Британский Королевский Колледж Психиатров имел все основания заступиться за меня. Я не имею права вести себя плохо и веду себя хорошо.

Кучеров: То, что нравится Королевскому Колледжу, – не обязательно нравится советской власти. А вы живете не в Объединенном Королевстве, а в Бирюлёво. В Б и р ю л ё в о !

Николаев: Так дайте мне возможность уехать в Соединенное Королевство.

Кучеров: Езжайте, Евгений Борисович, езжайте!

Николаев: К сожалению – это не от меня зависит. И не от вас.

Кучеров: Но ведь вы, кажется, больше не настаиваете на выезде? Раньше настаивали, а сейчас не настаиваете?

Николаев: Нет, я настаиваю на выезде и сейчас.

Кучеров: Напрасно! Что там хорошего? Демократия! Свобода! Бороться не с кем! Скучища! Другое дело – здесь! Борьба! Настоящая жизнь!

Николаев: Так я по своей природе не борец, а ученый. Мне бы наукой заниматься, а не борьбой.

Кучеров: А почему ж тогда по поводу вас раздаются всякие звонки?

Николаев: Понятия не имею. У них спросите, кто вам звонит.

Кучеров: Сказать по правде, мне на Королевский Колледж – плевать. Но меня угнетают звонки по поводу вас.

Николаев: Отвечайте им, что я здоров и в лечении не нуждаюсь.

Кучеров: Чтобы нам быть уверенными в полном вашем здравии, вы должны регулярно являться к нам в диспансер.

Николаев: Некогда мне к вам являться. Ждите меня следующий раз через год.

Кучеров: Почему некогда?

Николаев: Дел по горло.

Кучеров: Каких дел? Что, всё ваши штучки? ...из-за которых нам потом сюда звонят?

Николаев: Я вам сказал, как надо отвечать на такие звонки. И если вы будете отвечать так, как я вам сказал, то это зачтется вам в ваш положительный актив. Придет время, когда советских психиатров будет судить очередной Нюрнбергский процесс. И такие ответы вам тогда очень пригодятся.

Кучеров: Я думаю, что вы за меня заступитесь, и мне больше 10 лет не дадут.

Николаев: А может быть – и меньше.

Кучеров: Ладно, можете идти домой. На вас путевку никто не выпишет. Только ведите себя так, чтобы по вашему поводу не было звонков.

Николаев: Я буду вести себя так, чтобы у Британского Королевского Колледжа Психиатров всегда были основания выступать в мою защиту.

Я вышел. На стенах в коридоре висели портреты Ленина, соцобязательство. Коллектив диспансера обещал претворять в жизнь исторические решения XXV съезда КПСС, повышать свой идейно-политический уровень. Висело также расписание политзанятий и программа политзанятий как для врачей, так и для среднего медперсонала, утвержденная Севастопольским районным комитетом КПСС города Москвы.

24 февраля 1979 года я, как обычно по вечарам, сидел за радиоприемником и слушал западные радиостанции. И вдруг слышу: Би-Би-Си передает о том, что Международная Организация Труда сделала запрос Совдепии о судьбе Свободного Профсоюза и его членов. МОТ интересовался в том числе и моей судьбой.

Как всегда говорят в таких случаях: «куй железо – пока горячо». 1 марта я написал письмо в Совет министров, в котором, ссылаясь на эту передачу по Би-Би-Си, просил меня выпустить из Совдепии. В письме я выражал пожелание, чтобы мое имя не использовалось для дискредитации Совдепии в мировом масштабе и что поэтому меня имеет прямой смысл выпустить за границу.

На это письмо ответ пришел. В мое отсутствие нам позвонил ответственный сотрудник МВД Шаталов, который сказал, что мое заявление было направлено в ОВИР Советского района Москвы. Если мы хотим эмигрировать, то мы должны получить вызов из-за границы. Безразлично – из какой страны, безразлично от кого: можно от родственников, можно от друзей. Можно на постоянное жительство – можно получить и гостевой вызов.

Узнав все это от Тьян, которая говорила по телефону с Шаталовым, я пошел в ОВИР Советского района.

В ОВИРе – гигантская очередь! Сколько ж народу оформляет поездку за рубеж! И это только в одном из районов Москвы!

В очереди были люди разные. Один только принесли заполненные справки, другие что-то доносили, чего не принесли сра-

зу, третьи сидели с готовыми вызовами и ждали, чтобы получить анкеты. Ну и, конечно, были счастливчики, которые выходили из кабинета ОВИРа с уже готовыми заграничными паспортами. Кто ехал в отпуск в Венгрию, кто в Болгарию, кто в Польшу, кто – в Советскую зону оккупации Германии...

Были, конечно, и такие, кто выходил с кислой рожей: отказали без объяснения причин.

Стоя в очереди, я просмотрел правила выезда советских граждан за границу. Правил было несколько: одни – для поездки в социалистические страны, другие – для поездки в развивающиеся и капиталистические страны. В пределах второй группы были дополнительные правила для выезда на постоянное жительство.

Бросалось в глаза сразу, что для поездки в соцстраны требовалось меньше документов, чем для поездки в капстраны. А выезд на постоянное жительство обставлялся бóльшими бюрократическими формальностями, чем гостевая поездка.

Были и материальные различия. Паспорт для поездки в соцстрану стоит 30 рублей, а паспорт в развивающуюся и капиталистическую страну – 200 рублей. Было и еще различие. Собирал документы на отъезд районный ОВИР. Но разрешение на выезд районный ОВИР давал только в социалистические страны. А для поездки в капстраны районный ОВИР разрешения не давал. Собрав все необходимые для поездки в капстрану справки и документы, районный ОВИР передавал их в городской ОВИР, который и решал этот вопрос далее.

Но вот и подошла моя очередь.

Прежде всего оказалось, что сотрудник ОВИРа Сергей Анимирович Шатаев о моем письме, которое якобы переслали из МВД в ОВИР, – впервые слышит. Но он мне подтвердил, что для выезда из СССР я должен принести ему вызов. Когда я принесу вызов – то он даст мне анкеты и я начну собирать необходимые документы.

«А как же право на свободное передвижение из страны в страну, записанное в Декларации Прав Человека? – спросил я. – Ведь в этом документе о вызове ничего не говорится». – «А мы это право свято соблюдаем, – ответил мне Шатаев, – любой гражданин СССР может поехать за границу, если у него для этого есть достаточные основания. Мы всех отпускаем, кто к нам обращается и достаточно аргументирует необходимость своей поездки. А вызов нужен для вас же. Мы не можем вас выпустить без вызова не потому, что стремимся нарушить ваши права, а

потому что мы беспокоимся о том, чтобы ваши права не были нарушены за рубежом». – «Но во многих странах люди ездят из страны в страну без всяких вызовов». – «Правильно, – согласился Шатаев. – Например, чтобы из Голландии поехать в Бельгию, – никакой визы не нужно. Но это потому, что правительства этих стран не беспокоятся о судьбе своих граждан. А мы беспокоимся. Где вы будете ночевать? Что есть? Как лечиться в случае болезни? Вот поэтому нам и нужен вызов от гаранта, который бы гарантировал, что он во время вашего пребывания за рубежом полностью берет вас на свое материальное обеспечение. Так что мы требуем от выезжающих за рубеж граждан вызов в их же собственных интересах. Итак, – закончил Шатаев, – получайте вызов и приходите к нам. Я вам дам анкеты, вы их заполните, соберете все необходимые справки, и я вас с удовольствием отпущу хоть на край света. Никаких вам препятствий чинить не буду».

Придя из ОВИРа домой, я обзвонил нескольких моих зарубежных знакомых, выехавших из СССР раньше меня, рассказал о звонке из МВД, о своем визите в ОВИР и попросил выслать мне вызовы. Вскоре я узнал, что мне были посланы вызовы из Израиля, США, Великобритании и ФРГ.

Весной же 1979 года мне удалось увидеть опубликованный в ФРГ сборник «Вольное слово» № 31-32, в котором довольно подробно была описана моя последняя госпитализация, а также целый ряд документов, которые мне удалось переправить из психбольницы на волю. Одновременно мне пришла с оказией копия письма, которое Гарри Лоубер послал по поводу меня в психдиспансер № 13. Ниже я привожу текст этого письма полностью.

«Neuro-psychiatric Dispensary No. 13

18th December 1978

Sevastopol Prospect 26/28
Moscow USSR
Dear Doctor

Re: Evgeny NIKOLAYEV

I have been informed that Mr. Nikolayev is attending your outpatient department for follow-up treatment. In this connection I would like to state that, according to my information Mr. Nikolayev is perfectly sane and has never been mentally ill. This information I gathered while I was in the USSR and from a report on his mental state by a Soviet psychiatrist who examined him and whose report I have read. I would therefore be most grateful if you would on this oc-

casion ascess Mr. Nikolayev's mental state according to true findings and not on the basis of political and opportunistic considerations.

I can only tell you that feeling among psychiatrists in the West, and particularly in the United Kingdom, is outranged by the political use of psychiatry for the purpose of repression, and in the interests of good relations between the psychiatric professions of our respective countries I would ask you not to rehospitalize Mr. Nikolayev.

Your sincerely

Dr. G. A. Low-Beer
Consultant Psychiatrist».

26 апреля я написал письмо-протест в Прокуратуру РСФСР в связи с ведением уголовного дела против Льва Волохонского. Я писал, что Льва Волохонского надо освободить, а судить надо коммунистов, и КПСС следует распустить, как преступную организацию.

Через несколько дней после этого ко мне пришла врач-психиатр из психдиспансера № 13 Москаленко Кира Александровна и патронажная сестра, обе новые по участку Бирюлёво. Они сказали мне, что в диспансер поступил запрос в отношении меня из Ленингадской прокуратуры и они хотели бы со мной побеседовать. Я их в квартиру не пустил и сказал им, что если они не хотят лишнего шума по западным радиостанциям, то пусть ко мне домой не ходят.

В мае книга была закончена. С рукописью я поехал в Электросталь к Пинхосу Абрамовичу Подрабинеку, который прочитал мою рукопись как врач, чтобы в рукописи не было медицинских ошибок. Одновременно он написал отзыв о моей книге.

А затем примерно в течение месяца я делал чистовой экземпляр книги, в который вставил дополнительно несколько эпизодов, происшедших в это время.

2 июля 1979 года ко мне домой в мое отсутствие пришли два мента. Сначала я, было, подумал, что это опять козни диспансера. Но потом оказалось, что диспансер здесь был ни при чем. Их визит был связан с тем, что мы с Тьян до сих пор не поменяли старых паспортов на новые.

4 июня 1979 года я послал заявление в Верховный суд РСФСР на участкового милиционера Пуляева Алексея Дмитриевича.

5 июня 1979 года я разговаривал по телефону с начальником 137 отделения милиции города Москвы Зюковым. Я объяснил ему, что ни при каких обстоятельствах менять свой паспорт на

новый я не буду в знак протеста против репрессий, которым меня подвергали коммунисты.

В ответ Зюков пригрозил мне, что если я паспорт не обменяю, то окажусь снова в «Кащенко», где проторчу всю свою жизнь.

6 июля я позвонил Кучерову. Информировав его о моем разговоре с Зюковым и его угрозах, я объяснил Кучерову, что мой паспорт действителен по 20 апреля 1980 года, а поэтому требования со стороны милиции обменять его досрочно лишены всяких оснований.

Кучеров обещал вопрос о паспортах уладить так, чтобы милиция мне ими больше не докучала.

12 июня я написал заявление в Верховный суд РСФСР на Беликова Михаила Ивановича, с требованием привлечь его к уголовной ответственности.

Где-то в середине июня мне пришел вызов из ФРГ от Херберта Миколайта, который приглашал меня к себе на время моего отпуска.

С вызовом я пошел в ОВИР.

«Ну, видите, как хорошо, – сказал мне Шатаев, выдавая анкеты для заполнения, – вызов у вас теперь есть. Собирайте необходимые справки, заполняйте анкеты и приходите ко мне. Затруднений в выезде к вашему другу у вас не будет.

ПО УХАБАМ ОВИРА

Эту и следующие главы своей книги я пишу уже в эмиграции.

Умные люди посоветовали мне сделать с рукописи микрофильм. Микрофильм я сделал, получилось 13 пленок по 36 кадров. Встретился с кем надо и получил вскоре известие о том, что мои микрофильмы находятся за пределами советской территории. После этого можно было вздохнуть спокойно.

А раз микрофильмы ушли, то можно целиком и полностью посвятить себя ОВИРу и оформлению поездки в гости.

Приключения начались с фотографий. Пришли мы в ближайшую фотостудию, а там говорят: «А мы фотографий для заграничных паспортов не делаем. Обращайтесь туда-то».

Пошли в другую фотостудию, которая делает фотографии для заграничных паспортов.

– Вам в какую страну: в капиталистическую или социалистическую?

– В капиталистическую, – отвечаю.

– А мы делаем фотографии только для паспортов для поездок в социалистические страны.

Пришлось идти в третью фотостудию, которая делает фотографии так, как нам надо, – в капиталистические страны.

Но... оказалось, что они не делают фотографии с ребенком.

Тогда мы пошли в четвертую фотостудию. И только в четвертой фотостудии нам удалось, наконец, сделать фотографии. С остальными документами особых затруднений не было. Собрали мы их быстро и анкеты заполнили так, как надо. (По крайней мере, мы так считали.) Напоследок я пошел в ДЭЗ № 32 за справкой о составе семьи и о занимаемой нами жилплощади. Пошел я в ДЭЗ в последнюю очередь, так как уж больно не хотелось лаяться опять с этой идиоткой-паспортисткой. Но, на мое счастье, там была другая паспортистка, с которой ругаться не пришлось.

«А почему вы свои паспорта до сих пор не сменили?» – спросила она. «А вот мы их как раз и сменим. Когда нам дадут разрешение на отъезд, наши старые паспорта заберут, а выдадут новые, заграничные», – ответил я.

Этого объяснения оказалось достаточно, и она нужную справку мне выдала.

После этого (на все эти сборы ушла примерно неделя) я пришел в ОВИР. Опять длинная очередь! Шатаева на работе не было, он ушел в отпуск. Вместо него был другой сотрудник – Аськов.

И начались многочисленные придирки. Оказывается, мы неправильно заполнили анкеты. В анкету надо было вписать Херберта, к которому мы в гости собирались. В графе военно-учетная специальность, где я записал из своего военного билета: «необученный, годен к строевой службе в очках», надо записать шифр военно-учетной специальности. И заполнить пробелы в трудовой книжке. К примеру, у меня было записано, что я по 6 июня 1960 года работал на текстильном комбинате, а с 1 июля 1960 года стал работать на Противочумной станции.

Так вот, надо было вставить, что с 6 июня по 1 июля 1960 года я – трудоустраивался.

Снова прихожу в ОВИР. С моей анкетов опять неполадки. Оказывается, я не написал адреса учреждений, в которых я

работал. Надо написать. К тому же, фотографии мы сделали себе квадратные, а надо – овальные.

Снова пришлось уйти ни с чем: делать овальные фотографии, вписывать адреса учреждений. Адреса я вписал по адресной книге: не буду же я таскаться по всем своим бывшим учреждениям и смотреть их адреса. И только с противочумной станцией вышла загвоздка. Где-то в 1964 году она была расформирована и ее адреса в адресной книге не было.

Снова прихожу в ОВИР. Фотографии овальные – это хорошо, но только Тьян, оказывается, должна сфотографироваться без Эмемкута. Ну, и адрес противочумной станции я должен все же достать, хотя она и расформирована.

Ну, Тьян сфотографировалась без Эмемкута, а я поехал туда, где когда-то была противочумная станция. А Москва, как известно, хорошеет и строится. И там, где было раньше множество покосившихся одноэтажных и двухэтажных деревянных домишек, – стоял теперь гигантский и длинный многоэтажный дом.

Поди, найди то место, где противочумная станция была, да какой у нее был номер дома.

Ну, написал я от фонаря № 7. Ничего, сошло, проверять не стали.

Снова пришел в ОВИР. На этот раз оказалось, что не хватает у них справки из СОБЕСа о получаемой мною пенсии, да и вызов сделан на немецком языке. Они немецкого языка не знают, и я должен им представить перевод вызова.

Перевод вызова я сделал и справку из СОБЕСа принес.

Но тут оказалось, что не я сам должен перевод сделать, а отнести вызов в переводческое бюро при Интуристе. Ну, и потом, я должен им представить обоснование: почему я пенсию получаю и почему у меня инвалидность. Пришлось сказать о психучете.

«Мы должны сделать запрос в психдиспансер, где вы состоите на психучете, – сказал мне Аськов, – нам надо знать, показана ли вам поездка за границу по вашему состоянию здоровья».

Опять этот проклятый диспансер! Ну, позвонил я Кучерову, попросил его назначить мне с ним встречу. Пришел я в диспансер на следующий день.

Кучеров: Что ж это вы, Евгений Борисович? В Верховный суд заявления подаете? Грозно, грозно!

Николаев: Что ж поделаешь, если районный и городской суд меры не приняли?

Кучеров: Напрасно вы все это делали, впустую!

Николаев: Да не совсем, Алексей Юрьевич. О том, что я подавал в суд, и о том, что в моем иске было отказано, – по «Свободе» передавали.

Кучеров: Что?

Николаев: Передавали по «Свободе». Я и без вас знал, что никто Беликова к уголовной ответственности не привлечет. Потому и в суд подал, чтобы получить официальный отказ в возбуждении уголовного дела, а потом этот отказ предать международной огласке. Если я буду говорить, что в СССР невозможно добиться справедливости, то такое мое заявление будет голословным. Если я получу официальный отказ в возбуждении уголовного дела – то мое заявление будет документально подтверждено. Так что я своей цели добился. И мои действия не были пустой затеей.

Кучеров: Ну, если вы ставили себе такую цель, – тогда, конечно. А с чем вы сейчас ко мне пришли?

Николаев: Я оформляю в ОВИРе документы на выезд в ФРГ. Вчера у меня в ОВИРе зашел вопрос о причинах моей инвалидности и почему я состою у вас на учете. Они вам пришлют запрос. И я прошу вас дать такой ответ им, чтобы они не препятствовали моей поездке за рубеж. Это ведь нужно не только мне, но и вам. Ведь вам же спокойней будет, если я уеду. Это в ваших интересах.

Кучеров: Я смогу так составить ответ лишь при условии, что по поводу вас не будут больше поступать в диспансер звонки.

Николаев: А что, по-прежнему поступают?

Кучеров: По-прежнему поступают. И вы должны вести себя так, чтобы таких звонков не было.

Николаев: Они вам врут, Алексей Юрьевич.

Кучеров: Не думаю.

Николаев: Я могу вам представить доказательства того, что в течение всех этих месяцев я вел себя безукоризненно.

Кучеров: Чем же вы это докажете?

Николаев: Сразу после выписки я сел за книгу и писал ее до самого начала июля. Рукопись уже на Западе.

Кучеров: Что?! Какую книгу?!

Николаев: Да вот о тех психиатрических репрессиях, которым я в течение этих девяти лет подвергался. Сами понимаете,

раз я писал книгу, то я должен был сидеть тихо, тише, чем обычно, так, чтобы не давать повода для госпитализаций, что бы привело к перерыву работы над книгой. А раз я работал над книгой, то я ничего другого не делал, и эти звонки – ложь. Поверьте мне.

Кучеров: А вы знаете, что вам может быть за книгу?!

Николаев: А вы знаете, что мне может быть, если бы я не написал книги? Я бы не был застрахован от госпитализаций. Поэтому я и написал книгу. Я не вижу разницы. Ничего не делаешь плохого – кидают в психушку. Так что лучше что-то делать. Вот я и написал книгу. Кстати, она написана лучше «Малой земли».

Кучеров: (хмыкнул).

Николаев: И потом: я рассчитываю на то, что рукопись поможет моей эмиграции.

Кучеров: Книга может вам помочь попасть на принудлечение в спецпсихбольницу. Ни за что вас в больницу общего типа сажали, а за книгу – посадят в спецбольницу.

Николаев: А я из психбольницы специального типа буду записки на волю выпускать, чтобы они по «Свободе» звучали. Опыт есть. Невыгодно вам больше меня сажать. Шум на Западе будет. Лучше выпустите.

Кучеров: Ну, ладно. Я, со своей стороны, сделаю всё, чтобы не препятствовать вашему отъезду. И на запрос отвечу так, чтобы вас выпустили. Но представьте себе: о том, что вы написали книгу, станет известно! Разве вам тогда кто поможет? Вас арестуют, отправят на экспертизу, признают невменяемым, и спецбольницы вам не миновать.

Николаев: О том, что я написал книгу, в КГБ уже известно. На одном из обысков она в мае в КГБ уже попала. И, как видите, пока меня не трогают за книгу. И вообще – ситуация изменилась, Алексей Юрьевич. Раньше меня хватали за любой пустяк. А теперь я иногда делаю уголовно-наказуемые вещи, а меня к уголовной ответственности не привлекают.

Кучеров (с явным интересом): Да? Какие же?

Николаев: Да, понимаете, вызывают меня на допрос по делу кого-нибудь из диссидентов, а я на допрос идти отказываюсь и отказываюсь от дачи свидетельских показаний. А это же уголовно наказуемо! И тем не менее, за то, что я делаю такие уголовно-наказуемые вещи, меня никто не привлекает.

Кучеров (разочарованно): Ну, Евгений Борисович, здесь дело в другом. Вы больной человек, поэтому ваши свидетельские показания ни для кого интереса представлять не могут.

Николаев: Еще я могу похвастаться. Международная Организация Труда, как передавали по Би-Би-Си, запрашивала правительство СССР о моей судьбе в связи с тем, что я был арестован.

Кучеров: Ну, вот, видите, Евгений Борисович, Би-Би-Си, как всегда, врет. Вас-то никто не арестовывал. Вы были на свободе, просто вас лечили. Ну ладно, идите. Я ответ в ОВИР составлю так, чтобы вас выпустили. Только и вы ведите себя тихо.

В переводческом бюро Интуриста мне обещали выдать готовый перевод только через 10 дней.

Принес, наконец, я этот злополучный перевод. И тут оказалось, что я не всех родственников в анкету вписал. Ведь сын моей бывшей жены был мною усыновлен когда-то. И я, оказывается, должен был его вписать в анкету. И напрасно я доказывал Аськову, что усыновление еще в 1973 году с меня снято судом Кировского района.

«Принесите справку из суда», – ответил мне Аськов.

А суд такую справку мне выдать отказался. Как быть? Ну, я пошел тогда на забавный эксперимент. Взял да и вписал в анкету этого несуществующего родственника. Снова прихожу в ОВИР.

Аськов (растерянно): Зачем же вы его вписали сюда? Ведь вы же сами говорили, что усыновление – снято?

Николаев: А вы настаивали, а суд справку дать отказался. Без справки вы же не поверите?

Аськов: Не поверим.

Николаев: Вот я и вписал его сюда. А вы – люди дотошные. Все проверяете.

Аськов: Проверяем.

Николаев: И эти сведения неверные тоже проверять будете. Обратитесь в суд, выясните сами, что усыновление снято. Вызовете потом меня в ОВИР. Поругаете, за то, что я даю неверные вам сведения, и скажете, чтобы я его вычеркнул. И я его из анкеты вычеркну тогда.

Аськов: Ладно, оставьте пока так, – потом разберемся. А дочка ваша?

Николаев: Моя.

*Аськов: Вот принесите мне согласие вашей бывшей жены на вашу поездку за рубеж. И потом: кто такая Доманская?**

---

* Моя мать дала заверенное в домоуправлении поручительство о

Николаев: Моя мать. Это видно из анкеты. А для дочки – бабушка.

Аськов: Ну, ладно. Несите согласие бывшей жены на вашу поездку.

Опять пришлось уйти ни с чем. А тут новые заботы. У меня отключили на 6 месяцев телефон. Мне было сказано, что я пользовался телефоном в ущерб безопасности Советского государства.

Да-да, конечно. Звонил мне периодически с Запада Виктор Файнберг, которому я по телефону давал информацию: о судах, арестах, обысках и многом другом, что происходило тогда в стране.

В один из последних дней августа 1979 года я пришел в районный ОВИР последний раз.

Аськов: Ну, вы все документы собрали. У вас все в порядке. Теперь я ваши документы пересылаю в городской ОВИР. Они и дадут вам ответ о принятом решении.

Николаев: А когда?

Аськов: Этого я вам сказать не могу. Сроки у нас неопределенны. Может – два месяца, а может – год.

Простившись с Аськовым, я пошел на вокзал и купил билеты на поезд, чтобы ехать в... ФРГ.

Друзья и знакомые поздравляли.

«Да рано поздравляете, – отвечал я им, – я еду в Сухуми, в Федеративную Республику Грузию».

Осень в этом году началась в Москве особенно рано. Холод, дождь. А Сухуми встретил меня солнцем, летним теплом, морем, совсем еще по-летнему теплым.

И самое главное – снова психологическая разрядка. Диспансер далеко, и не надо ждать ежедневно госпитализации.

Вернулся я из Сухуми недели через три, в последних числах сентября.

МИКРОГУЛАГ 137

Довелось мне, Владимиру Борисову и Альбине Якоревой провести вместе в заключении 4,5 часа в 137 отделении милиции города Москвы. Стоит ли писать об этом, да к тому же громко

том, что во время моей поездки за границу она будет обеспечивать мою дочку материально.

именовать эти четыре с половиной часа – заключением? Ведь наши зэки – сидят по тюрьмам и концлагерям настоящего ГУЛага годами, а то и десятилетиями. А тут – какие-то четыре с половиной часа. И тем не менее – писать об этом стоит.

Итак, 30 сентября 1979 года я, Владимир Борисов и Альбина Якорева шли ко мне домой. Мы были уже совсем близко у цели, как вдруг на нас налетели несколько штатских и один мент.

«Документы!» – заорали они на нас, но, не дожидаясь, когда мы хоть что-то сможем вынуть и им в ответ показать, не показывая нам своих документов, схватили нас и поволокли в милицию. Так, ни за что, ни про что.

«Граждане! – тут же заорал я, – КГБ ни за что хватает людей на улице! КПСС – банда! Долой коммунистов!» – «Тише!» – прикрикнул на меня чекист. «Я живу в этом доме! Квартира 327! Скажите жене, что меня схватило КГБ!» – «Перестань орать!» – снова рявкнул на меня чекист. «КПСС – банда! Долой коммунистов! – кричал я и дальше. – КГБ ни за что хватает людей на улицах! Долой КГБ! Долой Брежнева! Долой Андропова!» – «Еще раз крикнешь – посадим на 15 суток!» –пригрозил мне мент. «Я живу в этом доме! Квартира 327. Меня ни за что схватило КГБ! Сообщите жене! Сегодня хватают нас! Завтра будут хватать вас! КПСС – банда! Долой коммунистов!»

Несмотря на угрозы мента и чекиста – я орал так вплоть до того, как нас завели в отделение. А что оставалось делать?! Все равно на много месяцев. Хорошо, что книгу успел на Запад переправить.

«Вот, привели вам», – сказал один из гебистов ментам. «А сами-то вы кто?» – поинтересовался дежурный мент. «Андроповские псы, – ответил я за чекиста, – разве не видно, что ли?»

Чекисты ушли в другую комнату, чего-то там ментам нашептали.

Морда одного из дежурных ментов, к которому остальные менты обращались по имени «Миша», – была мне знакома. Он был в числе тех марксистско-ленинских ублюдков, которые вместе с Пуляевым арестовали меня 15 февраля 1978 года.

Прежде всего, менты стали интересоваться нашими личностями. И не помогло то, что мы вели себя на улице тихо и спокойно и что чекистские выродки напали на нас первыми. Сразу, конечно, стали выяснять, зачем Альбина и Володя приехали в Москву. Их поодиночке уводили в отдельный кабинет и там беседовали. Тем временем в милицию с Эмемкутом пришла Тьян. Кто-то из прохожих, которые слышали мои крики на

улице, сообщил ей о нашем аресте. Не зря я орал на всю улицу!

Мент «Мишка» попросил, чтобы Тьян сходила за моим паспортом. Тьян пошла. Через некоторое время она принесла мой паспорт. Помимо нее в милицию пришли еще Всеволод Кувакин, Людмила Агапова, Валерия Новодворская. Их выпроводили в дальний коридор, отгородив от нас двумя дверями, чтобы мы не общались. Альбине угрожали возбуждением уголовного дела за пребывание в Москве без прописки, но часа через три с половиной ее отпустили, так и не возбудив никакого дела, потребовав от нее немедленно покинуть Москву.

С Володи Борисова взяли вторую уже по счету подписку о выезде из Москвы и тоже отпустили, через четыре часа.

«Ну, а меня вы зачем держите, – спросил я у Михаила, – моя жена принесла вам паспорт, вы теперь точно знаете, что я здесь живу?» – «А я вам психиатра вызвал», – ответил Михаил. «Зачем?» – спросил я. «Чтобы отправить вас на лечение в психбольницу». – «На каком основании?» – спросил я далее. «А потому что я вас знаю».

Как обухом по голове! Все как в тумане. Ничего не соображаю. Не знаю почему, мне трудно это объяснить, но почему-то самые первые минуты и часы заключения переносятся особенно тяжело, именно тот самый момент, когда тебя отрывают от дома, от семьи, от дел, когда рвут то, что психиатры называют социальными связями.

Примерно еще через полчаса приехал психиатр. Я не надеялся, что выберусь домой, тем более, что приехал Х., которого я хорошо знаю*. Как только он появился, я тут же заорал: «Тьян! Это Х.! Это Х.!» – «О, вас тут уже знают», – сказал Х-у Михаил.

Х. беседовал со мной в отдельном кабинете. Эта беседа прямо так и просится в мою книгу. Но в связи с тем, что Х. меня не госпитализировал, – я не привожу в книге ни самой беседы, ни его имени. Я обещал ему это сделать, если он меня отпустит.

И он отпустил меня. Скажу только читателям, что я выпалил в этой беседе весь свой опыт общения с психиатрами, накопленный мною за эти годы.

Санитары, которые приехали вместе с Х. в милицию, сказали, что никогда не слышали более интересной беседы.

---

* Я знаю, как зовут Х. Тьян я кричал полностью имя, отчество и фамилию Х.

Выйдя из милиции, мы пошли ко мне домой. Людмила Агапова только не дождалась конца, так как она живет за городом. И дома у меня с опозданием на 5 часов началось заседание Совета Представителей СМОТ.

РАЗВЕ ЭТО НЕ ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА?

На следующий день, 1 октября 1979 года, я тут же написал письма-протесты по поводу вчерашнего задержания в КГБ и МВД и потребовал, чтобы меня быстрее выпустили из Совдепии. Тем временем я давал читать свою книгу знакомым. Отзывы, разумеется, были не одинаковы, но все сходились на том, что книга была написана интересно. А кроме того, так как уже не один, а несколько экземпляров книги попало на шмонах в архивы КГБ, я написал письмо министру здравоохранения, информировал его о своей книге и просил его содействия в издании моей книги в Советском Союзе. Ответа, разумеется, никакого тоже не получил. Как-то один из моих знакомых срочно пригласил меня к себе. У него дома гостил друг, приехавший из крупного довольно города, который прочитал запоем мою книгу за ночь и очень хотел со мной познакомиться, как с автором. Сам этот иногородний друг оказался преподавателем психиатрии в медицинском институте у себя в городе. Конечно, я тоже был заинтересован в этой встрече.

«Ну что, отпираться бесполезно, – сказал он мне при встрече, – конечно, сажают здоровых людей за политику. Против фактов возражать трудно. Но и психиатры, – продолжал он, – поставлены в такие условия, что ничего-то сделать против этого не могут. КГБ все решает – кого из неугодных посадить, кого выписать. А психиатры – просто игрушка в их руках, исполнители. Вон – мне хорошо. Я преподаватель, поэтому в это грязное дело не замешан. А работай я в лечебной сети – я бы тоже вынужден был держать в больнице здоровых людей. Так что мне повезло, что я – преподаватель».

Да, что ни говори, интересно слушать, что говорят сами психиатры тогда, когда они говорят от своего имени, а не как в отделениях или в диспансере, когда они говорят то, что им положено по службе.

И привожу я эти высказывания, сделанные в вольной обстановке, не для того, чтобы оправдать психиатров, допускающих злоупотребления психиатрией. Для понимания, для анализа

причин, для того, чтобы была выслушана и противоположная нам точка зрения – но отнюдь не для оправдания тем преступлениям, которым оправдания быть не может.

Встретил я как-то на улице случайно Станислава Александровича, врача-реабилитатора в психбольнице имени Кащенко из лечебно-трудовых мастерских.

Станислав Александрович: Здравствуйте, как ваши дела?

Николаев: Да ничего.

Станислав Александрович: Вы по-прежнему на инвалидности? Не работаете?

Николаев: Да, по-прежнему на инвалидности, не работаю.

Станислав Александрович: Так шли бы к нам в мастерские. Восстановили бы трудовые навыки, перешли бы на третью группу. Я вас к себе в мастерские возьму.

Николаев: Да спасибо, мне это не надо. Я ведь вызов из ФРГ получил, сдал документы в ОВИР. Сейчас жду, когда решение придет.

Станислав Александрович: И вы надеетесь, что вас в ФРГ отпустят?

Николаев: Обещали отпустить. Как Беликов? Он у вас работает?

Станислав Александрович: Да, он теперь у нас заместитель главного врача по гражданской обороне.

Николаев: А как это понимать: как повышение или как понижение?

Станислав Александрович: Ну, как вам сказать? Формально, конечно, повышение. А фактически – понижение, потому что его от врачебной работы отстранили.

Николаев: Если вы его увидите, передайте ему, что мои беседы с ним по «Свободе» звучали. Он все у меня интересовался: куда я пишу и зачем. Тогда я не знал, куда пойдет эта информация, а сейчас – знаю. Так вот передайте ему.

Станислав Александрович: Вы уж сами ему это передавайте.

Николаев: И если по «Свободе» это все прозвучало, то значит Беликов говорил такие вещи, которые можно использовать в антисоветских целях.

Станислав Александрович: Ну, я не думаю, что он говорил что-либо антисоветское. Вы могли это сами придумать, чтобы дискредитировать, опорочить Михаила Ивановича.

Николаев: Да нет, придумать я не мог. Ложь-то она сразу чувствуется. Я не могу решить, насколько Беликов был искре-

нен, что он на самом деле думал, но то, что он говорил, – я слышал и отразил в своих записях. А кроме того, я книгу написал, рукопись уже на Запад отправил.

Станислав Александрович: Какую книгу?

Николаев: Да вот о психиатрических репрессиях, которым я подвергался.

Станислав Александрович: Не понимаю, как можно жить злом? Ведь вас давно выписали. Можно было и забыть о плохом, если оно и было.

Николаев: Да нет, Станислав Александрович, мне не дают возможности жить хорошими эмоциями. То больница, то диспансер, потом опять больница, опять диспансер – и так бесконечно. Вот и пришлось написать книгу.

Станислав Александрович: А вы в своей книге лечебно-трудовые мастерские тоже описали?

Николаев: Конечно, я ведь ходил три недели в лечебно-трудовые мастерские. И их тоже описал в своей книге.

Станислав Александрович: Ну а про мастерские-то вы зачем написали? Мы ж вас в мастерских не кололи! Мы ж вас не репрессировали! Это вас в отделении кололи, а не в мастерских! Мастерские созданы для трудовой реабилитации больных. Они не используются для репрессий!

Николаев: А я и не писал, что вы меня кололи. Я описал режим работы, расписание, как работают больные ночного и как дневного стационара, сколько за работу получают.

Станислав Александрович: Но ведь в работе мастерских нет ничего плохого! Мы только восстанавливаем трудовые навыки у больных! Мы их возвращаем в строй, в производство! Мы репрессиями не занимаемся! Мы по горло заняты судьбами больных, их трудовой реабилитацией!

Было видно, что расстался со мной Станислав Александрович в плохом настроении и был не рад тому, что мастерские тоже в книгу попали.

30 октября, в день политзаключенного, мне пришла открытка из психдиспансера, датированная 27 октября 1979 года. Получив открытку, я тут же позвонил Кучерову.

Николаев: Здравствуйте, Алексей Юрьевич. Мне от вас открытка пришла. Спасибо, конечно, но я их больше не собираю.

Кучеров: Как не собираете?

Николаев: Да, понимаете, когда я книгу писал, то я к ней собирал иллюстративный материал. Пришла открытка из дис-

пансера – я ее в книгу. Пришла другая – еще раз в книгу. Две открытки вполне достаточно. Больше мне для книги не нужно. Да и рукопись уже на Западе. Досылать к рукописи ваши открытки с приглашением сложно.

Кучеров: У меня к вам дело серьезное. Вы до праздника должны прийти в диспансер.

Николаев: Ну что ж, Алексей Юрьевич, к Новому году я к вам приду.

Кучеров: Вы должны прийти в диспансер не к Новому году, а раньше.

Николаев: Так вы только что сами сказали, что к празднику.

Кучеров: До Нового года есть еще один праздник, к которому вы должны прийти.

Николаев: А я никаких праздников, которые должны быть до Нового года, – не знаю.

Кучеров: Вы должны прийти в диспансер не к своему празднику, а к моему.

Николаев: А когда у вас день рождения?

Кучеров: А зачем вам мой день рождения?

Николаев: Чтобы прийти в диспансер к вашему празднику.

Кучеров: Я имею в виду не свой личный праздник, а праздник всенародный.

Николаев: Так это опять же Новый год.

Кучеров: Я имею в виду такой праздник, который отмечает вся страна, а вы не отмечаете.

Николаев: Уж случайно не октябрьский ли контрреволюционный переворот?

Кучеров: Да.

Николаев: Так я-то тут при чем? Отмечайте сами свой переворот.

Кучеров: У меня есть сведения, что вы хотите провести в этот день акцию!

Николаев: Алексей Юрьевич! С чего это вы взяли?

Кучеров: А почему вы ведете себя так, что по вашему поводу раздаются звонки? Что вы мне обещали? Вести себя так, чтобы ваше поведение не подпадало под инструкцию. А сами что делаете? Ходите по улицам с такими же больными людьми, как и вы сами! На всю улицу выкрикиваете антисоветские лозунги! И где?! Возле своего дома! Попадаете в свое родное отделение милиции. Было это?!

Николаев: Не совсем так, как вас об этом информировали.

Кучеров: А как же?

Николаев: Во-первых, люди, с которыми я шел, не больные.

Кучеров: А зачем вы на всю улицу выкрикивали антисоветские лозунги?!

Николаев: Мы шли тихо и общественного порядка не нарушали.

Кучеров: Нет, нарушали. Мне звонили из милиции и сказали, что вы орали на всю улицу антисоветские лозунги. Вы знаете, что они хотели против вас уголовное дело возбудить?

Николаев: Нет, не знал.

Кучеров: Почему вы орали?

Николаев: Мы шли тихо. И орать на всю улицу я стал только тогда, когда нас схватили.

Кучеров: И что же вы орали?

Николаев: «КПСС – банда!», «Долой коммунистов!» Вот что я кричал.

Кучеров: Зачем вы кричали. Вы что, не могли пройти тихо, если вас попросили?

Николаев: Не мог, Алексей Юрьевич, пройти тихо. Меня уже не первый раз берут, и я знаю, что если берут, – то надолго. И поэтому я орал. А будут еще хватать – еще буду орать. И похлеще!

Кучеров: А вы знаете, что вы бы тогда несколько бы лет за антисоветские крики отсидели бы.

Николаев: Нет, не отсидел бы. Мой опыт говорит о другом. В 1971 году меня взяли, и я – не орал. Отсидел почти год. А в 1978 году меня взяли, и я орал на всю улицу: «КПСС – банда!» И отсидел только семь месяцев. Я знаю, что если молчишь, покоряешься – то дольше сидишь. А если орешь на всю улицу – то сидишь меньше. Я не хотел год сидеть. Я хотел сидеть меньше. Поэтому и орал. И оказалось, что за антисоветские выкрики даже выпустили.

Кучеров: Но я все равно должен вас за эти выкрики госпитализировать.

Николаев: Они что, подпадают под инструкцию о неотложной госпитализации?

Кучеров: (молчит, тяжело дышит).

Николаев: Вы знаете, что в милицию был вызван психиатр?

Кучеров: Да, знаю. Кто?

Николаев: Я не скажу вам, потому что я обещал ему не

оглашать его имени и содержания беседы с ним, если он меня отпустит. И он меня отпустил.

Кучеров: Х.?

Николаев: Да, Х. Уж раз вы знаете.

Кучеров: А вы знаете, что только личное знакомство с Х. спасло вас от госпитализации? А я вас госпитализировать должен!

Николаев: Нет, Алексей Юрьевич. Не должны. Меня обследовал Х. И оснований для госпитализации не нашел. Он решил, что мое поведение в тот момент под инструкцию о неотложной госпитализации не подпадало. А Х. – это не Британский Королевский Колледж, на который вам плевать. Х. – это не Рабочая Комиссия. Х. работает в психиатрической перевозке – официальный советский психиатр, в скором времени – доктор медицинских наук. Для вас и его мнение не авторитет, если он не нашел оснований для госпитализации?

Кучеров: Ну ладно. Х. вас отпустил. Но милиция уже возбудила против вас уголовное дело по обвинению в хулиганстве. Потом они раздумали и позвонили мне, чтобы я принял меры.

Николаев: Ах, вот в чем дело! Вы считаете, что они меня пожалели? А вы газеты читаете?

Кучеров: А при чем тут газеты?

Николаев: А при том, Алексей Юрьевич, что несколько дней тому назад в «Известиях» был напечатан указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии. И если они и возбудили в милиции против меня уголовное дело, как вы говорите, то из-за указа об амнистии они должны его закрыть.

Кучеров: На вас амнистия не распространяется, так как формально вы – больной человек.

Николаев: Нет, на меня как раз амнистия формально и распространяется. Под амнистию подпадают инвалиды I и II группы. А у меня, как вы знаете, – II группа. Вы сами мне ее из года в год назначаете.

Кучеров: Ну, ладно. Вы счастливо выкрутились благодаря знакомству с Х. и благодаря амнистии. Ну, а не было бы амнистии – что тогда? Зачем вы кричали на всю улицу антисоветские лозунги? Разве нельзя было пройти, если вас пригласили пройти представители власти?

Николаев: А с чего вы взяли, Алексей Юрьевич, что это были представители власти?

Кучеров: А кем же они, по-вашему, были?

Николаев: Бандитами, вот кем. Мы попросили у них предъ-

явить их документы. Они нам своих документов не предъявили. Значит – бандиты! Если бы они предъявили нам свои документы – другое дело. Вы бы могли утверждать, что это представители власти. Но так как они нам документов не предъявили – значит – бандиты.

Кучеров: Ну, допустим, в этом вопросе они не правы. Они должны были вам предъявить свои документы. Но зачем же кричать на всю улицу антисоветские лозунги?

Николаев: А затем, Алексей Юрьевич, что люди, прохожие, народ – должны знать, что вокруг них на улице делается. Вон – брали меня раньше, когда я еще по неопытности не орал. Со стороны посмотришь – компания хороших друзей идет, хотя один из них арестован. А начнешь орать, что КГБ ни за что людей на улицах хватает – люди услышат, родным, знакомым расскажут: вот, видел я, как на улице ни за что человека арестовали, как во времена культа личности. И ради этого можно пожертвовать своей свободой, если меня хватают. И всегда буду так орать! Сам от себя без причины орать не буду. А когда будут меня хватать – всегда орать буду, чтобы люди знали, что вокруг них делается. Тишина вам нужна, вам нужно, чтобы аресты тихо проходили, незаметно для окружающих. А нам тишина не нужна. Нам шум нужен, на весь мир. А когда на весь мир невозможно, так хоть на всю улицу.

Кучеров: В общем, если вы до 2 ноября не придете в диспансер, я вашу безопасность не гарантирую.

Николаев: Хорошо, я позвоню сегодня Котову.

Кучеров: Котов с вами разговаривать не будет.

Николаев: Ну, до свидания, Алексей Юрьевич, я буду сейчас звонить Котову, а там посмотрим, что будет.

Котову в этот день я так и не прозвонился. У него секретарша всем отвечает, что Котова нет, а по телефону проверить правильность этой информации невозможно.

Не дозвонившись до Котова, я в тот же день написал письмо-протест в Президиум Верховного совета Совдепии, с требованием, чтобы меня оградили от произвола КГБ, 137 отделения милиции и ПНД № 13. Я напомнил, что мое дело решается в Московском городском ОВИРе, и попросил, чтобы меня побыстрее выпустили из Совдепии в ФРГ.

Вечером в этот день я поехал к Андрею Дмитриевичу Сахарову, на квартире которого, как всегда, ежегодно 30 октября проходила пресс-конференция, посвященная дню политзаключенных. На квартире у Андрея Дмитриевича я сообщил запад-

ным корреспондентам о том, что меня снова пытаются госпитализировать, и передал им копии своего письма в Президиум Верховного совета.

Прошли для коммунистов те времена, когда они могли делать со мной всё, что хотели, для себя бесшумно!

В дальнейшем эта информация получила освещение в Информационном бюллетене Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и в «Хронике текущих событий» № 54.

На следующий день я позвонил снова Кучерову.

Кучеров: Ну что, Евгений Борисович, скажете?

Николаев: Я звонил вчера Котову, но поговорить мне с ним так и не удалось.

Кучеров: Я ж говорил вам, что Котов разговаривать с вами не будет. Так что вам придется явиться в диспансер.

Николаев: Нет, Алексей Юрьевич, я в диспансер не пойду.

Кучеров: Тогда окажетесь в психбольнице.

Николаев: И немедленно будет шум на весь мир.

Кучеров: Ну и что ж, что будет шум? Вы-то все равно будете сидеть.

Николаев: На Западе быстрее выйдет моя книга.

Кучеров: Одной книгой больше – одной меньше, какая разница. Вы-то все равно будете сидеть.

Николаев: Я буду записывать беседы с врачом, выкидывать их в окошко, и они будут звучать по «Свободе».

Кучеров: Да, своему лечащему врачу вы карьеру испортите на всю жизнь.

Николаев: Испорчу, Алексей Юрьевич, сейчас не те времена пошли. И чикаться с врачами я не буду. А вам скажу следующее. Я тут подумал – время было. Смотрите: КГБ, чтобы мною не заниматься, спихнуло меня на милицию. Милиция спихнула меня на Х. Х. в данном случае поступил честно и на давление КГБ и ментов не поддался. А у милиции промашка вышла из-за амнистии. Так они теперь на вас спихивают. Что вы, психиатры, позволяете с собой делать?! Ведь учтите, Алексей Юрьевич, что подписи под путевками на госпитализацию ваши стоять будут, а не ментов или кагебешников, которые вам звонят. И если дойдет до Нюрнбергского процесса, то вы не докажете, что они вам звонили. Вы телефонных звонков к делу не пришьете. А они еще и будут отказываться, что вам звонили и просили кого-то госпитализировать. Вы думаете, что мы не знаем, как это делается? КГБ ж никогда прямо вам не говорит: госпитали-

зируйте такого-то. Они говорят: примите меры. А что такое – принять меры – вы уж сами решайте. Они хитрые стали, не оставляют после себя документов, все сваливают на вас.

Кучеров: Все это так. Но ведь я о себе тоже должен подумать!

Николаев: Вот и думайте о себе так, чтобы ваших подписей под всякими преступными документами не было. И если вы действительно хотите о себе подумать, то отошлите меня к ним. Пусть они мною занимаются, а не вы. И пусть их на очередном Нюрнберге судят, а не вас.

Кучеров: Ну ладно, вас никто не тронет. Будем считать, что я провел с вами беседу и меры принял. Только вы ничего на праздники не делайте.

Николаев: Не беспокойтесь, красных тряпок срывать не буду.

Кучеров: И потом, этот эпизод может отрицательно сказаться на вашем выезде. Можете считать, что то, что я вам сейчас сказал, – как официальный ответ.

Николаев: Если мой отъезд они задержат – то сделают только хуже себе.

Кучеров: И еще я вас прошу больше не орать на всю улицу антисоветских лозунгов. Сейчас вам это сошло, а второй раз уже больше не сойдет.

Николаев: Я уже не первый раз орал, когда меня хватали. И я не буду вас обманывать и обещать вам, что я больше не буду поднимать шум в случае моего ареста. Сам от себя я кричать не буду. Но когда меня будут арестовывать – то тут уж терять нечего. Наоборот. Сейчас нашлись люди, которые сообщили о моем задержании жене.

Кучеров: А откуда они узнали ваш адрес?

Николаев: А я кричал, что живу в этом доме, и называл номер квартиры. Многие жильцы в лицо меня знают там. Вот и помогли, сообщили жене.

Кучеров: Неужели еще есть такие люди?

Николаев: А что ж вы думаете? Люди власть ненавидят. И если кричать, что КПСС – банда и что КГБ ни за что людей хватает, – то и помогут, чем могут. Сейчас жене сообщили, другой раз – КГБешникам и морду набьют и меня освободят. Так что я кричу с дальним прицелом. Это вам тишина нужна. Нам тишина не нужна.

Кучеров: Ну, ладно, ведите себя так, чтобы вас больше на улице не хватали.

Николаев: Это вы уж у КГБ просите, чтобы они меня не трогали, а я сам от себя веду себя тихо.

После разговора с Кучеровым в первых числах ноября я решил зайти в ОВИР, чтоб узнать, в какой стадии оформления находятся мои документы.

В городском ОВИРе очередь была еще длиннее, чем в районном. Простояв несколько часов, я оказался невольным свидетелем и радостей, и горестей. Одни выходили счастливые: в руках у них были заграничные паспорта или визы в Израиль. Но большинство выходило ни с чем. Рассматриваются документы, решение пока не принято. Были и совсем несчастные: выходили с отказами, естественно, без объяснения причин. То, что помещается в «Хронике...» по вопросу права на выезд – капля в море по сравнению с тем, что действительно делается. Абсолютное большинство отказов совсем не получает никакой огласки в правозащитных документах. И дело здесь, очевидно, не только в том, что не у всех есть возможность связаться с диссидентами.

Я многим отказникам в этот день предлагал сообщить о своем деле в «Хронику...» Не хотели и боялись.

Но вот и моя очередь. Захожу на прием к инспектору ОВИРа Баймасовой Надежде Родионовне.

Посмотрев в ящик на букву «Н», Баймасова сказала, что ответа на мое заявление пока нет.

Николаев: А на какой стадии оформления находятся мои документы?

Баймасова: Этого я не знаю. Когда ответ к нам придет – мы вас известим открыткой.

Николаев: А куда мне можно написать, чтобы мои документы были рассмотрены побыстрее?

Баймасова: Никуда нельзя. Ждите.

Николаев: Но ведь кто-то же моими документами занимается!

Баймасова: Туда, где занимаются оформлением документов, не пишут и не обращаются.

Как и многим другим посетителям, мне пришлось уйти в этот день из ОВИРа ни с чем.

А тем временем мне пришел еще один вызов: из Израиля от совершенно мне незнакомой Эстер Смородинской. Вызов из Израиля я отложил в сторону, в надежде на то, что если мне откажут в выезде в ФРГ, – то я им воспользуюсь. А раньше времени возиться с израильским вызовом просто не хотелось.

Ну, а рукописи моей книги гуляли по Москве. Прочитало их уже довольно много народу. И вот как-то один из моих знакомых из околодиссидентской среды, прочитав мою книгу, спросил меня: «А кто этот Немировский? Такой черный?» – «Да», – отвечаю. «Я его хорошо знаю, – продолжает мой знакомый, – Гриша – наш человек. Очень критически относится к строю, настроен откровенно антисоветски». – «Но почему же я тогда в его отделении пробыл четыре месяца? Если он настроен антисоветски – то мог бы сразу меня выписать, как только я попал к нему в отделение». – «Ну, значит, Гришка оказался слабаком. Боялся за свою карьеру. Не хотел рисковать».

Интересная аналогичная беседа прошла у меня с одним фармакологом, который лично знал Гуревича. Он прочитал всю книгу и особенно внимательно вторую госпитализацию, где я с Гуревичем общался. «Вообще-то, Гуревич не такой и плохой человек, как вы о нем пишете. Я внимательно прочел этот кусок особенно, так как хорошо его знаю. И, на мой взгляд, он к вам отнесся очень гуманно. Я, как фармаколог, знаю, что можно сделать с человеком с помощью фармакологических средств. Любого человека за две недели можно закормить лекарствами так, что он превратится в спаниэля. Гуревич же из вас спаниэля не сделал. А мог бы, когда вы находились в его руках».

Да, добрый Владимир Ильич, ничего не скажешь!

10 декабря 1979 года коммунисты установили за мной наглую демонстративную слежку.

Это, чтобы я, в случае чего, на демонстрацию у памятника Пушкину не поехал. И ради собственной уверенности в этом, еще схватили меня в районе метро Каширская и продержали в милицейском участке при станции метро в течение трех часов. Отпустили только в 21 час, когда все сроки демонстрации у памятника Пушкину давно прошли.

Естественно, что я после этого написал протест Андропову, в МВД Совдепии и в Президиум Верховного совета.

А на 20 декабря 1979 года меня вызвали в городской ОВИР. Я пришел. Но, как мне тут же сказали, инспектор, который меня вызвал, уехал. Просили зайти второй раз на следующий день.

И вот, 21 декабря, после долгого стояния в очереди, я попадаю снова на прием к Баймасовой.

Баймасова: Вам отказано в гостевой поездке к вашему другу в ФРГ.

Николаев: На каком основании?

Баймасова: Вы не участвуете в общественно-полезном труде и не участвуете в общественной жизни. Вот устройтесь на работу, принимайте там активное участие в общественной жизни, заслужите хорошую характеристику и тогда через полгода приходите снова к нам. И мы вас, когда вы принесете хорошую характеристику, с удовольствием к вашему другу отпустим.

Николаев: А с чего вы взяли, что я не занимаюсь общественно-полезным трудом и не принимаю участия в общественной жизни?

Баймасова: Потому что вы, согласно записи в вашей трудовой книжке, с 1971 года не работаете.

Николаев: Но это же формальный подход! Вы знаете – я написал книгу «Предавшие Гиппократа» и рукопись своей книги отправил на Запад. Разве это не общественно-полезный труд? Потом я написал много коротких работ. Они передавались по радиостанции «Свобода», печатались в издательстве «Посев». Денег, кстати, за все это я не получал. Значит, делал на общественных началах.

Баймасова: Это все не считается. Вы должны принимать участие в общественной жизни в советском коллективе.

Николаев: Интересно, как я могу работать, если меня незаконно уволили, репрессировали, дали вторую группу инвалидности?

Баймасова: У вас вторая группа?

Николаев: Да. Я отразил это в анкете, когда ее заполнял.

Баймасова: Тем более мы не можем вас выпустить. Если вы – инвалид, больной человек, значит вам нужен уход, который вы за рубежом не получите. Там лечение платное, а у нас – бесплатное.

Николаев: А могу ли я обжаловать это решение?

Баймасова: Конечно, можете. Вы можете обратиться в ОВИР МВД СССР. (Дает адрес.) Если они с вашими доводами согласятся, то они это решение отменят и отпустят вас.

Николаев: И еще вопрос. У меня есть вызов из Израиля. Можно ли мне сразу по нему оформлять документы или же тоже надо в связи с отказом ждать полгода?

Баймасова: Подождите в коридоре. Я схожу к начальнику, уточню.

Минут через десять Баймасова вернулась:

– По израильскому вызову вы можете оформлять документы сразу. Это в другую страну, да к тому же на постоянное жительство.

С каким настроением я ушел из ОВИРа. Как-то за все эти годы привык я сравнивать все события с тем, что происходит в психушке. Вот и сейчас – психушки на память пришли. Ощущение было таково, что мне отказали в выписке.

Ходил я по улицам Москвы сам не свой – долго успокоиться не мог.

На следующий день пошел в районный ОВИР. Предъявив Аськову израильский вызов и сказав ему, что мне отказали в поездке в ФРГ, взял у него анкеты для оформления выезда в Израиль.

Выезд на постоянное жительство связан с более сложными процедурными формальностями. Следует представить, в частности, официально заверенное согласие родителей на отъезд совершеннолетних детей в Израиль на постоянное жительство.

Со сбором тех документов, которые можно собрать в Москве, мы не спешили. А написали письма: я отцу в Сибирь, а Тьян – своей маме на Камчатку с просьбой, чтобы они выслали такое согласие. Московские же документы мы надеялись собрать за неделю. А пока пусть придут дальние документы. И торопиться некуда.

25 декабря 1979 года я пришел на прием в ОВИР МВД Совдепии с обжалованием решения, принятого на уровне городского ОВИРа. Опять – длинная очередь. Всё люди, которым ОВИРы отказали на районном, городском, областном, республиканском уровне. Опять обилие людей и судеб, не запечатленных в «Хронике текущих событий». Подошла-таки, наконец, и моя очередь. Я подал сотруднику министерства заранее написанное заявление.

Прочитав мое заявление, работник министерства сказал: «Мы рассмотрим ваше заявление. Ответ получите в течение месяца».

Разумеется, никакого ответа от советских инстанций я на это заявление так и не получил. Но зато в в № 55 «Хроники текущих событий» (стр. 44) этот отказ получил освещение.

В самые последние числа декабря Совдепия совершила интервенцию против Афганистана. А так как Баймасова советовала мне принимать активное участие в общественной жизни страны, то я, естественно, решил следовать этому доброму совету, чтобы получить хорошую характеристику для ОВИРа, и написал заявление-протест с осуждением советской интервенции в Афганистане на имя Президиума Верховного совета СССР.

В конце заявления я просил Президиум известить ОВИР о том, что я – принимаю участие в общественной жизни.

Наступил 1980 год – последний год моего пребывания в Совдепии. Начался он с того, что было опубликовано постановление о достойной встрече 110-й годовщины со дня рождения Ленина. Я тут же написал заявление-протест в «Правду», где было опубликовано это постановление. Изложив то, как меня за неучастие в праздновании 100-й годовщины незаконно уволили с работы и репрессировали, я потребовал отмены этого принудительного мероприятия.

Ну, и конечно, как всегда в начале года, пошел в диспансер с целью переоформления пенсии.

Кучеров: Здравствуйте, Евгений Борисович, я слышал, вы что-то по поводу Афганистана написали?

Николаев: Написал, Алексей Юрьевич, написал.

Кучеров: И зачем же вы это сделали?

Николаев: А чтоб вы меня госпитализировали за это письмо. На Западе тут же шум поднимется.

Кучеров: А как у вас дела с отъездом?

Николаев: Отказали.

Кучеров: Потому что вы себя неправильно вели. И продолжаете вести себя неправильно. Ваше письмо по поводу Афганистана не будет способствовать вашему отъезду.

Николаев: Наоборот, Алексей Юрьевич, будет способствовать. Мне в ОВИРе посоветовали, чтобы я принимал участие в общественной жизни. Вот я и написал это письмо, чтобы принимать участие в общественной жизни. В ОВИРе об этом узнают и сразу отпустят.

Кучеров: Вы сейчас, как никогда раньше, должны сидеть тихо, если хотите выехать.

Знаем мы эти сказки. Интересно получается: кто из диссидентов хочет выехать – ни за что не отпускают. А кто хочет остаться – насильно выпихивают. Многие мне советовали изменить тактику, чтобы меня выпихнули. Сделать вид, что я больше не хочу эмигрировать. Сейчас такой момент и наступил.

Николаев: А почему вы думаете, что я так уж и стремлюсь уехать?

Кучеров: Как?! Вы разве больше не хотите эмигрировать?

Николаев: Почему же? Я очень хочу уехать. Но не прямо сейчас, а позже.

Кучеров: А почему позже?

Николаев: Ну, уеду я сейчас. Кто уехал? Неизвестно – кто.

А вот когда будет моя книга опубликована – все будут говорить, что выехал из Советского Союза писатель. Я поэтому хочу эмигрировать после выхода в свет моей книги.

Кучеров: А если вас отпустят до выхода в свет вашей книги? Вы поедете?

Николаев: Ну что ж? Так уж и быть – соглашусь. А еще – Алексей Юрьевич – я новую книгу стал писать.*

Кучеров: Какую же?

Николаев: Да вот о проблеме эмиграции: как трудно из Советского Союза выехать. А для этой книги – сами понимаете – мне не один отказ нужен – а с десяток.

Кучеров: Ну вот что: материала для новой книги вы не получите. И уедете безвестным!

Николаев: Жалко, конечно, но, наверное, согласиться придется.

*Кучеров: Только ехать вам придется не в ФРГ, а оформлять свою поездку «чеГез синагогу»**. Постарайтесь получить вызов из Израиля и по нему оформляйте выезд.*

Николаев: А у меня вызов из Израиля уже есть.

Кучеров: А почему же вы оформлялись в ФРГ? Это была с вашей стороны ошибка.

Николаев: Вызов из ФРГ просто пришел мне раньше. Но я уже был в ОВИРе и взял анкеты, чтобы оформлять выезд в Израиль.

Кучеров: А еще, Евгений Борисович, ваша книга – хорошо написана.

Николаев: Вы ее читали?

Кучеров: Нет, не читал.

Николаев: А откуда вы знаете, что она – хорошо написана?

Кучеров: Мне передали люди, которые вашу книгу читали.

Николаев: А откуда они взяли мою книгу?

Кучеров: Этого я вам не могу сказать. Но книга написана очень живо, интересно, с юмором. У вас, несомненно, есть литературный дар. Но только в ней очень много повторений.

---

* Действительно, я начал писать книгу. Но она была изъята позже у меня на обыске. Эти главы, которые я дописываю в эмиграции, – восстановление по памяти того, что было написано в начале моей новой книги.

** Кучеров нарочно сказал эти два слова с деланным еврейским акцентом.

Николаев: Это естественно, так как разные психиатры задавали мне одни и те же вопросы.

Кучеров: И потом, ваша книга насыщена диалогами, которые тоже затрудняют чтение.

Николаев: Диалоги с врачами, хотя они и затрудняют чтение, очень важны. По ним можно судить о том, какие вопросы врачи задают, как я на них отвечаю, и в конце концов, как о моем здоровье, так и о деятельности врачей. Эти диалоги могут быть полезными для честных психиатров в целях анализа.

Кучеров: А вы можете мне принести прочитать свою рукопись?

Николаев: Нет, она ведь не хранится у меня дома. А доставать сложно.

Кучеров: Жалко. Ну ладно, идите к Ковешниковой. Она вам назначит дату ВТЭКа.

В другое бы время я к Ковешниковой ни за что бы не пошел. А сейчас – пошел, чтобы сказать ей о книге. Ковешникова начала о книге первая. Оформляя мне документы для ВТЭКа, она заговорила со мной елейным лисьим голоском, ничего не имеющим общего с тем тоном, которым она меня впервые встретила в январе 1976 года.

Ковешникова: Евгений Борисович, здравствуйте. Я слышала: вы книгу написали?

Николаев: Да, написал книгу и рукопись уже переправил на Запад.

Ковешникова: И о чем же ваша книга?

Николаев: Да вот о психиатрических репрессиях, которым я подвергался.

Ковешникова: Вы там только о психбольницах писали? Или о нашем диспансере тоже?

Николаев: Конечно, я о диспансере тоже написал. Обычно в правозащитной литературе, когда пишут о психиатрических репрессиях, всегда пишут только о психбольницах. А о психдиспансерах, которые играют не менее важную роль в психиатрических репрессиях, умалчивают. Я считаю это очень большим недостатком и описал в своей книге также и роль диспансеров в психиатрических репрессиях.

Ковешникова: Конечно, вы писали о врачах, с которыми вы общались?

Николаев: Да, я писал о врачах, с которыми я общался.

Ковешникова: И про меня вы в своей книге написали?

Николаев: Да, в том числе я написал и о вас. Вы ведь были в 1976 году моим участковым врачом.

Ковешникова: Но про меня-то вы зачем написали? Ведь у меня с вами были всегда только хорошие отношения. И с вашей мамой тоже.

Николаев: Нет, Людмила Степановна, как раз с вами у меня отношения были плохими.

Ковешникова: Ну почему же? Я к вам всегда хорошо относилась. Разве я вам сделала зло?

Николаев: Да. Вы выписали путевку на мою госпитализацию, которую я избежал чисто случайно.

Ковешникова: Но ведь я думала о вашем здоровье.

Николаев: Вы прекрасно знали, что я здоров. К тому же вы, выписывая путевку, не провели предварительного медицинского обследования. И я в тот момент не представлял социальной опасности. Вы действовали по указке КГБ. И вот это я и написал в своей книге.

Ковешникова: Ну что вы? При чем здесь КГБ? Мы КГБ не подчиняемся.

Николаев: Подчиняетесь. Когда моя жена пришла в диспансер, чтобы выяснить у вас, почему вы выписали на меня путевку, то вы ей ответили, что мною интересуется КГБ.

Ковешникова: Что вы, что вы? Я не могла ей так сказать.

Николаев: Так мне передала жена и я верю ей.

Ковешникова: Ну вот, я назначаю вам ВТЭК на 8 февраля. И поверьте мне: я никогда не была вашим личным врагом. Я к вам всегда хорошо относилась и не хотела причинять вам зло. Если что плохое и было – то вы уж – извините. Я думала только о вашем здоровье. И потом – вы ж тогда избежали госпитализации, вы ж не попали в больницу. Так что не так уж и много зла я вам причинила.

ШМОН

15 января 1980 года, гуляя без дела, просто так, по Москве, я случайно оказался на Севастопольском проспекте, недалеко от дома Виктора Капитанчука. Ну, и решил зайти к нему в гости, от нечего делать, просто так. Попить чайку, поболтать, поесть варенья.

Звоню, мне открывает дверь незнакомый мужчина, приглашает войти. Я вхожу, а Виктор из комнаты мне и говорит:

– Привет, Женя, на обыск попал.

– У, как интересно, с живыми кагебешниками можно поговорить!

– Ваши документы, – спросил меня гебист.

– А зачем вам?

– Мы должны знать, кто вы.

Николаев: А я с вами знакомиться не хочу.

– Вы пришли на обыск и поэтому должны предъявить документы.

Николаев: Мне вполне достаточно того, что Виктор меня знает.

– Мы тоже должны вас знать.

Николаев: Ну тогда вы сначала предъявите свой документ. Откуда мне знать: вы представитель власти или самозванец?

Показывает мне документ.

Николаев: Вот, теперь я вижу, что вы – капитан КГБ Малышев. Вот вам мой документ. (Подаю ему свое пенсионное удостоверение.)

Малышев: По какому адресу вы живете?

Николаев: А вот этого я вам не скажу. Позвоните по телефону в адресное бюро, дайте им мои данные и они вам скажут мой адрес. А я вам свой адрес давать и помогать вам за бесплатно не обязан. Вы обыск проводите – вам за него деньги платят, вы сами без моей помощи и узнавайте.

Малышев: Что у вас в портфеле?

Николаев: А вы мне сначала предъявите удостоверение на мой личный обыск.

Малышев (достает книгу, листает, показывает мне место, согласно которому личный обыск в исключительных случаях может быть произведен без санкции прокурора): У нас есть подозрение, что в портфеле есть антисоветские материалы.

Николаев: Ну, вы знаете, я не имею представления о том, что в портфеле.

Малышев: Почему же?

Николаев: Очень просто. Портфель не мой.

Малышев: Как не ваш? Вы же с ним пришли!

Николаев: Ну и что ж, что я с ним пришел. Все равно не мой портфель.

Малышев: А где ж вы его взяли?

Николаев: На помойке нашел. И пока еще не смотрел, что внутри.

Малышев: А зачем же вы по помойкам ходите?

Николаев: Да я по помойкам специально не хожу. А тут просто случайно проходил мимо. Вижу – портфель лежит. Я и подобрал его.

Малышев: И зачем же вы портфель подобрали на помойке?

Николаев: Как зачем? Вдруг там тысяча рублей внутри!

Малышев: И чего же это у вас портфель такой чистый, если вы его на помойке подобрали?

Николаев: Так я ж его обтер. Не понесу же я грязный.

Малышев: Ну что ж, давайте вместе посмотрим, что в портфеле, который вы на помойке нашли. ... Так-с. «Доклад Глеба Якунина Христианскому Комитету защиты прав верующих», шесть экземпляров. Хорошие портфели на помойке валяются.

Николаев: Ну, кто-то выбросил, я подобрал.

Малышев: Кто ж такие вещи выбрасывает? Значит, Самиздат принесли.

Николаев: Чего-чего? Не знаю такого слова.

Малышев: Читайте сами, что вы принесли.

Николаев: Но – я не умею читать!

Малышев: Как! Не умеете? Вы в школе учились?

Николаев: Не только в школе, но еще и в университете.

Малышев: Так почему ж вы читать не умеете?

Николаев: Так я давно учился, все позабыл. И писать тоже разучился.

Малышев: А пишущей машинки, на которой это все отпечатано, случайно на помойке не было?

Николаев: Вы знаете, не было. А то бы я не только портфель, но и пишущую машинку бы прихватил.

Малышев: Ну так вот. В портфеле, который вы на помойке нашли, клеветнические материалы. Доклад Глеба Якунина. Вы сами, что, разве верующий?

Николаев: Что вы? Какой же я верующий? Если бы я был верующим, я умел бы делать чудеса. В Библии сказано, что верующие именем Господа Иисуса Христа делают чудеса. Я-то чудес делать не умею. Какой же я верующий?

Малышев: Ну и какое бы вы чудо сделали, если бы умели делать чудеса?

Николаев: Да я бы сделал так, чтобы вы повторили подвиг Сергея Лазо. Добровольно бы залезли в паровозные топки и там бы сгорели.

Все кагебешники хором: Вот! Он нас всех сжечь хочет!

Николаев: Что вы? Я вовсе не хочу вас сжигать. Я хочу, чтобы вы сами, добровольно, забрались бы в паровозные топки

и там бы сгорели, как Лазо. Разве вы не хотите повторить его подвиг?

Другой гебист: Лазо в паровозную топку не залезал! Его туда насильно сунули.

Николаев: Ничего подобного! Лазо добровольно туда залез! И я хочу, чтобы вы его подвиг повторили.

Малышев: Что вы ерунду городите? Кто же добровольно полезет в паровозные топки?

Николаев: А вы заставляете ходить людей на политзанятия! На субботники! И потом врете, что люди все это добровольно делают!

Малышев: Ну что ж? Посмотрим, что еще есть в вашем портфеле?

Николаев: Не в моем.

Малышев: Ну ладно, не в вашем. (Достает несколько бумаг, на которых есть мой обратный адрес.) Так – вот и ваш адрес. (Берет отдельный листок, которым были обернуты экземпляры Доклада и другие бумаги.) А это что написано? Ваш почерк?

Николаев: Как же это мой почерк, если я – писать не умею?

Малышев: Здесь написано: «корам». Что это такое?

Николаев: Не знаю такого слова.

Малышев: Зато я знаю. Это значит – западным корреспондентам. Значит, вы пришли к Капитанчуку, чтобы передать для западных корреспондентов все эти бумаги. Так?

Николаев: Не так.

Малышев: А как же?

Николаев: Я пришел к Капитанчуку попить чаю с вареньем.

Капитанчук: Хорошо, что напомнил. Давай я тебе чаю поставлю. (Идет на кухню, ставит на плитку чай.)

Малышев: Но ведь чай можно было прийти пить и без портфеля.

Николаев: Да я вам уже сказал, что я – его на помойке нашел.

Далее Малышев составил протокол об изъятии документов. Я настоял на том, чтобы в протоколе было отмечено, что этот портфель не мой и что я его нашел на помойке. В отношении целей моего визита к Капитанчуку Малышев написал, что я зашел к нему покушать.

Около 17 часов приехала еще одна бригада гебистов.

«Ну, собирайтесь, Николаев, поедем к вам в гости. Посмотрим, чем вы дома занимаетесь», – сказал мне руководитель

новой бригады (потом по его документам я узнал, что это – старший лейтенант КГБ И. Я. Зотов).

Николаев: А вы мне сначала предъявите постановление на обыск.

Зотову пришлось возвращаться в машину за санкцией.

«Ни пуха тебе, ни пера», – сказал мне на прощание Виктор.

Повезли меня домой. Бригада была большая и умещалась в двух легковых машинах.

Ох, не вовремя этот проклятый шмон! Конечно, к такому надо быть готовым всегда. Но застает шмон людей обычно в самое неподходящее и неожиданное время. Ну что ж! Очевидно, придется расстаться сегодня с семьей, сегодня идти уже не в психушку, а в Лефортово придется. Но, с другой стороны, – давно я был к этому готов, знал, на что шел, знал, за что мстил коммунистам. И к переквалификации психушки на тюрьму тоже давно был готов. Тем более, что разница в советских условиях не так уж и велика. В тюрьме хоть нейролептиков этих проклятых не будет. Жаль, не удалось предупредить Тьян, чтобы спасти сделанную начатую работу. В машине я с ними не разговаривал. Было время подумать. И, конечно, отказ от дачи показаний в случае ареста!

Теперь одна проблема: как бы Тьян предупредить, чтобы она за считанные две-три минуты порядок в доме навела. Я позвонил в звонок, не так, как я это делаю обычно, а по-«чужому» и тут же отошел от глазка в сторону, чтобы меня не было видно.

Тут участковый Смык оказывает мне одну помощь, давая мне возможность поднять шум на весь подъезд, тоже благодаря своему кретинизму.

Смык: У тебя ключ есть? Ты почему дверь не открываешь?

Николаев (во всю глотку, что было мочи, чтобы слышали все соседи и Тьян): Что!!? На каком основании!! Вы обращаетесь ко мне на «ты»!?? Вас что?!! В детстве мама вежливости не учила?!! Я взрослый человек!!! Вам ваш мундир не дает права грубить!!! Приходите с обыском из КГБ!!! И грубите!!! Вы обязаны обращаться на «вы»!! КГБ обыск у меня проводит!! А вы еще грубите!!!

Помогло! Соседи с разных этажей, услышав крик мой, высунулись поинтересоваться, в чем дело, из-за чего шум.

«Ко мне из КГБ с обыском пришли, а он, – показываю на мента, – обращается ко мне на „ты“!»

А тем временем минуты на этот крик, столь необходимые для наведения дома порядка, – шли.

Наконец Тьян открыла дверь.

«Прежде всего – предъявите свои документы», – сказал я этим партийным выродкам. Все предъявили без звука, кроме Смыка.

Помимо старшего лейтенанта И. Зотова, в обыске участвовали сотрудники КГБ А. Котенко и Ю. Монахов. Санкция на обыск была подписана майором КГБ В. С. Сорокиным и прокурором г. Москвы Н. И. Фунтовым.

Последним был Смык.

«Ваш документ, пожалуйста», – сказал я ему.

Смык: Я ваш участковый.

Николаев: Я вас не знаю и предъявите документы.

Смык: Я вам показывать документ – не буду.

Николаев: Обыск не начнется до тех пор, пока вы не предъявите свои документы. Если вы присутствуете на обыске, то вы обязаны мне документ свой предъявить.

Смык: Я вам не буду ничего предъявлять.

Николаев: Не задерживайте сотрудников КГБ! Они приехали ко мне для дела! Живо! Документы!!!

Зотов: Предъявите ему, пожалуйста, документы.

Смык весь вскипел от злобы, но достал свои документы и предъявил их мне.

Николаев: (Смыку): Вот теперь я вижу, что вы – участковый, а не самозванец. Теперь вы имеете право присутствовать на обыске. (Остальным) Приступайте к обыску.

Конечно, сразу бросились к столу, где стояла пишущая машинка!

Зотов: Ребята! Какая удача! «Хроника»! 53-й номер! 11 экземпляров! (Ко мне) И давно вы выпуском «Хроники» занимаетесь?

Николаев: Я к изданию, выпуску и составлению «Хроники» никакого отношения не имею.

Зотов: А это что у вас? Смотрите.

Николаев: А я читать не умею.

Зотов: А кто ж у вас тогда дома «Хронику» готовит?

Николаев: Не знаю.

Зотов: А откуда у вас тогда «Хроника» взялась? Да к тому же одиннадцать экземпляров. И еще не оконченная?

Николаев: Да, наверное, ветром занесло?

Зотов: Что у вас? Ветры такие дуют?

Николаев: Значит, дуют.

Зотов: Окна надо закрывать, чтоб не дули.

Смык: В «Кащенко» его за такие ответы!

Николаев: Это коммунистов в Дахау надо гноить. А мне в «Кащенко» делать нечего.

Зотов: Ну да ладно, я согласен, что ветром занесло. И еще так аккуратно ветром сложило. Но как вот эта страница, наполовину уже готовая, из «Хроники» в машинку залезла? Тоже ветром?

Николаев: Значит, тоже ветром занесло!

Зотов: А может, вы сами «Хронику» эту готовили? А?

Николаев: Откуда мне? Я ж не умею.

Смык: Жена, небось, печатала, пока мужа дома не было.

Николаев: Что вы ерунду городите? Моя жена по-русски не разговаривает.

Пауза.

Монахов (к Тьян): Вы – действительно не знаете русского языка?

Тьян (с сильным ительменским акцентом, который сейчас можно услышать только у ительменов старшего поколения): Да уцылас нимноска-та.

Котенко: Ребята! Посевовские брошюрки! А что, издания НТС вам тоже ветром занесло?

Николаев: Да нет, это я в киоске купил.

Котенко: В каком же?

Николаев: Да тут рядом с кинотеатром «Бирюсинка» у нас газетный киоск. Там я и купил.

Котенко: А если я туда пойду, то, может, тоже куплю?

Николаев: Да вряд ли! Я давно купил. Сейчас их, наверное, там уже нет.

Смык: В камере я бы с ним не так поговорил!

Николаев: А в Гражданскую войну с Лазо тоже не так разговаривали, как я с вами. И в Дахау с коммунистами тоже не так разговаривали. И в Чили сейчас с коммунистами тоже не так разговаривают.

Монахов: Вот бы и езжали в Чили.

Николаев: А у меня из Чили вызова нет. А то бы с удовольствием поехал!

Монахов (перебирая обилие тамиздата и самиздата): Зря вы этой ерундой занимаетесь.

Николаев: Я с вами согласен, что зря. Такой ерундой действительно заниматься не стоит. Но у меня нет патронов и авто-

мата, чтобы коммунистов косить. Если бы были патроны и автомат, то я бы занимался делом, а не ерундой.

Зотов: За что ж вы так коммунистов ненавидите?

Николаев: А за то, что коммунисты меня репрессировали. За то, что незаконно уволили с работы!

Зотов: А за что вас уволили с работы?

Николаев: Я отказался взять соцобязательство в честь XXIV съезда КПСС.

Зотов: А кем вы тогда работали?

Николаев: Младшим научным сотрудником дезинфекции и стерилизации.

Смык: Хм! Невелика… сошка.

Николаев: Это Ленин был невеликой сошкой. И его правильно из Казанского университета погнали.

Монахов: А вы знаете, что вы за «Хронику» далеко поехать можете?

Николаев: Нет, не смогу.

Монахов: Нет, сможете.

Николаев: Не смогу. Мне 21 декабря в ОВИРе отказали в поездке в ФРГ. Как же я смогу далеко поехать?

Монахов: Да за «Хронику» вы не на Запад поедете, а на Восток.

Николаев: На Восток я тоже согласен. Земля-то круглая. Если на Восток ехать, то можно приехать в США.

Монахов: До США вы не доедете. Ближе сойти придется.

Николаев: Ближе я тоже согласен. В Японии, например.

Монахов: Да нет, еще ближе: в Сибири.

Николаев: В Сибири я уже был. Хочу теперь в Японию.

Монахов: В Сибири вы были как свободный человек. А сейчас поедете как заключенный.

Николаев: Прежде чем я поеду как заключенный, вам придется доказать, что я это все делал.

Монахов: И докажем. Еще соберем предыдущие выпуски «Хроники», которые ранее нам попадались на обысках. Сравним с вашими машинками, артикул бумаги, с вашими отпечатками пальцев. И докажем, что вы и предыдущие номера готовили.

Николаев: Не докажете. Вы сами мне инвалидность всучили. А раз я, по вашим законам, нетрудоспособен – значит, я не делал ничего. А если докажете, что делал я , – то моя инвалидность – липовая.

Котенко: Вы напрасно так легкомысленно к этому относи-

тесь. Ведь вы теперь психушкой не отделаетесь. Раньше мы вас жалели, чтобы не сажать вас в тюрьму, направляли вас в психбольницу. А теперь мы вас жалеть не будем! Осудим на 7 плюс 5 и отправим в лагерь.

Николаев: Да, но вам сначала придется признать меня вменяемым.

Котенко: И признаем!

Николаев: А мне того только и нужно, чтобы вы меня вменяемым признали.

Смык: Хитрый какой! Чуть преступление совершит – тут же в «Кащенко» от суда прячется.

Николаев: Во-первых, – я никогда преступлений не совершал! И в «Кащенко» я никогда от возмездия не прятался. Меня коммунисты в «Кащенко» направляли без моего согласия и всегда незаконно.

Монахов: Вы не совершали преступлений? А это что? (Показывает на самиздат и тамиздат.) Не преступление?

Николаев: Это Ленин преступление совершал, когда распространял незаконно «Искру». А я преступлений не совершал.

Монахов добрался до чистой писчей бумаги.

Монахов: Интересно, зачем вам столько много писчей бумаги? Для «Хроники», которую вы сейчас готовили.

Николаев: Да нет, мы с этой бумагой в туалет ходим.

Монахов: А зачем вам столько пачек копирки? Ну ладно, я согласен, что с писчей бумагой вы в туалет ходите. А копирка вам зачем? Ведь вы не печатаете? Ваша жена тоже не печатает?

Николаев: Да мы копиркой мажемся, чтобы на негров быть похожими.

Зотов тем временем дошел до копии моего заявления-протеста против советской интервенции в Афганистане.

Зотов: Интересно, зачем вы это написали? С чего вы взяли, что Советский Союз совершает в Афганистане агрессию?

Николаев: Когда в прошлом году Китай ввел во Вьетнам ограниченный контингент войск по просьбе вьетнамского правительства – вы тоже шум подняли на всю страну.

Монахов: Вьетнам не просил Китай вводить туда свои войска!

Николаев: Нет, просил.

Зотов добирается до копии моего заявления-протеста против празднования 110-й годовщины со дня рождения Ленина. Дает копию девчонкам.

Зотов: Прочитайте. Посмотрите, что это за человек. (Дает

Смыку копии моих заявлений на Пуляева.) А вам это интересно прочитать.

Смык (прочитав копии): Обо мне он так писать не будет.

Монахов (снимает со стены большой портрет Солженицына): Кто это у вас?

Николаев: Да учитель школьный. Он физику и математику преподавал.

Монахов: Что, вы у него учились?

Николаев: Да нет, я в другой школе учился.

Монахов: А зачем же вам портрет учителя, у которого вы не учились?

Николаев: Да так, на всякий случай. Он мне не мешает.

Смык: На Луну надо таких высылать.

Николаев: На Луну надо коммунистов высылать, желательно без скафандров.

Вот так и шел обыск, восемь часов подряд. Эмемкут давно уже заснул. Забрали много, в том числе – магнитофонные кассеты с лингафонными курсами и наши сборы по ительменскому языку. Все изъятое уместилось в три гигантских мешка. Протокол обыска я подписывать отказался. Тьян – также.

Николаев: Чтобы вам времени зря не тратить, вы меня на допросы не вызывайте. Я на них не явлюсь и никаких показаний давать не буду. Предупреждаю заранее, чтобы вы зря времени на меня не тратили.

Зотов: Что ж? Если вы по вызову на допрос не явитесь, мы обратимся за помощью к участковому, чтобы он вас на допрос доставил. И он вас немедленно доставит.

Смык: Если он на допрос не явится сам, то я вам его тоже сразу не доставлю. Сначала он отсидит у меня 15 суток за неподчинение. И только через пятнадцать суток вы его у меня получите.

Николаев: Даже если я отсижу эти 15 суток, то я все равно показаний давать не буду.

Смык: Тоже мне – храбрец. Попади он ко мне – я бы в два счета у него все показания бы выбил!

Николаев: Я вам – не Павлик Морозов. И я – не коммунист.

Ушли они за полночь. Я тут же побежал на улицу звонить Сахарову. Набрал номер. Андрей Дмитриевич снял трубку.

Николаев: Андрей Дмитриевич, это вам Николаев звонит. Извините, что так поздно.

Сахаров: Ничего, ничего. Я сидел у телефона и ждал, когда вы мне позвоните. Обыск кончился?

Насколько можно по телефону, я рассказал Андрею Дмитриевичу о результатах обыска, сказал, что накрыли 53-й номер «Хроники».

А через несколько дней, 22 января, Сахаров был сослан без суда и следствия в Горький.

Шмон, прошедший у меня дома, получил освещение в «Хронике текущих событий» № 55.

ОТЪЕЗД НА ЗАПАД

На следующий день, чтобы предупредить действия КГБ, я с утра пошел в диспансер с целью поговорить с Кучеровым.

Кучеров: Здравствуйте, Евгений Борисович, что скажете?

Николаев: Алексей Юрьевич, вы западное радио слушаете?

Кучеров: Да нет, не слушаю, некогда мне.

Николаев: Ну, вот, сегодня послушайте и узнаете про это. (Подаю ему копию протокола обыска.)

Кучеров: Так, значит у вас обыск вчера провели? Пункт первый – пишущая машинка. Хорошо. Пункт второй. Еще одна пишущая машинка. Ну, вы богатый человек, Евгений Борисович. Пункт третий – еще пишущая машинка! Да вы, Евгений Борисович – миллионер! Зачем только вам пенсию платят. Пункт четвертый... ...Что??!

Николаев: «Хроника текущих событий», Алексей Юрьевич, 53 номер, 11 экземпляров.

Кучеров: Вы – работали над «Хроникой»?

Николаев: Что вы, Алексей Юрьевич, как я мог? Ведь я же – инвалид. Вы сами мне каждый год в диспансере инвалидность назначаете. А раз так – то не мог я над «Хроникой» работать. Они тоже решили, что я над «Хроникой» работал. И еще грозятся провести экспертизу, чтобы доказать, что я «Хроникой» несколько лет занимался.

Кучеров: А между нами говоря – сколько лет вы уже «Хроникой» занимаетесь?

Николаев: Так ведь я не умею.

Кучеров: Да вы уж не скромничайте, Евгений Борисович. Ведь между нами, девочками, говоря, вы «Хроникой», наверное, не первый год занимаетесь.

Николаев: Нет, Алексей Юрьевич, это у меня случайно дома оказалось.

Кучеров: Но ведь это всё на мою голову.

Николаев: Почему же на вашу?

Кучеров: Да я должен был об этом раньше знать и вас госпитализировать.

Николаев: Вот вы и узнали, Алексей Юрьевич. Даже раньше, чем об этом стали говорить западные радиостанции.

Кучеров: Да, но я вас теперь должен немедленно госпитализировать.

Николаев: Вот я как раз и пришел к вам для того, чтобы убедить вас не делать этого опрометчивого шага.

Кучеров: Но ведь о вас сегодня все западные радиостанции заговорят.

Николаев: Так вы ж западное радио не слушаете. Вам – некогда.

Кучеров: А что мне делать, если мне об обыске из КГБ сообщат?

Николаев: Ответьте им, чтобы сами мною занимались.

Кучеров: Но ведь если они вами займутся, то вам лагеря не миновать.

Николаев: Ничего, я к лагерю готов. Тем более, что, чтобы в лагерь пойти – меня для этого должны вменяемым признать. А я этого как раз и добиваюсь.

Кучеров: Ну, ладно, я вас не госпитализирую. Вы пойдете в лагерь или в тюрьму. Но скажите между нами, зачем вы всем этим занялись?

Николаев: А у меня другого выхода не было. Я был в безвыходном положении. Ничего не делаешь – сажают. Так уж лучше что-то делать, как-то отбиваться.

Кучеров: Да... дела.

Николаев: Вот, Алексей Юрьевич, не надо было меня в 1970 году с работы ни за что выгонять, не надо было гонять меня по психушкам. Не тронули бы меня в 1970 году – все бы мое инакомыслие не шло бы дальше того, что я бы слушал западные радиостанции, не ходил бы на политзанятия и субботники, да рассказывал бы анекдоты про Ленина. А так видите, во что репрессии обернулись. Думали запугать – да не запугали. Нельзя ставить людей в безвыходное положение. Ибо люди в безвыходном положении все равно стараются выход найти. И вы не можете предсказать, во что выльется поведение людей, поставленных в безвыходное положение.

Кучеров: Но вы отдавали себе отчет в последствиях ваших действий?

Николаев: Конечно: сидеть за дело всегда легче, чем ни за что. А теперь у меня к вам вопрос, Алексей Юрьевич.

Кучеров: Какой же?

Николаев: Вы мне много раз говорили, что в отношении меня вам поступают звонки.

Кучеров: Говорил. И звонки, кстати, продолжают поступать.

Николаев: А в этих звонках было о том, что я работаю над «Хроникой»?

Кучеров: Нет, не было.

Николаев: А теперь представьте себе, Алексей Юрьевич, вы работаете над «Хроникой». Дело это – важное. Стали бы вы параллельно заниматься всякой ерундой, из-за которой бы вас могли госпитализировать?

Кучеров: Вы опять к тому, что вы ничего дурного не делали?

Николаев: На месте бы человека, который занимается «Хроникой», я бы ничего дурного бы не делал, чтобы не прерывать из-за пустяков работу над «Хроникой». Но я-то, как вам известно, к «Хронике» отношения не имею.

Кучеров: Расскажите это кому-нибудь другому. ...Но не думаете ли вы, что это помешает вашему отъезду?

Николаев: Наоборот, поможет. У каждого диссидента есть в КГБ свой куратор. Так вот, мой куратор проморгал то, что я написал книгу, и вот – обыск, на котором обнаружили «Хронику». Я не думаю, что ему выгодно, чтобы я остался.

Кучеров: Ну ладно, если мне будут звонить, я скажу, чтобы вами они занимались сами.

Николаев: Ну вот и договорились.

На этом я с Кучеровым расстался.

А затем действительно в течение нескольких дней западные радиостанции только и говорили о тех обысках, которые прошли по Москве 15 января.

Через несколько дней после обыска мне пришла открытка из районного ОВИРа.

«Вы брали у нас анкеты для поездки в Израиль?» – спросил меня Аськов, когда я по его вызову в ОВИР явился.

Николаев: Брал.

Аськов: А где они?

Николаев: Дома.

Аськов: Вы их заполнили?

Николаев: Нет еще.

Аськов: Ну что ж вы так? Ведь нас же подгоняют. Быстрее собирайте все документы и несите их в ОВИР.

Николаев: Мы написали письма на Камчатку матери моей жены и моему отцу в Сибирь, чтобы они прислали заверенное согласие на наш отъезд в Израиль. Но пока оттуда ответов нет.

Аськов: Несите пока то, что можно собрать в Москве. А те согласия донесете позже, когда они придут к вам по почте.

После этого диалога я помчался собирать документы, которые можно собрать в Москве. Заодно мы снова написали письма на Камчатку и моему отцу в Сибирь. Свои способности я немного переоценил: на сбор московских документов ушло не семь дней, а целых десять. Но ответов ни от отца, ни от мамы Тьян все не было.

Конечно, в Москве тоже произошло маленькое приключение. Домуправ, заверяя согласие на мой отъезд моей матери, сказал: «Еще назад проситься будет!»

Но это замечание, как потом оказалось, было всего лишь мелочью жизни и привел я его исключительно из соображений сравнения с тем, что происходило в Сибири и на Камчатке.

Собрав все московские документы, я опять пришел в ОВИР. На этот раз все дела я имел уже с Шатаевым Сергеем Анимировичем. Просмотрев мои документы, он даже похвалил меня: «На этот раз вы все оформили правильно. Никаких замечаний нет. Оформление документов по первому вызову пошло вам на пользу. Я ваши документы сразу же перешлю в городской ОВИР. А когда вы получите согласие на ваш отъезд от вашего отца и от матери вашей жены, вы донесите эти документы мне и я их тоже пошлю в городской ОВИР».

8 февраля 1980 года я пришел в диспансер для прохождения ВТЭКа. Пришел я немного пораньше, чтобы быть первым, и, ожидая начала комиссии, рассматривал стенгазету, которую выпускали больные дневного стационара.

Вдруг слышу голос Кучерова:

– *Евгений Борисович, вы все еще на свободе? Удивительно.*

Николаев: Да вот пока еще не посадили. Алексей Юрьевич, у вас в лечебно-трудовых мастерских копировальные машины есть?

Кучеров: Нету, а что?

Николаев: Да нам, Алексей Юрьевич, «Хронику» негде размножать.

Кучеров: Всё шутите, Евгений Борисович.

А тем временем подошли члены ВТЭКа, пригласили меня в кабинет.

Председатель: Скажите, что это за обыск у вас на квартире был?

Николаев: А откуда вы знаете?

Председатель: Да вот все об этом говорят.

Николаев: Ну, провело КГБ обыск, уволокло три мешка.

Председатель: У вас ведь «Хронику» на обыске обнаружили. Это что такое?

Николаев: Да «Хроника» – это такое издание, в котором про репрессии рассказывается.

Председатель: И вы над ней работали?

Николаев: Ну что вы? Я к «Хронике» никогда никакого отношения не имел.

Председатель: Вы ведь еще, кажется, книгу написали?

Николаев: Да, написал книгу.

Председатель: О психбольницах?

Николаев: Не только. Вообще о психиатрических репрессиях. Там я и о диспансере писал.

Председатель: А о диспансере-то зачем?

Николаев: Ну, понимаете ли, диспансеры – это составное звено в психиатрических репрессиях. Когда мы говорим или же пишем о психиатрических репрессиях, то надо говорить не только о психбольницах, но и о психдиспансерах.

Председатель: Значит, наш диспансер вы тоже в своей книге расписали?

Николаев: Конечно, я описал, как на меня в диспансере несколько раз выписывались путевки на мою госпитализацию, без предварительного обследования, как диспансер, нарушая медицинскую этику и тайну, подавал на меня сообщения в КГБ. Было о чем писать про диспансер.

Председатель: Про Кучерова вы, конечно, в своей книге тоже написали?

Николаев: Конечно, написал и о Кучерове. Я ведь с ним общался.

Председатель: Но Кучерова вы в книгу вставили совершенно зря. Он же вас не госпитализировал!

Николаев: Ну, прежде всего, я с Кучеровым познакомился еще в 1974 году в «Кащенко». Он меня тогда не выписал, когда я к нему попал. А в диспансере у меня с ним тоже были дела.

Председатель: А вы знаете, что Кучеров вас всегда защищал? Когда сверху требовали вас госпитализировать, то он ни-

когда этого не делал и каждый раз отказывался вас госпитализировать. Отвечал на звонки, что вы находитесь в состоянии стойкой ремиссии.

Николаев: В таком случае он тем более заслужил того, чтобы попасть в книгу. Моя задача – не обругать кого-либо в своей книге, а описать ситуацию, в которой находится диссидент, подвергающийся психиатрическим репрессиям, и его взаимоотношения с врачами. Если Кучеров меня отказывался госпитализировать – это значит, что так же могли поступать и другие врачи, с которыми я ранее имел дело. Если можно противостоять давлению звонков сверху в одном диспансере – значит можно и в других противостоять такому давлению. Если можно защищать диссидентов в диспансерах – то значит – можно и не принимать их и в психбольницы. Если можно было не трогать меня, то значит можно и не трогать других. Эта тема слишком серьезна, чтобы ее замалчивать.

Председатель: Ну, а про нас вы тоже написали в книге?

Николаев: И о вас написал. Я ведь каждый год прохожу у вас ВТЭК.

Председатель: Ну про нас-то зачем? Мы вас ведь не связывали, в больницу не отправляли. Мы вам делали только добро всегда. Каждый раз назначали вам пенсию, чтобы вам было на что жить.

Николаев: А я и не писал о вас так плохо. Я только писал о том, что вы каждый год продлевали мне инвалидность.

Председатель: Ну, а сейчас вам инвалидность продлить или вы согласны работать?

Николаев: Работать в СССР я уже не буду. Я оформляю документы на выезд.

Как всегда, инвалидность мне продлили еще на год.

Через несколько дней, почти одновременно, пришли письма с Камчатки и от моего отца, примерно одинакового содержания. В домоуправлении отказались заверить согласие моего отца на мой отъезд в Израиль на том основании, что я не вписан в его паспорт и им, дескать, неизвестно, есть ли у него на самом деле сын или нет. А на Камчатке председатель Шаромского сельского совета Леонова Анна Константиновна категорически отказалась заверять подпись матери Тьян на ее отъезд.

С обоими письмами я пришел к Шатаеву в ОВИР, чтобы посоветоваться: что делать дальше?

По поводу отца он предложил мне послать ему копию свиде-

тельства о моем рождении, а действия Леоновой обжаловать в Мильковском райисполкоме Камчатской области.

«А письма эти оставьте на всякий случай мне, – сказал Шатаев, – я перешлю их в городской ОВИР, чтобы они знали, что вы пока не получили согласия родителей не по своей вине. Но вы торопитесь».

Однако жалоба в Мильковский исполком и копия свидетельства о рождении не помогли. Мне пришлось дополнительно писать в Усть-кутский горисполком и в Иркутский облисполком по поводу согласия моего отца. Это помогло, и где-то в конце марта – в начале апреля я от него заверенное согласие получил.

А Леонова распоясалась: грозилась Тьянушкиной маме и родственникам, если я еще буду на нее жаловаться, обращалась за поддержкой в Камчатское областное КГБ.

Ну и мне пришлось писать и в Камчатский облисполком, и в Президиум Верховного совета Совдепии.

К середине апреля я получил-таки эту злополучную бумагу из Шаром, и всё отнес в районный ОВИР.

Все эти события нашли освещение в «Хронике текущих событий».

В связи с окончанием срока действия паспорта я в конце апреля пошел в городской ОВИР на прием к Баймасовой, чтобы узнать, на какой стадии оформления находятся мои документы.

Баймасова: Когда их у вас приняли?
Николаев: В феврале.
Баймасова: Прошлого года?
Николаев: Нет, этого.
Баймасова: Э т о г о?! Вы что ж, хотите за два месяца разрешение на выезд получить? Вот тут перед вами гражданин был. Так он в апреле позапрошлого года документы подал. И ему разрешения до сих пор нет. А вы хотите за два месяца.

Наступил май, теплый и солнечный. 9 мая пошел я с Эмемкутом рано утром гулять в лес. А когда вернулись под вечер домой, то дома было извещение из ОВИРа: зайти за получением виз. Выезд разрешен не позднее 25 мая 1980 года.

Все последующие дни были сплошной беготней и нервотрепкой. Не выпускают годами, а когда, наконец, разрешают, оставляют считанных десять рабочих дней на оформление всех дел и документов, так что еле успеваешь обернуться.

А тут из диспансера открытка: прийти на беседу с участковым психиатром. Ну, звоню Кучерову.

Николаев: Алексей Юрьевич, я открытку из диспансера получил.

Кучеров: Ну зашли бы к своему участковому врачу. А то мы вас давно не видели.

Николаев: Да знаете, эту неделю у меня много дел. Никак не смогу.

Кучеров: Ну, приходите на следующей неделе, скажем, в понедельник.

Николаев: А это очень важно для меня – побеседовать с участковым психиатром?

Кучеров: Очень важно.

Николаев: Ну что ж, Алексей Юрьевич, вы тогда этому психиатру обеспечьте командировку в Вену и я там с ним в понедельник поговорю.

Кучеров: Уезжаете, Евгений Борисович?! Поздравляю! От всей души!

Николаев: Нет, это я вас должен поздравить. У вас теперь жизнь спокойней будет.

Кучеров: Значит, вас отпустили? Ну, счастливого вам пути.

И вот, 25 мая 1980 года в аэропорту я последний раз видел дочь Иночку перед отлетом. Потом шмоны на таможне, четыре проверки документов, наконец – самолет.

Приземляемся в Венском аэропорту. Выходим. Совдепия, все эти проклятые психушки, психдиспансеры, весь этот коммунистический ад – позади. Можно вздохнуть впервые спокойно.

ЭПИЛОГ

Закончить свою книгу я могу, пожалуй, тем же самым, чем ее начал: я по-прежнему не могу понять, как могут психиатры пойти на такое преступление: помещать в психбольницы здоровых людей, подвергать их фармакологическим пыткам и издевательствам, а в довершение всего – после выписки – держать под постоянным напряжением угрозы новых госпитализаций. Уже здесь, на Западе, я встречался с психиатрами на III Всемирном Конгрессе по биопсихиатрии в Стокгольме.

Со многими из них беседовал, рассказывал им о режиме содержания, о взаимоотношениях с лечащими врачами, о психдиспансерах. Западные психиатры ахали, возмущались своими советскими коллегами – и тоже не могли понять, как и почему их советские коллеги идут на преступление. Хотел я на Конгрессе

поговорить и с советскими делегатами, чтобы в независимой кулуарной обстановке просто узнать их мнение: что можно сделать для предотвращения использования психиатрии в Совдепии в политических целях. Диалога не получилось.

Вот как реагировали дословно на мои попытки обсудить положение советских узников психиатрических больниц эти советские чиновники.

Николаев: Мне бы хотелось поговорить с вами, как с советским делегатом, о злоупотреблениях психиатрией в политических целях в Советском Союзе. Я сам подвергался психиатрическим репрессиям и знаю, что они реально существуют.

Морозов: К сожалению, я не могу с вами обсуждать эту проблему и ничем не могу быть вам полезным. Я нахожусь здесь от имени Всемирной Организации Здравоохранения. Так что вам лучше поговорить об этом с советскими делегатами.

Николаев: Но ведь во Всемирной Организации Здравоохранения вы представляете Советский Союз. Именно поэтому я хотел бы с вами конструктивно об этом поговорить. Разумеется, не для того, чтобы ругаться: «Вы, дескать, плохие, а мы – хорошие». Поговорить, если это, конечно, не отразится на вашей карьере. Я ведь все же – эмигрант.

Морозов: На моей карьере это никак не отразится. Но Всемирная Организация Здравоохранения – медицинская, а не политическая организация. И я приехал в Стокгольм для решения научных вопросов, а не политических. Нам дана инструкция уклоняться от всех политических вопросов и на них не отвечать. Не подумайте, что это инструкция из Москвы. Это инструкция от Всемирной Организации Здравоохранения. Если бы ко мне обратился кто-либо другой, то я бы не стал ему отвечать. Но для вас, как для соотечественника, я делаю исключение, чтобы вы представляли себе ситуацию. Тем более, что вы обратились ко мне не для того, чтобы ругаться.

Николаев: Могу ли я вам передать для советской делегации список жертв психиатрического террора в Советском Союзе?

Морозов (берет у меня материалы, подготовленные Международным обществом прав человека, и прячет их к себе в чемодан. В этом списке помещены имена 181 узника, томящихся в советских психбольницах по политическим причинам): Мы получили уже много таких материалов. Но я повторяю: я не представляю здесь Советский Союз. Я представляю здесь Всемирную Организацию Здравоохранения. Так что я, повторяю,

ничем не могу быть вам полезен. С этим вопросом обратитесь лучше к советским делегатам.

Тут Морозова от меня отозвали и продолжить беседу с ним мне не удалось.

В тот же день (это было 30 июня 1981 года) я побеседовал с советским делегатом Костандовым.

Николаев: Я хочу дать вам для советской делегации список лиц, находящихся в СССР в психбольницах по политическим причинам.

Костандов: Спасибо, не надо.

Николаев: А можно мне с вами поговорить о злоупотреблениях психиатрией в СССР в политических целях?

Костандов: Нет, нельзя, я с вами разговаривать не буду.

Николаев: Почему?

Костандов: Я приехал на научный конгресс, чтобы обсуждать здесь научные вопросы, а не политические.

Николаев: Но ведь злоупотребления психиатрией в СССР реально существуют.

Костандов: Я не компетентен решать эти вопросы. Я физиолог, а не психиатр. Обращайтесь к психиатрам. Пусть они этот вопрос с вами обсуждают. А я решать эти вопросы не могу. Я физиолог. Меня политика не интересует.

Николаев: Но ведь я сам подвергался психиатрическим репрессиям в Советском Союзе.

Костандов: Это меня не касается.

Николаев: И я приехал на конгресс в Стокгольм, чтобы информировать делегатов конгресса и общественность о злоупотреблениях психиатрией в Советском Союзе. Здесь я дал интервью газете «Svenska Dagbladet», в котором я заявил, что такие злоупотребления реально существуют.

Костандов: Ну – дали интервью, ну и дали. Ну – сказали, ну и сказали. А мое какое дело?

Сказавши это, Костандов отошел от меня.

Однако, несмотря на эти беседы с Костандовым и с Морозовым, конгресс по биопсихиатрии в Стокгольме не изгладится из моей памяти. Ведь на конгрессе я впервые увидел психиатров с человеческими лицами, которым не безразличны судьбы наших узников совести, узников советских психотюрем, которые ощущают на себе ответственность за то, что делают психиатры в Совдепии.

Сейчас, когда я пишу эти строки, – психиатрические репрессии в Совдепии продолжаются, а все члены разгромленной Ра-

бочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях находятся в заключении. Но хочется верить в то, что этот психиатрический ад для узников советских психотюрем кончится, а советские психиатры-коммунисты – виновники этих злоупотреблений – сполна за свои преступления получат.

Москва 1978 – Мюнхен 1982

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Николаев Евгений Борисович родился в Москве 9 января 1939 года. В 1956 году окончил десятилетку. Будучи школьником, посещал различные биологические кружки: при кафедре зоологии позвоночных биофака МГУ и при Всероссийском Обществе Охраны Природы. Ездил в школьные годы в научные экспедиции. В 1953 году вступил в комсомол.

В 1956 году, вскоре после окончания школы, порвал с официальной идеологией и вышел из комсомола. С 1957 года занялся самостоятельным изучением иностранных языков.

В 1957–1958 годах учился на биологическом факультете МГУ, откуда был отчислен за общение со студентами-иностранцами (формально – за неуспеваемость).

В 1959–1960 гг. работал чернорабочим на ткацкой фабрике.

В 1960–1961 годах работал инструктором-дератизатором в Центральной противочумной наблюдательной станции.

С 1961 по 1969 год (сначала на дневном отделении, а потом – на заочном) учился на Географическом факультете МГУ, по окончании которого получил диплом зоогеографа.

С 1965 по 1969 год работал в отделе Биологии Всесоюзного Института Научной и Технической Информации АН СССР старшим научно-техническим сотрудником.

С 1969 по 1974 год (с перерывами) – внештатный референт ВНИИТЭИСХ (институт сельскохозяйственной информации).

В 1967 году впервые стал печататься в газетах. С 1967 по 1975 год опубликовал много статей о методике самостоятельного изучения иностранных языков.

С сентября 1969 года по сентябрь 1970 года (формально – по январь 1971 года) работал зоологом на должности младшего научного сотрудника в лаборатории дератизации во ВНИИ дезинфекции и стерилизации, откуда был уволен и помещен в психиатрическую больницу за отказ от участия в принудительных политических мероприятиях.

Начиная с сентября 1970 года постоянно подвергался преследованиям со стороны психиатрических служб вплоть до своего отъезда из СССР. Имеет печатные работы, посвященные психиатрическим репрессиям, опубликованные как в Самиздате, так и за рубежом.

25 ноября 1977 года отказался от советского гражданства. Евгений Николаев – один из членов Свободного профсоюза, основанного СССР в январе 1978 года.

Со дня образования СМОТ (Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся) – член Совета Представителей СМОТ.

Евгений Николаев неоднократно подписывался под коллективными правозащитными документами, писал индивидуальные письма-протесты в защиту узников совести.

25 мая эмигрировал из СССР. В настоящее время живет в Мюнхене.

У Евгения Николаева двое детей: дочь Инесса (1967 год рождения, живет в Москве) и сын Эмемкут (1975 год рождения, живет в Мюнхене).

В июле 1983 года в издательстве Klaus Schulz Verlag (München) вышел в свет немецкий вариант книги Евгения Николаева «Предавшие Гиппократа» под названием «Gehirnwäsche in Moskau».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

О психиатрических репрессиях уже немало написано. Имеются воззвания к мировой общественности, «Бюллетени» Рабочей Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях регулярно освещают судьбы заключенных.

Есть книги, отечественные и зарубежные, излагающие правовой, политический, медицинский и прочие аспекты проблемы.

И все же нам этого мало. Здоровый в дурдоме! Нам интересно все о нем: как он живет изо дня в день, как складываются его отношения с душевнобольными. Мы хотим понять психологию дипломированных негодяев, подвергающих его пыткам, и, конечно же, что он противопоставляет им, как отстаивает свою личность от издевательств и разрушения.

Мемуарная литература узников психбольниц скудна, а книгу воспоминаний мы вспомнить не можем.

Кажется, «Предавшие Гиппократа» – единственная в этом роде. Что сказать о ней? Что можно сказать о целом мире странных и искаженных человеческих отношений, близком и далеком от нас, как четвертое измерение?

В первую очередь – что мы верим в его подлинность. И в этом, конечно, всецело заслуга автора. С первой строчки до последней он правдив, нам в голову не приходят сомнения – а так ли было на самом деле? Не приукрасил ли он себя? Не очернил ли врагов?

Он ведет нас, как Вергилий, по замкнутому кругу психиатрического ада от ПНД к стационару, от отделения к ВТЭКу, и снова в ПНД, и опять в отделение. Мы смотрим, удивляемся, возмущаемся, но нигде не спотыкаемся на фальши.

Некоторые лица (Гуревич, Белый, Павлов, Иткин) силой правдивости достигают высокой художественной образности.

Вообще характерная для книги черта – правда – делает ее художественным произведением. Или... у автора в самом деле сильный литературный талант? Нас этот вопрос не волнует. Мы благодарны ему за напряженное внимание к его судьбе, к жизни, о которой хотели узнать.

Любопытно, именно правдивостью автор решает одну из самых сложных задач литературного произведения – развитие личности героя в ходе повествования. В схватках созревает его ум, созревает его воля. В пятой отсидке он уже совсем другой,

чем в первой, – опытный, целеустремленный боец, ведущий игру, а не игрушка в руках врагов.

Автор достигает успеха в том, что считает сам важнейшей задачей своей книги.

Он убедительно доказывает девятью годами жизни, что начало всех зол, завязка всех бед и непрерывный тяжкий удел «освобожденного психа» – психоневрологический диспансер, поддерживающий состояние постоянной тревоги, неуверенности, ожидания новой посадки, которую невозможно предвидеть и трудно отвратить.

Единственное, что хотелось поставить автору в укор, – это грубость в выражениях, применяемых им в отношении своих мучителей. Его эмоции понятны, никто его не обвинит в злобном характере – попробуйте побыть в его шкуре и остаться вежливым джентльменом. И все же мера ему здесь изменяет. Но главное – ругательства ослабляют, а не усиливают воздействие на читателя.

Не побоимся банальностей и пожелаем Е. Николаеву новых шагов на литературном поприще и еще раз поблагодарим его за хорошую книгу.

Подрабинек Пинхос Абрамович
Электросталь, май 1979 года

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЮЛЛЕТЕНЬ ТЕКУЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Прокуратура СССР и Верховный Суд СССР

За IX. 1972 г.
стр. 85

Для служебного пользования.
Экземпляр № 005659

ИНСТРУКЦИЯ
Министерства здравоохранения СССР
от 26. 08. 1971
№ 06 – 14 – 43
(Согласовано с Прокуратурой СССР и МВД СССР)

Необходимость предупреждения опасных действий психически больных требует в ряде случаев стационирования их в психиатрических учреждениях в порядке осуществления специальных мер профилактики, возлагаемых на органы здравоохранения статьей 36 Основ законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении. В соответствии с этим:

1. При наличии явной опасности психически больного для окружающих или для самого себя органы здравоохранения имеют право без согласия родственников больного, его опекунов или иных окружающих лиц (в порядке неотложной психиатрической помощи) поместить его в психиатрический стационар.

2. Показанием для неотложной госпитализации является общественная опасность больного, обусловленная следующими особенностями его болезненного состояния:

а) неправильное поведение вследствие острого психотического состояния (психомоторное возбуждение при склонности к агрессивным действиям, галлюцинации, бред, синдром психического автоматизма, синдромы расстроенного сознания, патологическая импульсивность, тяжелые дисфории);

б) систематизированные бредовые синдромы, если они определяют общественно опасное поведение больных;

в) ипохондрические бредовые состояния, обуславливающие неправильное, агрессивное отношение больного к отдельным лицам, организациям, учреждениям;

г) депрессивные состояния, если они сопровождаются суицидальными тенденциями;

д) маниакальные и гипоманиакальные состояния, обуславливающие нарушение общественного порядка или агрессивные проявления в отношении окружающих;

е) острые психотические состояния у психопатических личностей, олигофренов и больных с остаточными явлениями органического повреждения головного мозга, сопровождающиеся возбуждением, агрессивными и иными действиями, опасными для себя и для окружающих.

Перечисленные выше болезненные состояния, таящие в себе несомненную опасность для самого больного и общества, могут сопровождаться внешне правильным поведением и диссимуляцией.

В связи с этим необходима сугубая осторожность при оценке психического состояния таких лиц, чтобы, не расширяя показаний к неотложной госпитализации, вместе с тем своевременным стационированием предотвратить возможность совершения общественно опасных действий со стороны психически больного.

3. Не являются показанием к неотложной госпитализации в психиатрические стационары состояние простого, хотя бы и тяжелого алкогольного опьянения, так же как и состояния интоксикации, вызываемые другими наркотическими веществами, за исключением острых интоксикационных психозов и психотических вариантов абсистентных состояний.

Не могут служить показанием к неотложной госпитализации аффективные реакции и антисоциальные нормы поведения лиц, не страдающих психическими заболеваниями, а обнаруживающих лишь такие психические аномалии, как психопатические черты характера, невротические реакции, нерезко выраженные последствия травмы черепа и т. п.

В тех случаях, когда общественно опасное поведение лица вызывает подозрение о наличии у него психического расстройства, но последнее не является очевидным, такое лицо не подлежит неотложной госпитализации. Указанные лица, задержанные в связи с общественно опасным поведением органами, обеспечивающими охрану правопорядка, подлежат направлению на экспертно-психиатрическое освидетельствование в порядке, устанавливаемом уголовно-процессуальным законодательством.

4. Неотложную госпитализацию непосредственно осуществляют медицинские работники по указанию врачей-пси-

хиатров, на которых органами здравоохранения возложены функции помещения больных в психиатрические больницы (врачи неотложной помощи, психоневрологических диспансеров и др.).

В районах, где отсутствуют психиатрические учреждения, неотложную госпитализацию могут проводить те врачи общемедицинской сети, которые обычно осуществляют там оказание помощи психически больным. При этом больной должен быть немедленно отправлен в ближайшую психиатрическую больницу.

При неотложной госпитализации врач, направляющий больного, обязан подробно изложить обоснование медицинских и социальных показаний к неотложной госпитализации, указав в заключении место своей работы, должность, фамилию и время направления.

5. Местные органы внутренних дел (милиция) обязаны оказывать содействие медицинским работникам при их обращении в неотложной госпитализации психических больных, представляющих общественную опасность в случаях:

а) возможности ими сопротивления (так в тексте. – Е. Н.), проявления агрессии и др. действий, угрожающих жизни и здоровью медицинских работников, или при попытках скрыться от них;

б) оказания сопротивления со стороны родителей, опекунов и других лиц в госпитализации больного.

6. В психиатрическом учреждении госпитализированный больной в течение суток суток должен быть освидетельствован специальной комиссией в составе 3-х врачей-психиатров, которая рассматривает вопрос о правильности стационирования и определяет необходимость дальнейшего пребывания в стационаре, что документируется в истории болезни за подписью всех членов комиссии. В случае несогласия одного из врачей он может написать свое особое мнение.

О госпитализации больного информируются его ближайшие родственники не позднее суток после освидетельствования больного комиссией.

7. Госпитализированные в психиатрические учреждения больные помещаются в отделения в соответствии с их психическим состоянием для проведения активного лечения и подлежат обязательному (не реже одного раза в месяц) переосвидетельствованию комиссией в составе трех врачей-психиатров для решения вопроса о необходимости дальнейшего пребывания в

больнице, что также документируется ими в обязательном порядке.

При улучшении психического состояния больного или такого изменения клинической картины заболевания, при которой общественная опасность больного устраняется, комиссия врачей дает письменное заключение о возможности выписки больного. Выписка такого больного производится на попечение родных или опекунов, договоренность с которыми должна быть предварительно обеспечена.

8. Если больной, подлежащий по медицинским показаниям выписке из больницы, находится в состоянии, при котором он не может быть предоставлен самому себе и не имеет постоянного места жительства и близких, обязанных осуществлять о нем заботу, он может быть выписан из больницы только после учреждения над ним опеки.

9. О выписке из больницы психиатрическая больница заблаговременно информирует психоневрологический диспансер, где такие больные должны находиться на особом учете, подвергаясь в необходимых случаях систематическому лечению.

10. Главные врачи лечебных психиатрических учреждений должны осуществлять систематический контроль за выполнением положений, предусмотренных настоящей инструкцией.

11. Инструкция от 10. 10. 1961 года № 04 – 14/32 утратила силу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 7

В застенках психбольниц

Ленин в тебе и во мне 9
Первый арест 22
Как со взглядами? 25
Из огня да в полымя 32
XXIV съезду КПСС – достойную встречу! 40
И опять – диспансер 56
Как пройти на прием к товарищу Брежневу? 60
Так что же это за незаконная организация? 66
В Троицком – Андропове 71
Без дома, без гнезда 90
Re patria 94
Добрый совет 98
Игра в прятки 111
Ленинские застенки 129
Объективная экспертиза 134

Дневник

Сколько вам КГБ доплачивает? 141

Выезд

Муки творчества 241
По ухабам ОВИРа 270
МикроГУЛаг 137 276
Разве это не общественная работа? 279
Шмон 295
Отъезд на Запад 305
Эпилог 312
Коротко об авторе 316
П. А. Подрабинек. Вместо послесловия 318

Приложение 321